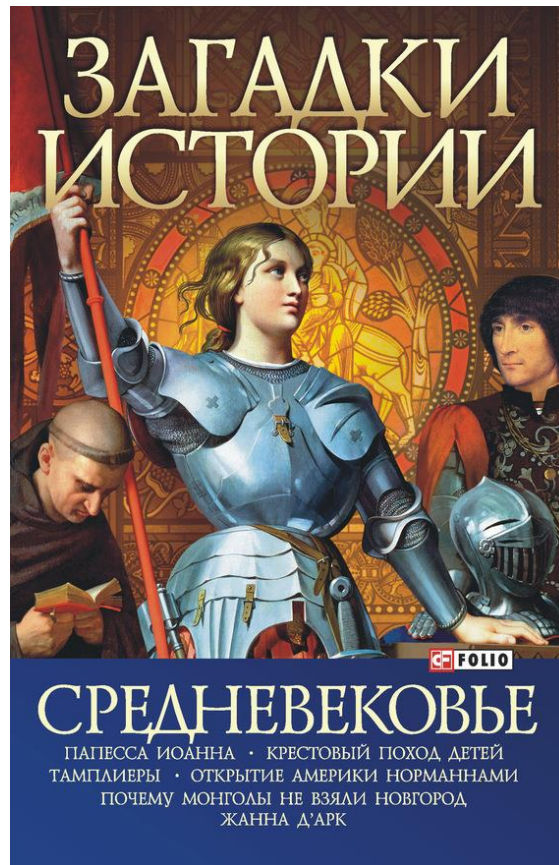


В. Л. Карнацевич

Средневековье



Папесса Иоанна

Ни в официальных списках римских пап, ни в не менее официальных списках антипап вы не найдете упоминания о главной героине этого очерка. Хотя немного найдется людей, которые не слышали если уж не ее имя, то хотя бы о самом факте ее возможного существования. Уже много веков ходит легенда о том, что папский престол, трон «Отца отцов» некоторое время занимала женщина. Не фаворитка того или иного понтифика, не его родственница, а облаченная официальным титулом главы католической церкви женщина. Уже почти тысячу лет легенды о папессе Иоанне будоражат умы исследователей средневековой эпохи, любителей исторической романтики и являются предметом ожесточенных споров клерикалов [\[1\]](#) с их противниками. Наряду со сластолюбивым и коварным Александром Борджиа и бывшим пиратом Балтазаром Коссой папесса Иоанна – одна из наиболее неоднозначных фигур в истории кафедры Св. Петра. Отличает же ее от упомянутых пап не только пол, но и сомнительность самого ее существования.

* * *

Легенда о папессе рассказывает о тех временах, когда римские папы ожесточенно боролись за светскую власть в условиях феодальной раздробленности, постепенно охватывавшей всю Западную Европу, – IX–X веках. Сама история этого периода пестра, насыщена событиями и именами людей, о личностях которых нам практически ничего не известно. Распадались королевства, делились на еще более мелкие части герцогства и маркграфства, уходила в прошлое славная имперская эпоха Карла Великого, монархи не могли справиться с центробежными тенденциями в своих государствах. В кровавый передел владений франкских, итальянских и немецких королей, наследников Карла, вмешивались норманны и арабы, не теряли надежд на восстановление римского имперского могущества византийские кесари.

В этих условиях церковь могла рассчитывать на то, чтобы стать уникальной объединяющей организацией, поскольку в ее руках было мощное и унифицированное в течение веков идеологическое оружие. Однако феодализация клира^[2], его сращивание со светской аристократией привели к тому, что католическая церковь далеко не сразу смогла стать тем, чем она стала впоследствии – мощнейшим надгосударственным образованием, чей глава диктовал свою волю европейским монархам. Папское государство охватили те же процессы, которые были свойственны тогда практически всем державам Западной Европы: нестабильность власти, граничащая с анархией, постоянные вооруженные конфликты внутри страны и непосредственно у трона. Сакральный характер папской власти и возможность его использования учитывались претендентами на понтификат^[3] крайне мало, все свое время папы и их окружение посвящали дворцовым интригам. Результатом того, что папская корона передавалась из рук в руки путем убийств и военных столкновений между аристократическими семьями, стало падение авторитета папской власти. В том числе, в глазах самих первосвященников, которые прославились своим стяжательством, распутным образом жизни, не очень-то и скрываемым от паствы, коварством и жестокостью. Вероятно, не такой видели римскую церковь ее основатели и первые руководители.

Папство сложилось на основе римского епископата в последние века существования Римской империи, когда христианство из преследуемого вероучения превратилось по ряду причин в государственную религию. К середине II века в христианских общинах руководство постепенно перешло к епископам (надзирателям), среди которых к IV веку наибольшее влияние приобрели римские, владевшие крупными земельными угодьями, претендовавшие как епископы столицы империи на особое положение в церкви. Перенесение же столицы державы в Константинополь в 330 году, затем фактическое разделение империи на два государства в 395 году (с более сильным центром в Восточной Римской империи) и, наконец, низложение последнего императора Западной Римской империи в 476 году способствовали приобретению политической самостоятельности римским епископом, оставшимся единственным представителем власти в Риме. С V века римские епископы присвоили себе наименование «папа» (от греческого *parrisk*; – отец, наставник). Лев I, который был папой в 440–461 годах, провел удачные переговоры с вождем гуннов Атилой, в результате чего Атилла не стал входить в Рим и ограничился выкупом. Лев I добился от императора Валентиниана III издания эдикта^[4] о подчинении всех епископов папскому суду и о придании решениям папы силы закона. Папа Римский стал главой церкви на Западе.

Возвышение папы в качестве защитника государства от внешней опасности шло параллельно с падением авторитета западно-римских императоров, быстро сменявшихся на престоле. Население страны перестало видеть в императорах сильных властителей, тяжелые времена, как всегда, привели к росту мистических, религиозных настроений. Церковь приобретала все больше и больше верных приверженцев. Этот процесс сопровождался эмиграцией крупных землевладельцев в Византию, поближе ко двору более могущественного императора Восточной Римской империи.

Покинутые поместья нередко доставались церкви, обладавшей достаточным влиянием, чтобы прибрать их к рукам. Еще более церковь на Западе окрепла, когда франкский король Хлодвиг, правивший в 481–511 годах, увидел в христианстве средство объединения галльского населения под своей властью и объявил себя защитником римской церкви. В своих интересах Рим использовал и распри между влиятельными восточными епархиями. Египет, Сирия и Палестина тяготились властью Константинополя, что отразилось и в борьбе местных церковников. Несколько Вселенских соборов «разобрались» с многочисленными «еретиками», а папы ловко использовали позицию, позволявшую им оставаться над конфликтующими сторонами.

В VI веке понтифики сделали ставку на правителей варварских государств, возникших на обломках Западной Римской империи. Те были заинтересованы в ликвидации влияния Византии на подчиненных территориях и поддерживали противостоящих константинопольским патриархам римских пап. В принципах церковно-государственной системы, складывавшейся в Византии, пап не устраивало подчинение патриарха светской власти. Не устраивал их и титул «вселенский», присвоенный константинопольскими патриархами. Папы настаивали на том, что только римские епископы могут претендовать на верховенство, получив это право в наследство от самого апостола Петра. Папство заимствовало у Августина Блаженного идею о том, что «церковь Христова» полностью сливается с «истинным Римом» – «мировой Божьей державой». Папа Григорий I (590–604) в своих сочинениях говорил, что земная власть должна служить небесной.

Когда во второй половине VI века значительная часть Италии была занята лангобардами, образовавшими самостоятельные герцогства на севере и на юге от Рима, понтифик вынужден был склониться к мирным переговорам с варварами, поскольку Константинополь хоть и требовал решительной борьбы с ними, не мог послать на Апеннинский полуостров ни одного солдата (Византия подвергалась опасности со стороны продвигавшихся на Балканский полуостров славян, одновременно восточные окраины государства испытали удар со стороны иранцев и арабов, не прекращались дворцовые перевороты и восстания). Это еще более увеличило пропасть между Римом и Византией.

К этому времени папы уже обладали обширными земельными владениями не только в Италии, но и за ее пределами. Им дарили целые города и области стремящиеся к покровительству, помощи или искавшие небесного спасения землевладельцы Галлии, Далмации, Африки. Церковь получала большие доходы в виде феодальной ренты или пожертвований. Все это укрепляло могущество папы. В Риме он уже был полноправным светским властителем. Мало чем отличалось и его положение по отношению к прилегающим территориям. Государство отдало ему и его разветвленному аппарату функции казначеев и налогосборщиков. Появились военные отряды, подчинявшиеся главе римской церкви и приходившие на помощь тем или иным аристократам и монархам в зависимости от договоров, заключавшимися понтификом без посредничества в лице государственных чиновников.

В первой половине VIII века положение Византии было угрожающим. Империя была втянута в затяжную войну с арабами. Государство, существованию которого угрожала смертельная опасность, нуждалось в воинских контингентах и денежных поступлениях. Это послужило причиной того, что император Лев III Исавр повел наступление на папство с его обширными земельными владениями. Из-под власти Рима были выведены южноиталийские область Калабрия и Сицилия, затем Иллирия. Церковная власть над этими регионами была отдана константинопольскому патриарху, полностью подчинявшемуся императору. В ответ папа Григорий II (715–731) осудил Льва III как еретика. Вскоре его преемник осудил и иконоборческую политику императора, которая была направлена на подрыв экономического могущества византийских монастырей. Вся Италия призывалась Римом к восстанию против имперской власти. Западные церкви и монастыри, заинтересованные в дальнейшей продаже икон, присоединились к этой антивизантийской кампании. Так на почве борьбы против

«святотатственной» Византии формировалась Западная христианская церковь с Римом во главе.

Папы, вынужденные опасаться и Константинополя, и соседней лангобардской Павии (лангобарды были приверженцами арианства – неортодоксального направления в христианстве), искали третью силу, которая помогла бы им сохранить в этих условиях свой суверенитет. Такой силой виделось крепнущее после полутора веков темных времен и раздоров франкское королевство.

Когда у стен Рима в 739 году стояла лангобардская армия, папа Григорий III направил посольство к могущественному майордому франкского государства Карлу Мартеллу, который, несмотря на должность, подразумевающую управление хозяйством королевского дворца, как и многие его предшественники, фактически был полновластным монархом. Однако в это время франки отбивали атаку пришедших с Пиренейского полуострова арабов и рассчитывали на помощь лангобардов. Поэтому Карл Мартелл не пошел на выручку папе. Однако сын Карла Пипин, прозванный Коротким (741–768) изменил эту политику. Его геополитические амбиции простирались на германские территории на востоке, и Пипин рассчитывал привлечь к делу покорения этих языческих земель христианских миссионеров, то есть видел выгоду в союзе с главой Западной христианской церкви. Кроме того, этот отпрыск майордомской династии решил положить конец противоречию между своей должностью и своим реальным положением в государстве и начал претендовать на королевский титул. Правителю усилившейся державы пристало получать корону из рук более высокого «по рангу» лица. Таким лицом был византийский император, но подчиняться ему Пипин не желал. Оставался только сам Господь Бог и его наместник на земле – то есть папа.

К папе Захарии Пипин отправил епископа Вюрцбургского с поручением спросить: «Справедлива ли такая система управления, при которой королем называется тот, кто не пользуется королевской властью?» Естественно, Захария понял этот отнюдь не тонкий намек и ответил, что королем должен быть тот, кому реально принадлежит королевская власть. В ноябре 751 года в Суассоне состоялось нечто вроде общего собрания франков, в том числе духовников, которое признало Пипина Короткого королем. В мае 752 года он был торжественно помазан на царство архиепископом Майнцским Бонифацием (будущим святым), как в свое время Самуил помазал Давида.

В конце 753 года преемник Захарии Стефан II, теснимый в Италии лангобардским королем, прибыл к франкам просить защиты. Тогда состоялась еще одна торжественная процедура. Пипин встретил папу, лично вел под уздцы его лошадь, а затем принял корону в Сен-Дени из рук его святейшества. С Пипина начала свою историю династия Каролингов, получившая, правда, имя в честь сына этого короля. То, что корону Пипину вручил римский папа, указывает на исключительную роль католического духовенства в стране.

Союз, заключенный между Пипином и папой, имел, помимо коронации франкского майордома, еще одно важное последствие. Во владение папы были переданы земли в Италии («Пипинов дар»), которые окончательно превратили римского епископа в светского государя, была образована так называемая Папская область.

Вскоре лангобардский король Айстульф овладел Равеннским экзархатом^[5] и угрожал непосредственно Риму. Папа Стефан на коленях умолял Пипина помочь, и тот поклялся защитить римский епископат. Франкский король даже получил за это от папы титул патриция, который, по идее, мог дать только византийский император. Совет феодальной аристократии в Керси-на-Уазе поддержал идею защиты папского престола. В 754 году Пипин выступил в поход против лангобардов. В результате удачной для франков битвы при Сузе Айстульф обязался возвратить захваченные области и вознаградить Пипина за военные издержки, но как только франки покинули Апеннинский полуостров, лангобарды двинулись к Риму и осадили его. Второй поход Пипина вынудил Айстульфа смириться. Согласно предварительной договоренности, франкский король в 756 году даровал Стефану

отвоеванные у лангобардов области – равеннский экзархат (включавший и Венецию с Истрией), Пентаполис (береговую полосу с пятью городами: Анкона, Римини, Пезаро, Фано и Сенегаля), Парму, Реджио и Мантую, герцогства Сполето и Беневент, остров Корсику. Этот дар включал и сам Рим с округой. На самом деле Пипин, конечно, не имел права дарить папе земли, принадлежавшие по закону византийскому императору, но протесты последнего ничего не дали. Его посланцы вернулись в Константинополь ни с чем.

Папа Стефан и его преемники рассматривали «Пипинов дар» как возвращение земель законному владельцу. С целью подтвердить эту законность в Риме была сфабрикована одна из самых знаменитых подделок в истории – «Константинов дар». Согласно этому документу, якобы еще Константин Великий в свое время дал папе Сильвестру I власть и почет, равные императорским, а также главенство над всеми церквями. Кроме того, папе давался ряд привилегий, церквям Петра, Павла и Латеранской – богатые дары, а римским высшим священникам – звание сенаторов. Папа по этой подложной грамоте получал высшую власть над Римом, Италией и всей западной частью Римской империи. Фальшивость «Константинова дара» была убедительно доказана Лоренцо Валла в XV веке.

Границы «восстановленного» Папского государства носили неопределенный характер. Все, что так или иначе могло быть отвоевано у лангобардов или даже у Византии на западе, автоматически «возвращалось» кафедре Св. Петра. Пипин становился как бы сюзереном римского папы. Фактически же папа превратился в независимого светского государя.

Авторитет Стефана II благодаря Пипину настолько возрос, что папа предпринял попытку в только что возникшем государстве сделать свою власть наследственной. Ему удалось достичь того, что в качестве его преемника на папский престол был избран его брат Павел. Но уже после Павла I возникла новая общественно-политическая сила: вооруженное феодальное дворянство Рима и Римской области, которое затем на протяжении трех веков подчиняло своей власти папство. До этого времени римская аристократия была опорой пап в борьбе против Византии и лангобардов. С образованием же Папского государства светская знать оценила новую ситуацию как возможность взять в свои руки политическую власть.

Соперничество понтифика с римской аристократией вспыхнуло после смерти Павла I, наступившей в 767 году. Герцог Непи Тото, предводитель знати Кампаньи, вмешался в папские выборы. Папой был избран его брат Константин, который к тому времени еще был светским лицом. Церковная оппозиция обратилась за помощью к лангобардам. Во время уличных боев в Риме лангобарды убили Тото, а Константина свергли с папского престола. На его место был избран монах Филипп. В конце концов обуздать аристократов удалось Стефану III (768–772) с помощью франков. В 769 году состоялся Латеранский собор, на который явилось 13 франкских епископов, тем самым демонстрируя, что за спиной законного папы стоит франкская держава. Во время проведения собора Филипп добровольно отказался от папского престола, а Константин был низложен и осужден. Собор принял важные решения относительно регламента папских выборов: в выборах папы впредь не могли участвовать миряне, было оговорено, что правом избрания пользуются лишь лица духовного звания; светские лица не могут быть избраны папой; канонически избранного папу народ Рима утверждает своим устным одобрением.

Несмотря на то что римская церковь была крупнейшим и богатейшим землевладельцем, у Папского государства отсутствовали собственные вооруженные силы. Таким образом, папы находились в зависимости от римской и провинциальной знати, от феодальных властителей. Сами папы были выходцами из этой среды, из нее же они набирали своих чиновников. Папа не мог существовать и действовать вопреки знати и без нее. Это приводило к тому, что, с одной стороны, время от времени папы действовали четко по указке одного из местных бонз, с другой – к тому, что «наместники Бога на земле» продолжали искать поддержку у франкских правителей.

Так поступил папа Стефан III, избранный на Святой престол в 768 году. Именно по совету франкского короля он и добился на Латеранском соборе запрета на избрание пап из светской среды. Однако помощи от нового короля франков Карла в 772 году, когда лангобарды вновь появились возле Рима, он не дождался. В связи с этим Стефан решил открыть ворота лангобардскому королю Дезидерию и вскоре сделался послушным орудием в его руках. Его преемник Адриан I с горечью наблюдал за тем, как одно за другим его владение переходит в руки лангобардов. Получив паническое послание папы, Карл Великий наконец решил последовать примеру своего отца Пипина. В 774 году он уничтожил лангобардскую державу и возложил на себя ее корону. Папа вынужден был довольствоваться лишь частью того, что получил в свое время в дар от Пипина. Адриану пришлось согласиться на это, поскольку без франков он не мог держать в узде недовольных действиями чужеземцев римских аристократов. Папа стал, по сути, вассалом франкского короля. Кроме того, Карл образовал Равеннское церковное государство, охватившее огромную территорию – в частности города Болонью, Чезену, Имозу, откуда были изгнаны все папские чиновники. Вскоре от Рима «отложились» Сполето и Беневент, где местные герцоги чувствовали себя достаточно сильными, чтобы не зависеть от понтифика. В то же время папа получил определенные владения на территориях Сабини, Калабрии, Беневенто и Неаполя.

Папа Адриан скончался в то время, когда рушились его мечты о папском суверенитете. Об избрании его преемника Льва III (795–816) Карл Великий был извещен посольством. Лев столкнулся с ожесточенной оппозицией в лице провизантийски настроенных римских аристократов. В 799 году на него было совершено нападение, папу избили до крови. Спасая собственную жизнь, Лев III бежал к Карлу. Король использовал ситуацию в своих интересах.

К этому времени он был самым могущественным монархом в Европе. Возникла идея о возрождении Западной Римской империи. Возложить же на себя императорскую корону можно было только в Вечном городе. В канун Рождества 800 года в Риме была совершена торжественная церемония, в ходе которой Карл Великий получил из рук спасенного им Льва III императорский титул.

С тех пор как папа возложил корону императора на голову Карла Великого, произошло переплетение папских и императорских учреждений. В результате слияния клира с феодальным господствующим классом религиозные и политические дела оказались неразрывно связаны. Император считал папу одним из своих вассалов. Папа, в свою очередь, основываясь на праве, в соответствии с которым только он может короновать императора, претендовал на сюзеренное верховенство над императором. Верх брала то одна, то другая стороны. Наиболее острый характер эта борьба приобрела позже – во второй половине X–XII веков.

После смерти Карла Великого франкская держава начала быстро распадаться. Наступала эпоха феодальной раздробленности. Это сказалось и на отношениях между франкскими монархами и папством. Уже при первом преемнике Карла – Людовике Благочестивом – имперская власть оказалась зависимой от могущественных франкских епископов. Избранный папой Стефан IV (816–817) был возведен на папский престол без утверждения императором. Последовавший за ним Пасхалий I (817–824) также не обратился к императору за утверждением. Более того, в 817 году между Людовиком Благочестивым и папой было достигнуто соглашение, по которому император не только подтвердил статус Папского государства, но и отказался от юрисдикции, осуществлявшейся над ним Карлом, а также от вмешательства в выборы пап.

Впрочем, император Лотарь I восстановил положение, существовавшее при Карле Великом, возобновив имперский суверенитет над папским престолом. Папа Евгений II (824–827) вынужден был признать преимущественные права императора при избрании папы и в

церковном государстве. Но после Лотаря в империи наступила анархия. Центральная власть стала формальной, фактическая власть перешла в руки крупных землевладельцев-епископов и графов, которые полученные от императора бенефиции (вассальные владения) сделали наследственными. Верденский мир 843 года официально разделил империю на три части. Но ослабление императора не сделало пап сильными независимыми правителями. Наоборот, отсутствие надежной опоры и защиты в лице «всеевропейского» монарха сделало понтификов игрушкой в руках местных феодалов. Тем более, что отсутствие наследственной передачи папского престола делало невозможным создание династии, которая имела бы какие-то законные права на корону. Претендентов могло быть очень много.

Став независимыми князьями, бывшие франкские маркграфы (правители пограничных областей империи, образованных во множестве Карлом I) Фриули, Сполето, Тосканы, лангобардские герцоги бросились делить между собой территорию бывшего лангобардского королевства – то есть Италии. В Южной Италии лангобардские герцогства Беневенто и Салерно воевали за еще существовавшие византийские территории (Калабрию, Апулию, Неаполь). В 827 году в Сицилии появились новые завоеватели, арабы (сарацины), представлявшие все более серьезную опасность для всего полуострова. В центре полуострова находилось Папское государство, которое попало под власть римских аристократических семей, восстановивших сенат и звание патриция. Между этими семьями, естественно, велась кровопролитная борьба за утверждение на папском престоле своих ставленников.

Для баронов папа был лишь самым богатым, сильным и крупным феодалом. В их интересах было подорвать могущество понтифика и заодно увеличить за его счет собственное состояние. Смерть каждого папы вызывала раздоры в среде родственников и приближенных. Папа избирался не всеми соперничавшими между собою баронами Папского государства, а лишь небольшой группой феодалов собственно Римской области, которые пренебрегали установленным в свое время правилом о том, что право голоса имеют только представители духовенства. Избранный становился одновременно главой римской церкви и светским правителем Папского государства. Так, дело утверждения христианства и руководство церковью во всей Западной Европе передавалось в руки зачастую совершенно случайных представителей знати очень небольшой области на юге Европы, которые иногда имели лишь косвенное отношение к собственно церковным делам, плохо разбирались в богословии и вовсе не собирались руководствоваться нормами христианской морали. Многие подданные понтифика в Папской области считали себя подданными императора, отдельные области вели самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику.

Нередко борьба приводила к одновременному избранию двух пап, и судьбу «престола апостола Петра» решали уличные бои. Так, при избрании папы Сергия II (844–847) произошли вооруженные столкновения между партиями крупных и мелких феодалов Рима. При этом же папе в 846 году сарацины продвинулись по Тибру до самого Рима, разрушив находившиеся за аврелиевскими стенами соборы Св. Петра и Св. Павла. Правление Сергия характеризовалось широким распространением симонии (продаж церковных должностей) и распутства в среде духовенства, откровенного грабежа со стороны родственников папы, убийств «инакомыслящих».

Папа Лев IV (847–855), опираясь на материальную помощь христианских правителей, с успехом вел борьбу с арабами; он возвел крепостные укрепления вокруг Ватикана. Эта часть города стала называться в его честь Леониной, городом Льва. Впрочем, помимо укрепления обороноспособности Рима, Лев IV запомнился своим расточительством, непомерной любовью к роскоши и пиршествам. Папа всячески пытался выйти из-под власти императора. Лотарю удалось настоять на том, чтобы Лев короновал в качестве соимператора сына Лотаря Людовика, но и это стало только подтверждением папской привилегии.

При избрании папы Бенедикта III (855–858) римляне поддерживали его, а эмиссары^[6] императора – антипапу Анастасия, которого до этого четырежды лишали сана и один раз отлучали от церкви. В итоге сторонники Бенедикта победили императора Людовика II и его ставленника.

* * *

Здесь мы вынуждены остановить наш рассказ о том, как развивалось Папское государство, поскольку легенды относят появление на римском престоле женщины именно к середине IX века, и многие из них утверждают, что Иоанна руководила церковью между папами Львом IV и Бенедиктом III.

Наше повествование о биографии этой легендарной особы зиждется на достаточно отрывочных сведениях из недостаточно надежных источников. В них имеется немало расхождений. Некоторые из них вообще сообщают, что Иоанна заняла папский престол не в IX веке, но большинство все же сходятся на середине именно этого столетия. Согласно наиболее распространенной версии, в миру эту женщину звали Агнессой (по другим версиям – Джилберта, Джутта, Изабелла, Маргарита, Доротея). Она родилась в 822 году в немецком городке Ингельхайм, близ Майнца^[7]. Была она не то незаконной, не то приемной дочерью священника из Англии, который занимался в Германии миссионерской работой. (Нужно отметить, что даже здесь разные авторы не сходятся во мнениях – была ли Агнесса дочерью или сестрой английского миссионера. С такими расхождениями мы встретимся еще не раз.) В то время английские и ирландские священники далеко превосходили по образованности и богословской эрудиции своих «континентальных» коллег. Этот факт учел и влиятельный советник набожного императора Карла Великого Алкуин, который сам был родом из Туманного Альбиона. Завоевательные походы Карла и его стремление христианизировать свою страну требовали большого количества проповедников. Ими-то и стали британские монахи и священники.

По некоторым источникам, мать Агнессы была саксонкой и звали ее Гудрун или Гиуфа. В этих же источниках высказывается предположение, согласно которому отец был сильно раздражен самим фактом того, что поддался искушению и имел интимную связь с женщиной. Якобы поэтому он возненавидел и Гудрун, и весь женский пол, а свою дочь заставил носить мужское платье. Разлад между англичанином и матерью будущей папессы продолжался недолго, поскольку вскоре после рождения дочери Гудрун умерла и Агнесса осталась на руках у отца, который возил ее, странствуя по Германии. Хронисты, изложившие рассказ об Иоанне, сообщают, что та еще в раннем детстве проявила недюжинные способности как богослов и миссионер. Когда однажды ее отцу пробили камнем голову и сломали руку, восьмилетняя дочь заменила его и впоследствии не раз сама читала проповеди в трактирах и на постоялых дворах. Она бойко отвечала на любые вопросы по теологии, зарабатывая, между прочим, таким образом деньги на пропитание.

Когда отец Агнессы умер, последняя продолжила духовную карьеру. По завещанию отца, она отвезла его в город, где тот хотел быть похоронен. По дороге ее попытались изнасиловать какие-то монахи, что заставило ее задуматься о том, как защитить себя. Мужской костюм стал для нее средством существования и спасением, поскольку путешествующая молодая девушка подвергалась большим опасностям, чем путешествующий в одиночку мужчина. Кроме того, только мужчина в средневековой Европе мог рассчитывать на получение образования. И не только богословского, хотя именно его вознамерилась получить дочь английского миссионера.

Университетов тогда еще не было, и центрами книжной науки были монастыри. В один из таких мужских бенедиктинских монастырей, а именно в Фульдский монастырь (на реке

Фульде), и устроилась Агнесса, назвавшись именем Иоанн Ланглуа. Здесь она изучала теологию и философию, выделяясь среди других послушников не только привлекательной внешностью, но и острым умом, ораторскими способностями, эрудицией, трудолюбием.

В Фульдском аббатстве с одним из молодых монахов (также английского происхождения) у Агнессы завязался роман. Пара оставалась неразлучной еще много лет. Ряд источников доносит до нас имя монаха, с которым Агнесса прожила в одной келье семь лет, – Фрументий. По некоторым сведениям, якобы именно из-за него она и пришла в монастырь, причем было ей тогда всего двенадцать лет.

Здесь мы опять вынуждены привести и другую версию того, как складывалась на этом этапе жизнь юной Агнессы. Некоторые источники утверждают, что у нее был брат Джон, который не отличался любознательностью. Но именно его, как мужчину, послали учиться в монастырскую школу в Вилларис. Агнесса, которая твердо решила получить образование, сбежала из дому и присоединилась к брату. Тут-то она и повстречала свою любовь. Юношу звали не Фрументий, а Герольд. Брат Джон был убит в одной из стычек с совершавшими очередной набег норманнами, Агнесса поняла, что у нее появляется шанс заменить его на школьной скамье. Она остригла волосы и надела мужской костюм...

В какой-то момент начальство монастыря разоблачило преступную связь двух членов своей братии, и Агнессе со своим возлюбленным пришлось бежать. По другой версии, любовникам пришлось спасаться, поскольку разоблачившие Агнессу монахи стали требовать себе тех же ласк, которые она предназначала лишь Фрументию. Беглецы побывали во многих городах Германии и Франции. Одна из легенд описывает маршрут двух влюбленных так. Сначала они долгое время бродили по Саксонии, перебиваясь подаяниями. Время было смутное. Только что умер Людовик

Благочестивый, а его сыновья начали кровавую рознь. Заместивший Людовика в западнонемецких землях Лотарь решил привлечь на свою сторону местное население, еще недавно бывшее языческим. Чтобы расположить их к себе, он позволил им отправлять культ древних богов и даже смотрел сквозь пальцы на происходившие то тут то там расправы над христианскими монахами и проповедниками. Саксонцы еще не забыли кровавой расправы, учиненной над ними во времена войн Карла Великого. Поэтому и Фрументию с Агнессой приходилось постоянно опасаться нападения со стороны местных жителей. В какой-то момент они дошли до швейцарского монастыря в Галле, но им быстро пришлось покинуть его, поскольку Агнесса опять была разоблачена. Со множеством приключений молодые люди добрались до Лиона, где церковью заведовал будущий святой – Авогард. Этот добрый архиерей подивился начитанности гостей и дал им денег на дальнейшее путешествие. Следующим пунктом был южнофранцузский город Арль, где Фрументий и Агнесса некоторое время проживали в женском монастыре.

Некоторые источники утверждают, что любовники побывали в Англии. До этого в Западной Европе Агнесса, выдавая себя за мужчину, участвовала во многих теологических спорах, ее приближали к себе и одаривали аристократы. Так, она якобы привела в восторг могущественную герцогиню Септиманийскую, св. Анскара, ученого монаха Бертрама и аббата Лу-де-Ферьера.

Другие убеждают, что из Франции двое монахов сразу направились в древние Афины. (По другой версии – на гору Афон – центр восточнохристианского монашеского движения.) Здесь молодые люди посещали известные богословские и философские школы, некоторое время жили в ските Дафнийского монастыря. Слава об уме, красоте и знаниях молодого отца Иоанна распространилась по всей округе. Среди местных священников стало модным посещать западноевропейского монаха, чтобы поспорить с ним о вопросах догматики. Постепенно дорогу к келье аскетов-бенедиктинцев узнали и патриции Константинополя.

В Греции пара пробыла около десяти лет. Друг Агнессы, также талантливый и честолюбивый человек, в свое время дал клятву, что приедет в Рим, добьется сана кардинала, а позже, возможно, и папского престола. Однако во время скитаний он заболел лихорадкой и скоропостижно скончался. Возможно, его подруга дала обет исполнить то, что не удалось ему. По другим данным (если в нашем случае мы вообще можем использовать столь «научное» слово), женщина сбежала из Греции от надоевшего ей Фрументия и общественного мнения – греки давно разгадали тайну отца Иоанна. В Италию, согласно этой версии, Агнессу увез корабль генуэзского епископа Вильгельма Ничтожного.

Агнесса отправилась в Рим, где ей удалось получить разрешение на открытие собственной школы греческого образца, где изучались семь свободных искусств. По другим данным, она получила место преподавателя в школе Св. Мартина, в которой якобы когда-то работал сам Блаженный Августин. Она быстро приобрела популярность в высших кругах – как аристократических, так и духовных. Опять же благодаря внешности, обаянию и широким познаниям. Ее знали под именем Иоанн (Джованни) Англикус, что свидетельствовало о ее английском происхождении. На школьной скамье в заведении многомудрого Англикуса побывали не только студенты, но и уже прославленные богословы того времени. Некоторые свои проповеди Иоанна излагала в рифмованной форме – едва ли не первая среди всех итальянских литераторов.

Высокопросвещенный священник, под рясой которого скрывалась женщина, был приближен ко двору папы Льва IV. При нем Иоанн Англикус получил место секретаря (нотария) и советника, а возможно, и кардинала. По свидетельствам биографов, Агнесса занималась не только церковными, но и государственными делами. В частности, руководила строительством тех самых стен вокруг Ватикана, о которых шла речь выше. Она имела большое влияние при папском дворе и неоднократно хлопотала перед понтификом за приобретенных ею ранее римских знакомых, добиваясь их признательности и гарантируя себе тем самым поддержку в будущем.

Хроники описывают нам смерть Льва IV как курьезную. Папа якобы возомнил себя живым воплощением св. Петра и решил, как в свое время ученик Христа, пройти по морю, как по суше. Закончился этот эксперимент купанием в холодной воде и фатальным исходом. Нотарию же Иоанну удалось выиграть последовавшие за этим выборы благодаря тому, что он получил широкую народную поддержку в Риме. Во время «избирательной кампании» Агнесса пообещала, что не будет заводить себе гарем, как это открыто делали ее предшественники, доходы разделит между бедняками. Этим она, естественно, покорила сердца простых римлян, уставших от сласто- и сребролюбия на папском троне. Восходя на него, авантюристка получила имя Иоанн VIII. Якобы это произошло вскоре после 17 июля 855 года. Именно тогда, согласно заслуживающим доверия источникам, почил в бозе папа Лев IV. С тех пор как Иоанна появилась в Вечном городе, прошло всего три года.

Источники перечисляют разнообразные зловещие знамения, которые предшествовали избранию Иоанна VIII. В Италии города и селения разрушали землетрясения; во Франции саранча уничтожила нивы; в Испании тело св. Винченцо, украденное монахом, желавшим распродать его по частям, явилось ночью на паперти церкви, громко умоляя о погребении на прежнем месте. В Вечном городе на второй день инаугурации папы улицы якобы покрылись снегом – в разгар лета. Совы и вороны, обитавшие на крышах римских домов, три ночи зловеще кричали. Еще одно предание повествует о том, что сандалии папы, которые надела на себя Агнесса, трижды во время церемонии вручения регалий понтифика падали с ее ног. Первым засвидетельствовать свое почтение новоизбранному папе якобы прибыл английский король Эфелульф. Не говорило ли это об особой роли английских властей, продвинувших на место главы католической церкви своего ставленника? Не находился ли Эфелульф в Риме и во время самого избрания Иоанны?

Папессой Иоанна оставалась недолго. По одной из популярных версий, два года, пять месяцев и четыре дня. Легенды приписывают ей разнообразные достижения, говорят, что правление женщины в Риме было гуманным. Иоанна якобы заставила императора Лотаря постричься в монахи, рукоположила четырнадцать епископов, построила пять церквей, написала три книги, направленные против иконоборства. В народе ее любили за благочестие и скромный образ жизни.

Также Иоанна издавала буллы, направленные против развращенного духовенства. Впрочем, сама она целомудренной не была. Вскоре после вступления на папский престол она завязала близкие отношения с Флором – незаконным сыном покойного Льва IV, о котором тот перед смертью специально просил позаботиться своего нотарию. Юноша всегда спал в соседней с апостольской спальней комнате, готовый явиться по первому зову папского колокольчика. Есть версия, что Флор склонил папессу к сожительству шантажом, раскрыв ее главную тайну. Еще одна версия утверждает, что любовников у темпераментной хозяйки папского престола было не счесть, а роковой для нее стала связь с придворным капелланом.

Так или иначе, но Иоанна забеременела. Просторные одежды понтифика позволяли ей долгое время скрывать свое интересное положение. Роды должны были состояться на вилле у одного доверенного лица, куда собиралась в нужное время удалиться папесса. Но накануне праздника Вознесения Господня предполагался крестный ход, от которого глава государства и церкви не мог отказаться. Некоторые источники утверждают, что в тот момент Рим был охвачен эпидемией чумы и народ требовал, чтобы папа принял участие в церемонии, дабы замолить грехи всего населения, что Иоанна и вынуждена была сделать 20 ноября 857 года. В других хрониках можно найти сообщения о том, что в год смерти папессы Италия испытала ужасное нашествие саранчи, что также не способствовало улучшению настроения римских граждан. От понтифика они требовали защиты, как еще в незапамятные времена первобытные люди хотели, чтобы шаман наслал дождь и прекратил засуху. Волнения возглавили представители всегда имевшейся в Риме оппозиции действующему папе. Именно они привели толпу к стенам папского дворца, громко требуя, чтобы наместник Христа на земле исполнил свои сакральные обязанности.

Следуя с процессией, которая направлялась с площади Св. Петра к Латеранскому собору, Иоанна почувствовала родовые схватки. Между Колизеем и церковью Св. Климентия она упала с мула, на котором ехала, на землю и, разорвав одежду, разрешилась от бремени. Одни хронисты утверждают, что папесса и ребенок умерли при родах, а кардиналы стояли рядом и кричали: «Чудо! Чудо!» Другие пишут, что родившую папессу разъяренные священники и простые римляне забили камнями, а ребенка задушили. Наконец третьи рассказывают, что мальчик выжил и, более того, сделал неплохую карьеру, став в свое время епископом Остии. Есть также версии легенды, согласно которым и папесса не была убита, а лишь свергнута с папского престола, после чего жила в монастыре, замаливая свои грехи, и была похоронена в соборе Остии, где епископом якобы стал ее сын.

Летописцы описывали и совершенно фантастические подробности кончины папессы. Например, говорили, что накануне рокового дня папессе явился ангел, который поставил перед ней выбор: либо позорные роды на земле, либо вечные муки после смерти. Иоанна выбрала первое. Рассказывали также, что как только душа покинула тело Иоанны, стая демонов вышла из бездны, чтобы захватить добычу. Но одновременно с этим с небес спустился сонм ангелов, утверждая, что раскаяние, которое успела произнести перед смертью папесса, уничтожило права духов тьмы. Между демонами и ангелами закипел горячий бой, из которого последние вышли победителями. Теодор Энгелусий сообщает в своей летописи, что, пока папесса рожала, появился дьявол, крича: «Папа, pater patrum, reperit papessa papellum» – «Папа, Отец отцов, рождает маленького папочку».

Некоторое время на месте, где погибла несчастная Агнесса, якобы стояла часовня, украшенная статуей женщины в папском одеянии и с ребенком на руках, а также камень,

который считали надгробием папессы. Но высшее духовенство, стремившееся уничтожить память о женщине на римской кафедре в конце концов приказало снести часовню и монумент. Вычеркнули имя Иоанна VIII и из списков пап. Зато долгое время папские процессии обходили стороной улицу Виа Сакра, где в 857 году якобы открылся позор понтифика-самозванца. Другая улица в Риме до сих пор носит название Вилла Паписса, что доверчивые любители истории считают свидетельством существования папессы Иоанны. Им возражают, что улица, скорее всего, названа в честь представителей знатной семьи Папи.

Еще на один обычай указывают те, кто считает реальным фактом существование в истории такого человека, как папа Иоанн Англикус. Они утверждают, что с тех пор кардиналы при выборах папы в обязательном порядке проверяли принадлежность кандидата к сильному полу. Для этого использовалось специальное кресло из красного мрамора с дыркой посередине (или просто два кресла). На кресло садился будущий папа, под него забирались диаконы, который, вставая, отряхивал руки и громко возвещал о том, что будущий папа – мужчина. По свидетельству некоторых историков прошлого, диакон восклицал «Habet!» – что значит «имеет». Этой процедуре подвергался якобы даже знаменитый Александр Борджиа, хотя он и имел ко времени избрания четырех взрослых сыновей, которых с гордостью всем показывал. Обычай был отменен лишь после Льва X (1513–1521) вследствие «насмешек еретиков» или, как пишет епископ Пентеклессийский Иоанн, из-за того, что нравы тогдашних архиереев, окруженных незаконнорожденными детьми и гетерами, давали римлянам достаточную гарантию их мужских способностей. В Риме тогда ходила следующая песенка:

Ключи от райских врат вручались лишь тому,
Чей – по осмотре – пол не вызывал сомнений,
Но нынче не слышать об этом, почему?
Да потому, что все самцы вне подозрений.

Католики, не признающие папессу, среди них отец Наталий, утверждали, что такое кресло использовалось для ритуального омовения нижней части тела избираемого папы.

Более достоверно известно, что во время выборов проводилась другая церемония, в которой использовался так называемый sella stercoraria (стульчак, детский стул). На это низкое сиденье без всякого отверстия действительно сажали будущего понтифика, чтобы напомнить ему о людской суете: Господь «из праха поднимает бедного, из брения возвышает нищего».

Сообщение же об обычае проверки пола было впервые записано в конце XIII века. Тогда доминиканец Роберт Узенций рассказал, как его дух однажды был перенесен в Рим, где он увидел мраморное седалище в Латеранском соборе и испытание папы на предмет его мужественности. В начале XV века один итальянец в письме к знаменитому греку Эммануилу Хризолору как очевидец описывает восшествие на престол папы Григория XII. Он называет рассказ об испытании пола «бессмысленной выдумкой народа». С ним не согласны многие другие авторы. Так, итальянец Болцани, друг папы Льва X, подробно описывает этот ритуал и говорит, что по окончании этого своеобразного экзамена составлялся специальный протокол. Показательно то, что сочинение Болцани было посвящено кардиналу Ипполиту Медичи и издано с соизволения папы Иннокентия X.

* * *

Исследователи попытались разобраться в том, насколько данная легенда (а вернее, легенды) соответствуют действительности. Анализом занимались как ярые антикатолики –

атеисты и православные историки, так и сами католики и, наконец, просто ученые, «лично не заинтересованные».

Вот на какие факты указывают скептики. Согласно официальным хроникам, после папы Льва IV, умершего, как уже было сказано, 17 июля 855 года, на престол взошел

Бенедикт III. Произошло это ранней осенью того же 855 года. Есть документы, свидетельствующие о подробностях этого избрания. В частности, согласно этим документам, в 855 году епископ Реймса послал своих представителей с документами к папе Льву IV. В пути они были оповещены о его смерти, а прибыв в Рим – узнали об избрании Бенедикта III, что и записали в свои отчеты. При избрании Бенедикта запрашивалось согласие императора Лотаря, о чем также сохранились документы. Император был при смерти, и его согласие задерживалось. Осужденный за дурное поведение римский священник Анастасий воспользовался этим, схватил Бенедикта III и заключил в темницу, а сам занял папский престол. Народ возмутился, и вскоре последовало императорское подтверждение признания Бенедикта III папой. Анастасий был низложен, а папа Бенедикт III водворен на свое законное место. Правил он до 858 года. Ни для какой Иоанны, правившей якобы почти два с половиной года, здесь, как видим, места нет. Помимо свидетельства послов реймского архиепископа, есть небольшое количество других источников. Найдены монеты, на которых с одной стороны вычеканены инициалы Бенедикта III, а с другой – имя императора Лотаря, скончавшегося уже через два месяца после смерти Льва IV. Сохранился также диплом, подписанный собственноручно Бенедиктом III 7 октября 855 года. Аббат Ферьерский Лу в письме к Бенедикту III говорит, что был послом у предшественника Бенедикта на папском престоле – Льва IV. Епископ Труасский Пруденций в современных той эпохе анналах пишет: «В августе месяце умер Лев, а за ним следовал Бенедикт».

Еще менее вероятно, что правление папессы «вклинилось» где-то между временем нахождения на папском престоле пап Виктора III (1087), Урбана II (1088–1099) и Пасхалия II (1099–1118), как это указано в хрониках, появившихся до хроники Мартина из Троппау (см. ниже). Обстоятельства правления этих понтификов задокументированы еще более подробно.

Сторонники альтернативной версии возражают. Они утверждают, что в первом списке пап, где был упомянут

Лев IV, следовавший за Бенедиктом III Николай I (858–867) и другие папы, Бенедикта-то как раз и не было, его имя было вставлено позже. Причем особого внимания, по мнению этих исследователей, заслуживает следующее. Деяния Бенедикта в хрониках описаны крайне скудно, о нем говорится, что это был человек привлекательной внешности, который старался не показываться на людях. Когда он умер, его почему-то похоронили за пределами собора Св. Петра.

В Риме монумент, изображавший рожавшую папессу, видел де Ним, один из папских секретарей, живший в начале XV века. Статуя была воздвигнута якобы папой Бенедиктом III, чтобы публика прониклась отвращением к совершившемуся на этом месте скандалу. Скептики говорят, что статуя женщины с младенцем действительно существовала, но это была статуя римской богини Юноны, изваянная еще в античную эпоху. Но те, кто верит в Иоанну, замечают, что реликвию приказал бросить в Тибр папа Сикст V (1585–1590), признанный горячим поклонником античного искусства. Он не стал бы расставаться с произведением искусства, если бы оно действительно было шедевром древности.

В противовес скептикам их оппоненты называют ряд других скульптур, изображавших Иоанну. Они якобы были расположены в Болонье и Сиене. На одной из городских площадей Болоньи статую папессы видел Бернет, английский епископ, теолог и историк. В Сиене же изваяние Иоанны будто бы стояло до времен папы Климента VIII (рубеж XVI–XVII веков), который приказал сгладить у статуи груди и сделать на ней надпись: «папа Захарий». Но так как эта подделка вызвала ядовитые насмешки и на статую сиенцы наклеивали

оскорбительные для пап пасквилы, то папа Александр VII в 1655 году приказал вовсе убрать этот монумент. В «Истории Рима» Грегоровиуса также написано, что в «в 1400 году бюст Иоанны в ряду изображений пап украшал стены в прекрасном соборе в Сиене». Изображение это простояло в этом соборе среди пап 200 лет, с надписью: «Иоанн VIII, женщина из Англии», пока кардинал Бароний не настоял на удалении его, после чего женская фигура была обращена в фигуру папы Захария.

На такие свидетельства скептики тоже находят свой ответ. Во-первых, свидетельства этих очевидцев невозможно проверить, а во-вторых, само существование скульптурных изображений папессы может свидетельствовать не о ее существовании, а о существовании популярной легенды, в чем, собственно, никто и не сомневается.

И те и другие исследователи обращаются к письменным источникам. Всего ученые насчитали около пятисот документов средневековой эпохи, в которых имеются упоминания о папессе.

Французский исследователь А. Буре в своем фундаментальном труде об Иоанне, где он рассматривает ее как символический образ в контексте представлений и верований средневековой эпохи, пишет, что легенды о папессе передавались устно и до появления письменных указаний, но первое письменное упоминание о папессе относится, вероятно, лишь к XI веку. Тогда легенду об Иоанне Англикусе якобы, привел в своем сочинении, датированном 1083 годом, монах из Кельна Марин Скотт (шотландец по происхождению). Свою «Универсальную хронику» он написал, находясь в Фульде – том самом месте, где когда-то послушником была и Иоанна. Но в печати этот труд Марина Скотта вышел лишь в середине XVI века. Манускрипт решил издать кальвинист Джон Герольд. По мнению современных исследователей, Герольд намеренно или по недосмотру убрал слова «как пишут» из текста Скотта, сделав таким образом пересказанную им гипотезу категоричным утверждением.

По всей видимости, в XI веке особого ажиотажа история о женщине-папе, если она и имела место, не вызвала. Возможно, она была пущена в народ самими клириками и должна была служить предупреждением и уроком – что бывает с женщинами, которые забывают о своем подчиненном положении. Очень может быть, что в начале XIII века у папессы появилась национальность – англичанка. Тогда папа враждовал с английским королем Иоанном Безземельным. На некоторое время на Англию был даже наложен интердикт^[8]. Соответственно, все зло мира, по утверждениям католических пропагандистов, происходило из Британии. Похожее объяснение дают и месту предполагаемого рождения папессы – Майнцу. Это самый сильный город Священной Римской империи, с которой начиная с XI века у папы были постоянные разногласия, выражавшиеся и в вооруженных конфликтах.

Большой интерес легенда вызвала во второй половине XIII века, когда она действительно была изложена несколькими авторами. Вероятно, на самом деле первым о папессе упомянул не Марин Скотт, а доминиканский хронист Жан де Мейи в 1261 году. Сведения у него, возможно, позаимствовал автор рукописи «Семь даров Святого Духа» Стефан де Борбон – человек глубоко верующий, но обличавший пороки современной ему церкви. Стефан относил время правления папессы к самому началу XII века и не называл ее имени. Он писал: «В 1100 году случилась чудная, даже безумная дерзость, как то отмечено в хронике. Какая-то женщина, образованная и опытная в искусстве писать, облачившись в мужскую одежду и выдавая себя за мужчину, прибыла в Рим и здесь, как за свою деятельность, так и за образование, была сделана сперва нотарием курии, затем, по наущению дьявола, кардиналом и наконец папою». Далее Стефан сообщает, что когда она во время торжественной процессии родила ребенка, озлобленные священники приказали привязать ее к хвосту лошади, которая тащила за собой несчастную по городу, пока папесса не скончалась. Автор рукописи добавляет, что в правление этой женщины были введены Дни поста и молитвы в начале каждого из сезонов. В народе их некоторое время называли постами папессы.

Год, указанный де Борбоном, еще хуже укладывается в официальную хронологию католического Рима. Ключинский монах, позже кардинал Райнер, стал папой Пасхалием II после смерти Урбана II 14 августа 1099 года. Он занимал папский престол до своей смерти 21 января 1118 года.

Папствование его было бурным, насыщенным событиями и интригами, восстаниями и войнами. Он враждовал с императорами Конрадом и Генрихом V, боролся в самом Риме с представителями аристократических семей Колонна и Кореи, целым рядом антипап, имена которых хорошо известны. «Вклинить» сюда еще и Иоанну вряд ли возможно. Однако, пытаясь приобщить свидетельство Стефана к основной массе источников об Иоанне, некоторые неутомимые исследователи предполагали, что автор сделал ошибку (точнее опisku) в датировке. Вместо римских CM (900) он написал MC (1100). Так, конечно, можно объяснить любую неувязку в источниках.

В 70-х годах XIII века о папессе рассказал в гораздо более популярном впоследствии труде «Хроники пап и римских императоров» Мартин Полоний. Нам эти хроники известны по позднейшим изданиям, но те, кто уверен в существовании папессы, утверждают, что рассказ о ней не является вставкой переписчика, а написан самим автором. Он относит время правления папессы к середине IX века, называет местом ее рождения Майнц, а также имя – Иоанн Англикус. Имя же ее в миру – Агнесса – появляется в еще более поздних хрониках.

Мартин Полоний (он же Мартин из Троппау, в миру Мартин Стрельский) родился в начале XIII века в Польше, за что и получил впоследствии прозвище Поляк – Полоний. Избрав духовное поприще, он вступил в число доминиканцев. Призванный в свое время в Рим, он провел там значительную часть своей жизни. Для своего времени он обладал обширными познаниями, отлично знал древних классиков. Мартин был пенитенциарием^[9] пап Иоанна XXI и Николая III. Последний назначил его архиепископом Гнезненским. Мартин из Троппау был известным историком, труды которого славились по всей Европе. По поручению папы Климента IV он написал историю римских пап и императоров, которую довел до своего времени. Она появилась в печати впервые вместе с историей Скотта под названием «Chronicon expeditissimum» («Упорядоченная хроника»), затем в нескольких позднейших изданиях. Там-то и содержится рассказ о папессе. Скептики убеждены в том, что этот рассказ – не более чем позднейшая вставка. Если это так, то вставка сделана до 1312 года. На это указывает хроника некоего Птолемя Люденциса, закончившего свой труд именно в 1312 году. В нем Птолемей пишет, что во всех хрониках за Львом IV следует Бенедикт III и только у Мартина Полония между ними есть папесса.

Вероятно, интерес к персоне папессы в то время был связан с тем, что после смерти Адриана V в 1276 году новый папа (в миру Педро Жулиан) принял имя Иоанн XXI, а не XX, как ожидалось, учитывая номер предыдущего папы Иоанна. Высказывались предположения, что Жулиан учел существование того самого Иоанна, который оказался женщиной. Возможно, сторонники этой гипотезы и сделали добавление к тексту Мартина Полония.

Впрочем, номер Иоанна XXI можно объяснить и без привлечения версии о женщине на папском престоле. А именно: путаницей с антипапами, попавшими и не попавшими в современные официальные списки. Так, в конце X века папский престол с помощью группы мятежников, выступавших против немецкого императора, узурпировал Иоанн XVI Филагатон. Законно избран он не был, и вскоре император сместил его и заточил в монастыре в Германии. Но, несмотря на это, следующий папа Иоанн взял себе номер XVII, следующий – XVIII. В 1024 году Роман граф Тускуланский, законно занявший престол, попытался исправить ошибку и также взял себе имя Иоанна XVIII, однако впоследствии его неверно стали называть Иоанном XX. Очень может быть, что хронисты заметили дважды повторяющийся восемнадцатый номер, не поняли идеи графа Тускуланского, но, корректируя

номер, еще и пропустили единицу между двумя десятками. Удивительное, но вполне возможное совпадение, которое и заставило Педро Жулиана взять номер XXI. Усвоением одной или нескольких ошибок объясняется тройная нумерация пап Иоаннов между 1024 и 1410 годами.

Историки провели серьезный анализ хроники Полония и сделали предположение, как в нее могла попасть вставка о женщине-папе. Форма хроники Мартина оригинальна. На каждом развороте одна страница посвящена папе, другая – соответствующему императору. Каждая страница разбита на 50 строк, а каждая строка соответствует одному году. Таким образом, любому из пап посвящено столько строк, сколько лет он занимал престол. При этом автор не везде занимал все «строки жизни» того или иного понтифика. Это и позволяло позднейшим хронистам вставлять «отсебятину» на пустые места. Так, например, на странице о папе Льве IV ему выделено 8 строк, а исписано Мартином лишь 5 с половиной.

Вставка могла появиться и по другой причине. Начиная с папы Иоанна VI, правившего в начале VIII века, и заканчивая папой Григорием VII, занявшим престол в 1073 году, Полоний лишь одного папу называет человеком ученым. А именно: Льва IV. Именно благодаря своей образованности он якобы и был избран римлянами. Выглядит логичным, что папесса, которая не могла попасть на престол благодаря родственным связям, была отнесена к тому же времени – как еще один понтифик, добившийся власти своими познаниями.

Рассказ Мартина (если это был его рассказ) был подхвачен и распространен авторами других сочинений. В частности, нестяжателями-миноритами^[10], обличавшими злоупотребления папства, в то время как сами они подверглись преследованиям за свои убеждения со стороны понтифика. Вообще главными распространителями легенды в XIII–XIV веках выступали именно представители католических духовных орденов. На подробностях биографии папессы «с какой-то любовью» останавливаются Бернард Гвидонский, Лев Орвейнский, Иоанн Парижский, Сигфрид Мейсенский, Вильгельм Оккамский. Ученые издатели альманаха «Литературная Франция» уже в Новое время признавались, что не могут объяснить, как могло случиться, что сами католики передавали столь очерняющую Святую Церковь выдумку. Впрочем, объяснение этому есть. Папой Римским на том этапе был Бонифаций VIII, враждовавший с доминиканцами и францисканцами, а также с французским королем Филиппом IV, который привлек влиятельных монахов на свою сторону.

Сторонники существования папессы говорят, что Иоанна упоминается и в более ранних рукописях, чем рукопись Мартина Полония. Например, у умершего в 886 году Анастасия Библиотекаря или у Сигиберта, жившего в начале XII века и написавшего свою рукопись в 1112 году. Скептики возражают, что все эти хроники известны по изданиям и спискам, появившимся не ранее, чем рукопись Мартина. Так, если рассказ о папессе и встречается в хронике Анастасия, то не ранее первого ее печатного издания в 1602 году. Есть упоминания о том, что этот эпизод вошел всего в два экземпляра данной хроники. Но и их, между прочим, тоже никто из современных историков не видел. В начале XVIII века Мурастори, издавая в очередной раз труд Анастасия Библиотекаря, говорит, что некоторые его коллеги помещают в хронику рассказ о папессе. Но вставка эта очень короткая, а Анастасий, как известно, описывает жизнь каждого папы очень обстоятельно.

В XIV–XV веках существование папессы вообще перестало подвергаться сомнению, ее считали вполне реальным историческим персонажем. Тогда-то и появился ее бюст среди скульптурных портретов пап в Сиенском соборе с надписью «Иоанн VIII, женщина из Англии». О папессе писали titаны итальянской литературы Петрарка и Боккаччо. Петрарка рассказал о ней в своей «Жизни императоров и пап», которую довел до Григория IX. Боккаччо сравнивал Иоанну с Семирамидой в книге «Знаменитые женщины».

У него она лишается сана, но остается в живых.

Канцлер Парижского университета Иоанн Карл Герсон в 1404 году в прованском городе Тарасконе, выступая с проповедью в присутствии папы Бенедикта XIII и защищая права галльской церкви, между прочим сказал: «Заблуждался Рим, признавая столь долгое время женщину своим духовным начальником».

Чуть позже, защищая свои взгляды перед Констанцским собором в 1415 году, Ян Гус также упоминал о папессе. В частности, когда его упрекали, что он писал, будто церковь может существовать без видимого главы, Гус ответил, что «без главы и начальника была церковь, когда в течение двух лет и пяти месяцев папствовала женщина Иоанна». И далее: «...можно ли считать безупречным и незапятнанным папу Иоанна, оказавшегося женщиной, которая публично родила ребенка?». Никто из участников собора ему не возразил. Впрочем, позднее, в этом же веке, с зарождением научной исторической критики некоторые авторы начали доказывать, что рассказ о папессе – мистификация. Так делали, например, Энеус Сильвиус Пикколомини и Платина. В то же время легенда вошла в просмотренное и одобренное римской курией издание «Путеводитель по городу Риму», которое в эпоху Возрождения предлагалось каждому путешественнику, посещавшему Вечный город. До конца XVI века не нашлось человека, который доказал бы необходимость выкинуть из «Путеводителя» рассказ об Иоанне и местах, с ней связанных. В XVI веке писатель Марио Экикола утверждал, что Всевышний вознес папессу Иоанну на престол, чтобы продемонстрировать равенство между мужчинами и женщинами.

Сильная, чувственная, смелая женщина, бросившая вызов косности мрачной средневековой эпохи и могущественной католической церкви стала притягательной фигурой для литераторов и романтиков от истории. Особое же звучание легенда о женщине на престоле Св. Петра получила в эпоху Реформации. Некоторые противники католической церкви использовали ее как часть своей антипапистской пропаганды и делали это вплоть до конца XIX века. Однако один из видных авторов-кальвинистов, Давид Блондель, в середине XVII века отрицал достоверность этой легенды, посвятив ей отдельный труд «Тщательное освещение вопроса: Как женщина могла занять папский трон в Риме». За это он, кстати, был строго осужден единоверцами.

С XVI века стали отрицать возможность пребывания Иоанны на папском престоле и католические историки: кардинал Бароний, Панвинио, Авентинус и др. Заклеймили историю о женщине-папе как выдумку и немецкий философ Вильгельм Лейбниц, и французские энциклопедисты. Большинство историков перестало воспринимать сказку о папессе после фундаментального исследования, проведенного в середине XIX века немецким ученым фон Дёллингером.

Интерес представляют рассуждения Стендаля на тему папессы. В своих дневниковых записках «Прогулки по Риму» 26 июня 1828 года он поместил беседу с высокопоставленным римским священником об истории с папессой Иоанной. Стендаль замечает, что «многие современные авторы рассказывают, что после Льва IV в 853 году престол Св. Петра заняла некая женщина, немка по происхождению, которая преемником своим имела Бенедикта III». Высказывая собственное суждение, Стендаль пишет: «То, что существование папессы Иоанны маловероятно, еще не является доводом против него... Существование папессы Иоанны доказывается выдержкой из хроник древнего Кентерберийского монастыря (в Англии)... В хронике (которой я сам не видал) в списке римских пап сразу же после 853 года находятся следующие слова: «В это время скончался Лев IV, годы которого, однако, считаются вплоть до Бенедикта III, потому что в это время папой сделана была женщина».

А после 855 года: «Иоанн. Он не считается, так как это была женщина».

Кентерберийский монастырь поддерживал частые и тесные сношения с Римом; кроме того, доказано с достаточной степенью точности, что выписанные мною строки были занесены в список в ту самую эпоху, когда была составлена хроника».

Обосновывая мысль о достоверности пребывания на папском престоле женщины и опровергая тех, кто считает эту историю маловероятной, Стендаль замечает: «В продолжение IX и X веков Рим волновала борьба партий и беспорядок был полный. Но папы были несколько не хуже, чем современные им государи. Агапит II был избран папой, когда ему еще не было восемнадцати лет от роду (946). Бенедикт IX вступил на престол в десятилетнем возрасте, а Иоанн XII – в семнадцатилетнем. Сам кардинал Бароний, официальный историк римской курии, признает это. Ведь нет большой разницы между лицом восемнадцатилетнего юноши и лицом какой-нибудь женщины с характером решительным и смелым, какой нужно было иметь для того, чтобы добиваться папского престола. В наши дни, несмотря на неизбежную в военной жизни интимность, многие женщины, переодевшись солдатами, заслужили крестик Почетного легиона, и к тому же в эпоху Наполеона».

В 1866 году греческий писатель-сатирик Эммануил Ройдис снова пробудил интерес к этому сюжету, написав роман «Женщина-папа». Он не сомневался в том, что эта женщина существовала в действительности, хотя сам писал, что своей задачей видел не подробное описание ее жизни, а отображение нравов эпохи. Уже 4 апреля 1866 года синод греческой православной церкви издал специальную энциклику о «Женщине-папе», в которой обвинил автора «в нечестивом высмеивании догматов, таинств священных обрядов, нравов и обычаев православной церкви, в оскорблении добрых нравов непристойнейшими описаниями и рассказами». На этом основании синод отлучил от церкви этот роман и предал его анафеме как антихристианский и безнравственный. Впрочем, книга все равно приобрела популярность. Она же, вероятно, является и первоисточником целого ряда современных легенд о жизни папессы, которые кочуют из издания в издание. Вероятно, греческий писатель и не подозревал, что выдуманные им подробности, которые он перемешал с фантазиями средневековых летописцев, перестанут от них отличаться.

Как о вполне достоверном факте писал о папессе известный антиклерикал французский публицист Лео Таксиль в своей книге «Священный вертеп», опубликованной в 1885 году. Таксиль хорошо знал церковные документы своего времени.

Найдены наброски драмы о папессе и в черновиках Пушкина, относящихся к 1833 году. Писал о ней и Бертольд Брехт. Автор недавно увидевшего свет романа «Папесса Иоанна» Донна Кросс убеждена, что Ватикан имел возможность искусственно убрать из истории реально существовавшую фигуру. «Дыма без огня не бывает, – говорит писательница, – такое количество хронистов не могло ошибаться». Донна Кросс пишет, что «сугубо мужская атмосфера в католической церкви» – сравнительно недавнее изобретение клириков. В X же веке всеми уважаемые проповедницы и миссионерши, влиятельные аббаты, наделенные едва ли не епископскими полномочиями, являлись живым свидетельством того, что отношение к женщине в церкви было другим. Истории о женщинах святых, которые передевались в мужское платье, могли быть примерами для впечатлительной и талантливой девочки Агнессы. Автор бестселлера недоумевает, почему «фальсификаторы из Ватикана» так старались скрыть факт нахождения на папском престоле женщины. «Я не вижу никакого противоречия между моей верой в Бога и моей верой в историчность папессы Иоанны».

Донне Кросс вторят и сами католики, правда, доказывающие, что существование папы в юбке – миф. «Даже если бы это и было правдой, это никоим образом не нарушало бы законов церкви. Просто такой папа не должен считаться папой», – пишут они. Исходя из такой точки зрения, они еще более убеждаются в том, что у церковных историков, ведших официальные хроники папства, не было никаких причин вымарывать из документов имя Иоанны Англикус.

Любопытно, что не ранее 1933 года вышло в свет официальное польское католическое издание «Деяния пап». В нем приведен перечень всех реальных и предполагаемых римских пап, начиная с апостола Петра, и дается краткое описание их жизни и деятельности. После имени Льва IV (847–855) в книге сделано примечание: «Здесь в некоторых старых списках

включена папесса Иоанна». Авторы издания опровергают версию о ее существовании, но нам интересно то, что они сами говорят об упоминании этой фигуры в каких-то старых книгах, которыми они пользовались.

Кроме традиционных анекдотов о любовных приключениях «понтифика в юбке» выявляются и откровенно фантастические подробности. В Национальной библиотеке Монпелье хранятся апокрифические «Дневники снов», приписываемые папессе и представляющие собой написанный туманным языком сборник видений. Члены международного фан-клуба папессы Иоанны занимаются расшифровкой ее снов. Они утверждают, что она предвидела появление автомобилей, надувной мебели, шариковых ручек и электрических розеток.

Есть и еще одно свидетельство интереса, который питала публика к личности Иоанны. Папесса стала одной из карт в главной колоде гадальных карт Таро. Карта изображает сидящую женщину, увенчанную тиарой, испускающей лунное сияние. Папесса в Таро олицетворяет божественную мудрость. Она одновременно и богиня, и мать, и защитница, и наставница. Это соответствует одному из двух образов папессы Иоанны, созданному легендами. Если один из них – распутница, осквернившая и опозорившая папский престол, то другой – умница, красавица и сильный человек – идеал эпохи гуманизма.

* * *

Как резонно замечает Э. Роидис, с первых же лет христианства не было недостатка в женщинах, удалявшихся из набожного рвения в мужские религиозные общесития под рясой монахов. По крайней мере, так утверждали церковные авторы. Св. Фекла повсюду сопровождала апостола Павла в мужском одеянии. Маргарита Пелагийская сбежала с брачного ложа в мужской монастырь, где была переименована в Пелагина. Евгения, дочь александрийского епарха (градоначальника), долгое время жила среди монахов и наконец была выбрана игуменом монастыря. Многие годы она слыла за мужчину, пока, будучи обвиненной в изнасиловании девушки, не показала свою женскую грудь как неоспоримое доказательство своей невинности.

Никифор Каллист сообщил об «удивительной женщине Феодоре», которая ночью отдалась любовнику, убедившему ее, что Всевышний не видит в темноте. Поняв всю глубину своего падения, она удалилась в мужской монастырь, но и там не нашла покоя. Какая-то девица влюбилась в безбородого монаха – естественно, без взаимности. Тогда из мести она отдалась другому, а когда забеременела, указала, как на отца, на Феодору. Последняя предпочла быть изгнанной из монастыря и взять на себя опеку над ребенком, нежели открыть тайну своей рясы.

Существует несколько версий того, откуда появилась легенда о папессе. Одна из них гласит, что информация была сфабрикована и пущена в ход на рубеже X–XI веков хитроумными византийцами. В этот момент идеологическая борьба между Восточной и Западной христианскими церквями входила в ту стадию, которая привела к окончательному расколу в середине XI века. И та и другая стороны использовали весь арсенал ругательств и проклятий в адрес противников, осуждали основополагающие принципы организации и теологии друг друга. Одним из догматов Западной церкви было положение о непогрешимости Папы Римского. Естественно, было бы очень соблазнительно уличить папство в таком эпизоде, как нахождение на троне «наместника Бога на земле» женщины – существа греховного по средневековым религиозным понятиям, по определению своему.

Любопытно, что в старинной Салернской хронике, появившейся в конце X века, пересказываются слухи о том, что женщина была однажды избрана как раз на Константинопольский патриарший престол. Неизвестный автор хроники, снабдивший свою рукопись многочисленными баснями и анекдотами, писал: «В Константинополе был однажды патриарх, который держал при себе племянницу, переодетую в евнуха. Умирая, патриарх предложил своего евнуха себе в преемники, и таким образом племянница была возвышена и правила около полутора лет. Господь решил отомстить за такое кощунство, и на Константинополь была наслана моровая язва». Действительно, получение сана влиятельными евнухами в Византии было темой постоянных насмешек со стороны «латинян». Шутили, что скоро греки начнут одевать рясу и на женщин. На Салернскую историю ссылался и папа Лев IX в одном из своих писем к византийскому императору Михаилу Керулярию в середине XI века. «Мы не хотим верить, – писал он, – той сказке, которая всеми повторяется, будто бы в Константинопольской церкви, в которой вопреки канонам Никейского собора евнухи получают посвящение, будто бы в той же церкви была однажды возведена на престол женщина». Так что противники могли пользоваться одинаковыми методами для очернения друг друга. Однако, как замечает российский исследователь Василий Бильбасов, папа Лев не мог бы написать такого, если бы знал о существовании подобной легенды в отношении собственной кафедры.

Версии о том, что легенда придумана византийцами, естественно, поддерживалась католическими историками в Средние века. Так, кардинал Бароний указывал на одно из писем патриарха Фотия римскому папе, в котором грек называл Иоанна VIII «мужеподобным». Это было не более чем оскорбление, но оно может служить свидетельством того, что византийцы действительно могли запустить такую «утку». Очень важно, что оскорблен был именно Иоанн VIII – папа, носивший то самое имя и номер, которые приписываются папессе. Впрочем, на страницы византийских хроник легенда о папессе попала лишь в середине XV столетия – незадолго до падения Константинополя под ударом Османской империи, – то есть намного позже, чем рассказ об Иоанне стал популярен в Западной Европе.

Легенда могла появиться и по другой причине, не в связи с кознями коварных греков, а в связи с прискорбной ситуацией, в которой в свое время оказался престол Св. Петра. Мы уже говорили, что нет никаких сомнений в том, что в IX–X веках Рим не был местом всеобщего благочестия, причем папы не отставали от своих сограждан. Бароний пишет: «Избрание архиереев не совершалось более духовенством и даже обходилось без его согласия; церковные уставы были в полном пренебрежении, папские указы топтались ногами, всякие традиции и торжественные обряды при водворении главы церкви были отменены, и от прежнего церемониала не осталось и следа; все ворочало ненасытное властолюбие с помощью мирских кулаков». Целибат для попадавших на церковную кафедру аристократов был не более чем словом, мертвым термином. Источник гласит: «Всякий знает места, где развратничают священники; всякий знает имена их любовниц; все видят, как слуги носят к ним записочки и подарки; все слышат громкий полупьяный смех; невозможно скрыть беременность женщин, невозможно заглушить крик новорожденных».

Зачастую при избрании применялось насилие, и нередко враждующие партии возводили одновременно двух пап, каждый из которых, сопровождаемый вооруженной толпой, оспаривал свое право на Святой престол камнями и дубинами. Искалеченного побежденного запирали в тюрьму или бросали в Тибр. Тот же Бароний восклицает: «Иисус Христос спал глубоким сном во время той страшной бури!». Немудрено, что именно в это время поместили сочинители легенды – будь-то конкретный автор или сам народ – такой курьезный случай, как избрание женщины на папство.

После смерти недолго правившего Бенедикта III папой в 858 году стал Николай I – несомненно, один из выдающихся понтификов. Он был ярким выразителем идеи папской

теократии и энергично принялся за укрепление своей власти. Николай не допускал вмешательства извне в дела церкви и не останавливался перед тем, что даже королям угрожал суровыми мерами. Успехи этого папы объяснялись, в частности, слабостью преемников Карла Великого. Лотаря II, брата императора, он принудил развестись со своей второй женой. Вступил Николай I в острую борьбу и с церковными магнатами, и с византийской церковью. Согласно историческим исследованиям, именно он первым стал носить не колпак, а папскую корону. (Тиара в более современном виде появилась лишь в начале XIV века.) Для обоснования властных претензий средневекового папства был использован так называемый Лжеисидоров сборник (декреталии) – собрание большей частью подложных папских писем и документов.

Пытались отстоять свой суверенитет и преемники Николая I. В частности, уже «настоящий» Иоанн VIII, пришедший к власти в 872 году. Пользуясь слабостью современных ему светских правителей, Иоанн заявлял самые широкие притязания на их права, что, однако, мало облегчало его фактическое положение. На соборе в Равенне (877 г.) он провозгласил неподсудность низшего духовенства светской юрисдикции.

Императоры были бессильны отразить набеги арабов на Италию, и папа был вынужден деньгами покупать мир у арабских правителей. Желая найти помощь в борьбе против арабов, а также сохранить под своей властью Болгарию, Иоанн VIII старался привлечь на свою сторону императора Василия, признал патриарха Фотия, отлученного его предшественником, и послал своих легатов на собор в Константинополь. Когда надежды Иоанна не осуществились, он снова отлучил Фотия и отверг соборные постановления.

Историки расходятся в оценке личности и деятельности Иоанна VIII. Некоторые считают его одним из самых великих пап IX века. Другие характеризуют его как человека чересчур жестокого, властолюбивого и непостоянного. Третьи полагают, что Иоанн был слабовольным человеком, вероятно, принимая византийскую и оппозиционную католическую пропаганду того времени (ту самую, в которой «слабый» папа сравнивается с женщиной) за чистую монету. Действительно, некоторые поступки этого понтифика заставляли задуматься над тем, насколько он тверд в борьбе за дело римской церкви. Кроме того, что он согласился признать патриарха Фотия, были и другие неоднозначные, с точки зрения консервативно настроенных кардиналов и епископов, акции.

За год или два до начала понтификата Иоанна его предшественник Адриан II назначил архиепископом Моравии знаменитого миссионера Мефодия. Тот к неудовольствию немецких князей избрал славянский язык в качестве богослужебного. В 871 году Мефодия схватили и бросили в тюрьму. Иоанн же повелел освободить миссионера и доставить в Рим для рассмотрения его дела. Убедившись в ортодоксальности Мефодия, папа не только восстановил его в должности, но и разрешил вести службу на языке местных жителей. Однако следует признать, что это, как и переговоры с византийцами, болгарами и англичанами, лишь свидетельствовало о том, что папа был достаточно гибок и использовал все методы, чтобы переманить на свою сторону прихожан на окраинах Европы.

Если уж говорить о слабости, то следует обратить внимание на то, что Иоанн VIII так и не смог справиться с алчущей власти и денег итальянской аристократией. Ключевые посты в римской церкви находились в руках преступной знати, связанной круговой порукой. Среди коррумпированных чиновников были казнокрады Григорий и Стефан, убийца и неверный супруг Георгий Авентинский. С ними водил дружбу Формоз, кардинал Порты, конкурент Иоанна на последних выборах. Эта клика пользовалась покровительством императора Людовика II. После его смерти все они бежали из Рима, прихватив с собой многочисленные церковные сокровища. Воспользовавшись поражением императорской партии, поднял голову Ламберто, герцог Сполето. Действуя якобы в интересах Карломана, претендента на императорскую корону, он стал нападать на папские владения. В 878 году Ламберто захватил Рим и вынудил Иоанна бежать во Францию.

Иоанн постоянно искал поддержки у императоров. Сначала он всецело поддерживал Людовика II. Однако после смерти Людовика в 875 году папа короновал императором не его сына Карла Толстого, а французского короля Карла Лысого. Новоиспеченный император после долгих уговоров направил армию против сарацин, но экспедиция потерпела неудачу. В 877 году Карл Лысый умер. Папа хотел видеть императором Бозо Прованского, но тот не выказал желания сотрудничать с ним. Отклонив притязания Карломана, Иоанн короновал императорским венцом сначала Людовика

Косноязычного, а потом, через два года, Карла Толстого, который впоследствии на короткое время объединил под своей властью почти все владения Карла Великого. Однако Карл Толстый не оказал понтифику никакой помощи. Едва он покинул Рим после коронации, оппозиция снова подняла голову.

Закончилась деятельность этого первосвященника плачевно: ему дали яд, а затем раскроили череп молотком (882 г.) Это был, вероятно, первый случай убийства папы, положивший начало длинной веренице подобных преступлений.

Сейчас среди ученых наиболее популярна версия о том, что легенда о папессе отражает события, происходившие в Риме в первой половине X века – период, который иногда принято называть временем порнокрации в Вечном городе.

С конца IX века и вплоть до середины X века (с 882 по 963 год) римский престол занимали 24 папы, которых историография католической церкви обобщенно назвала «плохими папами». Империя распалась, практически прекратив свое существование. В Италии вновь возник политический вакуум. Византия уже не могла, а создаваемые новые феодальные государства еще не могли вовлечь папство в сферу своего влияния и в обмен на это защитить его. Но если прежде при таком вакууме папство укреплялось, то теперь это привело к его упадку. Заметно укрепились местные феодальные силы, в первую очередь аристократические партии Сполето и Тосканы, расположенных по соседству с Римом. Они захватывали папские владения и в соответствии со своими партийными интересами избирали или смещали, возвышали или убивали пап. Итальянское королевство не могло обеспечить защиту папства, ибо итальянские короли в Павии обладали не большей властью, чем герцоги и маркграфы. Они приезжали в окруженный со всех сторон врагами Рим только для того, чтобы короноваться в императоры и тем самым возвыситься над своими соперниками. Церковная дисциплина ослабла, папский двор стал местом распутства, убийств и интриг, а церковный – предметом купли-продажи. Светская власть пап, становившаяся все более номинальной, ограничилась лишь двумя римскими провинциями. Общий разброд усилился также в связи с тем, что в первой половине X века в Северной Италии появились мадьяры, совершавшие набеги на римские города. В конце века южные районы стали подвергаться нападениям норманнов. В IX–X веках Италия представляла собой самую раздробленную в политическом отношении страну на континенте.

Первая половина X века в Риме характеризовалась той самой порнокрацией, о которой было упомянуто выше. Властители Италии с помощью родственных связей старались стабилизировать и упрочить свое положение. Наилучшим средством для этого оказались видные члены семей по женской линии. В их орбиту вовлекались и папы, не способные устоять перед особами противоположного пола. В первой половине X века жаждущие власти аристократки из некоторых римских семей сажали своих фаворитов на папский престол. Женщины эти отличались крайней неразборчивостью в средствах и откровенным пренебрежением нормами морали.

В начале X века в Риме особенно большую роль играла знатная семья Теофилактов. Глава семьи занимал пост командующего военными силами государства, а также верховного комиссара Равенны. Он считался консулом и сенатором, принимал активное участие в выборах папы и, наконец, возвел на папский престол под именем Сергия III (904–911) своего друга. Сергей начал свою деятельность с того, что приказал задушить своих

предшественников – Льва V и Христофора, насильственно свергнутых с папского престола и заключенных в тюрьму. Официально убийство было совершено «из жалости к обоим бывшим папам», ибо «моментальная смерть менее страшна, чем долгое пожизненное заключение».

Сергий открыто жил с дочерью Теофилакты и своей двоюродной сестрой Марозией, которая родила от него сына. Об этом сожителстве говорит даже официальное жизнеописание пап «*Liber pontificalis*». Марозия, как и ее мать – Теодора Старшая, и сестра – Теодора Младшая, активно влияла на политику государства, плела интриги, вела распутный образ жизни. Они сажали на папский престол своих друзей, любовников, родственников. Так, после Сергия III папами последовательно становились любовники Марозии – сперва Анастасий (апрель 911 – июнь 913 года), затем Ланд он (июль 913 – февраль 914 года).

После этого за дело взялась мать Марозии Теодора Старшая, которая сделала папой Иоанном X (914–928) архиепископа Равеннского, больше интересовавшегося делами военными, чем церковными, и совершавшего походы против сарацин, пока его подруга управляла государством и церковью. Марозия же после смерти Сергия III вышла замуж сначала за сполетского маркграфа Альбериха, а затем за тосканского – Гвидо. Его Марозия противопоставила королю Гуго Прованскому, на которого пытался сделать ставку папа Иоанн X (любовник матери Марозии). Обладая огромными земельными владениями и денежным состоянием, она приняла беспрецедентные для женщины титулы патриция и сенатора, вся полнота власти в Риме перешла в ее руки.

Ставшего на ее пути Иоанна X Марозия устранила, организовав в Риме бунт. Свержение Иоанна X сопровождалось шумными проявлениями народного возмущения в адрес папы и восторга в адрес «смелой герцогини». Соратник погибшего понтифика – его брат Петр, который при Иоанне X стоял во главе городских военных сил, бежал из Рима и обратился за помощью к мадьярам. С их помощью он прорвался к Латеранскому дворцу, но погиб на глазах своего брата. Сам Иоанн вскоре был задушен в тюрьме.

Та же участь, что и Иоанна X, постигла и двух следующих понтификов. Марозия организовала убийства правившего всего полгода Льва VI (май 928 – декабрь 928 года) и Стефана VII (928–931). После этого она смогла осуществить свой давний замысел, возведя в феврале 931 года на папский престол своего двадцатипятилетнего сына от Сергия III – Иоанна XI.

Затем Марозия вознамерилась возложить на себя императорскую корону. Ее муж – Гвидо Тосканский, умер, и она подыскала себе нового жениха. Им стал тот самый король Италии Гуго Прованский, с которым она ранее боролась. Он тоже был не против жениться на Марозии, видя в этом браке возможность укрепить свою власть в Италии и за ее пределами (посредством влияния на папство). Положение осложнялось тем, что церковные каноны запрещали Марозии выходить замуж за Гуго – ведь он был старшим молочным братом ее предыдущего мужа. Чтобы обойти эту проблему, король Италии объявил, что его братья – бывший маркграф Тосканский Гвидо и нынешний – Ламберто, – не являются законными детьми его матери от ее второго мужа, а всего-навсего подкидыши.

Второе осложнение с намечающимся браком заключалось в том, что Гуго уже был женат. Однако его супруга Альда подозрительно вовремя скончалась, и теперь ничто не мешало королю Италии и хозяйке Рима обвенчаться. В марте 932 года Гуго торжественно въехал в Рим, оставив свои войска за стенами города, и в замке Святого Ангела была отпразднована пышная свадьба. Марозия стала королевой Италии, и дело шло к коронации императорской короной. Она уже вынашивала планы выдать свою дочь замуж за византийского наследного принца.

Но этому не суждено было сбыться. Гуго и его свита навлекли на себя ненависть римлян своей заносчивостью и жестокостью. Быстро испортились отношения итальянского короля и с сыном Марозии от первого брака – Альберихом. Мать заставила его прислуживать своему

новому мужу в качестве пажа. Хронисты рассказывают, что однажды, когда Гуго мыл руки, Альберих неловко пролил воду. Отчим рассвирепел и ударил его по лицу. Молодой человек бросился на улицы Рима, поднял народ, колокола забили в набат, и толпа, схватив оружие, ринулась на замок Святого Ангела. Произошло это в том же 932 году.

Гуго, армия которого находилась вне Рима, ночью тайком бежал из замка, добрался до своих войск и вернулся в Павию, потеряв и Марозию, и Рим, но сохранив жизнь.

Марозия умерла в тюрьме, и дата ее кончины неизвестна. Не только Иоанн XI, но и ряд других понтификов, были ее наследниками: Иоанн XII, Бенедикт VIII, Иоанн XIX, Бенедикт IX.

Альберих захватил власть в Риме, получив должность префекта, титул «главы и сенатора всех римлян», фактически став диктатором в Папском государстве. Гуго еще трижды собирал войска и шел с ними на Рим, но каждый раз это заканчивалось неудачей – Альберих крепко держал власть в своих руках. Вскоре после переворота он решил выпустить Иоанна XI, но на протяжении последующих двадцати лет назначаемые Альберихом папы не могли ни в политическом, ни в общественном аспектах проявить свою волю. Правда, диктатор не ограничивал их церковно-административный полномочия. Таким образом он оформил своеобразное двоевластие. Впрочем, выборов пап Альберих не допускал, и все четыре понтифика, сменившиеся при нем, открыто им назначались.

Первым ставленником Альбериха стал папа Лев VII. Римский диктатор не возражал против стремления понтифика реформировать монастырскую организацию, повысить ее значение в Италии, Франции и Германии. Поощрял он и политику Льва в отношении ведьм и прорицателей. После смерти Льва VII в 939 году Альберих поставил папой Стефана VIII, которого ему настоятельно рекомендовал всесильный германский король, будущий император Оттон I. Как утверждают источники, это был первый поистине благочестивый и способный человек на папском престоле за несколько десятилетий. Он был настолько тверд в своем стремлении делать то, что необходимо именно церкви, что попал в опалу у Альбериха. Последний бросил понтифика в темницу, а после его смерти в 942 году была устроена расправа над останками папы. Следующий глава церкви Марин II (он же Мартин III) хотя и стремился продолжить реформы, ничего не делал, не получив предварительного согласия своего патрона. При нем была начата широкая кампания за «превращение Рима в моральную столицу мира».

Марин II умер своей смертью в мае 946 года, и ему наследовал (опять же, с подачи Альбериха) Агапий II. Влияние Альбериха постепенно снижалось. Папа позволял себе вести достаточно самостоятельную политику внутри церкви и даже вступил в секретные переговоры с Оттоном I за спиной того, кто привел его к понтификату. Архиепископу Майнцскому (главе духовенства Германии) Агапий дал довольно широкие полномочия по руководству делами клира в этой стране. Впрочем, и он не посмел открыто выступить против Альбериха и даже не возразил против завещания последнего, которое касалось кандидатуры преемника Агапия на папском престоле. В соответствии с этим завещанием, после смерти последнего ставленника Альбериха (самого Агапия) папой был избран его родной сын, едва достигший восемнадцати лет, Октавиан, который правил под именем Иоанна XII (955–963). Так Альберих объединил в руках сына церковную и светскую власть в государстве.

Молодой Иоанн XII, получивший в свои руки огромные полномочия, оказался не менее порочен, чем его бабка. Латеранский дворец, по свидетельствам современников, он превратил в публичный дом. Он пил за здоровье Сатаны и рукоположил в епископы любимого коня. Жители Рима жаловались императору Оттону I, что женщины боятся посещать храм Святых Апостолов, зная, скольких римлянок обесчестил там понтифик. Между прочим, пока папа развлекался, делами государства занималась его влиятельная любовница – Райнерия, которую также часто называют Иоанной Райнерией. Последняя, в свою очередь, должна была считаться с мнением своей тетки Стефании. Эти женщины превратили Иоанна XII в марионетку в своих руках.

В это время крупные землевладельцы опять подняли голову, избавившись от террора со стороны волевого и жестокого Альбериха. Иоанну пришлось искать защиты от римских аристократов у возвысившегося германского короля Оттона, победителя мадьяров и объединителя государства. Оттон с большим войском огнем и мечом прошелся по Северной Италии и вошел в Рим, где 2 февраля 962 года был торжественно коронован Иоанном XII в качестве «императора Августа». Так началась история Священной Римской империи, с монархами которой боролись многие преемники Иоанна XII на папском троне.

Многие историки убеждены, что легенда о папессе Иоанне появилась как отражение событий эпохи владычества женщин из семьи Теофилактов. Как мы видим, действительно – около тридцати лет папство находилось в женских руках. Вероятно, оттуда же и берет начало негативная характеристика папессы Иоанны как аморальной женщины. Многочисленное повторение имени Иоанн у пап в X веке еще более укрепляет исследователей в этой гипотезе возникновения легенды о папессе. Авентинус видел в ней сатиру на Иоанна IX (898–900), Блондель – на сына Марозии Иоанна XI, Панвинио – на ее внука Иоанна XII.

Есть и другие мнения о прототипе папессы. Так, Лев Алациус связывал ее персону с некой пророчицей Теотой, осужденной в 847 году синодом Майнца. Лейбниц полагал, что речь идет о реально существовавшей авантюристке Иоанне Агликус, которая прибыла в Рим, выдавая себя за епископа, но быстро была разоблачена. А. Буре вспоминает о знаменитой пророчице Хильдегарде фон Бинген, жившей в XII веке, полагая, что возбуждение, вызванное личностью этой загадочной женщины, могло найти отражение в легендах о папессе. В начале XVII века Пиктет писал, что Иоанной звали незаконную супругу Льва IV, которая оказывала большое влияние на мужа и некоторое время фактически (а не формально) правила после его смерти. Что же касается легенд, представляющих папессу отрицательным персонажем, то Буре высказывает предположение, что толчком к их появлению могло быть недовольство римлянами папой Адрианом IV, руководившим церковью в середине XII века. Николас Брейкспир (так этого папу звали в миру) – единственный англичанин на папском престоле. Он был ревностным сторонником папской теократии и с помощью ненавидимого итальянцами Фридриха Барбароссы вел борьбу с республиканским движением в Риме.

Дёллингер, возможно, ближе других подошел к разгадке тайны папессы. Он доказывал, что записанная хронистами легенда – отражение местных римских фольклорных преданий, связанных с некоторыми античными монументами и обычаями, значение которых было забыто с течением времени.

*** * ***

Автор этой книги придерживается того мнения, что папесса Иоанна никогда не существовала в действительности. Слишком многие факторы должны были способствовать такой женщине, чтобы столько лет вводить в заблуждение всех окружающих. Сомнительными выглядят выборы, в ходе которых папский престол занимает не чей-либо ставленник из знатной семьи, а секретарь усопшего понтифика, мало того, что добившийся неожиданного большого влияния в среде духовенства и аристократии, но еще и имеющий такой секрет, как собственный пол. За престол велась ожесточеннейшая борьба, кардиналы, наверняка, знали друг о друге все, что хоть как-нибудь компрометировало соперника.

Вызывает недоумение и отсутствие каких-либо свидетельств событий со стороны современников папессы. Конечно, ватиканские цензоры могли постараться стереть Иоанну из памяти людей. Тем более, в те времена и самих письменных документов было немного и читались они очень ограниченным кругом лиц. Но кто докажет, что хронисты XIII века, которые начали писать о папессе, имели доступ к секретным документам и воспользовались

именно ими, а не пересказали, возможно, недавно появившуюся легенду? Почему современный читатель должен больше верить напечатанным протестантами изданиям, чем официальным католическим хроникам?

Несомненно только то, что многие века легенда о папессе воспринималась как чистая правда, был создан некий культ женщины-папы. И сейчас в определенных кругах стремятся доказать, что папесса существовала. Например, этот сюжет популярен среди феминисток. Наличие женщины на папском престоле показывает принципиальную возможность для представительниц слабого пола занимать посты в католической иерархии, возможность, которую категорически отрицает церковное руководство, стараясь в современных условиях сохранить вековые устои. Сравнительно недавно ныне покойный папа Иоанн Павел II в очередной раз подтвердил, что женщина не может иметь священнический сан.

Крестовый поход детей

Знаменитый историк средневековья Жак Ле Гофф спрашивал: «Были ли дети на средневековом Западе?» Если взглянуть на произведения искусства – их там не обнаружить. Позже ангелов часто будут изображать в виде детей и даже в виде игривых мальчиков – полуангелочков, полукупионов. Но в Средние века ангелы обоего пола изображались только взрослыми. «Когда скульптура Девы Марии уже приобрела черты мягкой женственности, явно заимствованные у конкретной модели, – пишет Ле Гофф, – младенец Иисус оставался ужасающего вида уродцем, не интересовавшим ни художника, ни заказчика, ни публику». Лишь в конце Средневековья распространяется иконографическая тема, отражавшая новый интерес к ребенку. В условиях высочайшей детской смертности интерес этот был воплощен в чувстве тревоги: тема «Избиения младенцев» отразилась в распространении праздника Невинноубиенных, под «патронатом» которых находились приюты для подкидышей. Впрочем, такие приюты появились не ранее XV века. Средневековые едва замечали ребенка, не имея времени ни умиляться, ни восхищаться им. Выйдя из-под опеки женщины, ребенок тут же оказывался выброшенным в изнурительность сельского труда или в обучение ратному делу – в зависимости от происхождения. И в том и в другом случае переход осуществлялся очень быстро. Средневековые эпические произведения о детстве легендарных героев – Сиды, Роланда и пр. – рисуют героев уже молодыми людьми, а не мальчиками. Ребенок попадает в поле зрения лишь с появлением относительно небольшой городской семьи, образования ориентированного более на личность бюргерского сословия. По мнению ряда ученых, город подавил и сковал самостоятельность женщины. Она была порабощена домашним очагом, тогда как ребенок эмансипировался и заволашевал дом, школу и улицу.

Ле Гоффу вторит известный советский исследователь А. Гуревич. Он пишет, что по представлениям людей Средневековья, человек не развивается, а переходит из одного возраста в другой. Это не постепенно подготавливаемая эволюция, приводящая к качественным сдвигам, а последовательность внутренне не связанных состояний. В Средние века на ребенка смотрели как на маленького взрослого, и не возникало никакой проблемы развития и становления человеческой личности. Ф. Ариес, изучавший проблему отношения к ребенку в Европе в Средние века и в начальный период Нового времени, пишет о незнании Средневековьем категории детства как особого качественного состояния человека. «Средневековая цивилизация», – утверждает он, – цивилизация взрослых. До XII–XIII веков изобразительное искусство видит в детях взрослых уменьшенного размера, одетых так же, как взрослые, и сложенных подобно им. Образование не соотносится с возрастом, и вместе обучают взрослых и подростков. Игры, прежде чем стать детскими, были играми рыцарскими. Ребенок считался естественным компаньоном взрослого.

Уйдя от возрастных классов первобытности с их обрядами инициации и забыв принципы воспитания античности, средневековое общество долгое время игнорировало детство и переход от него к взрослому состоянию. Проблема социализации считалась решенной актом крещения. Воспеваемая любовь, куртуазная поэзия противопоставляла ее брачным отношениям.

Христианские моралисты, наоборот, предостерегали против излишней страстности в отношениях между супругами и видели в половой любви опасное явление, которое нужно обуздывать, коль скоро его невозможно полностью избежать. Лишь с переходом к Новому времени семью начинают рассматривать не как союз между супругами, а как ячейку, на которую возложены социально важные функции по воспитанию детей. Но это прежде всего – буржуазная семья.

По мнению Гуревича, в специфическом отношении к детству в Средние века проявляется особое понимание человеческой личности. Человек, по-видимому, еще не в состоянии осознать себя как единую развивающуюся сущность. Его жизнь – это серия состояний, смена которых внутренне не мотивирована.

Общий анализ отношения к детям в Средние века поможет нам понять такой эпизод как детский крестовый поход. Это сейчас сложно себе представить, чтобы родители отпустили от себя своих чад, чтобы те пешком следовали не то в Рим, не то на Ближний Восток. Может быть, для средневекового человека в этом не было ничего экстраординарного? Почему бы маленькому человеку не попытаться сделать то, что может делать большой? Ведь маленький такой же сын Господа, как и большой. С другой стороны, не является ли весь этот поход не более чем сказкой, сочиненной уже тогда, когда о детях вообще стали сочинять что-либо?

Легендарный крестовый поход детей дает прекрасное представление о том, насколько менталитет людей Средневековья отличался от мировоззрения наших современников. Реальность и вымысел в голове человека XIII века были тесно переплетены. Народ верил в чудеса. Более того, он их видел и творил. Сейчас идея детского похода кажется нам дикостью, тогда же в успех предприятия верили тысячи людей. Правда, мы и до сих пор не знаем, было это или нет.

*** * ***

Крестовые походы сами по себе стали целой эпохой. Самой героической и одновременно одной из самых неоднозначных страниц в истории рыцарства, католической церкви и всей средневековой Европы. Проводимое «в угодку Богу» мероприятие менее всего соответствовало по своим методам не только христианской этике, но и обычным нормам морали.

Начало крестовых походов на Восток было вызвано несколькими серьезными причинами. Во-первых, это бедственное положение крестьянства. Угнетенный налогами и повинностями, переживший за несколько лет (с конца 80-х до середины 90-х годов XI века) ряд страшных бедствий в виде эпидемий чумы и голода, простой народ был готов идти сколь угодно далеко, лишь бы найти место, где есть еда.

Во-вторых, тяжелые времена переживало и рыцарское сословие. К концу XI века свободных земель в Европе почти не осталось. Феодалы перестали дробить свои владения между сыновьями, перейдя к системе майората – наследования только старшим сыном. Появилось большое количество бедных рыцарей, которые по своему происхождению не считали возможным заниматься чем-либо, кроме войны. Они были агрессивны, бросались в любую авантюру, оказывались наемниками во время многочисленных междоусобиц, просто занимались разбоем. В конце концов, их надо было убрать из Европы, назрела необходимость консолидировать рыцарство и направить его воинственную энергию куда-нибудь «вовне», на решение внешних проблем, поскольку дальнейшее эффективное управление европейскими территориями со стороны королей, крупных феодалов и церкви становилось очень проблематичным.

Третий фактор – это амбиции и материальные притязания католической церкви и, в первую очередь, папства. Объединение верующих какой-то идеей объективно приводило к

усилению власти Рима, коль уж идея исходила именно оттуда. Поход на Восток обещал «перехват» папой религиозной инициативы в Восточной Европе у Константинополя, укрепление позиций католицизма.

Также такое военное мероприятие сулило и церкви, и феодалам, и даже беднякам огромные богатства. Причем церкви не только за счет, собственно, военной добычи, но и за счет богатых пожертвований и европейских земель ушедших на войну крестоносцев.

Наиболее удобным и, кажется, очевидным предлогом был поход под знаменем войны с «неверными» – т. е. с мусульманами. Непосредственным же поводом к началу кампании стало обращение византийского императора Алексея Комнина за помощью к папе Урбану II (1088–1099) (его имя до принятия папского сана – Оддон де Лажери). Византийская империя пострадала от объединенного удара по ней турков-сельджуков и печенегов. Василевс^[11] обращался к «латинянам» как к братьям по вере. И без этого еще с 70-х годов XI века в воздухе витала идея необходимости освобождения Гроба Господня, который находился в захваченном турками Иерусалиме. Так, взоры верующих, которые со времен Августина обращались к Иерусалиму небесному, т. е. Царству Божьему, обратились к Иерусалиму земному. Мечта о будущем райском блаженстве после смерти причудливым образом переплелась в сознании христиан с конкретными, земными наградами за труды праведные. Эти настроения и использовали организаторы крестовых походов.

Папа снял с византийского императора Алексея отлучение, до тех пор лежавшее на нем как на схизматике^[12]. В марте 1095 года понтифик еще раз выслушал послов Алексея на соборе в Пьяченце, а летом 1095 года Урбан II направился во Францию. Некоторое время он вел переговоры с южнофранцузскими монастырями, входящими во влиятельнейшую Ключийскую конгрегацию^[13], крупными феодалами и авторитетными священниками. Наконец 18 ноября в городе Клермон-Ферран в Оверни начался церковный собор. Как это часто бывало, в городе, где происходил столь важный форум, находилась масса приезжего народа. Всего – около 20 тысяч человек: рыцарей, крестьян, бродяг и пр. Собор обсуждал, в общем, исключительно церковные проблемы. Но по его окончании 26 ноября Урбан II неподалеку от города на равнине под открытым небом выступил перед народом с речью, что и сделало Клермонский собор столь знаменитым.

Папа призвал католиков взяться за оружие для войны против «персидского племени турок... которые добрались до Средиземного моря... поубивали и позабирали в полон многих христиан». Отдельной задачей было объявлено освобождение Гроба Господня. Папа постарался представить войну легкой прогулкой, сулившей богатую добычу. Иерусалим, по его словам, был местом, где течет молоко и мед, на Востоке все получают новые земли, которых в тесной Европе на всех не хватает. Понтифик призывал отказаться ради общего дела от внутренних распрей. Урбан II был предельно конкретен и прямолинеен. Всем, кто отправлялся в поход, отпускались грехи (в том числе будущие – совершенные во время богоугодной войны). Крестоносцы могли рассчитывать на попадание в рай. Речь папы постоянно прерывалась восторженной толпой, кричавшей: «Так хочет Бог!» Многие тут же давали обет отправиться в поход и прикрепляли на плечо кресты из красной ткани.

Церковь взяла на себя охрану земель (и, естественно, ведение дел) ушедших крестоносцев, их долги перед кредиторами объявлялись недействительными. Феодалы, которые не хотели отправляться в поход, должны были откупаться богатыми дарами в пользу клира.

Весть о начале похода быстро распространилась по всей Европе. Вероятно, и сам папа не ожидал такого эффекта от своего выступления. Уже весной 1096 года в путь отправились тысячи бедняков из прирейнских земель. Затем на Восток потянулись и рыцари. Так начался Первый крестовый поход.

В общей сложности, соединенные в шесть больших групп, в этот поход выступили десятки тысяч людей. Сначала пустились в путь отдельные отряды, во многом составленные из бедняков во главе с Петром Пустынником и рыцарем Вальтером Голяком. Первым их «богоугодным» делом были еврейские погромы в германских городах:

Трире, Кельне, Майнце. В Венгрии они также натворили немало бед. Балканский полуостров был разграблен «христовыми воинами».

Затем крестоносцы прибыли в Константинополь. Наиболее многочисленный отряд, двигавшийся из Южной Франции, возглавлял Раймунд Тулузский. Боэмунд Тарентский отправился со своим войском на Восток через Средиземное море. Тем же морским путем достиг Босфора Роберт Фландрский. Число крестоносцев, собравшихся разными путями в Константинополе, доходило, вероятно, до 300 тысяч. Император Византии Алексей I ужаснулся открывшейся перед ним перспективе безудержного мародерства в столице. Да и особо рассчитывать на то, что латиняне займутся лишь возвратом ему отобранных мусульманами земель, не приходилось. Подкупам и лестью император добился вассальной присяги от большинства рыцарей и постарался отправить их в дальнейший путь как можно скорее. В апреле 1097 года крестоносцы переправились через Босфор.

Первый отряд Вальтера Голяка был к тому моменту уже разбит в Малой Азии. Но появившиеся здесь весной 1097 года другие войска легко разгромили армию Никейского султана^[14]. Летом крестоносцы разделились: большая часть двинулась по направлению к сирийскому городу Антиохия. В начале июля 1098 года после семимесячной осады город сдался. Между тем некоторые французские крестоносцы утвердились в Эдессе (ныне Урфа, Турция). Болдуин Булонский основал здесь собственное государство, простиравшееся по обе стороны Евфрата. Это было первое государство крестоносцев на Востоке.

В Антиохии крестоносцы, в свою очередь, были осаждены эмиром мосульским Кербугой. Начался голод. Подвергаясь большой опасности, они вышли из города и смогли разбить Кербугу. После продолжительной распри с Раймундом Антиохией завладел Боэмунд, которому удалось еще до ее падения вынудить у остальных крестоносных вождей согласие на передачу ему этого важного города. Вскоре в Малой Азии началась война крестоносцев с греками приморских городов, которые рассчитывали избавиться не только от мусульманского диктата, но и от новых западных хозяев.

Из Антиохии крестоносцы без особых препятствий продвигались вдоль побережья на юг и по дороге завладели несколькими портовыми городами. Перед рыцарями открывался путь на Иерусалим, но они не сразу двинулись к желанному городу. Разразилась эпидемия – далеко не последняя за время крестовых походов. «Христово воинство» каждый день теряло без всяких битв множество людей. Предводители разделились, и их отряды рассеялись по близлежащим территориям. Наконец отбытие из Антиохии было назначено на март 1099 года.

Готфрид Бульонский и граф Фландрский выступили в Лаодикею. Вся армия соединилась под стенами Архаса, осада которого уже была начата Раймундом. В это время к крестоносцам прибыли послы Каирского халифа, недавно ставшего владыкой Иерусалима. Они заявили, что ворота священного города откроются только перед безоружными пилигримами. Это никак не повлияло на планы европейцев. Взяв Архас, они продолжили движение к главной цели. На тот момент в христианском войске насчитывалось до 50 тысяч человек. Это были уже закаленные в боях воины, а не сброд первого этапа крестовых походов. Но на Иерусалим, открывшийся их взору, они смотрели с тем же детским восторгом и благоговейным трепетом, как и любой человек той эпохи. Всадники сошли со своих коней и пошли босые; вопли, молитвы и тысячекратно повторяющийся возглас «Иерусалим!» огласили округу.

Крестоносцы расположились тремя отрядами: Готфрид, Роберт Нормандский и Роберт Фландрский – к северо-востоку от города, Танкред – к северо-западу, Раймунд – к югу.

Иерусалим защищал египетский гарнизон из 40 тысяч человек. Город основательно подготовился к осаде: было заготовлено продовольствие, засыпаны колодцы по всей окрестной местности и русло реки Кедрон. Рыцари столкнулись с большими проблемами. Они страдали от жажды и от жары, вокруг было безлесое пространство, приходилось отправлять экспедиции в отдаленные районы за лесом, из которого сооружались огромные осадные машины, лестницы и тараны. Использовались и бревна, из которых были сделаны сельские дома и церкви округи. Зато из Генуи купцы своевременно прислали корабли с продовольствием и квалифицированными плотниками и инженерами.

Сарацины стойко оборонялись, лили на голову противникам кипящую смолу, забрасывали их камнями, поражали стрелами. Крестоносцы прибегали к самым разным приемам. Однажды они даже совершили крестный ход вокруг неприступной крепости. Решающий штурм начался 14 июля 1099 года. Ночью воины Готфрида скрыто переместили свой лагерь к восточной части Иерусалима, которая была хуже защищена сарацинами. На рассвете по сигналу все три части армии пришли в движение. С трех сторон к стенам Иерусалима двинулись колоссальные перекатные башни. Но после двенадцатичасовой битвы мусульманам удалось отбить врага. Лишь на следующий день с башни Готфрида наконец перекинулся мост на стену, по которому его воины ворвались в город. Рыцарям удалось поджечь оборонительные приспособления сарацин. Вскоре и Раймунд, и Танкред были в Иерусалиме. Произошло это в три часа дня, в пятницу, в тот день недели и в то время, когда Спаситель умер на кресте.

В городе началась ужасная резня и не менее ужасный грабеж. За неделю «благочестивые» завоеватели уничтожили около 70 тысяч человек. И они же с молитвами и рыданиями, с босыми ногами и обнаженными головами замаливали грехи в храме Воскресения перед Гробом Христа.

Вскоре в битве с большой египетской армией при Аскалоне объединенное крестоносное войско отстояло свое главное завоевание. Крестоносцы овладели большей частью восточного побережья Средиземного моря. На захваченной территории рыцарями было создано четыре государства: королевство Иерусалимское, графство Триполи, княжество Антиохийское и графство Эдесское. Главным среди правителей был король иерусалимский Готфрид, но остальные вели себя вполне независимо. Владычество латинян, впрочем, оказалось недолговечным.

С самого начала крестовые походы были авантюрой. Огромные разнородные войска под руководством часто враждующих между собой амбициозных королей, графов и герцогов при постоянно убывающем религиозном рвении в тысячах километров от родины должны были испытать непреодолимые трудности. И если во время первого похода европейцам удалось ошеломить мусульман своим напором, то создать здесь прочную систему государственного управления, а потом защитить свои завоевания они не смогли.

В 1137 году византийский император Иоанн II напал на Антиохию и захватил ее. В 1144-м сильный эмир Мосула Имад-ад-дин Зенги взял графство Эдессу – форпост христианского мира на Востоке. Сложные времена настали и для других рыцарских государств. Со всех сторон они подвергались нападениям сирийцев, сельджуков и египтян. Иерусалимский король потерял контроль над собственными вассальными князьями.

Естественно, падение Эдессы должно было стать для христиан тяжелым ударом. Особенно большой резонанс это событие вызвало во Франции. Король Людовик VII Молодой был достаточно романтично и одновременно воинственно настроен. Его охватила жажда подвигов, о которых он был наслышан с детства. Этот порыв поддержал и Папа Римский Евгений III, и один из наиболее авторитетных духовников Европы – аббат Клерво Бернар, сторонник строгих нравов, учитель и Евгения, и аббата Сугерия – влиятельного советника Людовика. В городе Везель в Бургундии Бернар созвал собор, на котором в присутствии короля 31 марта 1146 года произнес пламенную речь, призывая всех христиан подняться на

борьбу против неверных. «Горе тому, чей меч не будет обагрен кровью», – произнес проповедник. Тут же многие, и, в первую очередь, Людовик, возложили на себя кресты в знак готовности отправиться в новый поход. Вскоре Бернар прибыл в Германию, где после некоторой борьбы сумел уговорить короля Конрада III поддержать новое начинание.

Немцы и французы с самого начала похода (весна 1147 года) плохо координировали свои действия, преследуя каждый свои цели. Так, французы хотели двигаться на Восток по морю, воспользовавшись помощью норманнского короля Сицилии Рожера, германцы же договорились с византийским императором Мануилом и собирались двигаться по суше через Венгрию и Балканы. Победила точка зрения Конрада, а рассерженный Рожер, и без того враждовавший с Византией из-за Южной Италии, заключил союз с африканскими мусульманами и совершил ряд опустошительных набегов на греческое побережье и острова.

Первыми у Константинополя в сентябре 1147 года очутились немцы, как и в прошлый раз, успев по дороге внушить ужас своим мародерством. Мануил, как и Алексей Комнин, сделал все возможное, чтобы латиняне быстро оказались в Малой Азии. 26 октября немцы потерпели сокрушительное поражение от иконийского султана под Дорилеем в Анатолии. Возвращаясь в Никею, многие тысячи немцев погибли от голода. Но воинам Людовика, прибывшим в византийскую столицу чуть позже, Мануил рассказывал о потрясающих успехах Конрада, вызывая у них зависть. Вскоре и французы оказались в Малой Азии. В Никее войска королей встретились и продолжали путь вместе. Пытаясь обойти места недавней дорилейской трагедии, монархи повели войска сложным обходным путем через Пергам и Смирну. Турецкая конница постоянно тревожила колонны, крестоносцы испытывали недостаток фуража и продовольствия. Дело осложнялось и замедлялось тем, что Людовик VII взял с собой совершенно неуместную в тяжелом походе многочисленную свиту, пышный двор во главе с красавицей женой – Элеонорой Аквитанской. Помощь византийской армии оказалась недостаточной – по-видимому, император Мануил в глубине души желал поражения крестоносцев. 3 июля 1147 года у селения Хиттин, западнее Генисаретского озера, разгорелось жестокое сражение. Мусульманское войско численно превосходило силы христиан. В результате крестоносцы потерпели сокрушительное поражение. Бесчисленное множество их полегло в бою, а оставшиеся в живых были взяты в плен. В руках христиан осталось всего несколько мощных крепостей на севере: Крак-де-Шевалье, Шатель Блан и Маргат.

В начале 1148 года сильно поредевшая крестоносная армия прибыла в Эфес. Отсюда Людовик с большим трудом, выдержав ряд сражений, холод и проливные дожди, добрался в марте 1148 года до Антиохии. Последнюю часть пути его армия проделала на византийских кораблях. В Антиохии французов ждал радушный прием, празднества и торжества. Элеонора завязала интригу с местным правителем. Людовик VII терял всякое воодушевление, а его армия – необходимый боевой настрой.

Тем временем Конрад уже и не думал о совместных действиях со своим союзником. С иерусалимским королем Болдуином III он договорился выступить вовсе не против эмира Мосула – могущественного обидчика Эдессы, ради которой, казалось, и затевался весь поход, – а против Дамаска. К ним вынужден был присоединиться и французский монарх. 50-тысячное христианское войско провело под стенами сирийской столицы много времени. Его руководители быстро перессорились между собой, подозревая друг друга в измене и в желании захватить большую часть потенциальной добычи. Нападение на Дамаск подтолкнуло его правителя к заключению союза с другим мусульманским феодалом – князем Алеппо. Объединенные силы мусульман заставили крестоносцев отступить от Дамаска.

Осенью 1148 года на византийских кораблях немцы отбыли в Константинополь, а оттуда ушли в Германию. Людовик тоже не решился продолжить военные действия. В начале 1149 года французы на норманнских кораблях переправились в Южную Италию, а осенью того же года были уже на родине.

Второй крестовый поход оказался совершенно бесполезным мероприятием. Кроме многочисленных потерь, он не принес ничего своим руководителям и инициаторам – ни славы, ни богатства, ни земель. Аббат Клервоский, для которого поражение похода стало личной трагедией, даже написал «оправдательное слово», в котором он приписывал бедствия войны преступлениям христиан.

Во время Второго крестового похода аналогичные локальные мероприятия устроили некоторые феодалы и в Европе. Так, саксонцы обрушились на славянские племена между Эльбой и Одером, а ряд французских, норманнских и английских рыцарей вмешались в испанские дела, воевали против мавров и захватили Лиссабон, ставший столицей христианской Португалии.

*** * ***

Если можно представить себе «матч всех звезд» в Средние века, то им вполне можно назвать Третий крестовый поход. Практически все яркие персонажи того времени, все самые могущественные правители Европы и Ближнего Востока приняли в нем непосредственное участие. Ричард Львиное Сердце, Филипп II Август, Фридрих Барбаросса, Саладин. Каждый – личность, каждый – эпоха, каждый – герой своего времени.

После Второго крестового похода дела христиан на Востоке пошли еще хуже. Лидером и надеждой мусульманского мира стал выдающийся государственный деятель и талантливый полководец султан Саладин. Вначале он пришел к власти в Египте, затем подчинил себе Сирию и другие территории на востоке. В 1187 году Саладин взял Иерусалим. Известие об этом стало сигналом к началу очередного крестового похода. Римские легаты сумели убедить двинуться на Восток могущественных государей Франции, Англии и Германии – Филиппа, Ричарда и Фридриха.

Германский император избрал для движения уже известный путь через Венгрию и Балканский полуостров. Его крестоносцы во главе с умудренным опытом и практичным 67-летним Барбароссой первыми отправились в поход весной 1189 года. Естественно, отношения немцев с византийцами традиционно испортились, как только латиняне оказались на территории Византии. Начались стычки, разразился дипломатический скандал. Фридрих всерьез подумывал об осаде Константинополя, но в конце концов все более или менее разрешилось и германская армия переправилась в Малую Азию. Она медленно, но уверенно продвигалась на юг, когда случилось непоправимое. При переправе через реку Салейф император утонул. Это событие произвело на пилигримов удручающее впечатление. Многие из них вернулись домой. Оставшиеся двинулись к Антиохии.

Французы и англичане договорились выступить вместе. Хитрый и тонкий дипломат Филипп со времен войн против Генриха II Плантагенета был в самых дружеских отношениях с молодым английским королем Ричардом I. Последний был Филиппу полной противоположностью. Государственные дела интересовали его постольку поскольку. Гораздо больше его занимали война, подвиги, слава. Первый рыцарь своего времени, физически сильный, отважный Ричард Львиное Сердце был не дальновидным политиком и плохим дипломатом. Но пока, перед походом, дружба монархов казалась незыблемой. Некоторое время у них ушло на подготовку, в рамках которой в их странах был установлен специальный налог на все слои населения – так называемая саладинова десятина. Ричард был особенно усерден, собирая деньги. Говорили, что король и Лондон бы продал, если бы на него нашелся покупатель. В результате под его командованием собралась значительная армия.

Филипп Август и Ричард выступили в поход весной 1190 года. Их путь лежал через Сицилию. Уже здесь выявилась вся хрупкость их союза. Ричард предъявил претензии на этот остров. Он начал военные действия против сицилийцев (точнее – норманнов, владевших

королевством), из-за которых поссорился с более мирным Филиппом. Наконец англичане и французы отправились дальше. Войска Филиппа благополучно достигли восточного берега Средиземного моря, а англичан застигла буря, прибившая их к берегам Кипра. Ричард отвоевал остров у узурпатора Исаака Комнина и объявил своим владением. Вскоре он заложил его тамплиерам. Только в июне 1191 года английские силы прибыли к Акре.

У этого приморского сирийского города разворачивались основные события. Собственно, крепость не должна была представлять для христиан большой стратегической ценности. В борьбу за нее поначалу (еще в 1189 году) ввязался лишенный своего города христианский правитель Иерусалима Гвидо Лузиньян. Постепенно к нему присоединялись все приходившие поодиночке отряды из Европы. Поодиночке их и перемалывали мусульмане. Осада затянулась, возле Акры вырос, по сути, христианский рыцарский город. Акра была прекрасно защищена, по морю из Египта и по суше из Месопотамии туда поступали продовольствие и подкрепление. Саладин находился вне города и постоянно совершал набеги на осаждавших. Крестоносные войска страдали от болезней и жары. Прибытие новых сил, а особенно Ричарда, вдохновило крестоносцев на более энергичное ведение боевых действий. Рылись подкопы, строились осадные башни... Наконец в июле 1191 года крепость была взята.

Развить успех на востоке крестоносцам помешала привычная распря. Возник спор из-за кандидатуры нового иерусалимского короля. Филипп поддерживал героя обороны Тира Конрада Монфераттского, Ричард выступал за Гвидо Лузиньяна. Были проблемы и с дележом добычи. Свидетельством ожесточенных противоречий стал эпизод с Леопольдом Австрийским. Он водрузил над одной из башен Акры свой стяг, а Ричард приказал сорвать его. Тогда чудом удалось избежать кровавого столкновения христиан между собой. Филипп, недовольный и раздраженный действиями Ричарда, да и просто считавший свою миссию выполненной, отбыл во Францию. Английский король остался единоличным лидером крестоносного воинства. Полного доверия и одобрения своих действий он не получил. Его отношения с Саладином были непоследовательны. Султан отличался большим политическим тактом и многими истинно рыцарскими качествами, которые ценили в нем даже европейцы. Он охотно шел на переговоры, но когда Ричард любезничал с противником, его подозревали в измене. Когда же он предпринимал более резкие шаги, христиане также имели все основания для недовольства. Так, после взятия Акры рыцари предъявили Саладину чрезмерно тяжелые для него условия выкупа мусульманских заложников: возвращение всех захваченных территорий, деньги, Древо Креста... Саладин медлил. Тогда разгневанный Ричард приказал умертвить две тысячи мусульман – акция, ужаснувшая их единомышленников. В ответ и султан приказал убить пленников-христиан.

От Акры Ричард двинулся не на Иерусалим, а на Яффу. Путь этот был очень труден. Саладин постоянно тревожил рыцарские колонны. Большая битва произошла при Арзуфе. Здесь Ричард проявил себя как удивительно храбрый воин и хороший полководец. Рыцари наголову разбили численно превосходящего врага. Но результатами этой победы королю воспользоваться не удалось. Английский монарх и султан в 1192 году заключили мир, совершенно не отвечавший целям похода. Иерусалим остался в руках мусульман, хоть и был открыт для мирных христиан – паломников. В руках крестоносцев осталась лишь узкая прибрежная полоса, начинавшаяся севернее Тира и доходившая до Яффы. Ричард, возвращаясь домой, в Австрию попал в плен к затаившему на него злобу Леопольду и провел в темнице два года.

Четвертый крестовый поход отчетливо показал, какие на самом деле цели преследует крестоносное воинство и чего стоит его христианское благочестие. Недаром папе Иоанну Павлу II пришлось сравнительно недавно извиниться перед константинопольским патриархом за действия рыцарей в далеком XIII веке.

Инициатором очередного похода стал деятельный Папа Римский Иннокентий III. В 1198 году он начал агитировать западных государей и феодалов вновь идти освобождать Гроб

Господень. Могущественные монархи Англии и Франции на сей раз проигнорировали предложение Иннокентия, но несколько феодалов все-таки решились принять участие в походе. Это были Тибо Шампанский, маркграф Монфераттский Бонифаций, Симон де Монфор, Бодуэн Фландрский и другие.

Крестоносцы согласились с папой в том, что армии сначала следует направиться не в Сирию и Палестину, а в Египет, откуда мусульманский мир и черпал свои силы. Поскольку рыцари не располагали большим флотом, они обратились к ведущей морской державе того времени – Венецианской республике. Богатые купеческие города Италии с самого начала крестовых походов принимали активное участие в их организации. Генуэзцы, пизанцы и венецианцы перевозили припасы и людей, будучи заинтересованными не только в конкретном вознаграждении за эти услуги, но и в усилении своего влияния в Восточном Средиземноморье в ущерб интересам конкурентов: арабов и Византии. В 1201 году престарелый (ему было более 90 лет!) дож Венеции Энрико Дандоло обещал перевезти 25 тысяч крестоносцев в Египет и три года подвозить им припасы за 85 тысяч марок и половину будущей добычи. В мае того же года лидером крестоносцев стал Бонифаций Монфераттский – человек практичный и циничный. Вскоре он и Дандоло оттеснили папу Иннокентия от руководства походом и сосредоточились на своих интересах, отличных от первоначальных целей похода.

Крестоносцы собрались в лагере на острове Лидо, в нескольких километрах от Венеции. Очень быстро обнаружилось, что у крестоносцев нет достаточного количества средств, чтобы платить за продовольствие. Тогда дож договорился с Бонифацием о том, что воины Христа заплатят Венеции услугой – захватят богатый город Задар на Далматинском побережье, принадлежавший тогда Венгрии. О соглашении знали лишь единицы. Всех крестоносцев осенью 1202 года посадили на корабли и через месяц высадили не у Египта, а у Задара, который раздраженные рыцари без труда взяли.

К рыцарям прибыл византийский царевич Алексей Ангел. Его отец Исаак, находившийся в союзе с германским императором, был незадолго до этого свергнут и ослеплен Алексеем III Комнином. Царевичу удалось бежать, и теперь он просил помощи у крестоносцев. А за это обещал богатое вознаграждение, содействие походу в Святую землю и, наконец, восстановление единства Греческой и Римской христианской церкви. Так появился повод пойти на Константинополь. Эту идею активно поддерживали Бонифаций и Дандоло. Венецианцы давно имели зуб на византийцев. В торговом и морском отношении они были сильнее и в Константинополе долгое время имели большие привилегии, однако все чаще между венецианскими купцами и императором возникали недоразумения, стоившие итальянцам больших убытков.

23 июня 1203 года крестоносцы прибыли к Босфору и высадились на азиатском берегу, у Халкидона. Затем они переправились в Галату и стали здесь укрепленным лагерем. Венецианские же корабли, прорвав знаменитую цепь, преграждавшую вход, ворвались в бухту Золотой Рог. К этому времени рыцарское воинство насчитывало около 40 тысяч человек, но вследствие болезней, дезертирства и военных потерь в конечном деле добычи участвовало лишь около 15 тысяч.

Собственно, осады как таковой и не было – все действия сосредоточились на относительно небольшом участке городских укреплений. Стены казались абсолютно неприступными. За прошедшие семь веков они не раз защищали город от гуннов, болгар, славян, арабов и тюрок, чьи армии значительно превосходили те силы, с которыми вели осаду Дандоло и Бонифаций. Но у Константинополя не было достаточного числа защитников. К тому же, в июле Алексей III бежал из столицы. На трон вернулся Исаак. Он и его сын не спешили выполнять свои обязательства перед латинянами. Те же вели себя все более нагло по отношению к местным жителям, вызывая всеобщую ненависть. Закончилось это тем, что власть в столице в январе 1204 года захватил ярый противник крестоносцев Алексей Дука,

Алексей Ангел был брошен в тюрьму и убит. На вопрос западных феодалов, собирается ли новый император выплатить обещанную его предшественниками сумму, он ответил отказом. У крестоносцев появился очередной предлог для захвата Константинополя.

В марте Бонифаций Монфераттский и Дандоло составили детальный план действий, от которого не отступили ни на шаг. Согласно договору, рыцарям предстояло взять Константинополь штурмом и установить в нем латинское правление. Город должно было предать разграблению и всю добычу полюбовно разделить между Венецией и французами. Между ними же и вновь избранным латинским императором делилась территория страны. Решающий штурм начался 9 апреля. Константинополь был взят 12 апреля 1204 года. Эту дату можно считать истинным концом Византийской империи, хотя формально она была восстановлена через шестьдесят лет, после чего существовала еще два века.

Крестоносцы устроили в Константинополе трехдневную кровавую оргию. Они убивали, грабили, насиловали. Очевидцы событий, даже со стороны латинян, с ужасом описывали эти три дня. Рыцари сжигали библиотеки, разрушали бесценные произведения искусства, выносили святыни из церквей, не щадили ни стариков, ни детей. И все это происходило в христианском городе, в рамках Четвертого крестового похода, объявленного для борьбы с «неверными»! На территории Византии была образована Латинская империя.

За все время Четвертого крестового похода, собственно, в Святую землю из Европы прибыли лишь малочисленные отряды тех предводителей, которые в свое время отказались присоединяться к крестоносцам в Венеции. Но эти несколько сотен рыцарей мало чем могли помочь своим единоверцам. Их армия совершила несколько незначительных карательных экспедиций против мусульманского эмира в окрестностях Сидона, а флот разграбил в дельте Нила египетский город Фуву. В результате этих действий в сентябре 1204 года был подписан мирный договор сроком на шесть лет: христианам вернули Яффу, отнятую у них в 1197 году, половину территории Сидона, часть города Назарет. Вообще же Четвертый поход лишь ослабил христианский восток. Возникшая Латинская империя разделила силы: Константинополь поглощал часть субсидий, предназначенных для Святой земли, притягивал к себе солдат, которые могли бы отправиться в Сирию.

*** * ***

На наш взгляд, нет ничего удивительного в том, что рассказ о детском крестовом походе был отнесен ко времени упомянутого выше папы Иннокентия III. Личность его в высшей степени любопытна. Папа отличался неукротимой энергией, честолюбием, по всей видимости, искренней убежденностью в том, что он делает правое дело, преданностью католической церкви. За время своего нахождения на папском престоле Иннокентий III организовал немало масштабных мероприятий. Он вмешивался в дела государей по всей Европе, его руки дотягивались до Англии, Прибалтики, Галиции... Главной своей целью папа считал закрепление владычества пап над Европой.

Иннокентий III (его имя до принятия тиары Джiovанни-Лотарь Конти) сменил на папском троне Целестина III 8 января 1198 года. Любопытно, что до этого он не был даже епископом, было ему всего 38 лет, но кардиналы уже считали его лучшим претендентом на Святой престол.

Папа немедленно начал решать проблемы с врагами престола. Для начала он разобрался с римскими аристократами, пользуясь при этом всемерной поддержкой простого городского населения, среди которого он был необычайно популярен. Затем Иннокентий обратился к итальянским делам, где с ним за влияние традиционно боролись немцы. Немецкие бароны, посаженные в разных городах Апеннинского полуострова императором Генрихом VI, вынуждены были покинуть Папскую область. Флорентийские города образовали

независимый союз, но и там были сильны папские симпатии. Не прошло и года, как Папская область под руководством Иннокентия III достигла наибольших пределов за всю предшествовавшую историю. После Италии пришел черед остальной Европы. Как пишет историк Н. Осокин: «Для Иннокентия на всем Западе не существовало человека слишком бедного, слишком ничтожного и, наоборот, властителя слишком влиятельного». Именно поэтому он смело вступал в противостояние с самыми могущественными государями, широко используя при этом настроения в низах, эксплуатируя их религиозность, а, подчас, невежественность и воинственность.

В выполнении своих планов по отношению к властителям современной ему Европы Иннокентий встретил сильное сопротивление. Влияние в Германии, Англии, Франции, Леоне (одном из испанских королевств), Португалии, наконец, мятежном Лангедоке (области на юге Франции) папа упрочил после тяжелой борьбы с политиками и духом национальной самобытности.

В Германии было полное смятение: шла борьба за императорский престол. Надежды партий были связаны и с действиями Иннокентия III, многое зависело от того, кого из трех претендентов он поддержит: Филиппа Гогенштауфена, Фридриха Гогенштауфена или Оттона IV, герцога Брауншвейгского, лидера партии Вельфов^[15]. Филипп и Оттон были избраны на престол германскими князьями почти одновременно, каждый своей партией. Между соперниками началась война. На прямого наследника, сына последнего императора – Фридриха, первое время не обращали внимания. Иннокентий после долгих раздумий высказался в пользу Оттона, против которого протестовала почти вся средняя и южная Германия. Его противники отправили папе довольно жесткий протест. «Может быть, святая курия, – писали авторы этого документа, – в своей родительской нежности считает нас дополнением Римской империи. Если так, то мы не можем не заявить о несправедливости всего этого...» Но курия именно так и считала, поэтому Иннокентий продолжал отстаивать свою точку зрения. В пользу же Филиппа заговорил его тезка – король французский, только что подвергнутый унижению со стороны понтифика, о чем пойдет речь ниже. Ситуация разрешилась в пользу Оттона довольно неожиданно. 23 июня 1208 года Филипп Гогенштауфен был убит своим личным врагом – одним из немецких феодалов. Оттон, впрочем, не оправдал надежд папы. В 1210 году он попытался захватить Королевство Обеих Сицилий, включавшее в себя значительную часть Апеннинского полуострова, и был отлучен от церкви. Это в очередной раз показало, что расхождения между понтификатом и Священной Римской империей имеют системный характер. Кто бы ни приходил к власти в империи, он неизменно приходил к конфликту с папой из-за права вмешиваться в дела церкви в своей стране и притязаний на некоторые спорные территории.

Гораздо более жестко Иннокентий III поставил на место непокорного английского монарха, коим был безызвестный Иоанн Безземельный – король, который не желал делить свою власть ни с кем, даже с католической церковью. В 1205 году Иоанн попытался отменить папское утверждение нового архиепископа Кентерберийского – главы английской церкви. В результате Иннокентий наложил на Англию интердикт. Для средневекового человека прекращение всех обрядов и торжеств, закрытие храмов было катастрофой. Некоторое время английский король боролся: велел хватать, изгонять, вешать и резать тех духовных лиц, которые подчинялись интердикту. Он конфисковал их имения, поощрял грабеж, но добился только того, что еще более восстановил против себя население страны. В 1212 году Иннокентий отрешил Иоанна от престола и освободил английских феодалов от вассальной присяги своему королю. Гнев монарха сменился на раболепие. Он отказался от Англии в пользу Рима и получил его обратно у папы с обязательством большой ежегодной дани.

Англией и Германией папа не ограничился. Именно при Иннокентии начались завоевательные походы Тевтонского ордена на территории расселения пруссов и ордена

меченосцев в землях ливов^[16]. И в Пруссии, и в Ливонии крестовые походы сопровождались беспощадным опустошением земель. Боролся папа и за усиление своего влияния в Испании.

Одним из сильнейших противников Иннокентия в свое время стал выдающийся французский монарх Филипп II Август. Тогда наступала пора могущества королевской власти, шел процесс объединения французских земель. Филипп II успешно боролся с англичанами за отошедшие им при Элеоноре Аквитанской обширные территории во Франции, заполучил в свои руки владения феодалов, уходивших в крестовые походы на восток, наладил отношения с городами, которые выводил из-под власти баронов. Немало было сделано в области административного, экономического устройства государства. Такой король был, естественно, против того, чтобы Рим имел большое влияние на французские дела. Поводом для столкновения между Филиппом и Иннокентием послужили брачные проблемы короля. Последний не любил свою супругу Ингеборгу, сестру датского короля Кнута. Когда на просьбу Филиппа о разводе папа Целестин III ответил отказом, король приказал запереть Ингеборгу в монастырь, а сам женился на дочери одного из тирольских князей. Придя к власти, Иннокентий решительно повел борьбу за выполнение папского распоряжения. В январе 1200 года французское духовенство собралось на собор во Вьенну. Легат папы объявил, что Франция предана отлучению от церкви за грехи своего короля. Филипп II Август вынужден был уступить. В 1202 году отлучение было снято. Говорят, король с горечью произнес: «Как счастлив Саладин, что у него нет папы». Ингеборга была возвращена ко двору. Но французский монарх затаил ненависть к Риму и, несомненно, не был надежным подданным курии.

Иннокентий III питал определенные надежды и на установление своего влияния в Византии. Именно в правление этого понтифика был организован кровавый Четвертый крестовый поход, в ходе которого крестоносцы разгромили Константинополь. Впрочем, папа был недоволен проявленной ими жестокостью. Узнав о диких злодеяниях французов и венецианцев, он наказал виновных отлучительной буллой. Зато Иннокентий сам стал организатором не менее кровопролитной альбигойской кампании^[17] на юге Франции, в ходе которой именно с его позволения начала действовать инквизиция. Любопытно, что король Филипп лично не участвовал в войнах против еретиков. Битвы с альбигойцами на первом этапе велись, собственно, Римом и набранным им крестоносным воинством. Вряд ли французский король был в восторге от того, что на территории его королевства хозяйничает чужая армия.

Таким образом, крестовый поход детей, произошедший якобы в 1212 году, может иметь самое непосредственное отношение к истории борьбы Иннокентия с германскими и французскими правителями. Мы опять имеем дело с какими-то призванными церковью, организованными и, вероятно, вооруженными группами, которые собираются в Германии и Франции и шествуют по дорогам владений непослушных монархов. Их цели в данном случае можно разделить на формальные и фактические. Так же, как участники Четвертого крестового похода отправились в Египет, а приплыли в Далмацию, участники «детского» похода шли в Святую землю, а дошли до Марселя. Причем, возможно, и французы, и германцы. Французы даже имели при себе письмо на имя Филиппа II Августа. Что было в этом документе, чего хотели добиться легаты, тайно направлявшие поход? Выступления регулярных сил короля на Ближний Восток? Их же участия в Альбигойской войне? Полного подчинения короля папе? А может, монарх готовил очередную попытку отстранить церковь от решения государственных проблем Франции, и многотысячная процессия послужила превентивной мерой, удержавшей его от этого шага? Ведь коль уж понтифик может поставить под свои знамена колоссальные массы простолюдинов (помимо основной части «детского войска», по дорогам Франции маршировали местные формирования), разве можно бороться с Римом?

Те же вопросы можно задать и в отношении германского императора Фридриха II Гогенштауфена – в будущем ярого противника Рима. И в его стране без его участия «самозародилось» детское крестоносное движение, и здесь все бурлило, народ волновался, покидал родные места. Это, мягко говоря, не способствовало укреплению государственной власти. Папа показал, что имеет возможность устроить массовое переселение людей из какой-либо страны в Италию, то есть, собственно, переход на сторону папы. Показал на примере надежды, будущего страны – молодых людей. Впрочем, в это время императором продолжал считать себя и Оттон IV. Окончательно он проиграл корону Фридриху только после катастрофической для себя битвы при Бувине (1214), где потерпел поражение от Филиппа II Августа. Не был ли связан детский поход на территории Германии с поддержкой, которую тогда Иннокентий оказывал именно Фридриху? Этого мы не знаем. Зато можем предположить, что переселение части населения на юг, в Италию, было организовано самим Фридрихом при поддержке папы. Дело в том, что Гогенштауфену принадлежало и Королевство Обеих Сицилий, которое, кстати, интересовало этого правителя гораздо больше.

Все эти размышления, хотя и имеют несколько спекулятивный характер, отнюдь не являются праздными. В любом массовом движении «низов общества» и сейчас следует искать руку «кукловода». Те цели, которые анонсируются руководителями движения, могут вовсе не соответствовать реальным задачам спонсоров и инициаторов процесса. Средневековые политики отличались изощренностью и цинизмом. Тем более такие, как Иннокентий III – человек безусловно одаренный и амбициозный. Но вернемся к событиям, непосредственно связанным с детским крестовым походом.

* * *

Не следует думать, что борьбой за Иерусалим духовенству удалось увлечь только жадное до наживы, ищущее подвигов рыцарство и столь же жадное итальянское купечество. Крестоносный дух поддерживался и в низших слоях общества, где обаяние его мифов было особенно сильным. Поход юных крестьян стал воплощением этой наивной приверженности этому духу.

Разруха, убоицы и изнурительные крестовые походы опустошали европейские города и деревни. Люди страшились очередной кровавой бойни за Гроб Господень. Но папская курия не унималась. Иннокентий III рассылал своих легатов, чтобы те воодушевляли массы и баронов на новый поход против неверных. Народы воодушевлялись, но лишь на словах. Первосвященитель раздражался угрозами опалы и отлучения, священники изощрялись в красноречии, а народ, надрывая глотки в криках одобрения, упрямо не желал пополнять ряды крестоносного воинства.

В этих условиях была сформирована новая концепция крестовых походов: «Божье дело» будет успешным, если оно окажется в руках тех, кто менее всех погряз в грехах и корысти. Эта идея совпадала с настроениями крестьян, страдавших от сеньориального гнета, убоиц, неурожаев, эпидемий и винивших в этом аристократов. Крестовый поход бедноты под руководством Петра Пустынника (в рамках Первого крестового похода) служил идеологам крестьянского движения примером.

По деревням и местечкам вновь заговорили о том, что бедняки, не отягощенные грехом стяжательства, не добивающиеся ни власти, ни богатства, чистые перед Богом в своей вере, сумеют скорее получить от Всевышнего ту милость – освобождение Иерусалима, которую Господь не пожелал даровать корыстолюбивым рыцарям, князьям и государям. Эта идея укоренялась в низах не без влияния проповеднической деятельности церковных служителей различного ранга, подвизавшихся в конце XII – начале XIII века главным образом во Франции, отчасти в Италии, Германии и других странах. Речь идет о таких церковных

иерархах, как архидьякон Петр Блуаский, богослов Алан Лилльский, священник Фульк де Нейи и его учитель, известный теолог Петр Кантор. К этой же категории проповедников можно отнести и вышедшего из купеческой семьи, но отказавшегося от богатства Франциска Ассизского, и множество бродячих проповедников.

Видя нарастание народного недовольства (его показателем был рост числа еретиков), эти прелаты, богословы и проповедники, чтобы погасить разгоравшийся пожар, принялись усердно распространять мысль о необходимости для церкви вернуться к своему первоначальному, «апостольскому» состоянию; все они на разные лады прославляли бедность. В сочинениях церковных писателей перепевались одни и те же мотивы, строившиеся на основе евангельских истин: «Господь избрал бедняков, богатых верою»; «легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богачу попасть в Царствие Небесное». Петр Кантор даже осуждал сооружение в Париже пышного собора Богоматери (Нотр-Дам).

Петр Блуаский, написавший трактат «О необходимости ускорения иерусалимского похода», порицал в нем рыцарей, превративших крестовый поход в мирскую авантюру; такая авантюра, утверждал он, обречена на провал.

Освобождение Иерусалима удастся лишь беднякам, сильным своей преданностью Богу. Алан Лилльский в одной из своих проповедей, сокрушаясь о падении Иерусалима, объяснял его тем, что Бог отступился от католиков. «Он не находит себе прибежища ни у священников, ибо тут нашла себе прибежище симония (продажность), ни у рыцарей, ибо для них прибежищем служат разбои, ни среди горожан, ибо у них процветает ростовщичество, а среди купцов – обман, ни у городской черни, где свило себе гнездо воровство». Здесь повторялись те же доводы: Иерусалим спасут бедняки, те самые нищие духом, о которых говорится в Евангелии от Матфея. Бедность рисовалась источником всех добродетелей и залогом грядущей победы над «неверными».

Урок, который церковники извлекали из крестовых походов XII века и преподносили простому люду, состоял в том, что воины Христа завоюют победу не при помощи денег, не силою оружия и вообще не в сражениях, но единственно полагаясь на Божье милосердие. Чтобы доказать этот тезис, Франциск Ассизский в 1212 году собрался предпринять пропагандистско-паломническое турне на Восток, но вернулся, потерпев кораблекрушение у берегов Далмации.

На фоне таких проповедей многие современники пришли к убеждению, что только безгрешные дети способны освободить Святую землю. Пламенные речи проповедников, оплакивавших захват «неверными» Гроба Господня, нашли широкий отклик среди детей, в основном из крестьянских семей Северной Франции и Прирейнской Германии. Религиозный пыл подростков подогревали родители и приходские священники, которые зачастую были так же невежественны, как и их паства. В этих условиях во Франции и в Германии, по свидетельствам хронистов, нашлись подростки (или их не слишком совестливые родители), которые смогли увлечь за собой тысячи своих ровесников.

Согласно легендам, в 1200 или 1201 году неподалеку от Орлеана в деревушке Клуа в крестьянской семье родился мальчик по имени Стефан (по другим данным, Этьен). Как и все крестьянские дети, Стефан с малых лет работал – пас скот. В пять лет он остался сиротой – жизни его родителей унесла одна из многочисленных эпидемий. Мальчик был долговяз, имел голубые глаза и каштановые волосы. От сверстников он отличался большей набожностью: Стефан чаще других бывал в церкви, плакал от переполнявших его чувств во время литургий и крестных ходов. С малых лет его потрясал апрельский «ход черных крестов» – торжественная процессия в день святого Марка, участники которой несли обвитые черной холстиной кресты. В этот день возносили молитвы за воинов, сложивших свои головы в Святой земле, за тех, кто влачил жалкое существование в мусульманском рабстве. Мальчик воспламенялся вместе с толпой, яростно клявшей неверных.

В один майский день 1212 года Стефан повстречал монаха-пилигрима, шедшего из Палестины, который попросил у пастушка подаяние. Приняв его, монах принялся рассказывать о заморских чудесах и подвигах крестоносцев. В какой-то момент пилигрим заявил очарованному рассказом маленькому слушателю, что является никем иным, как Иисусом Христом. Он велел Стефану стать во главе нового крестового похода, в который отправятся дети, ибо «от уст младенца исходит сила на врага». По мнению монаха, для достижения успеха не требовалось оружие, достаточно было безгрешности участников похода и Божьего слова. Стефан принял от новоявленного мессии письмо к королю Франции, после чего монах удалился. Мальчик бросился домой и рассказал обо всем родственникам. Никакие уговоры и побои не могли его остановить. Он собрал небольшую котомку и отправился в аббатство Сен-Дени – святого покровителя Франции, – решив собирать свое воинство в месте стечения паломников.

Этот и дальнейший рассказ основан на легендах, которые передают хронисты наряду с совершенно сказочными сведениями о фауне отдаленных территорий, чудесах, творимых святыми, и т. д. Поэтому не стоит удивляться его фантастичности и всерьез искать логические «дырки». Они были очевидны и историкам, жившим в XIII веке. Так, один из трезво мыслящих хронистов утверждал, что Стефан был «рано возмужавшим негодяем и гнездилищем всех пороков». Только так, по его мнению, можно было объяснить то, что отроку удалось собрать массу сторонников. Можно также предположить, что такой мальчик действительно существовал и был достаточно благочестив, но его нашли и поддержали умудренные опытом политики, жаждавшие наживы купцы, хитроумные клирики. Не исключено, что пастушок из Клуа был наделен и известными в округе способностями – ораторским даром, определенной харизмой, психотерапевтическими способностями. Но вернемся к легенде.

По пути Стефан задерживался в городах и селах, где своими речами собирал десятки и сотни людей. Благодаря многочисленным повторам своих речей он перестал робеть. Аббатство Сен-Дени, расположенное в девяти километрах от Парижа, притягивало многотысячные толпы паломников. Стефана там приняли со всем возможным радушием: святость места располагала к ожиданию чуда – и вот оно: ребенок-златоуст. Он живо пересказывал на свой лад все, что слышал от пилигримов, выжимая слезу у экзальтированных паломников. Стефан указывал на мощи святого Дени, которые хранились среди сокровищ, а затем спрашивал, такова ли судьба Гроба самого Господа, оскверняемого неверными. Для пущей убедительности маленький проповедник потрясал свитком, полученным от самого Христа, и люди, среди которых подавляющее большинство не умели написать своего имени, восторженно гудели, увидев это «доказательство». Сообщал Стефан и о множестве знамений, которые подтолкнули его к взятию на себя священной миссии. Так, однажды его стадо забрело в пшеницу, пастушок погнался за ними, а овцы вдруг якобы пали перед ним на колени. «Не так ли и нехристи падут перед нами?» – вопрошал мальчик. Доверчивые летописцы сообщают, что Стефан не только проповедовал, но и совершил немало чудес, исцелял хромых и слепых.

Восхитив взрослых, Стефан из Клуа стал и настоящим героем, примером для французских детей – и тех, кто лично видел его выступления в Сен-Дени, и тех, до кого только докатился слух о чудесном мальчике. Маленькие французы давали друг другу клятвы помочь юному пастушку, мечтали о взрослых подвигах, освобождении от родительской опеки.

Поход поддержал орден францисканцев, основанный всего за четыре года до описываемых событий. Францисканцы проповедовали апостольскую бедность и аскетизм. Логично, что монахи именно этого ордена оказались среди инициаторов и пропагандистов похода детей из крестьянских семей. Отношение же высшего духовенства и папы к затее организовать крестовый поход детей остается спорным вопросом. Вероятнее всего, если

такой поход и состоялся, то Иннокентий III видел его не таким, каким он описан в легендах. Скорее всего, в распространении этой идеи папство видело лишь импульс для начала «взрослой кампании», а также использовало ее в воспитательных целях, готовя будущих «христовых воинов». Но Рим не учел того, насколько доверчивы и легко возбуждаемы были простые люди в то время, не смог удержать движение под своим контролем. Вряд ли кардиналов действительно интересовало участие в освобождении Иерусалима младенцев.

Церковь поддерживала распространение слухов о предзнаменованиях для детского похода: плодovitость лягушек, столкновения собачьих стай, даже начинающаяся засуха – все шло в дело. То там то здесь появлялись пророки двенадцати, десяти и даже восьми лет от роду. Все они твердили, что посланы Стефаном, хотя многие из них в глаза его не видели. Все эти пророки тоже лечили бесноватых и творили другие чудеса. Детвора формировала отряды и устраивала марши, вербуя новых сторонников. Во главе каждого шествия, поющего гимны и псалмы, находился свой пророк. Дети держали в руках кресты и зажженные свечи. Не изгоняли из этих «потешных полков» и девочек, многие из которых переодевались мальчиками. В движение влились и отпрыски знатных семей, которым часто приходилось подчиняться вожаку из крестьян. Сложно сказать, как принимали эти игры родители. Отношение к ребенку было еще далеко не столь трепетным, каким оно стало впоследствии. Для крестьян, страдающих от неурожая и недоедания, длительное отсутствие одного рта могло казаться благом. Тем более, что сын или дочь участвовали в святом деле, кормясь то ли за счет церкви, поощрявшей религиозное рвение молодых людей, то ли за счет других крестьян, дома которых оказывались на пути следования детских процессий. А многие отцы и матери сами бросали свои поля и дома и отправлялись в путь.

Скорость, с которой кампания по организации детского похода охватила всю Францию, поражает воображение. По сообщениям средневековых хроник, прошел всего месяц с того дня, когда Стефан поговорил с монахом-Христом, а уже тысячи детей по его призыву начали собираться в городе Вандом. С ними были взрослые: монахи и священники, городская и деревенская голытьба, которой нечего было терять в родных местах, множество воров, шулеров, девиц легкого поведения – обязательный атрибут любого крупного начинания в то время. Преступники и проститутки, «впавшие в детство» старцы и другие прохиндеи, которые шли с маленькими крестоносцами, небезосновательно рассчитывали поживиться за счет, например, знатных детей, которых хорошо снарядили в дорогу.

Первым понял, что дело зашло слишком далеко, прагматичный собиратель французских земель король Филипп II Август. Он обратился за советом к профессорам Парижского университета – признанным авторитетам в области богословия и юриспруденции. Ученые мужи категорически заявили, что поход следует остановить, поскольку он вдохновлен Сатаной. Тогда король издал эдикт, повелевающий детям немедленно бросить нелепую затею и разойтись по домам. Но малолетние крестоносцы не послушались монарха, в чем их поддержали бессовестные купцы и клирики. Папа Иннокентий III, похоже, тоже еще не понимал, чем может обернуться поход детей, и все еще надеялся возбудить с их помощью энтузиазм у взрослых рыцарей. Он заявил: «Эти дети служат укором нам, взрослым: пока мы спим, они с радостью выступают за Святую землю». Бароны же не решились силой разогнать воинство, опасаясь бунтов, – ведь простолюдины, разгоряченные всей предшествующей пропагандой, поддерживали идею похода. Филиппу II пришлось «умыть руки».

Сейчас сложно себе представить, что массовый психоз, охвативший детей, может иметь более серьезные последствия, чем кратковременное и повальное увлечение той или иной игрушкой, что дети могут реально противостоять взрослому миру. Но хроники сообщают именно об этом. Большинство родителей уже осознали масштабы бедствия, они пороли отпрысков, запирали их в чуланах и связывали, но те бились в истериках, отказывались от пищи и все равно сбегали. Вероятно, дома им жилось не лучше, чем вдали от него. А то и хуже.

Дети надевали своеобразную униформу: серые рубахи поверх коротких штанов и большой берет. Хотя многие из них не могли себе этого позволить и шли по дороге босыми в своем обычном рванье. На груди у участников похода был нашит матерчатый крест красного, зеленого или черного цвета (эти цвета соперничали друг с другом). У каждого отряда был свой командир, флаг и прочая символика, которой ребятишки очень гордились. Когда отряды с пением, знаменами и крестами торжественно проходили через города и деревни, направляясь в Вандом, только очень крепкие двери могли удержать ребенка дома. Восторженные толпы зевак бурно приветствовали детвору, чем еще больше подогревали ее честолюбие.

Некоторые священники пытались остановить шествие, увещевали отдельные отряды. Но лишь немногим удалось повернуть часть детей вспять. Тем более, что папские эмиссары продолжали воодушевлять юных защитников Гроба Господня. Кое-кто из духовников присоединился к детям, отлично понимая, что подвергает свою жизнь опасности.

*** * ***

Весть о мальчике-пророке Стефане пешие богомольцы разнесли по всей стране. Те, кто ходил на поклонение в Сен-Дени, принесли новость в Бургундию и Шампань, а оттуда она достигла берегов Рейна. В Германии не замедлил объявиться свой «святой отрок». Его звали Николас. Родился он в деревушке близ Кельна. На начало похода Николасу было 10–12 лет. Известно, что его энергичным «промоутером» выступил отец. Какое положение этот человек занимал в обществе, мы не знаем, но хронисты утверждают, что им руководили самые низкие мотивы – заработать со временем на работорговле.

Кельн – религиозный центр германских земель, куда стекались тысячи паломников зачастую со своими детьми, – был лучшим местом для развертывания агитации. В одной из церквей города хранились почитаемые мощи «Трех королей Востока» (волхвов, принесших дары младенцу-Христу) – героев популярной церковной легенды. Именно здесь, в Кельне, по наущению отца Николас провозгласил себя избранныком Божиим.

Далее события развивались по уже знакомому нам сценарию. Николас утверждал, что ему было видение креста в облаках, и голос Всевышнего велел ему собирать детей в поход; толпы бурно приветствовали новоявленного пророка; последовали исцеления и иные чудеса, слухи о которых распространялись с невероятной скоростью. Николас ораторствовал на папертях церквей, на бочках посреди площадей; всякий раз в патетических местах своей речи указывая на собор с драгоценной ракой, к которой богомольцы сносили свои пожертвования, он риторически вопрошал: «А таким ли почетом окружен Гроб Господень в Иерусалиме? Неужели мы бесчувственнее франков? Неужели только им одним достанется слава завоевания Святой земли?» Николас призывал подростков отправиться в Иерусалим, убеждая, что сам Бог окажет детям поддержку – море расступится перед ними, как это было с библейским народом под предводительством Моисея, и они перейдут по нему сухими ногами. Трирский хронист, возможно, воочию видевший Николаса, упоминает такую деталь: он нес значок вроде креста, по виду сходного с буквой «Т».

Взрослые паломники разносили весть о малолетнем пророке, дети собирались в команды и шли в Кельн. Молодой просвещенный император Фридрих II, который только что отвоевал престол у дяди, был в тот момент в фаворе у римского папы и чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы сразу и категорически запретить детский поход. Так что, дети собрались в Кельн лишь из ближайших прирейнских районов. Но полностью свести на нет всю затею монарху не удалось. В этих самых районах из семей уходили не один-два человека, как во Франции, а поголовно все мальчики. Девочек в отрядах было довольно мало, зато встречались (опять же, в отличие от отрядов Стефана из Клуа) совсем еще

мальцы – шести и семилетние, которые уже на второй день просились домой, многие из них умирали уже на второй неделе похода – от голода и болезней, многие без вести сгинули, не зная дороги назад. (Другие источники утверждают совершенно противоположные вещи – германцы были в среднем постарше, а девочек здесь было больше, чем во французском воинстве.) Было в германском детском воинстве и гораздо больше знатных юнцов. В своих проповедях германский пророк особенно упирал на мотивы мести за убиенных в предыдущих крестовых походах немцев. Взрослые германцы умилялись детскому пению: «Пройдем по морю, как посуху. Обратим неверных словом Божиим, да примут святой закон Христа!»

Жители Кельна были на диво гостеприимны и давали приют и пищу тысячам детей, хотя и жаловались на наплыв преступного сброда. Большая же часть мальчиков ночевала в полях вокруг города. Торжественное выступление из Кельна состоялось в конце июня. Под знаменами Николаса собралось около 20 тысяч детей (а по некоторым источникам – вдвое больше). Кельнцы высыпали на городские стены. Под звуки труб, затянув во славу Христа гимн собственного сочинения, юные крестоносцы двинулись в путь. Таким образом, германцы отправились в поход раньше, чем собиравшиеся в Вандоме инициаторы движения – французы.

Большинство детей двигалось, конечно, пешим ходом, хотя самого предводителя и знатных участников похода везли повозки. Неподалеку от Кельна воинство Николаса разбилось на две колонны. Одну возглавил сам Николас, другую – мальчик, чьего имени хроники не сберегли. Колонна Николаса двигалась на юг коротким путем: по Лотарингии вдоль Рейна, по западу Швабии, через французскую Бургундию и западную Швейцарию, проходя через Женеву. Вторая колонна добиралась до Средиземного моря по длинному маршруту: через Франконию и Швабию. И тем и другим путем в Италию преграждали Альпы. Логичнее было бы идти по равнине в Марсель, но туда намеревались направиться французские дети. На наш взгляд, выбор маршрутов доказывает, что движение во Франции и Германии управлялись из одного центра, который возглавляли уж точно не дети или их не слишком грамотные родители, плохо представлявшие себе географию и ход событий в другой стране.

Отряды растянулись на многие километры. Оба маршрута пролегли через еще плохо освоенные и малонаселенные даже по тем временам земли. Леса кишели разбойниками и дикими зверями. Дети тонули при переправах через реки, многие убегали обратно домой. Значительная часть крестоносцев (по утверждениям некоторых ранних хроник, собственно, едва ли не все) не пошла дальше Майнца. Но ряды «воинства» тут же пополнялись детьми из придорожных населенных пунктов. Во многих из них родители организовывали своеобразные милицейские отряды, основной задачей которых было не пустить в город или деревню многотысячные толпы детей и их наставников сомнительной репутации, уберечь своих чад от «заразы». В отрядах германских детей процветало воровство. Подонки всех мастей отнимали у юнцов последний грош – во время игры в карты, как плату за любовь и т. д. Дисциплина падала изо дня в день.

Как правило, отряды выступали в путь рано утром, распевая гимны. Тот год выдался засушливым, палящее солнце почти не пряталось за тучи. В середине дня следовал привал, во время которого дети и взрослые рассказывали истории о битвах и походах, о рыцарях и пилигримах. К моменту, когда колонна Николаса стала лагерем в предгорьях Альп у озера Леман, ее командир располагал вдвое меньшим количеством людей, чем в начале похода. Местные жители встретили детей настороженно, еду крестоносцы не получили. К тому же здесь орудовали шайки арабских грабителей. Многие взрослые участники похода, которые уже выжали все что могли из своих «подопечных», разбежались, отряды детей двигались по ночам, без пения и поднятых крестов. Каждый день они хоронили десятки своих сверстников, умерших от болезней, голода и убитых разбойниками.

Вскоре добавились сотни смертей от холода и падения в пропасти – дети следовали через Альпы, там, где с таким трудом пробирались ранее воины Ганнибала и позднее суворовские отряды, составленные из закаленных в боях солдат, шли мальчишки, многие из которых не имели даже обуви. На высшей точке перевала детей обогрели и немного подкормили проживавшие здесь монахи, но наверняка еды, одежды и крова на всех не хватило. После перехода через Альпы в живых остался лишь каждый третий участник похода.

В богатой и цветущей Италии маленьких крестоносцев встретили с плохо скрываемым раздражением. Они были вынуждены заплатить за грехи своего давно почившего соотечественника – императора Фридриха Барбароссы. Итальянцы хорошо помнили опустошительные набеги на Северную Италию, которые совершали его воины в середине XII века. Пламенные пропагандисты призывали не пускать в города «германских змеенышей», лишь самые жалостливые давали подаяние. Вспомнили немцам, между прочим, и то, как Барбаросса увез из Милана те самые мощи волхвов, возле которых начинался поход сторонников Николаса. Всего около трех-четырёх тысяч детей дошло до Генуи. В субботу 25 августа 1212 года изнуренные подростки появились на берегу генуэзской гавани. Эту дату называет очевидец событий хронист Оженио Пани. Он же говорит, что к Генуе подошло 7 тысяч человек – мужчин, женщин и детей.

Когда во Франции и Германии агитаторы призывали детей к походу, они утверждали, что море само расступится перед выполняющими святую задачу крестоносцами. Но оно почему-то не спешило этого делать. Денег, чтобы зафрахтовать корабли, у Николаса и его соратников не было. Руководители Генуэзской республики приняли делегацию детей, которую возглавляли несколько священников. Они не просили денег и кораблей, а лишь испрашивали разрешения переночевать на улицах Генуи. Отцы города позволили крестоносцам остаться в Генуе на неделю, настоятельно посоветовав им после этого вернуться на родину. Но вскоре, однако, последовало противоречащее первоначальному разрешению указание сенаторов – оставаться в городе детям разрешено только на одну ночь.

Утром люди Николаса опять стояли у моря. Развернув знамена, они запели псалмы и пошли навстречу волнам. Дети зашли в воду по пояс, но море так и не расступилось. Генуэзцы осыпали неудачливых «моисеев» градом насмешек. К вечеру участники похода отступили. Часть из них воспользовалась приглашением жителей города остаться здесь навсегда – некоторых знатных юношей приютили в аристократических и патрицианских домах, многие попали в услужение. Некоторые знатные роды Генуи впоследствии вели свою родословную от юных германцев, поселившихся когда-то в этих местах.

Самые же непреклонные собрались в поле недалеко от Генуи и обсудили дальнейший план действий. Они решили двигаться дальше по Италии, ужасаясь одной мысли вернуться в Германию через Альпы. Отряды двинулись на юго-восток. Николаса хроники в связи с этим походом больше не упоминают. Зато говорят о том, что разгневанные германцы линчевали его отца. Легенда гласит, что Николас выжил и даже участвовал в сражении при Дамьетте в 1219 году, произошедшем в ходе Пятого крестового похода.

Дети жили за счет милостыни, многие занялись откровенным разбоем. Некоторая их часть достигла другого богатого итальянского города-государства – Пизы. Приняли их здесь, возможно, не так и плохо. В первую очередь, благодаря соперничеству Пизы с Генуей – все, что отвергалось в одном городе, поощрялось в другом. В хрониках есть упоминание о том, что пизанцы даже снарядили два корабля и так отправили детей в Палестину.

Несколько сотен германских подростков осенью добрались до Вечного города, который произвел на них плохое впечатление. После богатых купеческих городов Генуи и Пизы имевший долгие традиции паразитического существования, переживший века смут, дворцовых переворотов и мятежей Рим выглядел убого. Папа Иннокентий III, который давно осознал провал начинания, принял представителей отряда, похвалил, а затем, освободив от

обета немедленно начать борьбу с неверными, отправил восвояси, не снабдив их ничем необходимым и мало заботясь о том, как дети доберутся до далекой Германии. Зато он не забыл заставить их дать клятву, что, «придя в совершенный возраст», они отправятся в новый крестовый поход. До дома добрались лишь немногие, большинство детей осели в Италии.

Не менее трагическая судьба постигла вторую германскую колонну. Она перевалила через Альпы в менее опасном месте – через перевал Сен-Готтард, но в отряде было быстро потеряно единое руководство. Достигнув Италии, колонна подошла к морю близ Анконы, затем попыталась войти в Милан, город, в котором ненависть к германцам была особенно сильна. Там на детей спустили собак. Враждебно их встретили и в Равенне, и в других местах. Однако нескольким тысячам удалось добраться до южной оконечности Апеннинского полуострова. В Рим они не заходили, поскольку уже знали о решении понтифика. Юные крестоносцы намеревались отплыть в Святую землю из порта Бриндизи. На юге Италии царил голод, засуха уничтожила весь урожай, наблюдались многочисленные случаи людоедства, в городах царила анархия. Некий оборотистый норвежец, ведший дела в тех местах, определил девочек из отрядов в притоны, и много лет спустя хронисты удивлялись тому факту, что в этих местах много белокурых, голубоглазых жриц любви. Мальчиков обращали в полурабов. Урегулировать ситуацию пытался архиепископ Бриндизи. Собрав остатки незадачливого воинства, он вывел их из города и приказал отправиться домой. Небольшую группу фанатиков архиепископ усадил на утлые суденышки, которые отправились в Палестину и затонули едва ли не на глазах тех, кто провожал их в порту. Другие источники утверждают, что архиепископ, наоборот, заподозрив, что отец Николаса собирается продать детей язычникам, категорически запретил им посадку на корабли. Но те добились своего, а вскоре действительно попали в руки арабских пиратов и были проданы.

Возвращение домой тех германцев, которые послушались советов папы и архиепископа Бриндизи, было еще более тяжелым, чем путь в Италию. Теперь люди совсем не хотели помогать крестоносцам. Дети возвращались поодиночке, без песен и знамен. Многие из них были убиты, погибли от голода и холода.

*** * ***

Обратим теперь свой взор на малолетних французов, участвовавших в этом легендарном мероприятии. Более чем тридцать тысяч детей выступили в поход тогда, когда их немецкие сверстники уже находились в Альпах. В первые дни толпа была очень воодушевлена и уверена в конечном успехе предприятия. Хронисты сообщают, что колонну сопровождали птицы и бабочки. Стефан ехал в лучшей повозке, укрытой дорогими коврами. К нему были приставлены двенадцать юношей из аристократических семей в качестве адъютантов. Они были на лошадях и носились вдоль колонны, передавая распоряжения юного вождя.

Похоже, что процветал настоящий культ личности пастушка из Клуа, которого называли святым. На привалах он произносил речи, во время которых в давке обязательно погибало несколько человек. Участники похода шли на всевозможные ухищрения, чтобы раздобыть клочок одежды пророка или щепку от его повозки. Впрочем, как и в случае с германскими детьми, сложно поверить в то, что организация движения тридцатитысячной оравы подростков была возложена на плечи мальчиков. Скорее всего, распорядителями и снабженцами выступали взрослые.

Французы встречали воинство гостеприимно. По сообщениям хронистов, наиболее распространенной причиной смерти того или иного крестоносца был солнечный удар – лето во Франции выдалось не менее жарким, чем в Германии или Италии. Впрочем, умирали и от недоедания, и от болезней. Чтобы поддержать энтузиазм, организаторы похода регулярно

сообщали, что со дня на день колонна прибудет к конечному пункту назначения. Несчастные «воины», завидев какой-нибудь город, спрашивали, не Иерусалим ли это.

Детская армия проследовала через Тур и Лион и добралась до Марселя. За месяц она прошла около пятисот километров. Отсюда уже можно было бы следовать на Ближний Восток, но Средиземное море отнеслось к французским детям не лучше, чем к германским, – оно не расступилось. На следующий день несколько сотен ребят ушли домой. Шли дни, а ситуация не менялась, каждое утро на молитву на берег выходило все меньше сторонников Стефана. Марсельцы роптали. Наконец над крестоносцами сжалились два влиятельных купца – Гуго Ферреус и Уильям Поркус (Гуго Железный и Уильям Свинья). Они предоставили детям нужное количество кораблей и провианта. Один из летописцев позже утверждал, что второй из этих благотворителей был известным генуэзским капитаном с сомнительной репутацией, но большими деньгами.

Дети были в восторге от неожиданного подарка. На городской площади Стефан произнес пламенную речь: «Чудо, обещанное вам, свершилось! Мы просто не так поняли знамения Божьи. Расступиться должно было не море, а сердце человеческое! Воля Господа явлена нам в поступке двух достопочтенных марсельцев».

Кораблей было семь. Они приняли около пяти тысяч ребят, с которыми было не менее четырехсот священников и монахов. На берег проводить детей вышло почти все население Марселя. После торжественного молебна суда под парусами, расцвеченные флагами, под песнопения и восторженные крики горожан отплыли из гавани... Восемнадцать лет о судьбе этих кораблей и отпльвших на них детей ничего не было известно.

В 1230 году во Франции объявился монах Иоанн по прозвищу Неудачник, отпльвший в свое время из Марселя вместе с детьми. Он рассказал ужасные вещи. На корабли обрушилась буря, когда они огибали остров Сардинию. У юго-западной его оконечности, близ острова Св. Петра, два корабля затонули. Остальные пять судов были выброшены в алжирской гавани. Судя по всему, не случайно. Оказалось, что марсельские купцы изначально задумывали продать детей в рабство. Часть детей мусульманские работорговцы оставили в Алжире, остальных погрузили на корабли и отправили на невольничьи рынки Александрии Египетской.

Монахов и священников в Египте купил просвещенный султан этой страны Малек Камель (он же Сафадин). Он засадил христианских клириков за перевод книг с латыни на арабский язык. Священники находились под домашним арестом. Дети же были проданы в качестве рабов на поля и в дома знатных мусульман. Несколько сотен юных французов в оковах и с веревками на шеях отправили дальше на восток – в Багдад. Так они увидели и Иерусалим, и Назарет, находившиеся по пути следования каравана. Главу мусульманского мира, халифа, чья резиденция находилась в Багдаде, маленькие христиане поразили своей стойкостью в вере – ни один из них не согласился принять ислам. Впрочем, это не облегчило их судьбу – крестоносцы были распроданы. Все они умерли в рабстве.

Матери пропавших детей со всей Франции стекались к чудом спасшемуся и хорошо осведомленному монаху. Он рассказывал, что в Каире еще томятся в неволе около семисот участников крестового похода детей (в некоторых источниках даже говорится, что монарх спас некоторых из попавших в плен юношей). Но сильные мира сего не спешили выкупать несчастных. Папа Григорий IX (1227–1241) приказал воздвигнуть памятник погибшим на острове Святого Петра. Была здесь якобы обнаружена и братская могила, куда местные рыбаки положили прибитые к берегу останки утопленников. Через несколько десятков лет эти останки перезахоронили в неизвестном нам месте на том же острове и возвели на могиле церковь Новых Непорочных Младенцев, рядом с церковью поселились двенадцать монахов. Церковь якобы стала местом богомолья и оставалась им в течение трех столетий. Затем она пришла в упадок, в наше время не удается найти даже ее руины.

Некоторые источники утверждают, что марсельские рабовладельцы, столь бесстыдно обманувшие детей, попали в руки Фридриха II, который приговорил их к смертной казни. В 1228 году Фридрих внял наконец уговорам папы и организовал крестовый поход, называемый иногда «дипломатическим». В Палестине он путем переговоров и торгов сумел добиться того, что не вышло у его воинственных и отважных предшественников. Иерусалим оказался в руках христиан. Император надел на себя иерусалимскую корону. Уязвленный успехами Фридриха папа объявил освобождение Иерусалима нечестивой сделкой, а не подвигом, и наложил на вожденный для всего христианского мира город интердикт. В рамках же нашего рассказа нас более всего интересует следующее: легенды гласят, что будто во время этого Шестого крестового похода Фридрих II договорился с султаном о возвращении пленников на родину. Пленники эти были теми самыми детьми, которые в свое время выступили из Вандома со Стефаном.

О судьбе самого Стефана почти все хроники умалчивают. То ли он утонул у острова Святого Петра, то ли попал в рабство с другой группой последователей. Впрочем, английский монах Томас из Шернбурна через много лет после предполагаемого крестового похода детей рассказал, как побывал во Франции, где около недели оставался в руках вооруженной банды овчаров. Эту группу возглавлял некий пожилой человек, ранее побывавший в плену в Египте. Якобы выпущен он был, пообещав султану поднять восстание среди бедных христиан во Франции, проявив не меньшее рвение, чем тогда, когда он увлек за собой детей в поход в Святую землю. Может, это и был тот самый Стефан из Клуа? Сколоченная им группа появлялась то там то здесь, вожак проповедовал, а тех, кто становился на их пути, фанатики уничтожали. Банда была разгромлена феодальными войсками близ города Бург.

Массовые детские религиозные психозы были отмечены еще, как минимум, дважды. В 1237 году тысячная толпа детей из Эрфурта собралась тайком от родителей и с песнопениями ушла в Армштадт, где происходила канонизация святой Елизаветы, графини Туринской. А в 1458 году против воли родителей совершилось массовое паломничество детей по маршруту Швабия – церковь Святого Михаила в Нормандии.

*** * ***

Большая часть того, что сказано выше о крестовом походе детей, не является стопроцентно установленными фактами. Это касается не только подробностей самого похода, будь-то имена вожakov или поступки римского папы, но и последующих событий: появления монаха, свидетельствующего о судьбе крестоносцев, сооружения церкви на месте гибели некоторых из них.

О детских походах упоминают более пятидесяти средневековых авторов, но из них лишь немногие заслуживают хотя бы относительного доверия, поскольку либо собственными глазами видели юных крестоносцев, либо вели свои записи в годы, близкие к 1212-му. Да и сведения, приводимые этими авторами, весьма отрывочны. Речь в них, собственно, идет лишь о больших группах крестьян, которые в те годы покидали насиженные места.

Самое детальное повествование о детских крестовых походах содержится в хронике цистерцианского монаха Альбериха де Труафонтена (из аббатства близ Шалона на Марне), но она, как выяснено учеными, является, мягко говоря, не слишком достоверной. На самом деле, эту летопись составляли два человека с 1232 по 1295 год, и никто не знает, кем был вставлен рассказ о детях-крестоносцах – первым или вторым автором.

По замечанию историка Д. Мунро, ни один из хронистов Северной Франции, современных предполагаемому крестовому походу детей, не сообщает о том, что через его город проследовала тридцатитысячная орава юных крестоносцев. Лишь у Альбериха появляются многочисленные подробности их продвижения к Марселю и описывается само

прибытие в этот прованский город. Он же сообщает о том, как почтил память «детей, пристыдивших взрослых», папа Григорий IX. Более того, именно этот автор пишет, что целью воинов Стефана было освобождение Святой земли. Ни одна современная событиям хроника об этом не пишет.

Кстати, если согласиться с тем, что какое-то движение детей либо подростков с севера на юг Франции все-таки состоялось, но его участники шли не в Святую землю, мы вынуждены будем поискать такую цель в самой Франции. И без труда найдем ее. Именно в начале XIII века и именно на юге Франции развернулись масштабные боевые действия между крестоносцами под командованием Симона де Монфора и еретиками – альбигойцами. Центры альбигойского движения находились чуть западнее предполагаемого маршрута детей к Марселю. Это Монпелье, Тулуза, Ним. Естественно, Рим поддерживал выступление именно воинов де Монфора.

Альбигойцы, которые пользовались покровительством графа тулузского Раймунда, были для понтифика в то время более опасными врагами, чем сарадины на Ближнем Востоке. Известно, что папам довольно долго пришлось уговаривать французских королей поддержать крестовый поход против южнофранцузских еретиков. Не стал ли детский крестовый поход звеном именно в этой цепочке событий? Стефан со своим воинством выступил из Вандома летом 1212 года. За три года до этого в ходе Альбигойских войн Лангедок (так называлась местность, в которой разворачивались эти события) был опустошен и в значительной мере обезлюдел. Кровавые расправы постигли массы альбигойцев и просто «сочувствующих», крестоносцы не жалели ни женщин, ни стариков, ни детей. Не собирались ли католические отцы, отправляя на юг малолетних «рыцарей» из лояльной Северной Франции, восполнить человеческие потери на богатом юге, заселив его более «богобоязненными» жителями? Политику переселений в земли, недавно «зачищенные» от неблагонадежного коренного населения, брали на вооружение правители во все эпохи.

Впрочем, альбигойцы не сдались. Вскоре война продолжилась, на стороне тулузского графа выступил арагонский король. Предстояли новые битвы, крупнейшая из которых состоялась в 1213 году – через год после начала французского детского крестового похода. Возможно, что Стефан и его ровесники должны были воодушевить крестоносцев де Монфора, стать живым щитом, привести подкрепление из числа взрослого населения северных территорий – ведь

Филипп II Август сам не спешил собирать армию для действий против еретиков на юге. Вот Рим и использовал свои рычаги. Не для того, чтобы направить новое воинство в Святую землю, а чтобы решить гораздо более насущные проблемы на близлежащих территориях.

Хроники говорят, что дети шли не в Лангедок, а в Прованс. Но, вероятно, Альберих напутал с Марселем. Судя по всему, туда добралась часть немецких крестоносцев. Их-то, возможно, и постигла незавидная участь, которую автор приписывает поспешникам Стефана. Еще раз возникает вопрос – а куда же делся Стефан из Клуа? Повернули ли юные крестоносцы домой еще в Туре или Лионе либо же «сбились с курса» и прибыли туда, где, по мнению неизвестных организаторов похода, и следовало им оказаться – в Монпелье?

Более связное освещение история детских крестовых походов получила только в произведениях, созданных 40–50 лет спустя после описываемых событий, – в компилятивном сочинении французского монаха-доминиканца Винсента из Бове «Историческое зеркало», в «Большой хронике» английского монаха из Сент-Албанса Матвея Парижского и в некоторых других, где исторические факты, однако, трудно разглядеть на фоне многочисленных авторских выдумок. Едва ли не первое упоминание имени маленького пророка Стефана содержится в хронике некоего Медарда, написанной в 1254 году.

Религиозные авторы последующих веков, по большей части, обходили молчанием этот сюжет. Но и в солидных исторических исследованиях детскому крестовому походу уделялись

в лучшем случае считанные страницы. Одним из немногих фундаментальных трудов, посвященных детскому крестовому походу, остается книга Джорджа Забриски Грея, изданная в 1870 году. Американский католический священник польского происхождения был безмерно удивлен почти полным забвением этого события.

В научной литературе существует всего около десятка книг и статей о детских крестовых походах. Ученые высказывали самые различные мнения об этих предприятиях, которые сегодня кажутся невероятными. Много сил исследователи затратили на то, чтобы отделить подлинные исторические факты от легенд и вымыслов. Историки-католики склоняются к тому, что в историях о детских крестовых походах отразилось присущее западному Средневековью почитание невинности, жертвующей собой ради блага христианства. Рационалисты, например немецкий психиатр И. Геккер, считали, что это движение было болезненным явлением: сама средневековая религиозность и одержимость представлялись Геккеру патологическим извращением.

Современный немецкий историк Майер усматривает корень детских крестовых походов в средневековом представлении, по которому дети отмечены печатью богоизбранности, поскольку они невинны и вместе с тем не владеют никаким имуществом, то есть ближе всего стоят к Христу. В то же время Майер выводит все движение из распространенных в начале XIII века идей апостолической бедности, которые он также связывает с этим представлением.

Итальянский медиевист Дж. Микколи первым подметил, что источники вовсе не изображают участников крестового похода непременно и исключительно детьми. Датчанин П. Рэдс развил это наблюдение. Для него крестовый поход бедняков 1212 года – лишь побочный продукт церковно-реформаторских тенденций того времени, вариант чисто этического движения апостолической бедности, утверждавшего евангелические идеалы и охватившего все классы общества. Это, по Рэдсу, была попытка вернуть крестовые походы к их изначальным, чисто религиозным истокам. Впрочем, он говорит при этом, что участники «детских» крестовых походов были «резервом еретичества», то есть не отрицает и социальных, классовых факторов, способствовавших началу такого движения. Вспомним рассказ монаха из Шербурна о бунтарях во главе с предполагаемым бывшим вожаком детских походов – действительно, это определение Рэдса может быть вполне верным.

Историки марксистской направленности считали, что детские крестовые походы представляли собой социальное движение в религиозном облачении. Не случайно, по их мнению, папские буллы умалчивали о событиях 1212 года, а хронисты из процветающих монастырей отзывались об участниках походов крайне неприязненно и даже враждебно. «Пустое и бесполезное дело», – писал безвестный южноэльзасский анналист из Марбаха. Он, как и некоторые другие тогдашние историки, рисует поход затеей безумцев, родившейся не по Божьему внушению, а из сатанинских помыслов.

Большинство современных исследований полагает, что участники движения были не маленькими детьми, а как минимум юношами, а еще вероятнее, что это был поход крестьян и городских бедняков, который бесславно закончился в Италии. Историк Ж. Дюби высказал мысль, что «детьми» они стали, поскольку латинским словом *puerī* («мальчики») в средневековых источниках называли простолюдинов. Так же, как в России зачастую называли крестьян «ребятами». Не исключено, что родные места покидали действительно, в первую очередь молодые люди. Например, те младшие сыновья, которые не могли рассчитывать на получение в наследство хотя бы относительно большого земельного участка. Ученые не исключают того, что довольно большие группы религиозных фанатиков могли переходить через Альпы и прибывать в Италию, где они молились возле моря, ожидали чуда, но, не дождавшись, возвращались домой. Отыскивали историки и сведения о том, что довольно большое количество каких-то «крестоносцев» в Африке были обращены в рабство.

Легенды могли возникнуть и как отражение событий середины XIII века. В это время Францией управлял король Людовик IX Святой. Это был способный дипломат и не самый плохой администратор. При нем внутренняя политика Франции была достаточно взвешена, власть короля укрепилась. Но была у Людовика еще одна черта – донкихотство. Романтическая тяга к приключениям, присущая герою Сервантеса, сама по себе невинна, но когда настроенный подобным образом человек обладает королевской властью, это может закончиться трагедией не только для него. Что и показала история походов Людовика IX.

Короля с детства занимала мысль о крестовом походе. Человек он был набожный, воспитанный в духе рыцарских идеалов, и когда большинство феодалов Европы постепенно охлаждалось к идее борьбы с неверными на Востоке, Людовик, наоборот, только о ней и думал. В 1248 году король с войском погрузился на корабли и отплыл на восток. После некоторых колебаний он решил, что напасть на мусульман следует в Египте, там определится судьба Святой земли. В конце мая 1249 года крестоносцы высадились в устье Нила, где разбили войска султана и взяли Дамьетту. Однако уже через полгода у французов начались серьезные проблемы. Мусульмане смогли переломить ход событий и разгромили противника. Людовик оказался в плену.

Известие о пленении короля вызвало большой резонанс во Франции – как среди знати, так и среди крестьянства. На севере страны кампания в поддержку короля приобрела форму крестьянского движения. Во главе него оказался человек по прозвищу Хозяин Венгрии. Матвей Парижский в своей «Большой хронике» писал, что он был одним из лидеров крестового похода детей. Но более вероятно, что это был венгерский монах, проживавший во Франции. Хозяин объявил, что ему явилась Дева Мария, которая приказала собрать овчаров и повести их в Святую землю с целью освободить короля Луи. Ему удалось собрать около 60 тысяч человек, среди которых значительную часть составляли молодые люди, мужчины и женщины из Брабанта, Фландрии и Пикардии. Эту орду монах повел за собой в Париж, где попросил встречи с управлявшей королевством в отсутствие монарха королевой-матерью Бланкой Кастильской. Но аудиенции он не добился, а участников «крестового похода овчаров» не пустили в центр города.

Выйдя из столицы, участники похода разбрелись кто куда. Одни направились в Руан (Нормандия), где выступили против местного архиепископа и сбросили в реку нескольких священников. В Туре другая группа взбунтовавшихся молодых пастухов напала на монастыри. Еще одна группа во главе с самим Хозяином Венгрии в начале июня 1251 года появилась в Орлеане. Овчары нападали на священников, францисканцев и доминиканцев, на улицах города произошли бои между крестьянами и школярами. В Амьене и Бурге мятежники устроили еврейские погромы. Под Бургом в одной из схваток был убит вожак повстанцев. Остальные разбежались. Возможно, события 1251 года и произвели такое большое впечатление, что подтолкнули хронистов к составлению легенды о подростках, путившихся в поход.

Детский крестовый поход нашел отражение в фольклоре. Очень популярна точка зрения, что именно в связи с этим событием появилась знаменитая легенда о Гаммельнском крысолове. Он помог жителям города, уведя из него крыс, но не получил обещанного гонорара. Крысолов отомстил горожанам, выманив из Гаммельна, благодаря своей волшебной флейте, всех детей. Больше их никто никогда не видел.

Современный читатель наверняка вспомнит и произведение американского писателя Курта Воннегута «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей». Эта книга не историческая и рассказывает о Второй мировой войне, но она недаром названа именно так. Воннегут показывает абсурдность любой военной пропаганды, которая с помощью фальшивых и громких лозунгов бросает в пекло в первую очередь молодых наивных людей.

Тамплиеры

Орден Храма до сих пор волнует умы любителей мистики. То, что произошло с этой могущественной организацией, следует признать одним из наиболее интересных эпизодов средневековой истории. Загадок, связанных с орденом тамплиеров, хватило бы на всю эту книгу. Это и особенности культа, с которыми был знаком лишь узкий круг посвященных лиц, и знаменитое проклятие последнего магистра ордена, и связь между тамплиерами и масонами, и легендарные сокровища храмовников, которые продолжают искать по сей день.

* * *

История ордена тамплиеров восходит ко временам Первого крестового похода, то есть к концу XI века. Существуют, впрочем, гипотезы, что и за тысячу лет до этого существовала некая тайная организация, создавшая этот орден в качестве официального прикрытия своей деятельности. Но в научных кругах эту гипотезу обсуждать не принято, поскольку прямые доказательства существования такой организации до Первого крестового похода отсутствуют.

Причины начала крестовых походов и их ход достаточно подробно описаны нами в очерке о крестовом походе детей. На призыв папы Урбана II откликнулись тысячи христиан разного происхождения. Первый поход был удачен. В 1099 году крестоносцы взяли Иерусалим. Освободители Гроба Господня разграбили город до основания и утопили его в крови. На Востоке было создано несколько христианских монархий. Дороги и города в Малой Азии и Палестине наполнились мирными путешественниками из стран Запада. Однако сельджуки не простили христианам того, что те учинили во время крестового похода. Мусульманские отряды перехватывали и истребляли группы паломников. Нередко их брали в плен ради выкупа или продавали как рабов на восточных рынках. Стало ясно, что пилигримов необходимо защищать, для чего были созданы два военно-религиозных ордена – орден тамплиеров и орден госпитальеров. Братства эти состояли из аристократов, которые не только соблюдали правила монашеского общежития с его аскетизмом и преданностью делу церкви, но и надевали доспехи, чтобы с мечом в руках защищать это дело.

Первые сведения о тамплиерах дает нам хронист Гийом (Вильгельм) Тирский^[18], чье объемное произведение было создано между 1169 и 1184 годами. Когда Гийом начал писать свою книгу, королевства крестоносцев на Святой земле, которую тамплиеры называли Outremer (страна по ту сторону моря), существовали уже давно, а орден храмовников отметил полувековой юбилей. Поэтому сведения обо всех событиях, связанных с образованием ордена, европейцы получили из вторых рук. Мы почти ничего не знаем о том, какими источниками пользовался Гийом Тирский, поэтому многие его высказывания подвергают сомнению.

Согласно хронике Гийома Тирского, основателем ордена тамплиеров стал французский дворянин из Шампани Гуго де Пейн (или Пайен), его главным соратником был рыцарь Готфрид де Сент-Омер. В 1118 или 1119 году орден, который насчитывал всего девять рыцарей, предложил королю Иерусалима Болдуину II свои защитные и караульные услуги, в частности по охране паломников на пути от Яффы к Иерусалиму. Тот отвел им крыло королевского дворца, построенного на месте развалин знаменитого Иерусалимского храма, возведенного царем Соломоном. Отсюда и произошло название ордена – орден Храма (по-французски храм – temple, «тамплъ»). Другое, первоначальное название ордена – Нищенствующий орден Христа.

В январе 1120 года собравшиеся на совет в Наблусе светские и духовные лидеры христиан одобрили проект Гуго де Пейна, оценив его гуманную направленность и несомненную прагматичность. До 1127 года состав организации оставался столь же немногочисленным, но затем она начала расти.

Все члены ордена принимали обычные в те годы монашеские обеты «чистоты», «нищеты» и «послушания». Устав организации был составлен под контролем аббата Бернара из Клерво, в будущем главного идеолога и блюстителя нравственной чистоты церкви. Он же оказал содействие утверждению устава на церковном соборе. По всей видимости, Бернар сделал это из дружбы с графом Шампанским, предоставившим ему для аббатства земли Клерво и ратовавшим за тамплиеров.

Монахи-рыцари быстро завоевали авторитет в христианском обществе. Слухи о подвигах бескорыстных и бесстрашных тамплиеров дошли до самых отдаленных уголков Европы. Несмотря на высокомерие, проявляемое рыцарями ордена (например, встречая группу паломников, выходцы из знатных семей не произносили ни слова), пилигримы были рады их покровительству, зная об отваге и воинском искусстве храмовников. В 1128 году орден был взят под покровительство Папой Римским Гонорием II, который утвердил его устав. Церковный собор в Труа предоставил храмовникам право носить белые плащи, владеть и управлять землями и вассалами, получать в качестве милостыни десятину. Бернар Клервосский написал в их честь трактат под названием «Хвала новому рыцарству», в котором приветствовал появление «монахов по духу, воинов по оружию», превозносил добродетели тамплиеров, их любовь к ближнему и объявлял цели ордена идеалом и воплощением всех христианских ценностей. В этом панегирике клервосский аббат противопоставлял избалованному светскому рыцарю простого монаха-храмовника, не заботящегося о своей внешности и манерах, зато ведущего праведный образ жизни, воюющего за Христовы идеалы, ставящего превыше всего служение Богу. Особенно подчеркивалась в трактате сплоченность и дисциплина рыцарей церкви, где «каждый совершенно не следует собственной воле, но более заботится о том, чтобы повиноваться приказывающему».

Стать тамплиерами захотели многие рыцари, поначалу это были только французы благородных кровей, затем в орден начали вступать люди других национальностей. Любопытно, что начиная с 1136 года орден начал принимать в свои ряды и отлученных ранее от церкви рыцарей ради спасения души последних. Так среди тамплиеров появились святотатцы, убийцы, клятвопреступники.

После смерти тамплиера его имущество передавалось братству, а вдове выделялась некая доля, которая должна была обеспечивать ее существование. Однако она добровольно должна была покинуть свой дом, поскольку братья, давшие обет целомудрия, не могли оставаться в одном доме с женщиной. Помимо аристократов, в ордене оказывались менее знатные или совсем не знатные братья: послушники, сержанты, слуги. Тамплиеров не посвящали в духовный сан, и они в качестве духовников сперва пользовались услугами не состоявших в ордене священников, однако в течение XII века внутри ордена сформировалась еще одна категория братьев – священники – капелл аны.

Следует отметить и тот факт, что формально при вступлении рыцаря в орден членами этой организации становились и его предки, и его потомки, и другие его родственники – члены семьи, главой которой он являлся.

Формой тамплиеров стал белый камзол и белый плащ, украшенный с левой стороны восьмиконечным красным крестом. Конюшие и сержанты носили черный камзол и плащ с таким же крестом. В бою храмовники несли черно-белый штандарт, называемый «босаном». Тамплиеры стригли волосы, но, в отличие от большинства других церковников, не брили бороду.

Возглавлял орден магистр. Во время правления второго Верховного магистра ордена Робера де Краона была четко выстроена иерархия ордена – от замка до командорства, от командорства до провинции, от провинции до Генерального капитула и магистра, власть которых ограничивалась только уставом и статутами.

Базовым звеном тамплиеров на Западе являлось командорство. Чаще всего оно представляло собой строение, внешним видом и определенным воинским распорядком напоминавшее крепость. Обычно командорство было прямоугольником стен с башнями по четырем углам. Внутри прямоугольника находились другие строения: «Большой дом» с кельями для рыцарей и командора, фермерские, «странноприимные» и ремесленные дома, довольно часто за стенами имелась лечебница.

Несколько командорств образовывали бальяж. Именно в бальяжах заседали региональные капитулы и происходил прием новых членов. Бальяжи объединялись в приорства. Совокупность приорств представляла собой провинцию. Из них ряд провинций (Португалия, Арагон, Мальорка) назывались одинарными, ряд – двойными (Кастилия и Леон; Франция и Овернь; Англия и Ирландия; Германия и Венгрия; Верхняя и Нижняя Италия; Апулия и Сицилия).

Помимо командорств и другой недвижимости, тамплиеры владели во всех крупных городах большим количеством зданий. Так, в Париже ордену Храма, помимо собственной обширной резиденции, принадлежал практически весь район Маре – на правом берегу Сены. На левом же берегу тамплиеры владели несколькими домами в квартале Сен-Марсель и большей частью предместья Сен-Жак. Естественно, вся эта структура создавалась постепенно и полностью сложилась уже незадолго до разгрома ордена.

Вместе с рыцарями-госпитальерами Св. Иоанна Иерусалимского, ставшими затем Родосскими, а потом Мальтийскими, рыцари-тамплиеры входили в постоянную армию христианских государей Востока. Именно тамплиеры построили такие мощные крепости, как Шато-Пелерен, Сафед, Тортос, Торан. Они принимали самое активное участие во всех сражениях по ходу крестовых походов, в бою отличались строгой дисциплиной, проявляли героизм, зачастую оказывали решающее влияние на ход сражения.

Официальной печатью ордена было изображение двух рыцарей, скачущих на одной лошади, что должно было означать не только братство, но и отсутствие материальных средств. Однако, несмотря на особое почитание идеалов бедности среди членов ордена, сама организация стала одной из богатейших в мире. Первым шагом к созданию этой финансовой империи стал массовый сбор пожертвований на благо ордена. Его агенты находили доступ к сердцу христиан. Пожертвования составляли колоссальные по тем временам суммы. Богатые люди, не имевшие наследников, оставляли ордену имения, замки, поместья. Фландрский граф Гийом Клито предоставил тамплиерам право собирать «Фландрский рельеф» – выплату, взимаемую с каждого наследника, вступившего в обладание своим феодалом, и этот дар государя получил одобрение фламандских и нормандских баронов. Гийом де Фоконбер, владетель Сент-Омера, вместе с прочими выплатил ордену Храма рельефы своей сеньории с приходами Шлипп и Лессенг. В Германии император Лотарь подарил ордену часть своего родового владения в графстве Супилинбург, подобным образом поступил и граф Раймунд Беренгарий Барселонский. Арагонский король Альфонсо I после своей смерти в 1134 году оставил ордену треть своего королевства на севере Испании (ныне там находятся провинции Арагон и Каталония). Правда, после смерти короля подданные опротестовали завещание и передали королевство его брату дону Рамиро, бенедиктинскому монаху, незадолго до того избранному епископом Барбастро и Роды. Последовала ожесточенная борьба, в которую тамплиеры не вмешивались, и в результате королевство досталось Раймунду Беренгарию Барселонскому.

В 1141 году герцог Бретонский Конан подарил ордену целый остров недалеко от побережья Франции. В общей сложности одному только Гуго де Пейну было сделано около шестисот пожертвований. Половину из них составляла собственность в Провансе и Лангедоке, около трети – в северо-восточной Франции и Фландрии, а остальное – в других областях Франции, Испании, Португалии, Англии. Дарили не только земли, но и рынки, право на организацию ярмарок, доходы с земли и различных хозяйств, крепостных с семьями.

Получали храмовники и крупные денежные пожертвования. Король Англии Генрих II, основатель династии Плантагенетов, во искупление совершенного по его приказу в 1170 году убийства архиепископа Кентерберийского Томаса Бекета отдал тамплиерам 42 тысячи марок серебром и 5 тысяч марок золотом. Этой суммы хватило на содержание двух сотен рыцарей в Святой земле в течение года. По завещанию Генриха II в 1182 году орденам тамплиеров и госпитальеров также было пожаловано по 5 тысяч серебряных марок, а их Великие магистры назначались хранителями еще 5 тысяч марок за охрану стен Иерусалима. Огромную сумму получили тамплиеры в 1217 году от венгерского короля, одного из организаторов Пятого крестового похода Андраша II. В Святой же земле тамплиеры не брезговали и грабежом – по отношению к неверным это не считалось большим грехом. В 1154 году вооруженные храмовники захватили в плен бежавшего из Египта сына великого визиря Аббаса, Пасир ад-Дина Насра, которого арабы выкупили затем за 60 тысяч золотых.

К середине XII века в руках тамплиеров уже находились сотни земельных наделов с замками и поместьями. Каждым управлял назначенный орденом человек. Так образовалась сеть филиалов, охватившая Европу. В 1139 году римский папа Иннокентий II издал буллу «*Omne Datum Optimum*», которой вывел орден из подчинения местным государям и епископам. В какой бы стране ни находился «узел» раскинутой орденом «сети», он не подчинялся местным законам,

а действовал по прямому указанию Верховного магистра или самого папы. Приходским священникам запрещалось налагать на дома ордена денежные штрафы и взимать десятину. Всю захваченную у сарацин добычу орден мог оставлять себе. Новый магистр должен был избираться только из давших обет братьев, и только братья были вправе вносить изменения или дополнения в Устав ордена. Вся ответственность за управление организацией возлагалась на Великого магистра и Генеральный капитул. Булла «*Milites Templi*» («Воины Храма») от 9 января 1144 года даровала отпущение грехов жертвователям в пользу ордена и разрешала совершать богослужения на территории, временно подвергшейся интердикту, когда там присутствовали сборщики ордена. Булла «*Milicia Dei*» («Воинство Господне») от 7 апреля 1145 года разрешила ордену строить собственные часовни и хоронить умерших в освященной земле. Тамплиеры постоянно находились в фарватере папской политики. Понтифики подтверждали их права, наказывали соперников ордена.

Устав определял иерархическое строение ордена во главе с Великим магистром и его заместителем сенешалем. В XIII веке была создана новая должность – генеральный визитатор ордена; он подчинялся лишь Великому магистру. Генеральный визитатор должен был выполнять функции командора всех владений тамплиеров на Западе. В руках Великого магистра ордена сосредоточились почти неограниченная власть и богатство; все члены братства обязаны были безоговорочно ему подчиняться; и хотя большая часть особо важных решений должна была приниматься на собраниях, однако, видимо, состав участников этих собраний зависел от воли и желания Великого магистра, лишь сенешаль имел право присутствовать на них без его разрешения. Если Великий магистр умирал, его преемник избирался на особом собрании братьев.

Подобные генеральные собрания ордена происходили в Иерусалиме, и на них решались наиболее важные вопросы, однако проводились и обязательные для всех еженедельные собрания братьев в приорствах. На этих собраниях рассматривались текущие дела, в частности, выносились наказания нарушителям Устава в соответствии с его предписаниями. Чаще всего налагались лишь легкие епитимьи, а серьезные преступления, такие как симония, предательство, ересь, содомия или раскрытие тайн ордена, передавались на рассмотрение в более высокие инстанции. Еженедельные собрания также имели право представлять кандидатов на поступление в орден. Если с данной кандидатурой была согласна большая часть братства, собрание принимало ее, и, после того как вступающий в орден подтверждал свое желание стать тамплиером, его экзаменовали двое или трое старших братьев. «Им

следовало спросить его, нет ли у него любимой женщины, жены или невесты и не давал ли он клятвы верности или иных обетов другому ордену; также необходимо было выяснить, нет ли у него долгов, которые он не в состоянии уплатить, здоров ли он телом и не имеет ли скрытых недугов, а также – не является ли он чьим-либо сервом^[19]». Затем кандидат призывался к Великому магистру или к одному из его заместителей, где его наставляли примерно так: «Добрый брат, ты просишь о великом, ибо тебе видна лишь внешняя сторона нашей жизни – прекрасные лошади, которыми мы владеем, и великолепная упряжь, и вкусные яства, и дивные напитки, и красивые одежды, так что тебе кажется, что, вступив в члены братства, жить ты будешь легко и приятно. Но не ведаешь ты тех суровых заповедей, которым подчиняемся мы в братстве своем: и самое сложное для тебя, привыкшего распоряжаться собой по своему усмотрению, стать рабом Господним и верно служить лишь Ему одному».

Затем неофит давал обет безбрачия, послушания и бедности, обещая во всем следовать Уставу и обычаям святого братства и до конца жизни с оружием в руках защищать Святую землю. Новому члену ордена накидывали на плечи плащ тамплиера, и каждый из братьев с пением псалмов и молитв подходил к нему и целовал его в губы.

Тамплиеры славились скрупулезной честностью в денежных делах, прекрасно поставленной бухгалтерией. Постепенно из защитников людей они становились защитниками капиталов. Доверяя свою жизнь тамплиерам, паломник всегда был готов доверить им свой кошелек. Бумажных денег в то время не было, а путешествовать с мешком золота было нелегко и опасно. Так образовалась сеть, которую сейчас назвали бы банковской. Поскольку представители ордена были чуть ли не в каждом городе, стало легко путешествовать и по Европе. Здесь не было зарегистрировано случаев нападений на обозы, охраняемые тамплиерами. Сдав деньги в одном городе, человек получал расписку, по которой мог получить их в любом другом. Тамплиеры также взяли на себя финансовые вопросы по выкупу пленных. Если, например, германский рыцарь попадал в плен к сарацинам, не надо было ждать месяцами, пока привезут за него выкуп. В Германии деньги вносились руководителю местной тамплиерской организации, а в Иерусалиме они выплачивались в обмен за пленника, при этом перевозились не деньги, а лишь письма.

Именно храмовники изобрели векселя, значительно облегчившие движение капиталов при коммерческих сделках. Важнейшим источником доходов для ордена стало ростовщичество. Тамплиеры предоставляли заемные ссуды крупнейшим королевским фамилиям (всегда под убедительный залог). Такая деятельность открывала возможность для установления своего контроля над сильными мира сего.

У тамплиеров постоянно одалживали деньги рыцари Арагонского королевства, а, например, во Франции из-за слишком частых просьб о финансовой помощи со стороны монархов храмовники даже регулярно испытывали сложности с кредитованием. Церковники и монастыри намного охотнее предоставляли займы европейским правителям, если возврат ссуд гарантировал орден Храма.

Среди прочих финансовых операций храмовники занимались выплатой рент и пенсий. Нередко добровольная передача ордену земель и денег оговаривалась обязательством пожизненно выплачивать определенные средства бывшему владельцу и его супруге. Само наличие тамплиерского креста на недвижимости того или иного ленника^[20] обеспечивало ему более спокойное существование – независимо от того, пользовался ли тот поддержкой местного сеньора или нет.

Своего расцвета орден достиг к концу XII века. Только в Святой земле он держал 600 рыцарей, 2 тысячи сержантов и более 5 тысяч рядовых всадников. С такой военной силой приходилось считаться. Сражения и стычки происходили чуть ли не ежедневно. Устав ордена запрещал его членам отступать перед врагом, если по численности враг не превосходил втрое. Об этом знали все. Знали и то, что поднявший руку на тамплиера не найдет себе

убежища ни в этом мире, ни в загробном. Всего же в ордено состояло около 15 тысяч рыцарей, священников и сержантов. Орден Храма лишь формально зависел от римского папы, ведя, по сути, самостоятельную политику.

После взятия Саладином Иерусалима храмовники обосновались в Акре. Кстати, после победы над крестоносцами при Тивериадском озере в 1187 году обычно довольно милосердный Саладин приказал отрубить головы пленным тамплиерам и госпитальерам, ибо они «проявили большее рвение в бою, чем все остальные франки», и султан хотел избавить свой народ от столь свирепых противников. В то время тамплиеры входили в так называемую партию «ястребов», которые подталкивали короля Иерусалима Ги де Лузиньяна к более решительным действиям в борьбе против Саладина. А король Ги не мог им отказать, поскольку во многом был обязан их магистру Жерару де Ридфору своим тронном. Когда стал вопрос о его избрании, госпитальеры были против, а тамплиеры – за. Великого магистра де Ридфора многие справедливо считают виновником тех бедствий, которые обрушились на латинские государства в Святой земле в конце 80-х годов XII века. Наступление, предпринятое Саладином, имело своей причиной провокационные действия «ястребиной» партии. Именно поэтому, вероятно, султан и отдал рыцарей Храма на растерзание своим воинам. Любопытно, что самого Жерара де Ридфора мусульманский полководец оставил в живых. И чуть позже Великий магистр по указанию Саладина лично отдал приказ своим тамплиерам сдать крепость Газу, что верные обету послушания рыцари и выполнили.

Таким образом, магистр де Ридфор предстает перед нами не в лучшем свете. Ги де Лузиньяна он возвел на престол, оставив без трона другого претендента. Как он сам объявил – за то, что этот другой претендент представлял партию графа Триполи Раймунда, когда-то разрушившего корыстные матримониальные планы самого де Ридфора. Затем он был инициатором авантюрной стычки с мусульманами, в которой сложил головы почти весь госпитальерско-тамплиерский отряд... кроме самого Жерара, спасшегося бегством. Он поддержал и провокационные нападения на мусульманские караваны другого влиятельного авантюриста – Рено де Шатильона. Именно Жерар де Ридфор убедил короля Ги (вопреки советам Раймунда Трипольского) двигаться к Тивериадскому озеру – навстречу гибели от рук воинов Саладина. И вот, оставшись в живых в то время, как 230 тамплиеров, попавших в плен, были безжалостно казнены, он сдает султану мощнейший оплот своего ордена – Газу. Страница истории, которую члены ордена предпочли бы забыть...

Впрочем, ряд других своих крепостей тамплиеры обороняли стойко, подтверждая свою репутацию бесстрашных и умелых воинов. Иерусалим же сдался без боя. Госпитальеры и тамплиеры нехотя выделили деньги из той суммы, что передал им в свое время английский король Генрих II Плантагенет, на выкуп у мусульман неимущих христианских жителей Святого города.

Освобожденные Саладином де Ридфор и де Лузиньян предприняли дерзкое наступление на Акру, под стенами которой 4 октября 1189 года магистр и был убит. Тамплиеры принимали активное участие в освобождении Акры, которым руководили Конрад Монферратский, Ричард Львиное Сердце и Филипп II Август. После потери этого города Саладин просил тамплиеров проследить, чтобы Ричард выполнял условия освобождения пленных мусульман за выкуп и «по обмену». Но храмовники отказались предоставить такие гарантии, а английский король, раздраженный проволочками с выкупом, приказал казнить около трех тысяч пленных мусульман, среди которых были женщины и дети. Вскоре тамплиеры приняли участие в победоносной для Ричарда битве при Арзуфе, в которой крестоносцы рассеяли войска Саладина.

В 1199 году рыцарям удалось на короткое время вернуть главный город Палестины христианам, при этом члены ордена учинили в Иерусалиме страшную резню. Однако в XIII веке мусульмане один за другим заняли фактически все «крестоносные» города, и тамплиеры

вынуждены были перенести резиденцию на Кипр, где уже давно обосновались члены другого ордена – ордена Св. Иоанна Иерусалимского.

Во время Третьего крестового похода случилось так, что часть кораблей Ричарда I Львиное Сердце была выброшена на берег острова Кипр. Правивший тут Исаак Комнин в свое время, пользуясь отсутствием здесь представителей центральной администрации, по поддельным документам провозгласил себя губернатором, а вскоре отколол Кипр от Византии. Но 6 мая 1191 года в гавань Лимасола вошел весь флот Ричарда I. Король напал на войска Комнина. Греки не выдержали удара и отступили. Условия перемирия были очень тяжелы для Исаака: кроме большого выкупа, он должен был открыть перед крестоносцами все свои крепости и выставить для участия в крестовом походе вспомогательные войска.

Однако после того как был заключен этот мир, Исаак бежал в Фамагусту и обвинил Ричарда в том, что тот посягал на его жизнь. Разгневанный король объявил Комнина клятвопреступником, нарушителем мира и поручил своему флоту следить за берегами, чтобы тот не убежал. Сам Ричард прежде всего захватил Фамагусту, а потом двинулся на Никосию. Король торжественно вступил в столицу. Здесь его на некоторое время задержала болезнь. Тем временем крестоносцы, возглавляемые теперь уже номинальным (да и то непризнаваемым многими вождями крестоносного движения) иерусалимским королем Ги де Лузиньяном, взяли самые крепкие замки в горах Кипра. Таким образом, в результате успешной 25-дневной войны Ричард I стал обладателем богатого и цветущего острова. Он оставил жителям половину их имущества, а другую половину употребил на образование уделов того рыцарства, которое должно было взять на себя защиту Кипра. Разместив во всех городах и замках свои гарнизоны, Ричард 5 июня 1191 года отплыл в Сирию. Через три дня он уже был в христианском лагере под стенами осажденной Акры.

Киприоты же стремились восстановить самоуправление, поэтому дело шло к восстанию. Вскоре Ричард уже считал захваченный остров не трофеем, а обузой. В это время Великим магистром ордена Храма был Робер де Сабле, он и предложил выкупить остров у англичан. Ричард Львиное Сердце быстро согласился, поскольку деньги ему были нужны для ведения войны. Однако Робер де Сабле не мог оставить на Кипре большой гарнизон – орден нуждался в людях, чтобы вести войну в Святой земле. На острове было оставлено лишь 20 рыцарей-тамплиеров, плюс сопровождавшие их оруженосцы и сержанты. Этот маленький отряд под командованием Арманда Бочарта не мог должным образом управлять Кипром и оборонять его, а также противостоять кипрским повстанцам. Поэтому через некоторое время магистр предложил Ричарду произвести обратную сделку. Последний не был в этом заинтересован, но нашел выход, передав остров де Лузиньяну за крупную денежную компенсацию. Присутствие тамплиеров на Кипре было сохранено, но наибольшие владения здесь постепенно захватили госпитальеры.

Пути Ричарда и тамплиеров так и не разошлись до конца жизни короля. Именно храмовники сопровождали английского монарха во время его возвращения в Европу. Король пробирался через земли своих недругов, и чтобы не быть узнанным, сам облачился в плащ тамплиера. Но это ему не помогло, он все же был схвачен людьми Леопольда Австрийского и некоторое время томился в немецком плену. Легенда гласит, что позже, находясь на смертном одре, Ричард завещал свою алчность – монахам цистерцианского ордена, а свою заносчивость – храмовникам.

Следует отметить, что активные в борьбе с мусульманами храмовники тем не менее старались избегать участия в вооруженных конфликтах между христианскими правителями. Участие их в Четвертом крестовом походе, когда западноевропейские войска захватили вместо Палестины Византию, поделив Грецию на части, было не слишком заметным. Впрочем, тамплиеры все же участвовали в захвате центральной части Греции в 1205–1210 годах. Вместе с госпитальерами и германскими рыцарями Тевтонского ордена они оккупировали также крупные территории на полуострове Пелопоннес. Очень показательным

стал их демонстративный нейтралитет во время Альбигойских войн, которые крестоносцы по призыву Папы Римского вели против еретиков на юге Франции. Об этих событиях мы еще вспомним, когда будем рассматривать проблему справедливости обвинений ордена в еретичестве, а пока вернемся на Кипр. После падения Акры в 1291 году, центром империи ордена Храма стал именно этот остров, здесь была расположена штаб-квартира Великого магистра Жака де Моле. Кипр открывал для ордена ворота в Святую землю и контроль над торговыми путями. В июле 1296 года Папа Римский Бонифаций VIII выпустил буллу, которая освобождала тамплиеров от налогов на экспорт и импорт товаров, проходящих через Кипр.

В 1306 году папа Климент V предложил последнему Великому магистру ордена Жаку де Моле перенести резиденцию из Кипра в Париж под тем предлогом, что ему требуется помощь против еретиков. Де Моле согласился.

*** * ***

Золото ордена Храма не могло не привлекать к себе взгляды многих алчных государей. В частности, тамплиерами очень заинтересовался король Франции Филипп IV Красивый.

В столице Франции резиденция храмовников Тампль занимала несколько кварталов. В обнесённом стенами районе стояли их замки и башни. Короли были настолько уверены в неприступности Тампля, что некоторое время хранили здесь государственную казну. Лишь в конце XIII века ее постепенно начали перемещать в Лувр. В 1306 году во время парижского восстания Филипп IV укрылся именно у тамплиеров и был в очередной раз поражен богатством ордена. Сам же король находился в затруднительном финансовом положении – борьба с непокорными феодалами, Англией, Фландрией, устройство централизованной государственной машины требовали все больших средств. Для их получения король шел на все. Впрочем, многие современники и позднейшие исследователи эпохи полагали, что, рассуждая о действиях короля Филиппа IV, мы должны учитывать номинальный характер его власти. Реально страной правил узкий круг его советников, влиятельных временщиков. Они-то и проводили политику по усилению монаршей власти. Среди них канцлер королевства Пьер Флот, вдохновитель борьбы с папой Бонифацием VIII, министр и впоследствии хранитель государственной печати Гийом де Ногаре, Великий инквизитор Гийом Парижский, королевский камергер Ангерран де Мариньи. Впрочем, вопрос этот по меньшей мере спорный. Большинство историков все же придерживаются того мнения, что основы внутренней и внешней политики король определял лично и советников тоже подбирал самостоятельно.

Среди способов, к которым прибегал монарх для пополнения казны, было назначение чрезвычайных поборов, необходимых для ведения войны, а также прямое вымогательство у тех или иных состоятельных людей. Иногда же в качестве источника доходов выбирали некую социальную группу, на которую обрушивались репрессии, но которую по разным причинам не стали бы поддерживать широкие слои населения. Так король поступил с ломбардцами – купцами и банкирами из итальянских городов-республик, осуществлявшими масштабные коммерческие операции на территории Франции и неоднократно ссужавшими Филиппа деньгами. В 1291 году были произведены массовые аресты ломбардцев, и в течение 90-х годов XIII века отдельные их представители подверглись конфискации имущества, тяжким поборам или были изгнаны из французского королевства. С 1303 года ломбардцев все реже и реже принимали на королевскую службу, и наконец в 1311 году все их товары и долговые обязательства были присвоены государством, а сами они арестованы.

В течение лета 1306 года Филиппа Красивого настиг очередной финансовый кризис. Банкиры короля, семейство Франчези, исчерпали все возможности и находились на грани разорения, и тогда советник де Ногаре предложил захватить имущество евреев,

поселившихся во Франции. Идея была осуществлена 22 июля. Чиновники короля конфисковали все имущество евреев, оставив тем только незначительные средства для того, чтобы покинуть страну. Из собранных таким образом ценных металлов монетный двор начеканил новые монеты. Между тем была объявлена переоценка старых. Результатом стало то, что в сентябре в Париже разразился бунт, во время которого монарх и укрывался в командорстве ордена. Мятеж вскоре подавили, вожаков повесили, но денежный кризис так и не был разрешен. Главным кредитором Филиппа был именно орден Храма, которому монарх задолжал несколько миллионов ливров. Король понял, как он может решить все свои проблемы.

Как мы уже отмечали, Филипп IV не отличался разборчивостью в средствах достижения своих целей. А целью было усиление королевской власти, создание централизованного государства. Филиппу Красивому было все равно, кто становился на пути реализации его сверхзадачи – установления полного контроля со стороны монарха над своей страной – светские феодалы или церковники. Это было понятно уже по тому, как он поступил с главой всего католического духовенства.

Вступив в 1294 году в войну с Англией, Филипп IV Красивый потребовал для покрытия военных расходов введения специального налога, который он распространил и на духовенство. Ранее для обложения налогом духовенства требовалось согласие Рима. Папа Бонифаций VIII резко выступил против мероприятий Филиппа и угрожал церковными карами всем, кто будет взимать или платить не разрешенные папой налоги. В ответ на это король запретил вывоз из Франции золота, серебра и драгоценностей за границу, и Бонифаций лишился возможности получать средства из этой страны. В итоге ему пришлось идти на уступки, разрешив «отдельным духовным представителям во Франции добровольно платить...»

Однако по мере того как Филипп увеличивал поборы с церкви, Бонифаций ожесточался. Он вызвал в Рим некоторых французских прелатов, чтобы обсудить меры борьбы против королевской политики. Французское правительство усмотрело в этих действиях попытку превратить их страну в «папский лен». Началась горячая полемика. Король снова запретил вывоз золота, были созваны представители разных сословий, которые должны были поддерживать авторитет короля в его борьбе против «чрезмерных притязаний» папства. В ответ в ноябре 1302 года появилась папская булла «Unam Sanctam» («Единая Святая»), в которой говорилось, что существует единая святая католическая церковь, которая имеет лишь одно тело и одну главу – Христа, и его заместителя – Петра и преемников последнего на папском престоле. В руках папы, согласно булле, находится два меча, один из которых – светский, подчиняется духовному. То есть все короли должны подчиняться папе. «Мы торжественно заявляем... что подчинение римскому первосвященнику есть для каждого человеческого существа необходимое условие его спасения», – писал Бонифаций VIII. В своей борьбе с Филиппом папа рассчитывал на помощь Альбрехта Австрийского, которому предлагал императорскую корону и призывал к войне с «французскими собаками».

Государственный совет Франции задумал нанести по противнику решительный удар. Инициатива в этом деле принадлежала ближайшему к Филиппу IV человеку, Гийому де Ногаре. (Кстати, именно он и был вдохновителем дела тамплиеров.) Совет обвинил Бонифация в том, что он незаконно занимает папский престол, и вынес решение о немедленном созыве церковного собора, который осудил бы папу как еретика, симониста и преступника. По всей стране началась антипапская агитация.

Ногаре отправился в Италию, организовал там отряд, настиг папу в резиденции Ананьи, арестовал и избил его. Сторонникам сошедшего с ума 86-летнего Бонифация удалось освободить его, но он умер через месяц – 11 октября 1303 года. Тогда говорили, что Ногаре нанес папе пощечину, которая его убила. На место Бонифация антифранцузской партией был

избран Бенедикт XI, но и этот папа был отравлен уже в следующем году, едва успев осудить «чудовищное преступление в Ананьи».

Следующий ход был за французами. После одиннадцати месяцев борьбы они возвели на папский престол архиепископа Бордо Бертрана де Го под именем Климента V. Бертран де Го происходил из гасконской семьи, вследствие чего являлся подданным короля Англии, которому служил несколько лет, прежде чем стать капелланом папы Целестина V. Он едва знал Италию и имел непродолжительный опыт работы в курии. Новый папа был человеком болезненным, слабовольным и в то же время упрямым. Он отказался вернуться в Рим и избрал для собственного посвящения Лион, епископский город, где 14 ноября 1305 года и состоялась церемония. Климент сразу выказал себя весьма лояльным к французскому королю; из десяти кардиналов, которых он возвел в этот сан в Лионе, пятеро были из его собственной семьи и четверо – из окружения Филиппа: Беранже Фредоль, епископ Безье, Этьен де Сюизи, канцлер с 1302 по 1305 год, Пьер де Ла Шапель-Тейфер, епископ Тулузы, и Никола де Фреовиль, доминиканец, в прошлом – исповедник короля. Назначение в кардинальскую коллегия несколько французов обеспечивало избрание и в будущем «французских» пап. В марте 1306 года, ко всеобщему изумлению, Климент V перенес курию в Бордо. Он передал королю право на сбор церковной десятины сроком на пять лет и принял непосредственное участие в разгроме ордена тамплиеров.

За все время своего понтификата Климент V ни разу не был в Италии. Вначале он отложил свою поездку в Рим из-за переговоров с Филиппом Красивым, затем последовала подготовка к Вьеннскому собору 1311–1312 годов. После этого германский король Генрих VII вторгся в Италию. Климент не сопротивлялся, когда Филипп потребовал переноса главной папской резиденции из Рима в город Авиньон, находившийся во владениях неаполитанского короля и в сфере влияния короля французского. (В 1348 году папа Климент VI выкупил Авиньон у королевы Иоанны Неаполитанской.) Переезд состоялся в марте 1309 года, когда во Франции уже два года шел процесс по делу рыцарей Храма. Так начался 70-летний период «Авиньонского (или вавилонского) пленения пап», во время которого глава католической церкви «работал на Францию». Он выполнял различные поручения французского монарха, при королевском дворе находилось немало кардиналов.

Не менее бесцеремонно и более жестоко Филипп Красивый поступил с тамплиерами. В своих целях он мог использовать как фальшивые обвинения, так и негативное отношение к ордену со стороны светских и церковных властей. Данные ордену Папой Римским привилегии, всенародное уважение и экономические успехи имели своим следствием свободомыслие и высокомерие его членов. Папские привилегии обеспечивали тамплиерам независимость от местного духовенства, а также – теоретически – и от светской власти. Подобное положение вещей весьма возмущало, например, еще Гийома Тирского, считавшего, что тамплиеры слишком озабочены воплощением в жизнь собственных корыстных целей и небрежно выполняют предписанные им патриархом Иерусалимским обязанности, не повинаясь его воле, тогда как всем известно, что «смирение – вот истинный хранитель всех добродетелей и самостоятельно восходит на трон, с которого низринуто быть не может». Тамплиеры же отказывали патриарху в том послушании, какое являли их предшественники, и оскорбляли храмы Божьи тем, что отбирали у них законную десятину и первые плоды, попирая тем самым их законные права.

В 1179 году на Третьем Латеранском соборе Гийом Тирский возглавил наступление белого духовенства на военные ордена, и собор постановил: ограничить привилегии, полагавшиеся тамплиерам до той поры.

Тамплиеры часто вызывали раздражение и в народе. Уже в 1160 году папа был вынужден издать буллу, запрещающую стаскивать тамплиеров с коня, оскорблять их действием или словом, и с тех пор булла эта неоднократно подтверждалась. С 1199 по 1210 год папа Иннокентий III несколько раз требовал не причинять ущерба самим тамплиерам, их

слугам и их собственности и осуждал епископов, провоцировавших стычки тамплиеров с их братьями во Христе и даже посадивших кое-кого из членов ордена в тюрьму.

В свое время тамплиеры перестали быть угодны светским властям Иерусалимского королевства. Гийом Тирский насчитывает четыре случая, когда члены братства вступали в конфликт с верховной властью. Так, во время осады Аскалона в 1153 году Великий магистр, по слухам, помешал осаждавшим, кроме нескольких рыцарей-тамплиеров, ворваться в город, как только пали его стены, и это чуть не привело атакующую сторону к поражению. Хронист отстаивает ту точку зрения, что Великий магистр сделал это исключительно из желания обеспечить своему ордену возможность захватить как можно больше добычи при разграблении города. В 1165 году тамплиеры сдали «священную пещеру» на восточном берегу реки Иордан мусульманскому полководцу Ширкуху. Король иерусалимский Амальрих даже повесил около дюжины тамплиеров, ответственных за оборону, хотя члены ордена пользовались церковной и светской неприкосновенностью. Затем, в 1168 году, Великий магистр отказался поддержать третий поход Амальриха против египтян, и тот потерпел поражение. По мнению Гийома Тирского, отказ тамплиеров был вызван тем, что «совершить этот поход подстрекал короля Великий магистр соперничающего ордена (госпитальеров)». И наконец, в 1173 году тамплиеры убили посланника мусульманской секты «ассасинов», прибывшего в Иерусалим для ведения переговоров о союзе с королем Амальрихом. Видимо, они решились на это потому, что король согласился освободить ассасинов от уплаты тамплиерам ежегодной дани. Впрочем, исследователь П. Рид полагает, что тамплиеры напали на ассасинских послов по другой причине. Они попросту не доверяли им, зная их хитрость и вероломство, и сочли, что мусульмане одурачили короля Амальриха.

Так или иначе, король Иерусалима велел арестовать рыцаря, ответственного за это убийство. Гийом Тирский считает, что, если бы Амальрих не умер в 1174 году, он непременно поднял бы перед главами всех христианских государств вопрос о целесообразности неприкосновенности тамплиеров.

Надо сказать, что отношения тамплиеров с мусульманами оценивались современниками крайне неоднозначно.

Поражение на Востоке многие пытались связать с поведением духовно-рыцарских орденов. Ходили слухи о предательстве тамплиеров. Так, храмовники повели себя неблагоприятным образом, с точки зрения христиан, при осаде Дамаска в 1142 году. Вюрцбургский хронист свидетельствовал, что осажденные подкупили рыцарей Храма, которые оказали им поддержку, что и послужило в конечном счете одной из основных причин провала хорошо задуманного и подготовленного крестоносцами предприятия. Позже император Фридрих II обвинял тамплиеров в сговоре с сарацинами и даже тайном присутствии при отправлении мусульманских обрядов. В этом была доля истины. Тамплиеры и госпитальеры в свое время заключили, в частности, секретное соглашение с мусульманской сектой исмаилитского толка – с уже упоминавшимися нами ассасинами. Здесь нужно сказать несколько слов об этой секте. Ее фанатичные члены с дерзкой отвагой убивали высокопоставленных противников ударом ножа на улицах и площадях городов Леванта, несмотря на то, что сами при этом рисковали жизнью. При этом Старец Горы (так именовали главу секты) направлял оружие своих приверженцев как против крестоносцев, так и против неугодных ему мусульманских правителей. В 1236 году Папа Римский вынужден был пригрозить госпитальерам и тамплиерам отлучением от церкви, обвинив их в ведении переговоров с ассасинами.

Во время крестового похода Людовика Святого в Египет в 1248 году Великий магистр Гийом де Соннак из тактических соображений посоветовал брату короля графу д'Артуа не нападать на крепость Мансур. Однако хронист Матвей Парижский сообщает, что граф д'Артуа обвинял рыцарские ордена в попытках воспрепятствовать крестовым походам из корыстных побуждений, ибо, если бы Египет был завоеван, члены ордена уже не смогли бы

владычествовать в этих землях. Явственно это недоверие выразилось в отношении к Гийому де Боже, последнему Великому магистру, правившему орденом в Палестине, у которого имелись осведомители в рядах египетской армии, предупреждавшие его о готовящихся нападениях. Когда, по его просьбе, султан Калаун предложил осажденной Акре заключить перемирие при условии, что каждый житель уплатит дань, Великий магистр чудом избежал гибели, объявив об этих условиях жителям города, ибо они сочли это предательством. Вскоре Гийом де Боже погиб, защищая крепость от сарацинов.

В XIII веке не раз звучала критика в адрес тамплиеров, подобная той, с которой выступил Гийом Тирский. Да и папство теперь оказывало ордену менее щедрую поддержку. В 1207 году Иннокентий III обвинил тамплиеров в необузданной гордыне и недостойном использовании своего привилегированного положения. Папа писал, что члены ордена «по наущению дьявола ставят знак Святого креста на груди любого бродяги... не задумываясь, громоздят один грех на другой, позволяя каждому, кто за год сумел собрать для них хотя бы два-три денария, присоединяться к братству и, благодаря этому, быть похороненным по церковному обряду, даже если этот человек отлучен от церкви; таким образом, даже прелюбодеи, мошенники-ростовщики и прочие преступники получают возможность быть похороненными в освященной земле, подобно истинно верующим католикам».

Примечательное сочинение написал в 1306 году, накануне разгрома ордена Храма, ярый сторонник Филиппа Красивого адвокат Пьер Дюбуа. Он составил длинный трактат «О возвращении утраченной Святой земли». Составной частью предложенного им плана было объединение рыцарских орденов, которые, по его словам, получают огромный доход и собирают невероятные урожаи со своих бескрайних земельных владений по эту сторону Средиземного моря, однако же крайне мало делают для укрепления и защиты границ самой Святой земли. Члены орденов, проживающие как в Святой земле, так и на Кипре, должны быть лишены своего имущества. По мнению Дюбуа, как только в результате подобной политики будет получен реальный ежегодный доход, «сразу станет явным недостаток веры как у тамплиеров, так и у госпитальеров, которые вплоть до сего дня ради собственного обогащения предавали Святую землю и грешили против нее... весьма желательно полностью уничтожить даже саму память об ордене тамплиеров и, справедливости ради, стереть его с лица земли». Известный средневековый писатель Раймунд Луллий, посвятивший значительную часть своей жизни изучению исламских проблем, даже проклинал тех, кто выступал против объединения орденов.

Объединение было, по мнению многих, необходимым условием для организации нового крестового похода. Так полагал и Папа Римский. Видя слабость византийского императора, позволившего госпитальерам безнаказанно оккупировать крупный остров Родос, Филипп задумал отвоевать константинопольский трон для своего брата Карла Валуа. Этот план не слишком вписывался в схему Климента V, однако Франция, Венеция, Арагон и Неаполь уже определенно нацелились на византийскую корону.

Магистр Жак де Моле отреагировал на призыв объединяться. В ответ на предложение папы он составил меморандум, где изложил свой взгляд на ситуацию, начав с того, как зародилась идея о слиянии двух орденов – это произошло на Лионском соборе в 1274 году. Магистр перечислил и всех прелатов, выступивших тогда против этого предложения, не забыл и Бонифация VIII. Жак де Моле признавал, что в объединении орденов есть определенный смысл – столь мощное братство могло бы более эффективно бороться со своими врагами, но вместе с тем по отдельности госпитальеры и тамплиеры обладали большей тактической гибкостью и маневренностью. Соперничество орденов Госпиталя и Храма давало несомненную выгоду, и хотя их цели практически совпадали, сам характер действий различался: госпитальеры занимались преимущественно благотворительностью, а храмовники выполняли функции вооруженной охраны единоверцев. Де Моле соглашался, что

ордена должны сплотить свои усилия как в деле опеки и защиты паломников, так и в борьбе с сарацинами, но при этом оставаться независимыми братствами.

Второй меморандум Жака де Моле стал его ответом на призыв Папы Римского к новому крестовому походу. И снова Великий магистр выступил против укorenившегося в те времена взгляда на такую экспедицию как на особое военное предприятие с исключительным участием профессионалов и опорой на киликийских армян-христиан. Он писал, что горький опыт, полученный тамплиерами после потери их последней ближневосточной базы на острове Руад, показал, что такие мелкомасштабные операции обречены на неудачу. Кроме того, многолетние отношения тамплиеров с армянами свидетельствуют, что те не заслуживают доверия и часто подводят в самые ответственные моменты. Из-за подозрительности и нелюбви к франкам армяне, как правило, не пускают латинян в свои замки. Наконец, климат в тех местах весьма вреден для здоровья, и многие крестоносцы гибнут от болезней.

Магистр предлагал организовать полномасштабную экспедицию классического «общенародного» типа – наподобие крестового похода Людовика IX. Единственным способом отвоевать Святую землю, по мнению главы ордена, был разгром сухопутных сил египетских мусульман. А для этого короли Франции, Англии, Германии, Испании и Сицилии должны собрать ополчение численностью 12–15 тысяч конных рыцарей и не менее пяти тысяч пехотинцев, которых итальянские торговые республики на своих кораблях должны перевезти на Кипр, передовую базу предстоящей операции по возвращению утраченных земель.

Однако многие другие европейские политики, особенно соратники короля Филиппа, сочли идеи магистра старомодными и давно себя дискредитировавшими. А из-за упорного сопротивления Жака де Моле слиянию двух орденов о нем сложилось мнение как о своекорыстном консерваторе. Прекрасно понимая, сколь непопулярны его предложения, Жак де Моле обратился к папе Клименту V с просьбой о встрече, дабы он мог изложить свои взгляды. Климент назначил ему аудиенцию в Пуатье на 1 ноября 1306 года. Но ее пришлось отложить из-за обострения у папы хронической язвы желудка. До Пуатье магистр добрался к концу мая 1307 года. Великий магистр госпитальеров Фулько де Вилл аре, который должен был участвовать во встрече, задержался по делам своего ордена на Родосе.

Французский монарх справедливо полагал, что накопившееся раздражение и зависть к тамплиерам создадут необходимый фон для процесса против ордена Храма. Уже в 1306 году он начал тщательную подготовку беспрецедентной «полицейской акции». В личной беседе с Климентом он говорил о своих подозрениях относительно «гнусностей», творящихся в ордене. Однако тогда папа отказался поверить в эти нелепые обвинения.

Информацию о «гнусностях» король черпал из сведений, услужливо готовившихся и собиравшихся Гийомом де Ногаре, который, в свою очередь, получил первые такие сведения от некоего Эскена де Флойрана. Этот человек был когда-то исключен из ордена за какие-то проступки и был осведомителем при арагонском и французском дворах. Около 1300 года он поделился некоторыми секретами относительно ордена Храма с арагонским королем Хайме II. По его утверждению, тамплиеры отрекались во время вступления в орден от Бога и поклонялись идолу. Хайме высмеял афериста. Более благодарного слушателя Эскен нашел в лице де Ногаре. Тот начал усердно собирать сведения, фабриковать обвинения, находить «свидетелей». Во время процесса были названы имена и других людей, которые могли послужить первоисточниками тех «серьезных подозрений», которые «заставили» Филиппа Красивого начать аресты. 27 ноября 1309 года тамплиер по имени Понсар де Жизи попытался защитить свой орден. Способ, который он для этого избрал, относился к тем формам защиты, которые допускала инквизиционная процедура: обвиняемый мог назвать своих врагов в надежде, что их имена совпадут с именами тех, кто давал показания против него, и, таким образом, косвенно подвергнуть сомнению тот факт, что эти люди действовали исключительно во имя истинной веры. Понсар назвал четыре имени: «вот те предатели,

которые лгали, клевета на членов ордена и называя их преступниками: Гийом Робер, монах, который подвергал тамплиеров пыткам; Эскен де Флойран из Безье, помощник приора Монфокона; Бернар Пеле, приор Ма-д'Ажене, и Жерар де Буазоль, рыцарь, родом из Жизора». Кроме того, сам Великий инквизитор Франции Гийом Парижский утверждал, что незадолго до начала процесса около дюжины шпионов короля намеренно вступили в орден, чтобы собрать компрометирующие сведения.

Любопытно, что предупредил Великого магистра Жака де Моле о настроениях при дворе сам Климент V. Он предлагал устроить публичный процесс, в ходе которого тамплиеры могли бы отбросить все обвинения. В августе 1307 года папа отослал королю письмо, в котором попросил переправить к нему в курию всех собранных свидетелей по делу храмовников. Понтифик добавил, что сможет принять эту делегацию не раньше середины октября 1307 года, поскольку до этого будет проходить курс лечения. Возможно, именно этот факт заставил Гийома де Ногаре ускорить приготовления к разгрому ордена, чтобы сделать все до того, как дело окажется в руках папства – хоть и подконтрольного Филиппу, но достаточно влиятельного, чтобы затормозить процесс.

В сентябре 1307 года во все города Франции королевским чиновникам – сенешалям, прево, бальи^[21] и прочим – были разосланы пакеты с приказом арестовать всех тамплиеров. На пакетах было написано: «Вскрыть 12 октября». Де Ногаре заручился поддержкой французской инквизиции в лице Гийома Парижского. Через неделю после королевской инструкции последний отправил провинциальным инквизиторам письмо, списанное с текста Ногаре, где с точностью повторил уже сформулированные поручения и разъяснения, переданные королевским чиновникам.

Еще вечером 12 октября 1307 года Жак де Моле дружески беседовал с Филиппом, который просил магистра стать крестным отцом его ребенка. А ночью началась облава. От рук королевских чиновников в Париже удалось спастись лишь восьмерым тамплиерам. Моле был взят в своей постели. По всей стране были арестованы и заключены в тюрьмы около пяти тысяч храмовников. Есть версия, что негативное отношение к 13-му числу, которое приходится на пятницу, берет свое начало именно в событиях 1307 года во Франции.

«С горечью и обидой в сердце видим мы эти ужасные, достойные всяческого порицания примеры отвратительнейших преступлений, слушаем историю чудовищных злоумышлений, мерзких позорных деяний, поистине дьявольских, чуждых роду человеческому» – так начинался текст тайных предписаний де Ногаре королевским чиновникам.

Рыцарям ордена инкриминировалось пять еретических заблуждений: при вступлении в орден неопита наставник уединялся с ним за алтарем или в другом месте, где заставлял его три раза отречься от Спасителя и плюнуть на крест; неопита раздевали донага, и наставник, по одной версии, три раза целовал его в заднюю часть, в пупок и в уста, а по другой – «во все восемь отверстий»; шнурок, который тамплиеры носили как символ целомудрия, освящался тем, что его обвивали вокруг идола, имевшего вид человеческой головы с длинной бородой и почитаемого руководителями ордена; священники ордена при совершении богослужения не освящали Святых Даров.

Большинство храмовников подтвердило свою вину. Многие умерли под пытками, некоторые повесились в камерах. Двое из руководителей ордена – Жерар де Виллье, командор Франции, и Бернар де Ла Рока, командор Прованса, – вероятно, сопротивлялись до конца. Командор Оверни Умбер Блан сумел скрыться, возможно, благодаря своим друзьям, судовладельцам из Марселя. Впоследствии он был схвачен в Англии и сыграл ведущую роль при защите своих братьев по ордену на процессе по делу английских рыцарей Храма.

16 октября 1307 года Филипп IV направил всем монархам христианского мира послание, в котором уведомлял о раскрытии ереси тамплиеров и просил принять против них

соответствующие меры. Гийом де Ногаре мобилизовал даже трубадуров, которые стали выступать с песнями, разоблачавшими преступления тамплиеров.

Во всех бальяжах и сенешальствах королевства допросами занимались сборные комиссии, составленные из братьев-доминиканцев и рыцарей или сержантов короля. Храмовники путались в показаниях, вырываемых у них силой, вероятно, не могли правильно повторить то, что от них требовалось. Сумбура добавляло и то, что и сами следователи, включая их начальников, постоянно меняли сценарий. «Идол» тамплиеров принимал все более фантастические формы: голова человека, бородатого или безбородого, молодого или старого, с двумя или четырьмя лицами, стоящего на четвереньках, с телом человека, кошки, свиньи и т. д. За ним укрепилось наименование «Бафомет», что, возможно, является провансальской формой имени Магомет. Ногаре изменял и постепенно усиливал свои обвинения, добавив к ним содомию и черную магию. Отдельным пунктом шло обвинение ордена в том, что его Великий магистр, не будучи священнослужителем, исповедовал и давал отпущение грехов.

Пребывавший в полном неведении Климент V, узнав о начале арестов, направил королю довольно резкое послание: «Ты, мой дорогой сын... в наше отсутствие нарушил закон, подняв руку на орден Храма и его имущество. Ты даже арестовал его членов и, что гнетет меня сильнее всего, обошелся с ними без должной терпимости и снисходительности... усугубив и без того тяжелое положение заключенных дополнительными страданиями. Ты посягнул на людей и имущество, находящихся под прямой защитой римской Церкви... Для всех очевидно, что твои поспешные действия являются неуважением к нам лично и ко всей римской церкви». Впрочем, противостоять монарху, благодаря которому он и пришел к власти, папа не мог. 27 ноября папа Климент V разослал буллу, в которой приказывал арестовать тамплиеров и в других странах, однако в Германии, Англии и Испании с ними поступили не столь решительным образом. Да это было и не важно, ведь центр ордена, безусловно, находился во Франции. Так что, 13 октября

1307 года орден, по большому счету, прекратил свое существование. Его казну и большинство земельных владений во Франции присвоил себе Филипп, хотя и до сих пор ходят легенды, что золото храмовников в день облавы уплыло из Ла-Рошели в неизвестном направлении.

В начале декабря папа направил в Париж двух кардиналов, чтобы разъяснить королю, что тамплиеров, как монахов, следует передать в руки духовных лиц. Филипп передал их, но тем кардиналам, которые полностью находились под его контролем. Узников распределили между парижским Тамплем, замком Корбей, замком Море-сюр-Луэн и прочими укрепленными местами.

Пытаясь сохранить за собой право судить тамплиеров, в феврале 1308 года король задал семь вопросов теологам из Парижского университета. Первый вопрос – как следует поступить правителю государства, когда он и его министры слышат, что еретики поносят имя Божие и подрывают католическую веру: следует ли правителю воспользоваться своей законной властью и начать расследование, даже если церковь не давала ему на то разрешения, если для всех очевидно, что совершено преступление, вызвавшее возмущение всего народа? Во-вторых – может ли правитель начать процесс против тамплиеров, если среди них обнаружена ужасная, отвратительная ересь, если люди эти – члены религиозного братства? Нельзя ли рассматривать членов этого духовно-рыцарского ордена прежде всего как рыцарей, а уж потом как клириков? В-третьих, может ли быть осужден весь орден целиком, если его Великий магистр и другие руководители, а также еще более полусотни братьев признались в совершенных преступлениях и подобные признания были получены по всей стране, причем признававшиеся не знали ничего о показаниях друг друга и не имели возможности подождать и выяснить, признавался ли кто-нибудь еще в том, в чем признались они сами? В-четвертых, поскольку неофитов заставляли отречься от Бога и истинной веры

на тайных церемониях, где присутствовали лишь два-три человека, которые ныне, по большей части, уже отошли в мир иной, а отрекшиеся от Бога тамплиеры продолжают упорствовать в своих заблуждениях и не желают признаваться в грехах, не стоит ли изгнать их из католичества? В-пятых, если некоторые тамплиеры ни в чем не признались, то сохранить ли орден или же распустить его на основании многочисленных свидетельств против него? В-шестых, имеет ли король право конфисковать имущество тамплиеров, если их владения расположены на его территории, или же имущество это должно отойти к церкви, или же оно должно быть передано для защиты Святой земли, ради чего изначально и создавался сам орден? В-седьмых, если будет принято решение использовать имущество тамплиеров для защиты Святой земли, то кто будет этим заниматься – церковь или светские правители, и прежде всего король Франции, на чьей территории тамплиеры проживали в течение долгих лет? Тем более что у французских королей имеется для охраны отторгаемого имущества и специальная стража, и хранилища...

Магистры богословия Сорбонны долго колебались – вероятно, опасаясь реакции Филиппа и одновременно не желая покушаться на права церкви. Наконец 25 марта от них поступил ответ. Магистры были вынуждены сказать следующее: во-первых, они считают, что монарх не может заключать в тюрьму, допрашивать или наказывать еретиков без санкций на то церкви. Во-вторых, тамплиеры являются клириками, а посему не подпадают под юрисдикцию светских властей, «ибо призыв рыцарей на защиту истинной веры с оружием в руках не противоречит законам христианского государства». Если же отдельные братья-рыцари не подчиняются законам духовного ордена и творят ересь, их, разумеется, нельзя считать клириками, но в таком случае только церковь должна решать, достойны ли они и далее выполнять свой долг. В-третьих, магистры согласны, что столь большого количества признаний достаточно для вынесения обвинительного приговора всему ордену или, по крайней мере, для проведения тщательного расследования. В-четвертых, если столь сильны подозрения против всего ордена в целом, тем, кто еще не сделал признаний, «следует обеспечить» возможность их сделать, иначе возникнет опасность заражения ересью и других членов ордена, хотя всех их записывать в еретики пока не следует. В ответ на пятый вопрос – о том, стоит ли сохранить статус тамплиера тем, кто отринул предъявленные обвинения, – богословы заявили, что все уже сказали по этому поводу, отвечая на третий и четвертый вопросы короля. По поводу шестого и седьмого вопроса теологи уклонились от прямого ответа. Дары, полученные тамплиерами, «вручались им скорее как защитникам веры и Святой земли», а потому для защиты Святой земли дары эти и должны быть использованы. С другой стороны, охрану имущества тамплиеров «следует осуществлять способом, который лучше соответствует избранной цели».

«Таким образом, наисветлейший государь, мы постарались как можно лучше изложить то, к чему пришли в согласии друг с другом, от всего сердца желая исполнить королевский указ и одновременно не изменить истине; если это нам удалось, то, как мы надеемся, наши ответы окажутся приемлемы для Вашего Королевского Величества, ибо мы составляли их со всем возможным тщанием. И пусть наказано будет преступное вероотступничество, вызвавшее бурю протеста во всем христианском мире, как о том печется наш христианнейший король, главный защитник истинной веры и справедливости».

По сути, парижские богословы ответили королю отказом. Он вынужден был довольствоваться их согласием с тем, что признания отдельных тамплиеров могут быть основанием для осуждения всего ордена. Поскольку Климент V не отменил своего решения о том, чтобы временно прервать процесс, несчастные осужденные получили передышку на полгода, когда их не допрашивали инквизиторы, а король и папа выясняли между собой, кому из них следует вести процесс. Представ перед лицом теперь уже папских следователей в самом конце 1307 года, Жак де Моле отказался от первоначальных признаний... чтобы позже опять согласиться с обвинением.

Чтобы заручиться поддержкой общества, Филипп приказал созвать Генеральные штаты. Королевские чиновники сделали все от них зависящее, чтобы обеспечить как можно более полную явку представителей городов, аристократии и духовенства на это всенародное собрание. Генеральные штаты заседали в Туре в начале мая 1308 года. Протоколов их работы не сохранилось, однако следует предположить, что советники короля ознакомили собравшихся с обвинениями в адрес тамплиеров и постарались убедить их в виновности ордена Храма. Значительную часть депутатов Филипп Красивый взял с собой в Пуатье, где находился тогда папский двор и где должна была состояться встреча монарха с понтификом.

29 мая на публичном собрании в Пуатье перед лицом папы Гийом Парижский повторил обвинения. По его словам, люди давным-давно поняли, что на тайных собраниях и церемониях тамплиеров творится нечто непристойное, недаром храмовники отказывались открыть тайны ордена даже епископам. Собрания их проводились по ночам, «как это обычно и делают все еретики». Вины тамплиеры также и в том, что в результате их деяний и отступничества Святая земля для католиков практически потеряна, ведь, как всем теперь известно, тамплиеры часто шли на прямой сговор с султаном. Они не проявляли христианского гостеприимства, не подавали милостыню, не занимались благотворительностью. Согласно некоторым свидетельствам, тамплиеры дали обет дьяволу поступать именно так. Некоторые же еще и усугубили свою вину, бежав из-под стражи и обратившись к разбою или же став нищими попрошайками. Во многих местах они построили свои замки, несмотря на возражения церкви, и крали, проматывая и пропивая все, вплоть до священных церковных сосудов. Всем известно, что в Испании, например, многие тамплиеры уже переметнулись на сторону сарацин.

Заканчивая эту обличительную речь, верховный инквизитор недвусмысленно указал духовенству, как следует вести дело храмовников: «Иисус еще не одерживал над врагами Своей Церкви и истинной веры такой необыкновенной победы – столь же восхитительной, великой и быстрой, сколь и полезной, необходимой, как Он недавно это сделал, чудесным образом обнаружив ересь коварных тамплиеров!.. Святой Отец, поелику король, бароны и весь народ этого королевства просят, чтобы это дело было закончено быстро, пусть будет вам угодно как можно раньше поставить в нем точку. В противном случае нам придется говорить с вами на другом языке!»

Климент V решил ответить. Он объяснил, что до восшествия на Святой престол он не уделял много внимания тамплиерам, но впоследствии знал и любил многих из них, как и орден в целом, поскольку считал их благими мужами. Однако, если они и впрямь таковы, как их представляют, то он возненавидит их и будет вести судебное разбирательство против них таким образом, какой был бы к чести Божией. В заключение папа пообещал как от себя, так и от имени своих кардиналов решать дело «не затягивая, но и без спешки и достойным церкви образом». Таким образом, сломить папу королю не удалось. Он отказался признавать за светской властью право судить еретиков самостоятельно.

Однако, полностью взять следствие в свои руки понтифик не смог. Одно расследование, касающееся ордена в целом и его высших руководителей, вела папская комиссия. Другое же проводилось по различным епархиям епархиальными комиссиями и касалось отдельных членов ордена, по делу которых в результате должны были вынести приговор местные суды. Эти комиссии находились под влиянием королевских чиновников, в них вошли и подчиненные Гийому Парижскому инквизиторы, что, естественно, не облегчило участи обвиняемых.

Также Климент V не добился передачи специально назначенным кураторским комиссиям земель и имущества, которое успели захватить королевские чиновники. Такие комиссии должны были до окончания процесса защищать имущество от расхищения и в случае осуждения ордена передать его на организацию очередного похода в Святую землю. Филипп IV поддержал идею на словах, но практически ничего не сделал для ее осуществления.

Королевские управляющие на местах не спешили проводить официальную инвентаризацию захваченного имущества и земель. Они продавали, сдавали в аренду, эксплуатировали богатства ордена по своему усмотрению. Климент V отчаялся добиться справедливости и исполнения договоренностей, которые были достигнуты в Пуатье в мае – июне 1308 года.

Процесс продолжался много лет. Папа и король торговались, дело переплеталось с судебным следствием в отношении покойного папы Бонифация VIII, которого смертельно оскорбил в свое время де Ногаре. Филипп требовал осуждения Бонифация, снятия отлучения со своего министра, Климент отказывался сделать это, резонно полагая, что осуждение предыдущего папы нанесет удар по самому институту понтификата. В спорах об этом рождались взаимные уступки в другом процессе – по делу тамплиеров. Так или иначе, надежды храмовников на Святой престол оказались тщетны. 12 августа 1308 года Климент V специальной буллой «Творя милосердие...» постфактум утвердил репрессии французской короны против тамплиеров, хотя и порекомендовал королевским тюремщикам как можно мягче обходиться с попавшими под арест рыцарями. Другая булла, обнародованная 30 декабря 1308 года, предавала отлучению всех, «какого бы положения они ни были, не исключая епископского преосвященства», кто помогал тамплиерам советом или поддержкой. Это был ясный сигнал членам епархиальных комиссий – как следует поступать с подследственными.

Еще в августе 1308 года небольшая папская группа, составленная из влиятельных кардиналов, посетила замок Шинон, где содержались высшие руководители ордена Храма, включая Великого магистра. На сей раз, в отличие от декабря 1307 года, он снова признался в различных неблагоприятных поступках. Что послужило причиной этих повторных признаний, неизвестно. Возможно, Жака де Моле напугали возможностью быть осужденным светским судом за повторное впадение в ересь, пообещав при этом, что церковь спасет орден. Впрочем, не исключено, что показания, данные в Шиноне де Моле, де Пейро и другими были наполовину выдуманы самими кардиналами по требованию короля и его советников. На это указывает поведение Великого магистра во время допроса папской комиссией в 1309 году. Услышав о своих же собственных показаниях в Шиноне, он был в совершенном смущении, просил уточнить кое-что в присутствии тех кардиналов, которые говорили с ним в том замке, намекал на наказание за лжесвидетельство... Можно предположить, что кардиналы, мягко говоря, неточно передали слова магистра в Шиноне либо обещали, что эта информация записывается «не для протокола» или будет использована как-то иначе – по крайней мере, не во вред де Моле. Возможно, уже немолодой магистр просто был сломлен двухлетним заключением и плохо помнил, кому, что и когда он говорил, когда признавался, а когда отказывался от своих показаний. В это тем более легко поверить, что, по свидетельству современников, Жак де Моле не отличался особой образованностью и изощренностью в полемике. Этот рыцарь мог быстро запутаться в хитросплетениях судебной процедуры того времени.

Итак, в конце лета 1308 года была создана та самая папская комиссия, в обязанности которой входило рассмотрение дела ордена в целом. В ее распоряжении был объемный документ, содержащий 127 статей обвинения, которые и следовало проверить. Согласно намерениям Климента, папские уполномоченные, входившие в комиссию, должны были вести расследование, заседая в разных городах Франции. Для этого папа назначил архиепископа Нарбона (в качестве председателя комиссии), епископов Байе, Манда и Лиможа с шестью другими духовными лицами. Эта разъездная комиссия королю не понравилась, и он повелел, чтобы расследование велось в Париже. Хотя почти все члены папской комиссии были ставленниками Филиппа, именно король чинил наибольшие препятствия ее работе. Заседания комиссии начались 8 августа 1309 года в монастыре Сент-Женевьев – то есть лишь через год после того, как папа санкционировал ее деятельность. Любопытно, что в первые полторы недели, несмотря на все требования, приглашения и папские энциклики, никто из

тамплиеров не предстал перед комиссией, чтобы дать показания по делу и защитить свой орден. По всей видимости, королевские тюремщики, продолжавшие по договору с папой выполнять свои функции, вовсе не спешили отпускать от себя даже на час своих заключенных.

Но адвокаты у ордена Храма все же появились. Любопытна история одного из тамплиеров, решившихся выступить в свою собственную защиту и в защиту всей организации. Его звали Понсар де Жизи. Представ перед папской комиссией, он решительно заявил, что все предыдущие признания сделал, поскольку не мог более терпеть ужасных пыток. То же самое он предположил и в отношении своих братьев по ордену. Однако королевские чиновники достаточно искусно справились с этим свидетелем своих собственных злодеяний. Они ознакомили членов комиссии с письмом, которое Понсар де Жизи действительно отправил папе еще до того, как попал под арест. Последний был смущен, говорил, что письмо написано в порыве гнева от оскорбления, которое ему нанес казначей ордена Храма. Но это не исправило ситуации.

Согласно письму Понсара, братьям ордена запрещалось принимать участие в сборе пожертвований во время мессы, держать детей над купелью во время крещения и ночевать под одной крышей с женщиной. Всякого, кто нарушит эти запреты, бросали в темницу. Если это заявление Понсара де Жизи еще можно было счесть простым недовольством суровой дисциплиной ордена, то остальные обвинения были куда более серьезные. Так, например, магистры и приоры, принимавшие в орден братьев и сестер, после того, как эти сестры давали обет покорности, целомудрия и бедности, якобы лишали их невинности. Для магистров самым обычным делом было даже принуждение к сожительству девиц «определенного возраста, которые думали, что вступают в орден для спасения души своей». У этих сестер потом рождались дети, и магистры принимали этих детей в члены ордена, хотя по Уставу прием незаконнорожденных запрещен. На самом же деле вступить в орден могли даже воры и убийцы, «если у них водились денежки». Приоры местных отделений ордена торговались с новыми братьями по поводу платы за вступление, а это значит, что многие братья виновны были в грехе симонии и заслуживали отлучения от церкви. К тому же приоры были еще и клятвопреступниками, ибо заставляли новичков клясться всеми святыми, что никаких взяток при вступлении в орден они не давали. Если же кто-то из братьев раздражал того или иного приора, тот давал взятку командору провинции, который мог отправить «виновного» за море. Тех, кто покидал орден, насильно возвращали. Среди тамплиеров нередки были ссоры и распри... Хотя Понсар де Жизи и утверждал, что большая часть всего, что было написано в этом доносе, фальсификация, доверие к нему со стороны комиссии было серьезно подорвано.

Несмотря на это, к началу мая 1310 года уже почти шестьсот тамплиеров пришли к решению защищать орден, полностью отрицая истинность вырванных у них в начале следствия признаний, сделанных либо перед инквизиторами в 1307 году, либо перед епископами в 1309 году. Тамплиеры надеялись, что их поверенными в деле защиты ордена будут его высшие руководители. Но те, предали своих людей, отказываясь брать на себя защиту, ссылаясь на неграмотность, и более всего уповали на то, что их личные дела будут рассмотрены Папой Римским. Тогда храмовники выбрали своими поверенными двух авторитетных тамплиеров: Пьера де Болонья, прокуратора ордена при папском дворе, и Рено де Провена, приора Орлеана.

31 марта 1310 года пришедшим к нему судебным клеркам Пьер де Болонья заявил, что тамплиеров необходимо освободить, чтобы они имели возможность по-настоящему защищать свой орден и присутствовать на готовящемся

Вьенском церковном соборе лично. Сделанные же ранее признания нельзя считать основой для обвинений по адресу ордена, поскольку все они – и это совершенно очевидно – лживы и «делались под воздействием смертного ужаса после тяжких пыток, которым

подвергались многие тамплиеры, а если кого-то из них и не пытали, то все равно угрожали пыткой и показывали, как пытаются других, чтобы они видели, как те говорят то, чего от них добиваются их мучители». Другие были совращены посулами и лестью. Все это делалось настолько открыто и настолько хорошо всем известно, что правду уже не скроешь. Так говорил адвокат ордена.

На следующий день выступил перед судьями и Рено де Провен, который пошел дальше Пьера де Болоньи. Будучи искусным правоведом, приор Орлеана указал на многочисленные нарушения судебной процедуры, умело сыграл на тонкостях юридической практики того времени.

Без сомнения, можно утверждать, что де Болонья и де Провен сделали практически все от них зависящее, чтобы дать ордену шанс на реабилитацию. Положение первого из них, правда, осложнялось тем, что в ноябре 1307 года во время первых допросов в Париже он признал, что отрекался от Христа и плевал на Святое распятие, и что приор сказал ему, будто совершить акт мужеложства с другими братьями не есть грех, хотя сам он никогда гомосексуальных связей не имел, и что его во время приема в орден целовали в губы, в пупок и «в срамное заднее место». Тогда, в конце 1307 года, он поклялся спасением собственной души, что говорит правду. Рено де Провена допрашивали в тот же день, что и Пьера де Болоньи, но он проявил тогда большее тактическое искусство, не ответив прямо ни на один из поставленных каверзных вопросов.

Этим образованным священникам помогали два рыцаря – Гийом де Шанбонне и Бертран де Сартиж. Каждый из них отдал ордену по тридцать лет своей жизни. На первых для них епископальных слушаниях в 1309 году они наотрез отказались признавать за собой или за всем орденом Храма какую-либо вину.

Филипп IV забеспокоился, ведь дело принимало неожиданный для него оборот. Чиновники «подкинули» комиссии нескольких свидетелей в противовес появившимся защитникам. Некоторые из этих свидетелей были мирянами, и их показания основывались лишь на слухах. Они рассказывали о существовании тайного Устава, неприличных собраниях, ужасных тюрьмах ордена. Характерны показания оруженосца Николя Симона, который ничего не смог добавить к этим рассказам и сказал, что ничего не знает о предъявленных ордену обвинениях, «однако давно подозревал, что упомянутый орден нехорош».

Видя, что папская комиссия дает все возможности тамплиерам для защиты, Филипп Красивый решил переключиться на епископские расследования по делам отдельных членов ордена. Главную ставку он сделал на следствие в провинции Сене, куда в то время входил и Париж. Архиепископом Санским был Филипп де Мариньи – брат восходящей звезды королевского правительства Анггеррана де Мариньи. Он должен был собрать провинциальный церковный собор, чтобы еще до Вселенского собора вынести вердикты по делу некоторых тамплиеров, находившихся на его территории. Поняв, что такой собор будет направлен в первую очередь против тех, кто защищал орден перед лицом папских уполномоченных в Париже, Пьер де Болонья подал апелляцию председателю папской комиссии архиепископу Нарбона Жилу Анселену. Последний же, не желая ссориться с королем, попросту устранился от рассмотрения этого протеста. Тем временем архиепископ Санский делал свое дело. Около полусотни тамплиеров, вызвавшихся защищать орден перед папской комиссией, были сожжены по приговору епископского суда в предместье Парижа. Это было наглядной иллюстрацией того, что терпение короля исчерпалось и рыцарям-храмовникам все равно не избежать осуждения. Через несколько дней еще четверо тамплиеров встретили свою смерть на костре, а прах бывшего казначея парижского Тампля Жана де Тура был извлечен из могилы и сожжен. Вскоре девять человек были сожжены в Санлисе по приказу совета провинции Реймс. Так вопрос решался и без участия папской комиссии, которая либо не могла, либо не хотела что-либо этому противопоставить.

Вскоре на допрос в провинциальный суд был вызван и Рено де Провен – как частное лицо и уроженец провинции Сана. Он был лишен своего сана и не мог более выполнять функции защитника тамплиеров. Без вести пропал Пьер де Болонья... Через небольшой промежуток времени документы начали описывать совсем других обвиняемых – смилившихся. Историки полагают, что в темницах перед допросами со стороны папской комиссии с этими тамплиерами «работали» люди короля, впечатлила «адвокатов ордена» и казнь рыцарей в Париже. На заседания комиссии свободный доступ имели и Гийом Парижский, и Гийом де Ногаре. Вероятно, в их присутствии прошедшие через пытки подследственные не спешили отказываться от своих признаний. В конце 1310-го и первой половине 1311 года многие из тех тамплиеров, которые ранее собирався защищать орден, теперь всячески отреклись от этого решения. Они ссылались на внезапные приступы болезни, дурные советы и т. д. Протоколы заседаний папской комиссии свидетельствовали, что многие при этом были сильно напуганы.

Созванный папой в октябре 1311 года во Вьенне XV Вселенский собор отказался уничтожить самый могущественный союз рыцарей-крестоносцев: лишь пять кардиналов из 140 проголосовали за упразднение ордена, остальные приняли решение просить для него защиты. Кардиналы требовали беспристрастного расследования. Так обозначилась попытка воспрепятствовать тому, чтобы светские власти диктовали свои условия церковным. Хотя, не исключено, что большее значение имел для кардиналов вопрос о том, кто будет делить имущество храмовников. Сам Климент настаивал, чтобы оно было передано рыцарям ордена Св. Иоанна – то есть госпитальерам. В ходе собора произошел драматический эпизод, когда неожиданно явились девять тамплиеров, заявивших, что они хотят защищать орден. По их утверждению, в окрестностях Лиона находилось еще полторы-две тысячи братьев. Напуганный неожиданным поворотом дела папа приказал арестовать незваных гостей. Влияние на кардиналов падало. Многие из них открыто говорили о том, что после перерыва собор следует перенести в другой город, где не будет опасности вмешательства французского короля.

Эти опасения были небезосновательны. Весной 1312 года на соборе с вооруженной свитой появился Филипп IV, который, по сути, силой заставил перетрусившего папу распустить орден. 2 мая 1312 года Климент V подписал буллу «К провидению Христова наместника...», согласно которой орден Храма был распущен. Смилившихся и тех, кто ни в чем не сознался, должны были поместить под арест, либо в старые командорства ордена Храма, либо в другие монастыри. Еретиков предполагалось наказать по каноническим законам, беглецов – перечислить, дабы они могли предстать перед судом. Климент оставил за собой право судить магистра, генерального смотрителя, командоров Нормандии, Аквитании и Кипра. К сожалению, позже акты Вьеннского собора, как утверждают представители Ватикана, были утеряны. Большое число как актов, так и свидетельских показаний исчезло. По приказу Наполеона I все секретные архивы Ватикана, включающие полное собрание документов, относящихся к ордену Храма, переправили в Париж. Сумятица в то время была такая, что можно было увидеть торговцев, использующих эти самые ценные документы для упаковки своих товаров. В XVI веке во время завоевания турками Кипра был уничтожен и большой архив самого ордена.

Имущество действительно перешло госпитальерам – папе удалось купить согласие на это французского короля, посодействовав ему в получении вассальной клятвы от епископского города Лиона. Впрочем, французские денежные фонды ордена Храма так и остались в королевской казне. Обделенными оказались госпитальеры Пиренейского полуострова. Дело в том, что особую активность в Испании проявил арагонский король Хайме II. Он настаивал на том, что имущество тамплиеров должно остаться под его контролем. В конце концов в 1317 году ему удалось заключить договор уже с другим папой – Иоанном XXII. По договору было решено создать новый орден со штаб-квартирой в Монтесе, который

подчинялся бы подконтрольному монарху ордену Калатрава. Этой новой ветви ордена передавалась бывшая собственность тамплиеров и даже местные земельные владения госпитальеров – то есть новый духовнорыцарский орден оказывался тесно связан с арагонской монархией. Он располагался на южных границах королевства.

Не спешил передавать имущество храмовников госпитальерам и король Кастилии. Даже в 1366 году Папа Римский еще жаловался на то, что кастильские монархи не выполняют своих обязательств перед рыцарями ордена Св. Иоанна.

После окончания Вьеннского собора еще два года продолжалось разбирательство относительно высших руководителей тамплиеров во главе с Жаком де Моле. Магистр, осознавший, что надежда на папский престол была тщетной, начал упорствовать и в конце концов был приговорен к сожжению как нераскаявшийся еретик. Казнь состоялась в марте 1314 года в Париже. Существует легенда, что в последний момент, когда пламя уже охватило тело, Великий магистр крикнул: «Папа Климент! Король Филипп! Не пройдет и года, как я призову вас на суд Божий! Проклинаю вас!»

Папа умер 20 апреля, а Филипп 29 ноября 1314 года. И еще один факт – на нынешней набережной Больших августинцев по странному стечению обстоятельств красные огни Нового моста отражаются в Сене на месте мучений Жака де Моле...

* * *

Уже много лет историки спорят о том, насколько обвинения и признания тамплиеров соответствовали действительности.

Итак, в течение семи лет инквизиторы Филиппа Красивого пытками и угрозами выбивали из арестованных храмовников признания в самых страшных грехах: сатанизме, надругательстве над крестом и Святыми Дарами, содомии. Почтенный архиепископ Нарбонский, бывший хранителем королевской печати, поначалу вообще отказался активно участвовать в этом процессе, хотя и не оказал действенной поддержки тамплиерам. Тогда король назначил хранителем печати своего специалиста по «скользким» делам Гийома де Ногаре. Его помощниками были не менее беспринципные люди – личный духовник короля Гийом Эмбер (Гийом Парижский), ставший Великим инквизитором Франции, и брат королевского министра Филипп де Мариньи, получивший титул епископа Санского. «Нет такой низости, такого преступления, к которым бы ни прибегли судьи в ходе этого процесса...» – писал Морис Дрюон, автор известных хроник из серии «Проклятые короли». Если Гийом де Ногаре интересовался более всего материальным богатством ордена и хотел передать его короне, то Гийом Парижский, по всей видимости, завидовал духовным привилегиям храмовников. Например, дарованному Климентом V священникам ордена праву исповедовать неофитов перед вступлением в организацию.

Как уже было сказано, полный список обвинений появился в августе 1308 года. Он содержал 127 статей, которые разбиваются на семь основных групп. Во-первых, вступая в орден, неофит якобы отрекался от Христа, а порой и от Пресвятой Девы Марии и всех святых по требованию тех, кто его принимал, и эти люди утверждали, что Христос – не настоящий Бог, а лжепророк и он вовсе не был распят во имя спасения человечества, но казнен из-за своих собственных прегрешений. А потому у вступавшего не оставалось надежды на спасение души через веру в Иисуса Христа. Затем новичка заставляли плевать на Святое распятие или на изображение Христа, а иногда попирать распятие ногами или мочиться на него. Во-вторых, в рассказах об идолопоклонстве тамплиеров особо упоминались кот и голова. Голове поклонялись как спасительнице и прославляли ее как дающую богатство; она якобы способна заставить деревья цвести, а землю – давать невероятные урожаи. Тамплиеры касались головы или обвязывали ее тонкими веревками, которые затем носили на талии. В-третьих,

они не верили в святые таинства, а их капелланы избегали произносить святые слова во время мессы. В-четвертых, они считали, что могут исповедаться Великому магистру и другим руководителям ордена, которые вправе отпускать им грехи, хотя многие из этих руководителей – миряне. В-пятых, известно, что приоры ордена целуют неофитов в губы, в пупок, в живот, в спину и в ягодицы, что в ордене поощряется мужеложство и подобные отношения даже навязываются новичкам. В-шестых, тамплиеры всегда всеми средствами, законными и незаконными, старались умножить доходы ордена. Пожертвования использовались также незаконно, из них, например, не делалось отчислений в пользу больниц. В-седьмых, собрания и прием новых членов всегда проходили за закрытыми дверями, по ночам, под строгой охраной, и на них присутствовали только члены братства. Братья, которые приоткрывали кому-то из посторонних тайну собрания, карались заключением в тюрьму или смертной казнью.

Все эти пункты поразительно напоминали те обвинения, которые уже за несколько веков до описываемых событий выдвигались в адрес многочисленных «еретиков» по всей территории Европы. Так что Гийом де Ногаре не изобрел велосипед, а использовал традиционные мотивы.

Главными свидетелями обвинения стали несколько бывших храмовников, исключенных из ордена за уголовные и сексуальные преступления. Среди этих ренегатов выделялся уже упоминавшийся Эскен де Флойран – бывший помощник приора Монфоконского, приговоренный в свое время Великим магистром за убийство одного из рыцарей к пожизненному заключению. Он охотно подтверждал любые обвинения инквизиторов и, стараясь угодить королевскому канцлеру, сам выдумывал еще более страшные грехи. В качестве свидетелей обвинения выступили также королевские чиновники. Например, советник-легист Рудольф де Прелли сообщил суду о некоем тамплиере по имени Жервэ, который, рыдая, якобы поведал ему о «страшных тайнах и грехах» ордена.

Из рыцарей признания вырывали, как и было принято в те времена, под пытками. Возьмем, к примеру, допрос рыцаря Ангerrрана де Мильи. Великий инквизитор Гийом Эмбер требовал от подсудимого признать, что тамплиеры при вступлении в орден должны были отречься от Христа, что они совершали акты мужеложства, поклонялись дьявольским истуканам, отвергали мессу и Святые Дары. Когда рыцарь отказался отвечать на вопросы, по приказу Эмбера палачи раздробили ему обе ноги, раздавили пальцы рук, жгли тело раскаленным железом, вздернули на дыбе... Конечно, многие подсудимые не выдерживали истязаний. «Разве это я сознался на вашем допросе? – заявил один из тамплиеров судьям. – Разве это я взял на душу чудовищный и нелепый плод вашей фантазии? Нет, господа! Это пытка спрашивает, а боль отвечает!»

Инквизиторы вырвали признания у 136 тамплиеров. Однако на открытых процессах почти половина из подсудимых отказалась от самооговоров. Только в 1310 году и только в Париже на поле близ монастыря Святого Антония были заживо сожжены 54 рыцаря, которые отреклись от насильственно вырванных показаний. В Реймсе, Руане, Каркассоне, по всей Франции сжигали сотни «вторично впавших в грех» тамплиеров, решившихся протестовать против пыток инквизиции.

К весне 1314 года окончательный обвинительный приговор против тамплиеров был готов. 17 марта в соборе Парижской Богоматери собрались судьи во главе с Гийомом де Ногаре и епископом Санским. В качестве главных подсудимых в собор были доставлены бывшие руководители ордена Храма: Великий магистр Жак де Моле, генеральный визитатор Гуго де Пейро, приор Нормандии Жофруа де Шарне и командор Аквитании и Пуату Жофруа де Гонвилль. Под диктовку Ногаре королевский суд обвинил рыцарей Храма в поклонении идолам, богохульстве и ереси. Тамплиерам предъявили то, что они отрекались от Христа, плевали на крест, предавались разврату, поклонялись демону Бафомету и неким «Говорящим

головам», которых использовали в своих колдовских ритуалах, поклонялись черной кошке – олицетворению Сатаны, жарили младенцев и их жиром мазали дьявольских идолов...

Обвиняемые выразили свой протест, что усугубило их вину. Великий магистр и приор Нормандии были приговорены к сожжению на медленном огне. 18 марта 1314 года Жак де Моле и Жофруа де Шарне были заживо сожжены в Париже, на так называемом Еврейском острове – как раз напротив королевского дворца. Филипп и его свита любовались казнью из окон дворцовой галереи. Казнь была проведена очень поспешно. Позднее обнаружилось, что Еврейский остров, на котором сожгли руководителей ордена, принадлежал не королю, а монахам Сен-Жермен-де-Пре, и Филиппу пришлось послать письменное разъяснение, подтверждавшее, что это не является посягательством на права монастыря.

Кажется, с обвинениями все ясно. Под пытками можно признаться не только в том, что ты поклонялся Сатане, но и в том, что ты сам Дьявол и Иисус Христос в одном лице. Это подтверждается и событиями в других странах. В Англии, где король Эдуард II под давлением своего тестя – французского короля – запретил деятельность ордена, храмовники после недолгого пребывания под арестом были освобождены. В Германии, Лотарингии, Испании, Португалии, Шотландии тамплиеры были полностью оправданы. Не является ли это убедительным подтверждением, что обвинения, выдвинутые французскими судьями, ими же и сфабрикованы? Однако не все исследователи категорически отрицают ту возможность, что тамплиеры действительно отрицали ряд основополагающих догматов христианства. Многие полагают, что в ритуале ордена существовали тайные обряды, которые пристрастное следствие могло счесть богохульными и еретическими.

В частности, французский историк Робер Амбелен, изучавший протоколы обвинительного процесса против тамплиеров, привел весьма любопытную статистику. По его данным, с 11 апреля 1309 года по 26 мая 1311 года инквизиторы допросили 225 членов ордена. Практически все подследственные отрицали нелепые обвинения в поклонении дьявольским идолам или участии кошек в заседании орденского капитула. Однако 107 храмовников – почти половина обвиняемых – без всяких пыток признали, что при вступлении в орден они, согласно обряду, должны были отречься от Иисуса Христа и плюнуть в сторону распятия. Даже высшие руководители тамплиеров признали существование в орденской традиции обряда отречения. Так, уже 24 октября 1307 года Великий магистр Жак де Моле на одном из первых допросов показал, что при вступлении в орден он отрекся от Христа и плюнул, но не на крест, а в его сторону. Позже де Моле заявил, что отречение было обычаем тамплиеров. Возможно, не менее пагубным для ордена оказалось признание генерального визитатора Гуго де Пейро. Он непосредственно руководил всеми командорствами в Европе, приемами новых рыцарей. Он подтвердил верность пунктов обвинения 9 ноября 1307 года. В своих показаниях Гуго де Пейро отметил, что отречение являлось неотъемлемой частью орденского Устава.

Командора Нормандии Жофруа де Шарне принял в орден рыцарь Амори де Да Рош – знаменитый участник крестовых походов и ближайший друг короля Людовика IX Святого. «Приняв меня в орден и возложив на меня плащ, мне принесли распятие, – рассказывал де Шарне следователям. – Брат Амори приказал мне не верить в того, чье изображение я вижу, ибо это лжепророк, а не Бог».

Кипрский командор Бодуэн де Ардан, принимая в орден Жерара де Пазажо, подал ему деревянное распятие и спросил: «Веришь ли ты, что это – Бог?» Тот ответил, что видит перед собой образ Христа. На это командор ответил: «Не верь! Это лишь кусок дерева... Наш Господь – на небесах».

Кроме того, о том, что во время обряда посвящения рыцарей заставляли отречься от Христа и плевать на крест, сообщил генеральный прокурор ордена при папском дворе Пьер де Бониа, командор Аквитании и Пуату Жофруа де Гонвиль, интендант в Шампани Рудольф де Жизи и другие высокопоставленные храмовники.

Документы следствия свидетельствуют, что избежать испытания отречением было трудно: когда брат Жан Бертальди во время принятия в орден отказался от святотатства, руководивший церемонией брат Менарди пригрозил ему заключением в тюрьму. В то же время капеллан ордена Жиль де Ротанжи заявил в показаниях 28 января 1310 года, что отречение от Христа не обязательно входило в обряд посвящения и в некоторых случаях не требовалось. Возможно, все дело в том, что внутри ордена существовал тайный внутренний круг, о котором не сообщалось публике. Так, во время процесса английских тамплиеров трое из них дали следующие показания: «В действительности в ордене существуют два вида обряда посвящения. Первый происходит в момент принятия в орден и не содержит в себе ничего предосудительного. Второе же посвящение может состояться лишь по прошествии нескольких лет, его удостоиваются лишь некоторые, и обряд этот держится в тайне».

Сами тамплиеры объясняли богохульный обычай отречения тем, что таким образом руководители ордена испытывали твердость веры нового брата. Впрочем, другие полагали, что речь идет о проверке обета слепого подчинения старшим. Так в свое время сам Господь проверял послушность Авраама, приказав ему принести в жертву (вопреки заповеди «Не убий!») собственного сына Исаака. Р. Амбелен заключает, что в действительности оба объяснения были, по-видимому, справедливы, а сам обряд позволял руководителям ордена сразу же «классифицировать» неопита и заранее предупредить его от выхода из ордена.

Другие исследователи полагают, что обряд отречения символизировал глубину падения грешника, которого должно было исправить братство. Историк Чарлз Гекерторн был убежден, что во время принятия нового брата храмовники разыгрывали евангельский сюжет, связанный с троекратным отречением апостола Петра от Христа. «Такой обряд, – замечает Гекерторн, – не должен удивлять нас в том веке, когда церкви превращались в театры, священные предметы осквернялись смешными представлениями, древние таинства воспроизводились, чтобы воздавать почести Христу и святым».

Тот же Амбелен предполагает, что тамплиеры во время пребывания в Святой земле, активно общаясь с представителями различных христианских, мусульманских и иудейских сект, могли воспринять идею адопцианизма, суть которой заключалась в том, что Иисус был «приемным сыном» Бога, человеком, которого Господь избрал для конкретной миссии и которым руководил Святой Дух. В работах Майкла Байджента, Ричарда Лея и Генри Линкольна тамплиеры вообще предстают адептами антикатолической секты, воинами некоего тайного общества, которое веками организовывало заговоры против французского королевского дома.

Признавая возможность существования нехристианских, по сути, обрядов и канонов внутри ордена Храма, историки связывают это с историей возникновения и развития так называемой катарской, или альбигойской, ереси. Рассмотрим ее более подробно.

В XI–XII веках в разных частях Западной Европы распространилось множество оппозиционных религиозных движений. Как правило, «еретики», помимо чисто теоретических вопросов, решали и более приземленные задачи. Они боролись со все возрастающим влиянием духовенства, а нередко под религиозным флагом проходили восстания против местных феодалов и чужеземных захватчиков. Новые религиозные веяния в Западной Европе, в частности, в Италии и Южной Франции, приняли форму катаризма. Катары верили в двойственность мира, они негативно относились к римской кафедре, зачастую сами выбирали своих священников. Разновидностью катаризма стало альбигойство, возникшее в Южной Франции.

Французский юг значительно отличался от Северной Франции. В городах Прованса и Лангедока античная культура – право, обычаи, язык – распространилась очень широко. Переселенцы прибывали сюда из Ближнего Востока, Италии и Испании. Здесь терпимо относились к представителям разных национальностей – в том числе к евреям и арабам. Каролинги покорили Южную Францию, но тулузские графы постоянно подчеркивали свою

независимость от французских королей. Борьба эта то прекращалась, то разгоралась с новой силой.

Южане долгое время сохраняли остатки раннехристианских верований (в том числе, это касается и отношения к личности Христа, о божественной либо человеческой сущности которого в первые века I тысячелетия н. э. внутри церкви велись ожесточенные споры), демократическое устройство церкви. Еще в 1150 году в южнофранцузских городах были зафиксированы выборы епископов городской общиной. Именно на юге Франции появились первые трубадуры, исполнявшие песни нерелигиозного содержания. Характер же тулузского правления вообще отличался своей светскостью.

Священники здесь, как и везде, претендовали на значительные земельные угодья. Надо отметить повсеместный упадок нравственности среди католического духовенства той эпохи. Сексуальные извращения, безмерная роскошь, которой окружали себя епископы, жадность и пьянство... Борьба мирян против этих пороков принимала форму ереси.

В 1163 году на соборе в Туре местные диссиденты, близкие к катарам по вероучению, были впервые названы «альбигойцами» (в честь одного из центров движения – города Альби). В альбигойское движение были вовлечены изначально крестьяне, ремесленники (например местные ткачи) и низшее духовенство. Церковный собор постановил, что альбигойцы должны быть арестованы, а их имущество конфисковано. Но Раймунд VI Тулузский начал оказывать покровительство альбигойцам. Его примеру последовал и ряд других аристократов региона. Католическая церковь быстро теряла свое влияние в Южной Франции.

Альбигойцы верили в существование двух взаимно противоположных начал – доброго и злого. Доброе начало (Бог) создал душу, а злое – человеческое тело и грех. Мир, в котором мы живем, – это место наказания, но все души будут спасены. Чтобы это избавление свершилось, Бог послал на землю Иисуса Христа. Его страдания и спасение были не действительными, а поучающими, дающими пример.

Еретики предписывали строгое воздержание, терпимо относились к идее самоубийства. Размножение было противно альбигойцам. К этому добавлялось воздержание от животной пищи. Война и убийство любого живого существа порицались. Все эти суровые моральные законы в точности выполняли лишь так называемые «совершенные». Основная же масса верующих женилась, ела все, что угодно, и смело бралась за оружие. Еретики проклинали католическую церковь, не признавали необходимость десятины, храмов, икон, мощей и т. д.

С приходом папы Иннокентия III (1198) преследование еретиков началось с новой силой. События 1205–1206 годов свидетельствовали об определенных успехах Иннокентия. Раймунд VI поклялся изгнать еретиков из своих владений. На юге начал активно действовать неумолимый монах Доминик де Гусман. Но погасить очаг ереси не удалось. В 1207 году Иннокентий III призвал короля Франции прибегнуть к силе. Он повторил свою просьбу после получения известий об убийстве своего легата Пьера де Кастельно. В преступлении папа обвинил Раймунда. Многочисленные бароны Северной Франции, Германии и Бельгии присоединились к крестовому походу против еретиков. Французский король Филипп II Август, занятый борьбой с Англией за северофранцузские земли, отказался возглавить поход. Военным лидером крестового похода против альбигойцев стал Симон де Монфор, граф Лестерский.

Раймунд VI согласился сдаться и выступил против своих прежних друзей. Альбигойские крепости Безье и Каркассон были взяты в 1209 году. Крестоносцы перерезали в Безье 20 тысяч горожан. После собора в Авиньоне (1209) Раймунд VI был повторно отлучен от церкви за невыполнение обязательств, наложенных на него при прощении. Его имущество было объявлено конфискованным в пользу того, кто сможет его захватить. В ходе Альбигойских войн Лангедок был опустошен и в значительной мере обезлюдел. Кровавые расправы

постигли массы альбигойцев и просто «сочувствующих», крестоносцы не жалели ни женщин, ни стариков, ни детей. Борьба с крестоносцами из религиозной превратилась в национально-освободительную войну провансальцев против северных захватчиков.

На стороне Раймунда выступил Пьер Арагонский. Войска этого монарха и рыцари Симона де Монфора столкнулись в битве при Мюре в 1213 году. Араговец был сокрушен. Раймунду VI удалось удержать за собой лишь Тулузу, Ним, Бокер, Ажен. Тулуза пала в 1215 году, Раймунд бежал. Симон де Монфор на соборе в Монпелье (1215) был назначен владельцем всех завоеванных территорий в качестве вассала французского короля. Но через два года Тулуза восстала, Раймунд вернулся, под его властью снова оказалось много городов Лангедока и Прованса. Жестокий каратель Симон де Монфор погиб при осаде Тулузы в 1218 году.

Папа попытался перевести борьбу в более спокойное русло. Раймунда и жителей Тулузы милостиво вернули в лоно церкви. Но папство обложило налогом все дома еретической провинции. Кроме этой ежегодной дани Лангедок должен был единовременно внести в кассу понтифика крупную сумму.

Военные действия против упорствовавших еретиков продолжались. В 1224 году Раймунд VII (сын Раймунда VI) изгнал из Каркассона войска сына Симона де Монфора. Добившись принятия своих условий (главным образом, невмешательства папы в светские дела и в дела местного духовенства), против южан выступил французский король Людовик VIII, воздержавшийся ранее от помощи Монфору (он опасался образования на юге сильного государства). В результате двух успешных походов Тулузское графство было присоединено к владениям Людовика VIII. Многие еретики ушли в горы и продолжали сопротивление там. Окончанием Альбигойских войн можно считать падение в 1244 году после 10-месячной осады крепости Монтсегюр. Альбигойские войны ускорили объединение Франции, но нанесли большой урон экономике Юга.

Странное дело. Во время всей этой ожесточенной войны на юге Франции, когда папа и король защищали дело Святой церкви, одна из ее главных опор – тамплиеры, основной задачей которых была борьба с неверными, безучастно наблюдали за происходившим. В ответ на призыв папы принять участие в войне против катаров руководители тамплиеров прямо заявили, что не считают вторжение французских войск в Тулузское графство «настоящим» крестовым походом и не намерены в нем участвовать. Командорства ордена Храма в Лангедоке нередко предоставляли убежище катарам и даже защищали их от крестоносцев. Более того, тамплиеры с оружием в руках участвовали в битве при Мюре в 1213 году... на стороне катарской армии!

Сравним некоторые особенности учения катаров с обвинениями, высказанными в адрес тамплиеров. Здесь и пренебрежительное отношение к сакральным предметам вроде распятия или икон, и неортодоксальное толкование личности Христа. Добавим сюда замкнутость и секретность обеих организаций, создание внутреннего круга посвященных.

По сообщениям некоторых источников, к середине XIII века начался наплыв катаров в орден Храма. Вспомним о том, что в свое время ордену было разрешено принимать в свой состав отлученных от церкви. Этим обстоятельством, возможно, и воспользовались преследуемые Римом еретики. А через несколько десятилетий в тамплиерских ритуалах появились странные обряды. Так, во время допроса командор Жофруа де Гонвилль рассказал судьям, что они «были одним из гнусных и растленных нововведений магистра Ронселена». Великий магистр Ронселен де Фо – одна из самых загадочных фигур ордена Храма. По легенде он происходил из Марселя, а его владения находились недалеко от города Безье, население которого было зверски уничтожено крестоносцами Симона де Монфора. Хотя имя Ронселена не упоминается в официальном списке Великих магистров, но он фигурирует в различных документах и в воспоминаниях тамплиеров, относящихся к периоду между 1267 и 1281 годами.

Робер Амбелен полагает, что отсутствие Ронселена в списке Великих магистров доказывает существование у храмовников параллельной иерархии и секретного Устава. Однако не исключено, что имя Ронселена де Фо было просто вычеркнуто из официальной истории ордена его преемниками, справедливо полагавшими, что магистр-еретик компрометирует католическое братство.

Впрочем, критически настроенные историки считают, что загадочное молчание тамплиеров во время Альбигойских войн объясняется гораздо проще. Основатель ордена Храма Гуго де Пейн являлся вассалом графа Шампанского – одного из самых могущественных властителей Южной Франции. В 1124 году этот граф сам вступил в орден тамплиеров. Надо сказать, что и очень многие другие влиятельные тамплиеры были выходцами с юга Франции – в частности из Прованса. Графы Шампанские, Тулузские и Анжуйские всегда были одними из самых щедрых дарителей в пользу ордена. Естественно, что и сержанты, и слуги, находившиеся в организации, имели тесные, в том числе родственные связи, в Провансе и Лангедоке. Когда в 1291 году пали последние крепости крестоносцев на Ближнем Востоке, значительная их часть поселилась на «исторической родине» – в Южной Франции. Им необязательно было придерживаться учения катаров. Они просто не хотели убивать местное население, жечь поля, разрушать города, приносящие им доходы, и выступать против дружественных феодалов вроде графа Тулузского.

Хотя, несомненно, некоторые тамплиеры и сами были «по совместительству» катарами – уж очень популярно было это течение на юге Франции. Считается, что катаром был, к примеру, шестой магистр ордена Бертран де Бланшфор, возглавлявший тамплиеров в 1156–1170 годах.

Несмотря на все доводы Робера Амбелена и других поддерживающих его версию историков, нам представляется более правдоподобным то мнение, что никаких ужасных грехов тамплиеры не совершали. По крайней мере, официально, при приеме в члены ордена. Признания, вырванные если не пытками, то информацией о том, как пытали других, мало чего стоят. Конечно, рыцари ордена Храма не были избавлены от всех пороков, присущих любому сообществу того и не только того времени. В любой армии, составленной исключительно из мужчин, мы найдем и гомосексуализм, и беспорядочные половые связи с женщинами на стороне. То же можно было сказать и о папской курии, и о средневековых монастырях. Нет никаких причин отрицать то, что в столь богатой и могущественной организации, членами которой становились алчные аристократы, процветали коррупция и стяжательство, что провинившихся наказывали жестоко – по обычаям того времени, а руководители ордена поощряли доноительство. Документы свидетельствуют, что многие тамплиеры были совершенно несведущи в Святом Писании, не видели отличий между исповедью своему командору и исповедью священнику. Британский историк М. Барбер пишет, что тамплиеров подвело большее, чем в других орденах, «сращивание» с миром. Представители ордена Храма были рассеяны на значительной территории. Зачастую тамплиеры жили небольшими группами по два-три рыцаря и вели обычное хозяйство, не занимаясь военной подготовкой. Многие из них в глаза не видели никаких мусульман и вряд ли когда-либо применяли по назначению воинское снаряжение. Нет ничего удивительного в том, что и жизнь их мало в чем соответствовала строгим монашеским уставам. К тому же, они активнее, чем их коллеги из других духовно-рыцарских орденов, продолжали прием новых членов – вплоть до самого судебного процесса. Естественно, это также не способствовало консолидации ордена и поддержанию строгих принципов, на которых он был основан.

Но очень сомнительно, что тесно связанные со светскими и церковными властями, влиятельные конъюнктурщики из числа руководства орденом Храма полуофициально, с риском для самих себя ввели в действие поклонение каким-то идолам, плевки на распятие, поцелуи в зад и т. п. Зато куда более вероятно, что в народе о богатых и надменных храмовниках ходили самые невероятные слухи – так же, как забытые, невежественные и

бедные русские крестьяне любили рассказывать о том, что евреи-ростовщики пьют кровь христианских младенцев.

* * *

Еще одна тайна тамплиеров – проклятие их последнего Великого магистра. Жак Бернар де Моле родился в 1244 году в Раоне и получил свое имя по владению в окрестностях Безансона. В 1267 году в Боне он был принят в братья-рыцари Эмбером де Перо, генеральным смотрителем ордена в присутствии магистра Франции Амори де ла Роша. В Святой земле де Моле служил под началом Гийома де Боже и в 1294 году, вскоре после того как храмовники покинули Сирию, стал Великим магистром. Некоторые современники и позднейшие исследователи полагали, что де Моле не был бы избран, не потеряй орден своих владений на Востоке, но это спорный вопрос. Он обладал достаточным авторитетом в организации и, вероятно, был избран при решающем влиянии группы бургундских рыцарей.

Откликнувшись на предложение Филиппа Красивого, Жак де Моле перенес свою резиденцию во Францию и, по всей видимости, имел достаточно серьезное влияние при дворе, близко общался с самим монархом. 12 октября рокового для храмовников 1307 года их руководитель по просьбе короля присутствовал на похоронах Екатерины де Куртене, супруги Карла де Валуа. Как уже было сказано, Филипп лицемерно просил магистра стать крестным отцом королевского сына. А на следующее утро начались аресты тамплиеров.

24 октября 1307 года, после одиннадцати дней заточения, магистр ордена Храма сделал два признания, касающиеся отречения и плевков в сторону распятия при принятии в члены ордена; он отверг прочие обвинения, но сказал, «что думает, что по отношению к нему делалось все то же, что и по отношению к другим». «Что касается меня, – добавил он, – то я давал плащ малому числу вступающих; но в этом случае я приказывал некоторым братьям отдельно руководить ими и поступать с ними так, как должно, и посредством этого я хотел показать, что мне [положено] и предписано делать».

Судя по всему, Жака де Моле не подвергали пыткам. Возможно, он надеялся обрести свободу за согласие на оговор своего же ордена, возможно, ожидал, что рыцарей Храма поддержит папа и не хотел подвергаться насилию зазря. Так или иначе, но он повторил свои признания и перед инквизиторами, и перед публикой, состоящей из священников и магистров теологии.

После длительного процесса, описанного ранее, 18 марта 1314 года, на эшафоте, воздвигнутом напротив портала собора Парижской Богоматери, архиепископ Санский и трое кардиналов-заседателей представили свой приговор (пожизненное заключение) четырем высшим сановникам ордена Храма; магистра привезли в столицу из темницы в Жизоре. На паперти собралась огромная толпа. Как только решение было зачитано осужденным, магистр и командор Нормандии громко провозгласили невиновность своего ордена и отказались от показаний к изумлению кардиналов, которые полагали, что ставится последняя точка в этом деле. Очевидцы рассказывали, что магистр обернулся к толпе и «очень громко произнес, что все сказанное в написанном – ложь и что он ни сказал ничего такого, ни признался в таковых деяниях, но что они были добрыми христианами. И при сих словах сержант ударил его ладонью по устам так, что он [магистр] не смог больше говорить».

Кардиналы снова передали де Моле и Шарне прево Парижа, который велел их сторожить в капелле у паперти, пока не разойдется толпа. По словам Жана де Сен-Виктора, кардиналы хотели посоветоваться об участии этих двух тамплиеров, но король и его совет уже были проинформированы об инциденте и приняли решение сжечь их как нераскаявшихся еретиков, хотя не присутствовало никого из духовных лиц, кто официально передал бы осужденных в руки светской власти. Костер сложили на Еврейском острове, расположенном

между королевским садом и церковью августинских монахов, на нынешней набережной Больших августинцев.

С наступлением ночи слуги короля посадили на повозку де Моле и Шарне, чтобы тайком отвезти на остров.

Магистр еще раз заверил, что орден Храма невиновен и что он оставляет Богу заботу отомстить за собственную смерть и смерть братьев. По словам свидетелей, он якобы добавил, что отступил перед страхом пытки и лживыми ласками папы и короля. Тогда же он и произнес свое знаменитое проклятие, в котором обещал скорую смерть понтифику и монарху.

По удивительному стечению обстоятельств, виновники уничтожения ордена действительно прожили недолго. Папа Климент V не восстановил своего здоровья после суровой зимы во Вьенне; он удалился во Вьенское графство, где жил, окруженный кардиналами и своими родственниками, и не желал более давать аудиенций. В апреле 1314 года, через несколько недель после смерти де Моле, он серьезно заболел в Монтиле, близ Карпантраса; врачи заставляли его принимать растолченные изумруды – средство, которое вскоре его и погубило. Папа пожелал, чтобы его перевезли в Бордо, но 20 апреля того же года умер в Рокморе-на-Роне. Церковь, в которой находился труп Климента, была уничтожена пожаром. Останки первосвященника были перенесены в мавзолей, воздвигнутый его родственниками. Однако и здесь Климент не нашел покоя. Толпа кальвинистов в 1577 году разрушила мавзолей, останки папы были сожжены, а пепел развеян по ветру.

29 ноября того же 1314 года в Фонтенбло умер и Филипп IV Красивый, последние годы которого были омрачены семейными драмами, фландрской войной и восстаниями. Одни источники утверждают, что он умер от загадочной болезни, другие – что погиб во время охоты. Кстати, король всегда отличался завидным здоровьем. Сыновья Филиппа IV и его внук (те самые «Проклятые короли», о которых писал Морис Дрюон) рано последовали за ним в могилу. Таким образом, данная ветвь Капетингов пресеклась в 1328 году, когда погиб младший сын Филиппа – король Карл Красивый, правивший до этого шесть лет. Это привело к началу Столетней войны между Англией и Францией, ведь поводом для нее стали претензии английского монарха на французскую корону.

Обсуждать на страницах этой книги, стало ли проклятие Великого магистра непосредственной причиной смерти его палачей, мы не будем. Это вопрос веры в сверхъестественное. Интересно другое – не была ли смерть Филиппа и его потомков, а также смерть Климента V вызвана, скажем, ядами, подсыпанными агентами перешедшего на нелегальное положение ордена? Прямые доказательства этому мы вряд ли разыщем. Некоторые же историки объясняют беды, обрушившиеся на французский королевский дом в XIV–XV веках, кровосмесительными браками, которые в итоге и привели к вырождению Капетингов. Так, доктор О. Бланше отметил, что практически все французские короли женились на своих кузинах, тетках, племянницах. В результате на престоле оказывались болезненные монархи, такие как слабоумный король Людовик X, шизофреник Карл V, Карл VI Безумный и другие. Естественно, что многие из них умирали еще в юном возрасте.

Однако легенда о проклятии еще долго жила в народе. В 1793 году в Париже по приговору революционного Конвента состоялась казнь Людовика XVI – последнего из Капетингов. Рассказывают, что когда опустился нож гильотины, из толпы на эшафот выскочил неизвестный, который оросил руку кровью и прокричал: «Жак де Моле, ты отомщен!» Как тут не вспомнить, что среди вождей Великой французской революции было много приверженцев модного тогда масонства, которое, в свою очередь, связывают с, якобы, тайно сохранившим свою организацию орденом тамплиеров.

Существуют самые противоречивые мнения насчет того, куда делись несметные сокровища тамплиеров. Напомним, что храмовники были личными банкирами французского

монарха, кредиторами его коллег в других странах, собирали доходы с колоссальных территорий, получали огромные барыши от своих ростовщических операций.

Считается, что одной из причин нападения на храмовников было не просто желание Филиппа захватить богатства ордена, но и списать собственные долги перед ними, поскольку монарх не имел средств, чтобы расплатиться. По некоторым данным, казна ордена оказалась в его руках уже в первые дни арестов, когда королевские чиновники обосновались в Тампле. А документы следствия говорят о том, что имущество храмовников передавалось их соперникам госпитальерам.

Вряд ли стоит полагать, что король добровольно расстался бы с попавшими в его руки сокровищами. В первую очередь под раздаваемым имуществом понимается все, что было захвачено во Франции за пределами Парижа: земли, замки, люди, запасы. При этом Филипп IV еще и потребовал от госпитальеров заплатить ему в виде компенсации за издержки по проведению всего процесса около 200 тысяч ливров. Не зря хронисты писали, что положение ордена Св. Иоанна Иерусалимского после подарка, сделанного папой, только ухудшилось, поскольку слишком велики были требования французской монархии. Всего же, по подсчетам некоторых историков, упразднение ордена принесло французскому королю около 12 миллионов ливров.

Впрочем, точных указаний на то, что были найдены какие-то богатства, нет. Никто из тамплиеров на допросах не показал, где находятся «сокровища ордена». Зато есть сведения, что при аресте у парижских храмовников были обнаружены подробные карты подземелий города. Некоторые исследователи полагают, что под землей храмовники могли вывезти свое золото из столицы. Не исключено, что они были переправлены в портовую крепость Ла-Рошель, находившуюся в руках ордена. Как только во Франции началась облава, большой флот тамплиеров отплыл из крепости и скрылся в неизвестном направлении. Где он причалил, никто не знает. Некоторые считают, что сокровища были переброшены в Англию и позже на эти деньги финансировалась война против Франции. Есть предположения, что казна ордена осела в подвалах итальянских банков, которые проспонсировали Ренессанс. Наконец, еще одна версия гласит, что после катастрофы во Франции орден ушел «в подполье» и его члены до сих пор распоряжаются своими сокровищами.

Конечно, возможность существования кладов храмовников не давала покоя многочисленным романтикам последующих веков. Искать эти сокровища тем увлекательнее, что тамплиеры были знатоками тайнописи, символики, окружали свою деятельность атмосферой таинственности. Кладоискатели ищут знак, оставленный рыцарями Храма, который укажет им на местонахождение сокровищ. Ищут в архитектуре и хрониках. Вот лишь одна из легенд, появившихся после разгрома ордена.

Когда Великий магистр Жак де Моле понял, что король готовится уничтожить орден, он вызвал к себе в темницу некоего Гишара де Боже и посвятил там в рыцари. Затем Гишар отправился в Тампль отыскать в одной из гробниц в усыпальнице Великих магистров треугольный хрустальный ларец в серебряной оправе. Выдержав это испытание, он дал клятву сохранить орден и был посвящен в его тайны. Де Моле рассказал Гишару, что в треугольном ларце хранится реликвия – указательный палец Иоанна Крестителя, – и поведал еще один секрет. Он сообщил молодому человеку, что в гробнице графа де Боже, прежнего Великого магистра, покоятся не его останки, а орденский архив. Там же находится множество реликвий и сокровищ, которые Жак де Моле вывез из Святой земли, отобрав у неверных: корона иерусалимских королей, семисвечник царя Соломона, четыре золотых фигуры евангелистов из храма Гроба Господня. Но сокровищница тамплиеров не там, а в двух колоннах на хорах Тампля при входе в усыпальницу. Колонны полые, а их капители поворачиваются на шарнирах. В них-то и сокрыты великие богатства, накопленные орденом. Сказав все это, Моле якобы взял с Боже клятву, что тот спасет драгоценности. Именно Гишар

де Боже якобы стал «подпольным» Великим магистром ордена после смерти де Моле. Он отыскал сокровища и куда-то их вывез.

Предположим, мы поверим в это предание, но задача сводится к предыдущей. Будь-то корабли из Ла-Рошели или слуги Гишара де Боже... куда же в итоге были спрятаны сокровища? Некоторые указывают на Кипр, где продолжали находиться патриарх ордена и его генеральный капитул. Другая гипотеза утверждает, что клад зарыт во владениях Боже в Провансе. Например, в вассальном замке Аржини. В 1950 году владельца замка де Розмона посетил некий полковник из Англии, посланный, как полагают, каким-то британским обществом оккультистов. Он предложил купить замок за огромную сумму: сто миллионов франков. Господин де Розмон решительно отказался. В 1952 году еще одна исследовательница, госпожа де Грация, изучила таинственный замок и заявила, что казна тамплиеров хранится в Аржини. По словам де Грации, она обнаружила знаки, указывающие на это.

Изысканиями де Грации заинтересовался парижский промышленник Шампьон. Он организовал раскопки в замке, которыми руководили авторитеты в области оккультных наук. Эти «ученые» утверждали, будто во время раскопок смогли вызвать духи тамплиеров. В конце концов, один из оккультистов заявил, что во время очередного спиритического сеанса тамплиеры согласились признать в нем воплощение Жака де Моле... Впрочем, замком Аржини интересовались и более серьезные люди. Сам де Розмон считает, что замок действительно принадлежал дяде Гишара де Боже Великому магистру Гийому. Возможно, казну тамплиеров перевезли в это место. Но искать сокровища можно, только найдя несомненные доказательства.

Другие кладоискатели нашли знаки храмовников в замке Барбезьер в Шаранте. Граффити на стенах, по их мнению, дают ценные указания. Этот замок выстроен позднее XIV века, но выстроен на месте другого замка, который принадлежал рыцарям ордена Храма. Недавно поблизости от Барбезьера нашли старое кладбище, надписи на надгробьях свидетельствуют о том, что когда-то, уже после разгрома ордена, здесь был расквартирован отряд неизвестного назначения. Возможно, это были спасшиеся от инквизиторов тамплиеры, которые охраняли казну ордена.

Историк Ж. Мерселло полагает, что тамплиерские тайники могут быть обнаружены в поместье Рано в департаменте Эндр и Луара. Там есть «Пещера золотого сосуда» и «Пещера серебряного сосуда». Мерселло утверждает, что некогда в каждой пещере стояли сосуды, полные, соответственно, золота и серебра. Странствующие тамплиеры в случае нужды могли заходить в эти пещеры и брать ровно столько, сколько им было нужно. Славу места, где укрываются сокровища ордена, получил еще один замок – Валькроз в департаменте Вар.

Не утихают споры и по поводу дальнейшей судьбы ордена – после разгрома, учиненного ему во Франции. Как уже было сказано, далеко не во всех странах тамплиеры были осуждены. Португалия и Шотландия вообще отказались предпринимать действия против ордена. В Германии, Испании и некоторых других странах процессы против членов ордена были, но кончились ничем. Храмовников оправдали и реабилитировали, вернув арестованное ранее имущество, хотя сам орден, следуя указаниям Папы Римского, пришлось распустить. В Испании тамплиеры, по всей видимости, влились в орден Калатравы, основанный в 1164 году королем Александром Кастильским. Несколько более туманна судьба тамплиеров Англии и Ирландии. Гонения на них были, но им дали возможность уйти, и они закрепились в Шотландии. Храмовников приютил шотландский король Роберт Брюс, по некоторым сведениям сам бывший одним из рыцарей ордена. Тамплиеры помогли ему и силой, и деньгами в войне, которую он вел против Англии. 24 июня 1314 года войско Роберта Брюса разгромило превосходящие английские силы в сражении у реки Баннокбурн. В этот день Роберт основал орден Св. Андрея и Шотландского Чертополоха, членами которого стали якобы в первую очередь тамплиеры.

Считается, что в тех странах, где отделения ордена сохранились, они сменили названия. Там, где их разгромили, – ушли в подполье. Во многих странах тамплиеры слились с другими орденами – госпитальеров (в Испании) и Тевтонским орденом (в Германии). Их дальнейшую судьбу некоторые исследователи прослеживают вплоть до XIX века или даже нашего времени. Сторонники таких версий судьбы тамплиеров называют имена многих известных людей, которые якобы тайно состояли в ордене Храма. Это и Энрико Мореплаватель – знаменитый португальский принц, основоположник морского могущества Португалии, и Великий магистр ордена Христа (так стал называться в Португалии орден Храма после своего официального роспуска). Это и тесть знаменитого мореплавателя Колумба, и даже сэр Исаак Ньютон.

Самой же популярной остается легенда о том, что тамплиеры дали начало масонству. В XVIII веке одно из направлений в западноевропейском масонстве стало пропагандировать миф о тамплиерах и объявило себя преемником ордена рыцарей Храма. Речь идет о так называемых ложах строгого послушания, которые возникли в середине столетия в Германии, а потом и в других странах. Основатель этих лож барон Карл Годхельф Хунд был также одним из сочинителей легенды о тамплиерах. Он уверял, что после ареста большинства храмовников провинциальный магистр Оверни Пьер д'Омон вместе с двумя командорами и пятью рыцарями сумел бежать, переодевшись рабочими-каменщиками. На одном из островов близ берегов Шотландии они встретили Великого командора Джорджа Гарриса и еще нескольких тамплиеров и приняли решение сохранить орден. В Иванов день 1313 года был собран капитул, на котором Пьер д'Омон был избран Великим магистром. Чтобы избежать преследований, тамплиеры стали использовать пароли и знаки рабочих– строителей и называли себя франкмасонами (свободными каменщиками). В 1631 году Великий магистр перенес свою резиденцию в шотландский город Абердин, откуда орден, под масонской маской, снова получил распространение в Западной Европе.

Так это или нет, но многие масоны искренне верят, что являются наследниками тамплиеров. Это выражается и в заимствовании символики, и в наименовании ступеней посвящения. Естественно, увлекающиеся старинными мистическими учениями, знаками, тайнами и пр. члены масонских лож приписали храмовникам массу загадочных обрядов, учений, сочинений – тех, о которых сами рыцари Храма, вероятно, и слыхом и не слыхивали.

Название «тамплиеры» действительно мелькает в отдельных документах XV–XVII веков. В официальном эдикте Парижского парламента от 24 февраля 1618 года владельцы одного отеля именуются «господа тамплиеры», но они явно не имели никакого отношения к исчезнувшему в начале XIV века ордену. Историки XIX – начала XX века, включая членов нового тамплиерского ордена, отвергали легенду Хунда. Некоторые из них объясняли возникновение мифа следующим образом. В конце XVII века несколько вельмож – герцог Грамон, маркиз Биран и граф Талл ар – образовали в Париже тайное общество под названием «Малое воскресенье тамплиеров». Хотя общество не преследовало никаких других целей, кроме развлечения скучающих аристократов, Людовику XIV затея не понравилась, и он выслал новоявленных храмовников из столицы. В 1705 году герцог Филипп Орлеанский объединил бывших членов тайного союза, который принял теперь явный политический характер (такой, какой позже имели и многие масонские ложи). Чтобы добавить обществу солидности, иезуит Бонани изготовил известную фальшивку – документы тамплиеров. Среди них фигурировал список Великих магистров ордена тамплиеров. Список начинался с даты 18 марта 1314 года – дня казни Жака де Моле и был доведен до XVIII века. В него были включены известные исторические деятели Франции – Бертран Дюклен (вторая половина XIV века), Генрих Монморанси (конец XVI века), наконец, Филипп Орлеанский, обновивший статут ордена на общем собрании тамплиеров в Версале 25 марта 1705 года.

Но и такое объяснение вызывает критику. Сами сведения о тайном обществе Филиппа Орлеанского и сфабрикованные якобы в начале XVIII века документы стали известны лишь в

1804 году. Их представил известный аферист, один из основателей ордена Востока врач Ледрю. Последний утверждал, что он был домашним врачом семьи герцога Коссе-Брисака якобы являвшегося до 1792 года последним магистром тамплиеров. При распродаже мебели герцога во время революции Ледрю будто бы купил секретер, в котором и обнаружил документы если уж не ордена тамплиеров как такового, то, по крайней мере, тайного союза герцога Орлеанского. Вероятнее же всего, все документы состряпал он сам.

Как утверждает «Международный масонский справочник» О. Леннхоффа и О. Познера, попытка связать масонство и орден не выдерживает элементарной исторической проверки. Однако противники масонства, которых хватало и среди прогрессивных деятелей разных эпох, и среди малограмотных людей, в свое время полностью приняли миф о тамплиерском происхождении масонов и гневно обличали деятельность не только современных им «вольных каменщиков», но и «прародителей» последних – рыцарей-храмовников далекого Средневековья.

Сейчас существует несколько крупных организаций, члены которых называют себя тамплиерами и утверждают, что ведут свою родословную с 1314 года. Так, французские неотамплиеры считают своим родоначальником некоего рыцаря Храма Жака Маркуса Лармениуса, тамплиеры «строгости послушания», как уже было сказано, – Пьера д'Омона, а шведские неотамплиеры ссылаются как на предтечу на Гитара де Боже.

Члены неотамплиерского ордена «Болдуин пресепторн Бристоль» в Англии считают, что их орден существует с незапамятных времен, обосновывая свои притязания тем, что их Великий магистр Вильям Дэвис еще в 1769 году, наряду с другими масонскими степенями, получил градус (степень) «рыцаря-тамплиера». В 1785 году на праздновании дня Иоанна Евангелиста «тамплиеры» в полном торжественном облачении прошли по улицам английских городов. В 1791 году в качестве первого Великого магистра ордена «Великий королевский конклав рыцарей-тамплиеров в Англии» избрал некоего Томаса Дункерлея. В 1873 году различные тамплиерские ордены Англии и Шотландии объединились в так называемый «Генеральный конвент».

Самое широкое распространение орден рыцарей Храма получил в США, где уже к концу 1930 года было 1716 командорств (комтурств), насчитывавших 434 тысячи членов. Регулярно комтурства проводят красочные шоу. Тамплиеры проходят по улицам городов. Они одеты в староамериканскую военную одежду, состоящую из черного кителя и брюк, в шляпах-треугольниках с украшениями в виде страусиных перьев, с серебряными поясами и античными мечами с эфесом из слоновой кости.

В конце XIX века в Германии и Австрии был основан «орден новых тамплиеров» с неопределенным статусом и эклектическим^[22] культом. В качестве эмблемы новые «рыцари церкви» избрали знак, который позднее стали называть свастикой. В 1877 году в архивах Великой масонской ложи в Гамбурге ее членами якобы был обнаружен секретный Устав ордена Храма.

Естественно, не обошли стороной рыцарей Храма и Елена Блаватская, основательница «Теософского общества», и Рудольф Штайнер, родоначальник антропософии. Они рассуждали об эзотерической «традиции мудрости», дошедшей до них через розенкрейцеров^[23] от катаров и тамплиеров.

*** * ***

По сию пору многие авторы видят в ордене Храма не только рыцарей церкви, но и своеобразный мистический институт, связанный с темными интригами и мировыми тайнами. Например Вальтер Скотт в своем знаменитом романе «Айвенго», назвал тамплиеров заносчивыми и дерзкими грубиянами, алчными и лицемерными деспотами, которые

беззастенчиво злоупотребляли своей властью и за кулисами направляли ход событий в нужное им русло. Другие авторы XIX века описывают рыцарей Храма как дьяволопоклонников, которые отправляли непристойные и еретические ритуалы. В этом они следуют традиции, возникшей накануне Великой французской революции, когда легенды о тамплиерах были особенно популярны. Им навесили ярлык оккультистов, алхимиков, магов и мудрецов, обладавших эзотерическими познаниями и тайной силой.

Многие современные исследователи склонны видеть в тамплиерах жертв политических интриг римской курии и французского короля. Другие рассматривают храмовников как неких хранителей тайных знаний, выходящих за границы христианских догм. Вне сомнения, орден до сих пор представляет собой один из самых загадочных институтов западного мира. Ни одна работа по истории Европы XII и XIII веков и крестовых походов не обходится без упоминания о тамплиерах. Никто не оспаривает и того факта, что в период своего расцвета орден Храма был самой могущественной организацией христианского мира, уступая по влиянию только папе.

Почему монголы не взяли Новгород?

Согласно общеизвестной концепции истории Руси, татаро-монгольское нашествие и последовавшее за ним иго стало для страны тяжелым ударом, который обусловил ее отставание в развитии от стран Западной Европы. Впрочем, скоро исполнится сто лет с тех пор, как некоторые историки начали оспаривать этот постулат. Одни полагают, что удар был не так уж силен, другие, что никакого ига, собственно, вообще не существовало, третьи, что монгольское присутствие, наоборот, стало даже положительным фактором. Наконец, четвертые придерживаются мнения, что под монголами в данном случае вообще следует понимать... самих русичей! Таким образом, главная загадка истории средневековой Руси связана с очень длительным периодом – с XIII по XV век.

Возможно, путь к разгадке лежит через понимание того, что случилось с одним из русских городов во время нашествия кочевников с Востока. Речь идет о богатейшем и величественном Новгороде – городе, который по не вполне понятным до сих пор причинам монголы не взяли, в котором не были посажены татарские наместники. Городе, в котором правили два русских князя, чьи отношения с монголами рассматриваются в историографии, как минимум, неоднозначно – Ярослав Всеволодович и его сын Александр Ярославич по прозвищу Невский. Как Новгороду удалось избежать участи многих других центров Руси? Не стали ли монголы для него могущественными и полезными союзниками, а не оккупантами? Насколько далеко зашли правители города в дружбе с ханами? Не помогли ли татары делу объединения и укрепления раздробленной Северо-

Восточной Руси, делу, которым занимались потомки Александра Невского, создавшие в результате новое могущественное государство – Московию?

*** * ***

Вскоре после смерти в 1054 году великого князя киевского Ярослава Мудрого Русь вступила в полосу междоусобных войн. Их вели между собой русские князья, находившиеся между собой в той или иной степени родства. Причиной войн было то, что в руках каждого из них находились полученные в управление крупные города, обширные территории, которые в условиях существовавшего упора на натуральное хозяйство были в состоянии обеспечивать сами себя всем необходимым. Немаловажным было и то, что на Руси существовало правило передачи власти не от отца к старшему сыну, а от брата к брату. Естественно, между дядьями и племянниками возникали разногласия, приводившие подчас к кровопролитию. Впрочем, феодальная раздробленность не была уникальным русским явлением. В той или иной степени ее переживали и все государства Западной Европы.

Распад Руси на отдельные, независимые друг от друга княжества был временно приостановлен выдающимся правителем Владимиром Мономахом – внуком Ярослава Мудрого, который занял великокняжеский стол в Киеве в 1113 году. Более или менее крепко держал в своих руках государственную власть и его сын Мстислав Великий. Смерть последнего в 1132 году привела к продолжению центробежных процессов на Руси.

Киев начал переходить из рук в руки. За великокняжеский стол упорно боролись, смещая друг друга, представители черниговской династии и потомки Мономаха. Не менее ожесточенная борьба велась между Рюриковичами и в южном Переяславском княжестве, и в западных землях – Волынском и Галицком княжестве. К участию в борьбе привлекались и иноземные войска – поляки, венгры, половцы. В этих условиях все большую силу набирали князья городов Севера. Ростов, Суздаль, Муром, Рязань, Владимир-на-Клязьме не имели столь большого значения в глазах многочисленных потомков Рюрика и, соответственно, могли развиваться более стабильно, иметь более прочную власть. То же произошло в свое время и в Смоленске, который на долгие годы оказался в руках внука Мономаха Ростислава Мстиславича и его потомков – Ростиславичей. В Суздальской же земле обосновались потомки шестого сына Владимира Мономаха – Юрия. Этот князь сделал очень многое для укрепления своего княжества и расширения его границ. Он также вел активную политику и на юге, за что получил прозвище Долгорукий. В Суздальском княжестве строились новые города, развивалась система централизованного управления, более прочного, чем на юге. Процесс этот продолжился при правивших после смерти Юрия его сыновьях – Андрее Боголюбском и Всеволоде Большое Гнездо. Главным центром княжества стал Владимир-на-Клязьме.

Всеволод пришел к власти после смерти своего брата Андрея. Он разгромил в феодальной войне других претендентов на Владимирский престол, подавил оппозицию ростовских бояр и установил свою власть на долгие 38 лет – с 1174 по 1212 год. Всеволод, без сомнения, был самым сильным и авторитетным князем Руси на рубеже XII–XIII веков. Свое прозвище он получил за многодетность, но ни один из сыновей и не думал посягать на власть отца при его жизни. Под непосредственным влиянием Всеволода находилось Муромское и Рязанское княжество, южный Переяславль (северный находился во Владимиро-Суздальском княжестве). В определенный момент право его дома на княжение признали и свободолюбивые новгородцы. Новгородские территории Торжок и Волок Дамский находились под совместным контролем Новгорода и Суздальской земли.

С владимирским князем советовались, просили его поддержки смоленские и черниговские (а как следствие – и киевские) князья, галицкие и волынские правители. Всеволод совершал успешные походы против волжских булгар, при нем строились новые города, развивалась культура Северо-Восточной Руси. В это же самое время Киев – «Мать городов русских» – продолжал переходить из рук в руки.

Особенно в начале XIII века усердствовали представители смоленской и черниговской династий. Штурмы следовали один за другим, население столицы сокращалось, ни один киевский князь не мог и подумать о том, чтобы заняться восстановлением влияния Киева на всю русскую землю.

Феодальные усобицы оказали свое влияние и на историю Новгорода. Можно сказать, что именно они стали причиной развития тут республиканских традиций, корни которых уходили в далекое прошлое и были связаны с уникальным географическим положением города, богатством местных бояр и купцов.

Новгородская земля, охватывавшая северо-запад Руси, была единственным русским регионом, который не был княжеством в полном смысле этого слова. Новгород расположен к северу от озера Ильмень на берегах реки Волхов. Новгородские земли простирались на севере до Финского залива, Невы, южных берегов Ладожского озера и реки Свирь. Восточным соседом новгородцев была Суздальская земля, южными соседями – Смоленское и Полоцкое княжества. Западная граница пролегла вдоль по реке Нарова (Нарва) на юге

через центр Чудского озера. Управление всей этой территорией централизованно осуществлялось из Новгорода, только на западе город Псков и значительная по размерам территорией, зависевшая от него, имели самоуправление, пусть и под строгим надзором Новгорода, откуда в Псков назначался посадник, имевший исполнительную власть. В целом, Новгород Великий со своими обширными территориями стал единственным из древних городов, избежавшим упадка и дробления в XI–XII столетиях.

Исконным населением Новгородской земли были финно-угорские племена. В VI веке сюда пришли немногочисленные племена славян-кривичей, а в VIII столетии в процессе славянского заселения Восточно– Европейской равнины – племя словен.

Экономическая жизнь и политическое взаимодействие племен оказались связанными с Балтийско-Волжским торговым путем, проходившим по Волхову, Ильменю и Мете. Борьба с господствовавшими в международной торговле скандинавскими купцами-воинами способствовала ускорению процесса формирования государственных отношений. К середине IX века у истоков Волхова сформировался центр политического общения племен, живших на многочисленных реках, впадающих в озеро Ильмень, сложилась система их военного взаимодействия. Сбор и выплата варягам дани заложили основу государственного налогообложения. В 862 году для исполнения судебных и правоохранительных функций вождями племен был приглашен скандинавский князь с дружиной. Он стал основателем княжеской династии Рюриковичей, более семи с половиной веков управлявшей всеми русскими землями.

В начале X столетия новгородские племена словен и кривичей вместе с князем Игорем и скандинавскими дружинами начали поход на юг для обеспечения равноправной торговли с Византией. Были завоеваны Смоленск и Киев, на границе Дикого поля был заложен опорный пункт для дальнейшего движения на Константинополь. Походы одного из военачальников Рюрика – Олега, и опекаемого им долгое время сына варяжского вождя – Игоря, позволили достигнуть поставленной цели – проложить торговый путь «из варяг в греки». Следствием этих событий стало объединение восточнославянских племен и формирование древнерусского государства со столицей в Киеве.

Через Новгород проходили торговые пути, ведущие с севера, от Балтики (по Неве, Ладожскому озеру и Волхову), на юг, к Черному морю (по Ловати и волоком до Днепра), и пути с востока на запад, соединявшие Новгород с Волгой (по Полу и озеру Селигер, а также по Мете и волоком до реки Тверды). Расположенный на пересечении торговых путей, Новгород был крупнейшим центром торговли. Источником богатства города была не только торговля, но и его обширные северные колонии. Они простирались на севере до Арктики и на востоке до Урала (районы Печоры и Югры). В богатом центральном районе, известном как Заволочье («за волоком», то есть на землях, расположенных в бассейне Северной Двины к северо-востоку от волока, соединявшего озера Белое и Кубенское), власть Новгорода твердо установилась уже в XII веке: правители в этот район назначались центральной властью. Отдаленные районы (Пермь, Югра, Печора и Кольский полуостров) находились под властью Новгорода только в том смысле, что регулярно платили дань.

Игорь Древний, его жена Ольга и их сын, прославленный воитель Святослав Игоревич, перенесли центр государства из Новгорода на юг. Так северный город стал вторым по значению центром Киевской Руси. В 970 году новгородцы обратились к Святославу с требованием дать им князя, угрожая в противном случае найти его в другой земле. Компромиссом стало направление в Новгород сына Святослава Владимира и его наложницы. После смерти отца Владимир был изгнан из Новгорода, но в 980 году он вернулся со скандинавским отрядом и завоевал город. Отсюда он направился на борьбу за Киев. Как мы знаем, Владимиру удалось занять великокняжеский престол, но и Новгород он оставил в своем подчинении, закрепив его положение как части государства. Здесь Владимир поставил

править своего сына – Ярослава Мудрого, для которого это княжение, как и для его отца, стало trampлином в борьбе за власть над всей Киевской Русью.

Ярослав был, несомненно, выдающимся государственным деятелем, что отразилось и на развитии Новгорода, где долгие годы находилась его резиденция. При Ярославе в городе был построен знаменитый Софийский собор – центр государственной, церковной и культурной жизни княжества, символ Новгорода. В середине XII века новгородский церковный владыка получил сан архиепископа. При Ярославе Мудром возобновило деятельность Новгородское государственное вече, бояре – аристократия города (в большинстве своем потомки родоплеменных вождей) – получили особые права и налоговые льготы. Вероятно, именно в Новгороде была создана древнейшая редакция первого русского свода законов – «Русской правды».

Административно Новгород был разделен на две половины. На западном берегу Волхова располагалась так называемая Соборная (Софийская) сторона, состоявшая из детинца (кремля) и трех концов (округов): Неревского, Загородского и Людина (последние два известны как Прусская улица). Над всей этой стороной возвышался собор Св. Софии. На восточном берегу реки находилась Торговая сторона, состоявшая из двух концов: Плотницкого и Славенского. Каждый из пяти концов отвечал за управление пятью волостями – «пятинами», на которые была поделена центральная часть Новгородской земли.

Ярослав Мудрый основал свою резиденцию на Торговой стороне, и именно здесь в дальнейшем находились резиденции князей. Крепостные сооружения были воздвигнуты на Софийской стороне. Они опоясали владычный двор и Софийский собор. В 1116 году к епископской половине детинца была пристроена княжеская половина.

Пушнина, получаемая в виде дани из Северного Поморья и Приуралья и продаваемая на западных рынках, приносила большой доход боярам, снаряжавшим военно-промысловые экспедиции. В Новгороде было много искусных ремесленников, плотников, кузнецов, ткачей, гончаров, кожевников, оружейников. Главными предметами заморской торговли были кроме пушнины мед и воск. Новгородские купцы вели оживленную торговлю с Прибалтийскими странами. На острове Готланд, в шведской Сиггуне и эстонской Линданисе (Таллинне) возникли поселения новгородцев. Купцы с Готланда уже в середине XII века основали в Новгороде Готский торговый двор. Другой торговый двор – Немецкий – построили купцы Ганзейского союза. С Запада на Русь везли сукна, вино, металлы.

Во времена феодальной раздробленности могущественным новгородским боярам удалось изменить политический строй в городе, вырваться из-под власти Рюриковичей. Важным этапом в формировании республиканских традиций стало обретение новгородской аристократией самоуправления. Киевские князья сажали в Новгороде посадников – старших сыновей, но с 1117 года было объявлено о новгородской «вольности в князьях» – то есть теоретической возможности самим выбирать себе князя из дома Рюрика. Впрочем, киевские великие князья все равно старались навязать горожанам своих правителей. Наследник Мономаха Мстислав княжил в Новгороде с двенадцати лет. Отозвав сына в Киев, Мономах решил передать Новгород несовершеннолетнему внуку Всеволоду. Новгородские бояре и население энергично протестовали против нарушения традиций. Тогда Мономах вызвал в Киев новгородских бояр и одних заточил в тюрьму, а других привел к присяге и отпустил домой. Однако в 1136 году новгородцы вместе с псковичами и ладожанами на вече изгнали князя Всеволода Мстиславича. В дальнейшем к Новгороду было привлечено внимание многих русских князей, стремившихся занять великокняжеский стол и на пути к нему получить поддержку северного центра. Каждый претендент старался завести своих сторонников в городе. Формировались партии, ожесточенно враждовавшие между собой. Широкое развитие получило народное вече с участием всех жителей города, вечевые собрания в городских концах. Новгородцы сами избирали себе посадников и тысяцких (руководителя военной

организации города и начальника налоговой службы). От князя же ожидали прежде всего обеспечения обороны города, организации военных экспедиций.

Разрушить республиканскую традицию попытался великий владимирский князь Андрей Боголюбский. В 1169 году он объединил дружины южнорусских князей и бросил их на уничтожение Новгорода. Город не имел профессиональной армии, укреплений и не успел собрать ополчение. Силы нападавших и защитников города были неравны. Тем не менее, армия Боголюбского не смогла добиться успеха. Большого в отношении непокорного северо-западного города достиг Всеволод Большое Гнездо. С 1182 года он держал на новгородском столе свояка Ярослава Владимировича. Попытки новгородцев выйти из-под подчинения владимирского князя были пресечены. В 1199 году Всеволод даже смог заменить Ярослава Владимировича на своего трехлетнего сына. Всеволод продолжал властно вмешиваться в новгородские дела, судил и казнил бояр. Но в конце концов жителям города удалось изгнать его сына и пригласить на княжение представителя другого дома – Мстислава Удалого.

С начала XIII века власть в Новгороде все больше ускользала от князя и концентрировалась в руках выборных должностных лиц из среды боярства. Развитие вечевых порядков сопровождалось потрясениями, справиться с которыми князья уже не могли. Проведя несколько лет в Новгороде, князь Мстислав, согласно новгородской версии, «поиде по своей воли». Не желая возобновления прежней зависимости от Владимира, Новгород призвал князя Ярослава из Переяславского княжества, младшего из трех братьев Всеволодовичей. Действия Ярослава усугубили ожесточение и раскол, царившие в Новгороде. Он начал с того, что добился от вече решения об аресте новгородского тысяцкого и разграблении его двора. Начавшиеся в городе беспорядки заставили сплотиться противников суздальской партии, и в результате Ярослав Всеволодович был вынужден бежать в Торжок, граничивший с Владимиро-Суздальским княжеством. Там он арестовал прибывших к нему послов из Новгорода. Затем Ярослав приказал ограбить и взять под стражу многочисленных новгородских купцов, находившихся в Торжке, и перекрыть поставки продовольствия в Новгород.

События получили свое развитие в виде кровавого сражения на Липице, причины которого были не только в разногласиях между Ярославом Всеволодовичем и новгородцами, но и в розни между сыновьями Всеволода Большое Гнездо. Без сомнения, эта рознь, как и другие усобицы, стала одной из причин того, что русичи не смогли организовать достойный отпор монголам.

*** * ***

Итак, в 1212 году умер Всеволод Большое Гнездо. Следующее десятилетие, предшествовавшее первому вторжению на Русь татар, стало свидетелем жестоких внутренних войн в Суздальской земле между многочисленными сыновьями Всеволода и полного изменения соотношения сил на юге.

В Новгороде правил представитель Ростиславичей Мстислав Удалой. Летом 1212 года он организовал крупный поход против черниговских Ольговичей. Поход начался в Новгороде. Мстислав Мстиславич, утвердивший теперь свою власть на северо-западе, выступил с новгородским войском в Смоленск, где к нему присоединились другие Ростиславичи. Этим войскам удалось выбить из Киева правившего там черниговского князя Всеволода Черного. Ростиславичи стали наиболее влиятельными правителями на Руси. Это было сделать тем проще, что потомки Всеволода Большое Гнездо продолжали выяснять отношения между собой.

Поначалу Всеволод определил судьбу двух своих старших сыновей так: после его смерти Константин должен был княжить во Владимире, а Юрий получал Ростов. Но Константин,

который к этому времени уже прочно обосновался в Ростове, вынашивал другие планы: хотел после смерти отца править и Ростовом, и Владимиром. Он отказался прибыть во Владимир по приглашению Всеволода. Тогда последний пересмотрел свое решение и пожаловал Владимир своему второму сыну, Юрию, даровал ему великое княжество и старейшинство в роду. Третий сын, Ярослав, получил третий по важности район Суздальской земли – Северный Переяславль.

Когда отец умер, Юрий и Ярослав, заключив двусторонний договор, направленный против Константина, выступили на Ростов. Юрий начал переговоры, предложив обменять Владимир на Ростов. Константин наотрез отказался, потребовав Владимир для себя, Ростов для своего сына и предложив Юрию удовлетвориться Суздалем.

В 1216 году разразилась настоящая война, осложненная участием внешних сил: на стороне Константина были Ростиславичи и новгородцы, а Юрию и Ярославу помогали дружины из Муром и жители половецкого порубежья, которых называли бродниками. Начало войне положили события в Новгороде – бегство Ярослава Всеволодовича в Торжок, захват им купцов и перекрытия продовольственного потока. В войну с ним вступил вернувшийся в Новгород Мстислав Удалой. Его целью было выбить Ярослава из Торжка. Поначалу соперники ограничивались стычками на границах Новгородского, Смоленского княжеств и Суздальской земли. Но мало-помалу разрозненные отряды каждой из сторон объединялись, их численность возрастала благодаря прибывающему пополнению: Ярослав соединился с превосходящими силами своего брата Юрия, а Мстислав не только призвал на помощь своих родичей (брата Владимира, в то время княжившего в Пскове, двоюродного брата Владимира Рюриковича из Смоленска и Всеволода, сына киевского князя Мстислава Романовича), но и сообщил Константину о положении дел на западных границах Суздальской земли.

В конце концов два враждующих войска сошлись лицом к лицу на реке Липице в районе Юрьева Польского. Перед началом битвы Юрий и Ярослав, уверенные в победе, договорились между собой о будущем разделе Руси. По этому соглашению Юрий получил бы Владимирскую и Ростовскую земли, Ярослав – Новгород, их младший брат Святослав – Смоленск. Киев должен был отойти черниговским князьям, а Галицкая земля – поделена между Юрием и Ярославом.

Но осуществить эти планы не удалось. Решающая битва состоялась 21 апреля 1216 года и закончилась полной победой Константина и его союзников. Юрий и Ярослав вынуждены были бежать. Первый был смещен с владимирского престола, сослан в отдаленный удел, затем перемещен в Суздаль, где и правил до смерти Константина, которая наступила в феврале 1218 года. Второй затаился в своем Северном Переяславле. Ему удалось откупиться от победителей богатыми подарками, а также пришлось расстаться с женой – дочерью Мстислава Удалого.

Второе княжение Юрия во Владимире выдалось более успешным, если не считать того, как оно закончилось. В 1221 году ему удалось поставить князем в Новгороде своего сына. Когда последний бежал, на новгородский престол снова взошел Ярослав Всеволодович. Ему тут же пришлось вступить в войну за Новгород с Михаилом Черниговским. Борьба продолжалась девять лет, князей поддерживали разные боярские группировки, в роли посадников, тысяцких и архиепископов успели побывать сторонники разных партий. Порой они находились на своих постах одновременно, то примиряясь, то вновь организуя беспорядки в городе.

Тот факт, что посадники, настроенные против «действующего» князя, удерживали за собой должность, свидетельствует о том, что князья не могли захватить полную власть над городом, подчинить себе вече и боярство. Последнее было особенно заинтересовано в развитии торговли с Западом через Балтийское море, а потому рьяно отстаивало необходимость отпора немецким рыцарям и шведам, пытавшимся захватить выходы к морю.

Лишь в 1233 году Ярослав окончательно одолел своего противника Михаила, но стать абсолютным, полновластным правителем Новгорода ему так и не удалось.

Ярослав Всеволодович был одним из самых энергичных правителей на Руси. В 1210–1234 годах он участвовал в походах на половцев, на Рязань, Чернигов, Емскую землю, Колывань (Таллинн) и Юрьев в Чудской земле, бился с литовцами. В 1212–1236 годах он владел Переелавлем-Залесским, четырежды ему предоставляли стол в Новгороде и один раз в Киеве. Летописи неоднозначно трактуют его деятельность. Тем более, что многие из них составлялись в домах противников Ярослава – например его брата Константина. Новгородцы уважали, боялись и не очень любили властного князя, ростовские летописцы описывали его, как отъявленного негодяя, не жаловали и черниговские. Тем не менее, ему удалось добиться своего, преодолев все препятствия. В конце концов он подчинил себе Новгород, а следующим этапом стало получение в 1238 году великокняжеского престола во Владимире. Обстоятельства этого получения вызывают особые споры. Дело в том, что на престол Ярослава Всеволодовича привели никто иные, как монголы – злейшие враги русичей, ненавистные оккупанты. Сначала они расправились с братом Ярослава, Юрием, а затем выдали ярлык покорившемуся им князю.

Верным последователем политики Ярослава стал и его сын Александр – один из наиболее прославленных героев в отечественной истории. Александр был сыном Ярослава и Феодосии, дочери Мстислава Удалого. Он родился в 1220 году, а первое упоминание о нем относится к 1228 году, когда Ярослав, правивший в то время в Новгороде, вступил в очередной конфликт с горожанами и вынужден был уехать в родовой удел в Переславле, оставив двух своих малолетних сыновей – Федора и Александра – на попечении доверенных бояр в Новгороде. Когда Федор умер, Александру как старшему сыну Ярослава в 1236 году было дано новгородское княжение. (Ярослав в это время брал Киев.) Молодой князь зарекомендовал себя как жесткий правитель и энергичный военачальник. Под его руководством строились новые укрепленные пункты в Новгородской земле, он старался подчинить себе местную аристократию. Во время монгольского нашествия на Северо-Восточную Русь именно Александр находился на новгородском престоле.

* * *

Вторжение в земли северных русских княжеств в конце 30-х годов XIII века было не первым появлением монгольских полчищ на Руси. Первое же состоялось в 1223 году, но южнее. Тогда русские вообще не знали о том, что за новый народ появился на восточных границах государства и чего от него ждать. И неудивительно – ведь монголы за поразительно короткий срок преодолели огромные расстояния, отделявшие их историческую родину от Руси.

Монголы изначально проживали в Забайкалье, на территории современной Монголии, и в южной Сибири. Это был кочевой языческий народ, жизнь которого основывалась на первобытно-родовых, патриархальных порядках, а хозяйство – на разведении лошадей. Ведущими племенами были татары, монголы, меркиты, кераиты и найманы. Они дробились на многочисленные семьи, каждая из которых вела достаточно самостоятельный образ жизни, кочуя в степи. Раздробленность монгольских племен поддерживало и находившееся по соседству китайское государство, правители которого вмешивались в междоусобную борьбу, выбирая то одного, то другого вождя в качестве любимца и назначая его своим представителем. Одной из семей Монголии был клан монгола Езукая Багадура. После его смерти могущество семьи было временно утеряно. Положение изменил его талантливый и амбициозный сын Темучин. Выбрав сильного покровителя, он вернул клану богатство и авторитет среди соплеменников. Затем Темучин выступил и против покровителя. К 1206 году,

после ряда кровопролитных войн, ему удалось объединить под своей властью большинство монгольских племен. На большом совете – курултае, проходившем в верховьях реки Онон в 1206 году, Темучин был избран всеобщим правителем, получив новое имя – Чингисхан, что значит «Великий хан» (другие варианты перевода – «Хан – истинный властитель» и «Океан-хан»). Новый хозяин Монголии отказался платить дань китайцам, подчинил себе племена Тибета, уйгуров и народы южной Сибири. К 1211 году монголы завоевали землю бурятов, якутов, киргизов и обложили их данью. В том же году Чингисхан приступил к завоеванию Северного Китая.

Успехи, которых добились монголы, основывались на созданной под мудрым и жестким руководством Чингисхана централизованной системе государственного управления и блестящей военной организации. По сути дела, все мужчины соответствующего возраста вошли в состав монгольской армии. Она была основана на десятичной системе. Десятки, тысячи и тумены (десятки тысяч) монгольской армии представляли собой спаянные строгой дисциплиной и круговой ответственностью боевые единицы. Начальники пользовались беспрекословным авторитетом. Монгольские воины были прекрасными наездниками, искусными лучниками, состав их снаряжения был унифицирован. Огромное поголовье лошадей обеспечивало скорость передвижения, маневренность и натиск армии. В самом войске применялись драконовские меры по отношению к провинившимся, жестокость проявляли монголы и по отношению к врагу, сметая не только армию противника, но и его города. Наступая так называемой «облавой», монголы рассеивали свои отряды, охватывая огромные территории. Снабжение войска обеспечивалось захватом территории противника. Покоренное население пополняло армию, ядром которой оставались сами монголы, занимавшие командные посты и составлявшие многочисленную гвардию хана. Принципом Чингисхана было не оканчивать войну, пока армия врага полностью не разгромлена. Он был максималистом и в геополитическом отношении, передав свои амбиции преемникам.

Уступая большинству противников в уровне цивилизации, монголы превосходили их в энергичности, сплоченности, фанатизме. Они быстро перенимали основные достижения покоренных народов, ставили себе на службу их государственных чиновников, культурных деятелей, ремесленников. Первый великий хан создал продуманную систему управления, судебную систему, почтовую службу.

В истории человечества это была, пожалуй, самая грандиозная по размаху попытка завоевания мирового господства. Соратники Чингисхана открыто говорили: «У нас всюду враг – от заката солнца до восхода его!» Обращаясь к непокорным, монголы от имени своего великого хана заявляли: «Да ведают эмиры, вельможи и подданные, что всю поверхность земли от места выхода солнца до места захода солнца Господь Всемогуший отдал нам. Каждый, кто подчинится нам, пощадит себя, своих жен, детей и близких, а каждый, кто не подчинится и выступит с противодействием и сопротивлением, погибнет с женами, детьми, родичами и близкими ему!»

Северный Китай был окончательно покорен монголами лишь в 1234 году, зато Корея подчинилась еще в 1218-м. На западе армия Чингисхана уже в 1219 году приступила к завоеванию Средней Азии. Правитель могущественного Хорезмского государства шах Мухаммед не смог организовать сопротивление врагу, и к 1221 году Средняя Азия была полностью захвачена монголами. Двое военачальников Чингиса – Джебэ и Субедэй – во главе трех туменов пошли еще дальше – в Закавказье. Под ударами их отрядов пали Азербайджан и Грузия, затем монголы вышли на просторы Дешт-и-Кыпчака – половецких степей, на западной границе которых находились южнорусские княжества.

Для начала монголы расправились с народом аланов, половцы же отступили на запад. Ханы, кочевавшие к западу от Днепра под руководством Котяна, поспешили приехать к Мстиславу Удалому, зятю Котяна, правившему тогда в Галицкой земле. Половцы заявили Мстиславу: «Нашу землю сегодня захватили татары, а ваша завтра взята будет». Мстислав

отнесся к этому предупреждению со всей серьезностью. Всем русским князьям были посланы приглашения на съезд в Киеве. Новых степных воителей русская летопись назвала татарами: «В год 6732 (1223). Из-за грехов наших пришли народы неизвестные, безбожные моавитяне, о которых никто точно не знает, кто они и откуда пришли, и каков их язык, и какого они племени, и какой веры. И называют их татарами... Один Бог знает, кто они и откуда пришли, о них хорошо известно премудрым людям, которые разбираются в книгах».

На совет в столице собрались Мстислав Романович Киевский, Мстислав Мстиславович Галицкий, Мстислав Святославович Черниговский и Козельский и некоторые другие князья. Владимиро-суздальский князь Юрий Всеволодович и его брат Ярослав отказались приехать, ограничившись тем, что выслали в помощь ростовских князей. Но войска последних прибыли в Поднепровье слишком поздно. Князья, собравшиеся на совет, отвергли мирное предложение татаро-монгольских воевод, направленное на раскол половецко-русского союза, и решили выступить против врага.

Не ожидая сбора всех сил, русские дружины выступили в поход и на семнадцатый его день сосредоточились в низовьях Днепра, на правом берегу возле Олешья. Тут к войску присоединились половцы. Монгольские послы были убиты. Надо сказать, что для монголов это было одним из тягчайших преступлений, виновники которого непременно должны были быть наказаны.

В русском войске собрались киевские, галицкие, смоленские, волынские и другие полки. Армия была довольно значительной, но она состояла из отдельных отрядов князей, каждый из которых искал личной доблести на поле боя. Решения принимались на советах князей, зачастую довольно скандальных и шумных. Главными соперниками были Мстислав Удалой и Мстислав Киевский.

В то время как объединенные русские силы находились на правом берегу Днепра у устья реки Хортица, на противоположном берегу показались разведывательные отряды неприятеля. Князь Даниил Волынский переправился на другой берег и атаковал монголов. Те обратились в бегство. Мстислав Галицкий с тысячью всадников организовал преследование и окончательно разбил отряд противника. Такая победа воодушевила русское войско, и союзники двинулись на восток, в степи. По словам мусульманского историка монгольских завоеваний Ибн ал-Асира (1160–1234), «...и возгорелось в урусах и кипчаках желание разбить татар: они думали, что те отступили, из страха и по слабости не желая сражаться с ними, и потому стремительно преследовали татар. Татары все отступали, а те гнались по следам». Через девять дней русско-половецкие войска были на реке Калке (теперь р. Калец).

Мстислав Киевский предлагал выжидательную тактику и был против того, чтобы переправляться через реку. Его войска обосновались на правом берегу и приступили к укреплению своей позиции. Его галицкий тезка, напротив, организовал переправу вместе с половцами и прочими войсками. 31 мая 1223 года он расположил свои силы на левом берегу Калки. В сторону монголов был направлен небольшой отряд, возглавляемый Даниилом Волынским и Яруном Половецким.

Этот отряд вскоре нарвался на монгольские части. Через несколько часов упорного боя половцы дрогнули и побежали. Они расстроили ряды русских и увлекли их за собой. События развивались стремительно. Монголы ворвались в расположение главных русских сил на плечах бегущего отряда. Люди Субедзэ психологически были готовы лучше русских, столкнувшихся с невиданным ранее воинством. Кроме того, татары были значительно лучше организованы.

Несмотря на упорное сопротивление, дружины Мстислава Галицкого были уничтожены. На поле боя навсегда осталось шесть князей. Из простых воинов в живых вернулся лишь каждый десятый. В течение следующих трех дней монголы атаковали укрепившиеся войска киевского князя. Затем они предложили переговоры, в ходе которых пообещали пропустить

русских без боя. Как только Мстислав вывел армию из-за укрепления, его дружины были атакованы. Десять тысяч киевлян погибли.

Битва на реке Калка для русских стала настоящей катастрофой. Военная мощь государства (а вернее, ряда его княжеств) была серьезно подорвана. Однако монголы не были готовы продолжать затянувшийся поход. Перед ними стояла задача укрепления своей власти в завоеванных странах. Они ушли, и долгое время русские ничего не слышали о недавних победителях. По дороге домой на волжских переправах монголы были перехвачены булгарами, уничтожившими большое количество непрошенных гостей.

Раздоры между русскими князьями в период между нашествиями монголов и даже во время оных не прекратились. Так, Киев в 1235–1240 годах переходил из рук в руки не менее семи раз. Вызывает удивление тот факт, что уже имея представление о восточных воинственных кочевниках, получая о них сведения от соседней мордвы и булгар, владимирский князь Юрий фактически не предпринял никаких действий по обороне княжества, укреплению границ и городов. Возможно, он имел сведения о том, что монголы, будучи непобедимыми в открытом сражении, не умеют брать города, в их армии отсутствуют стенобитные, осадные орудия. Если так, то князь жестоко просчитался. У китайцев монголы переняли умение осаждать и штурмовать твердыни, и теперь перед ними не было преград.

Некоторые исследователи, опираясь на древнерусские источники, полагают, что не только продолжение усобиц или «преступная халатность» привели к катастрофе. Сама природа не давала Руси окрепнуть, ибо бедствие следовало за бедствием. В летописи сказано: «Не отмыли мы еще кровь после битвы на Калке, и снова народились люди после великого мора по всей земле, кроме Киева. А киевляне погибли костями на Калке с великим князем Мстиславом Романовичем, и с другими десятью князьями, и с семьюдесятью двумя богатырями; новгородцы же частью умерли голодной смертью, а живые разошлись по чужим землям; также и Смоленск, и все другие города постигла такая же смерть, и вскоре опустели они. От битвы на Калке до землетрясения прошло немного времени – восемь лет, и тогда случился голод, а от землетрясения до нашествия Батыя прошло восемь лет. Поэтому не разбогатела наша земля, но, напротив, еще более обезлюдела».

Чингисхан умер в 1227 году. Перед смертью он выделил каждому из своих сыновей от первой жены часть державы в качестве улуса. Самый младший сын Толуй получил ядро владений – центральную и западную часть Монголии. Чагатаю досталась территория бывшего царства Кара-Кидань с центром в бассейне реки Или. Джунгария, включая район верхнего Иртыша, стала владением третьего сына – Угэдэя. Наконец, недавно завоеванный регион к северу от Аральского моря (современный Казахстан) был отдан старшему сыну – Джучи. Автоматически ему и его потомкам отошли западные земли, которые еще только предстояло покорить. Но Джучи умер раньше отца, и его улус перешел к внуку Чингисхана Бату (в отечественной историографии его принято называть Батыем). Великим ханом был избран Угэдэй.

Монголы не забыли ни о неподчинившихся им половцах, ни о расправе, учиненной над их посланцами русскими. Но только после взятия тангутской столицы Чжунси (1227) и крепостей Кайфын и Цыйчжоу у них появилась возможность продолжить военные действия на западе. Курултай монгольских нойонов (представителей крупной аристократии), собравшийся в 1235 году на берегу Онона, в районе современного Нерчинска, решил довести борьбу с половцами до конца. Начался Великий западный поход.

Главкомандующим походом был Бату – правитель улуса Джучи (название этой части монгольского государства сохранилось и после смерти Джучи). При нем кем-то вроде начальника штаба состоял уже сталкивавшийся с русскими Субедэй. Отдельными формированиями командовали принцы-«чингизиды» – сыновья Угэдэя Гуюк и Кадан, сын и внук Чагатай – Байдар и Бури, сын Толуя – Мункэ. Угэдэй приказал правителям всех улусов помочь Бату войсками, таким образом, западная экспедиция стала обще-монгольским делом.

Войску предстояло пройти всю Монголию и через проходы в горах выйти в казахские степи. Их тоже нужно было пересечь и дойти до Арала. Затем путь лежал через плато Устюрт к Волге. Поход начался в 1235 году, а осенью 1236 года монголы вышли к Волге. Субедэй настоял на том, чтобы вторжение в русские земли состоялось именно зимой. В отличие от французов или немцев, побежденных «генералом Морозом» соответственно в 1812 и 1941 годах, монголы были хорошо готовы к зиме. В их родных местах зима была достаточно сурова, в походе использовались лошади, хорошо переносившие холод, умевшие находить пищу под толстым слоем снега, сами воины имели теплую одежду. Главным же преимуществом зимнего похода для монголов историки считают то, что по льду можно было переходить многочисленные речные преграды в Северо-Восточной Руси.

В литературе можно встретить указание на то, что монгольская армия вторжения насчитывала до 120–140 тысяч человек. Так, историк В. Каргалов в своей книге «Монголотатарское нашествие на Русь» пишет: «Эта цифра подтверждается следующими соображениями. Обычно в походах ханы – потомки Чингисхана – командовали «туменом», то есть отрядом в 10 тысяч всадников. В походе Батыя на Русь, по свидетельствам восточных историков, принимали участие 12–14 ханов – «чингизидов», которые могли вести за собой 12–14 туменов (то есть 120–140 тысяч человек)». Такая численность монголо-татарской армии вполне достаточна для объяснения военных успехов завоевателей. Но есть и исследования, которые показывают, что это число сильно завышено. Их авторы полагают, что, по всей видимости, на любой стадии похода в войске Бату-хана вряд ли состояло более 30–50 тысяч человек. Остальные либо находились в контингентах его родственников в других странах, либо обеспечивали растянувшиеся на несколько тысяч километров коммуникации. Представить себе массу в 120 тысяч воинов тем сложнее, что на каждого из них в армии приходилось 3–4 лошади (включая выючных, запасных и т. д.) Перевести через пустынные степи табуна величиной в полмиллиона голов было вряд ли возможно.

Первыми нападению монголов подверглись волжские булгары, которые в 1223 году разгромили отряд Субедэя и Джебэ. Город Булгар был взят и разрушен. Одновременно были покорены другие народы Поволжья – буртасы и башкиры. После форсирования Волги монгольское войско разделилось. Основные силы, которыми руководил Мункэ, приступили к преследованию половцев хана Котяна, оттеснив их к границам Венгрии. Другая часть армии во главе с самим Бату подошла к границам Рязанского княжества. В некоторых летописях есть указания на то, что отряды Мункэ успели вернуться к Бату еще по ходу завоевания последним Владимирского княжества. Более того, что под Торжком стояли их объединенные силы.

По мнению Льва Гумилева, монголы не собирались воевать с рязанцами, которые не участвовали в свое время в битве на Калке, им не за что было мстить. Возможно, немедленная и безоговорочная капитуляция рязанцев и спасла бы их, как могла спасти и киевлян, черниговцев и других. Однако история монгольских походов не позволяет нам заявлять это с уверенностью. Монголам точно так же не за что было мстить аланам и бурятам, жителям Хорезма и Ургенча, Багдада и Торжка. Однако все эти народы и города подверглись их атаке. Так или иначе, но рязанцы не оставили нам шансов проверить выдвинутую версию. Парламентерам, которых Бату послал в Рязань с требованием передать в его распоряжение пищу и лошадей, местные князья ответили: «Убьете нас – все будет ваше». Собственно, монгольские послы были задержаны еще в Воронеже, не будучи допущенными в большие города княжества. В ставку Бату рязанский князь отправил своего сына с богатыми дарами, которые, впрочем, не удовлетворили хана.

Рязанские князья обратились за помощью во Владимир и Чернигов, но нигде не нашли поддержки: соседи не успели собрать и прислать вспомогательные силы. А возможно, сказалась старая вражда всех со всеми на Руси. Владимиро-суздальские князья не хотели помогать представителям черниговской династии Ольговичей, которые издревле сидели на

рязанском престоле. Кроме того, вероятно, они рассчитывали на то, что монголы не решатся двинуться дальше на север, прикрытый лесами. Не исключено, что думали они и о будущем Рязани, которая, оказавшись разгромленной, стала бы легкой добычей. Черниговские князья тоже не помогли. Может, помнили о том, что рязанцы не пришли на Калку, может, не желали протягивать руку городу, со времен Всеволода Большое Гнездо входившим в сферу влияния Владимира. А вероятнее всего, не проявили должной политической прозорливости, не поняли, чем грозят действия поодиночке в это трагическое время, не видели возможности собрать достаточно сил, будучи утомлены постоянными стычками последних лет за Киев и внутренней усобицей в самом Черниговском княжестве. Рязанцам пришлось рассчитывать на собственные силы и отряды «подручных князей» – Пронского, Муромского и Коломенского.

Два войска сошлись неподалеку от Рязани. Монголы быстро обратили противника в бегство, многие рязанцы были окружены и убиты. С небольшим отрядом рязанский князь Юрий Игоревич прорвался через кольцо врагов и ушел в Рязань организовывать оборону. Столица его княжества стояла на высоком правом берегу Оки, ниже устья реки Пронь. Город был хорошо укреплен. Все городское население взялось за оружие. Осада Рязани началась 16 декабря 1237 года. Татаро-монголы окружили город. Его стены круглосуточно обстреливались из камнеметальных машин. Меткие монгольские лучники непрерывно пускали стрелы. 21 декабря монголы начали решительный штурм Рязани. Оборону города удалось прорвать сразу в нескольких местах. На улицах завязались тяжелые бои. В результате все воины и большинство жителей Рязани были уничтожены. Юрий Игоревич и вся его семья погибли. Рязань была разграблена и более никогда не возводилась на старом месте. На этом борьба монголов с рязанцами не закончилась. Когда завоеватели уже ушли из Рязани, сравнительно небольшой отряд, собранный боярином Евпатием Коловратом, нагнал их и ударил в тыл. Бату пришлось остановиться и развернуть фронт. Практически весь русский отряд был уничтожен.

От Рязани монголы двинулись по льду Оки к Коломне, расположенной поблизости от Владимирского княжества и прикрывавшей удобные подходы к Владимиру по рекам Москва и Клязьма. Юрий Всеволодович не решился лично возглавить выступление против гостей с Востока. Он ограничился тем, что направил к Коломне на соединение с одним из рязанских князей Романом Ингваревичем старшего сына Всеволода вместе с воеводой боярином Еремеем Глебовичем. Переяславские полки Ярослава Всеволодовича опять не тронулись с места, хотя в некоторых летописных источниках есть указания на то, что при Коломне сражались какие-то новгородские отряды. В начале 1238 года (вероятно, 7–9 января) владимирско-рязанская рать под Коломной преградила монголам путь. Монголы, возможно, специально дожидались здесь владимирских полков и не спешили штурмовать Коломну, чтобы разбить противника в чистом поле, а не дать возможность отойти при виде развалин взятого города. В упорном сражении русское войско было почти целиком истреблено, в самом начале сражения погиб руководивший авангардом воевода Еремей. Погиб и сын Чингисхана Кулькан. Это позволяет предполагать, что русские в какой-то момент вклинились глубоко в монгольский строй, ведь начальники туменов и царевицы находились, как правило, в тылу. Источники отмечают особую отвагу, проявленную обозленными гибелью своей земли рязанцами во главе с Романом Игоревичем. Он прорвался к стенам Коломны, но был убит, когда монголы приступили к ее штурму. После битвы Всеволоду Юрьевичу с небольшой дружиной удалось отойти.

От Коломны монголы двинулись к небольшому городку Москва, который оборонял Владимир, младший сын Юрия Всеволодовича. Город не стал сдаваться захватчикам, но на пятый день штурма пал. Москва была разрушена, а Владимир взят в плен.

Теперь Бату двинул свою армию на столичный Владимир-на-Клязьме. Многое указывает на то, что Юрий Всеволодович был в растерянности и испугался врага. Он оставил во Владимире семью, а сам подался на север к берегам Мологи и остановился на месте

впадения в нее маленькой речки Сить. С ним были племянники – Василько, Всеволод и Владимир. Столица же даже не была обеспечена достаточным гарнизоном. Ее оборону возглавили сыновья князя – Всеволод и Мстислав. Впрочем, возможно, Юрий потому и оставил Владимир, что войска у него еще не было – его предстояло собрать. Увести же с собой сыновей означало оставить город без авторитетного военного руководства. Не исключено также, что Юрий Всеволодович поступил согласно законам своей государственной морали, принеся в жертву детей.

Татары приступили к осаде Владимира 3 или 4 февраля 1238 года. Владимир был окружен высокими деревянными стенами и мощными каменными башнями. С трех сторон его прикрывали реки: с юга – Клязьма, с севера и востока – Лыбедь. Над западной стеной города высились Золотые ворота – самое мощное оборонительное сооружение древнего Владимира. За внешним обводом укреплений находились внутренние стены и валы Среднего, или Мономахова, города. И наконец, в середине столицы располагался каменный кремль – детинец. Таким образом, монголам необходимо было прорвать три оборонительные линии, чтобы достигнуть центра города – Княжеского двора и Успенского собора. Рассчитывая выманить русских из крепости, они подвели к Золотым воротам попавшего к ним в плен Владимира Юрьевича.

С. Соловьев в своей «Истории России» так описывает взятие Владимира (безусловно, пересказывая русские летописи): «3 февраля толпы татарские, бесчисленные, как саранча, подступили к Владимиру и, подъехавши к Золотым воротам с пленником своим князем Владимиром московским, стали спрашивать у жителей: «Великий князь Юрий в городе ли?» Владимирцы вместо ответа пустили в них стрелы, татары отплатили им тем же, потом закричали: «Не стреляйте!» – и, когда стрельба прекратилась, подвели поближе к воротам и показали им Владимира, спрашивая: «Узнаете ли вашего княжича?» Братья, бояре и весь народ заплакали, увидавши Владимира, бледного, исхудалого.

Возбужденные этим видом, князья Всеволод и Мстислав хотели было немедленно выехать из Золотых ворот и биться с татарами, но были удержаны воеводою Ослядюковичем».

Таким образом, вероятно ввиду малочисленности гарнизона, воевода отклонил предложение о вылазке. 6 февраля монголы «почаша наряжати лесы и пороки ставиша до вечера». На другой день они ворвались в центральную часть города и подожгли ее. Княжеская семья, бояре и посадские люди укрылись в Успенском соборе. Сдаться на милость победителю они категорически отказались и были заживо сожжены. Сам город Владимир подвергся полному разорению. Та же участь постигла Суздаль.

После взятия Владимира монгольская армия опять разделилась для облавного обхода русских городов и поиска великого князя Юрия Всеволодовича: «И оттоле разсыпашася татарове по всей земли той». Войско двинулось в трех направлениях: на север, к Ростову и Ярославлю, для преследования великого князя отправился сильный корпус Бурундая; на восток, к Средней Волге (на Городец) по льду Клязьмы был направлен второй отряд; а на северо-запад через Переяславль-Залесский, Юрьев, Дмитров, Волок Дамский и Тверь к пограничному пункту Новгородской земли – Торжку шли тумены самого Бату и других чингизидов.

Юрий со своим войском был найден на Сити отрядом тысяцкого Бурундая. Вот как рассказывает об этом летопись: «На исходе февраля месяца пришла весть к великому князю Юрию, находящемуся на реке Сити: «Владимир взят, и все, что там было, захвачено, перебиты все люди, и епископ, и княгиня твоя, и сноха, а Батый идет к тебе». И был князь Юрий в великом горе, думая не о себе, но о разорении церкви и гибели христиан. И послал он на разведку Дорожа с тремя тысячами воинов узнать о татарах. Он же вскоре прибежал назад и сказал: «Господин, князь, обошли нас татары». Тогда князь Юрий с братом Святославом и со своими племянниками Васильком, и Всеволодом, и Владимиром, исполнив

полки, пошли навстречу татарам, и каждый расставил полки, но ничего не смогли сделать. Татары пришли к ним на Сить, и была жестокая битва, и победили русских князей. Здесь был убит великий князь Юрий Всеволодович, внук Юрия Долгорукого, сына Владимира Мономаха, и убиты были многие воины его».

Итак, 4 марта на Сити русские были наголову разбиты, а князь погиб. До сих пор обстоятельства его смерти не выяснены. Многие историки полагают, что он погиб не на поле брани, а принял смерть от мечей своих же подданных, разгневанных его неумелым руководством и попыткой бежать. Армия Ярослава, брата Юрия, опять находилась где-то вне пределов досягаемости. Историки утверждают, что к концу 20-х годов между братьями вообще произошло серьезное ухудшение отношений. В 1229 году имело место нечто вроде заговора против Юрия Всеволодовича, который и возглавлял Ярослав. Тогда дело до бунта не дошло, а теперь Ярослав просто «не успел» прийти на помощь старшему брату.

Еще до битвы на Сити, 22 февраля, другой монгольский отряд осадил город Торжок – восточный форпост Новгородской земли, важный торговый пункт Великого Новгорода. Казалось бы, Ярослав Всеволодович и его сын, княживший в то время в Новгороде, должны были организовать сопротивление. Однако нам неизвестно, где именно находился Ярослав в это время. Есть версии, что в Киеве, Переяславле – Южном или (что, на наш взгляд, более вероятно) в Новгороде, рядом с сыном. Не было в Торжке и Александра Ярославича. Не прислали князя и своих дружин. Обороной города занималось вооруженное посадское население во главе с «Иванко посадником Новоторожским, Якимом Влунковичем, Глебом Борисовичем, Михайло Моисеевичем». Удивительно, но им удалось на две недели задержать здесь врага. Лишь 5 марта монголы смогли взять город. Отсюда они могли двинуться на Новгород. Но монголы вновь разделились. Небольшой отряд конницы двинулся к Новгороду Селигерским путем. Но дойдя до города Игнач-крест, расположенного в 100 верстах (чуть более, чем в 100 километрах) от Новгорода, они повернули назад. Вот здесь-то и возникает вопрос – а почему, собственно? Точного ответа на него не знает никто. Русские летописцы ссылаются на Промысел Божий: «Новгород же сохранил Бог, и святая и великая соборная и апостольская церковь Софии, и святой преподобный Кирилл, и молитвы святых правочерных архиепископов и благоверных князей, и преподобных монахов иерейского собора». Эта теория не нуждается в комментариях и анализе. Мы попробуем разобраться в основных научных версиях.

Самая популярная из них говорит, что Батый решил развернуть войска, поскольку скоро должна была начаться весна, половодье рек и озер, распутица. Путешествовавшим и сражавшимся на конях татарам было не с руки переправляться через реки и месить грязь по бездорожью. Если добавить к этому то, что путь к северному Новгороду лежал через леса и болота, получаем действительно не самую благоприятную для монголов картину. Еще одна причина, на которую указывают историки, – сырой воздух Северной Руси. В войске монголов могли начаться болезни, косившие их ряды.

Это выглядело бы достаточно правдоподобно, если бы не одно но. До возникновения проблемы глобального потепления в XIII веке было еще довольно далеко. В самом начале марта весенней распутицы в тех широтах можно было еще не опасаться, а лед на реках был достаточно крепок. Напомним, что знаменитое Ледовое побоище на Чудском озере состоялось через четыре года 5 апреля. Может быть, в том году весна наступила рано? Летописи не дают ответа на этот вопрос. Но исследования В. Чивилихина показали, что в XIII веке в Северном полушарии наблюдалось повсеместное похолодание, которое климатологи именуют «малым ледниковым периодом». О какой же распутице может идти речь? Впрочем, исключить эту гипотезу вовсе все равно нельзя. Монголы могли понимать, что могут застрять в Новгородской земле и до лета.

Перейдем к другой версии. Она касается проблем с численностью войска, которым в тот момент обладали монголы. Итак, на Русь было направлено войско численностью до 50 тысяч

человек. Половина его под командованием Мункэ некоторое время действовала на юге против половцев. Половина – около 25 тысяч – пошла на города Северо-Восточной Руси вместе с Бату. Пока монголы дошли до Новгородской земли, они успели сразиться с русскими неподалеку от Рязани, штурмовать этот город, сразиться с другим войском под Коломной, штурмовать Москву, штурмовать Владимир, сразиться на Сити, взять укрепленный Переяславль-Залесский, Юрьев-Польский, Дмитров, Галич-Мерьский, Тверь, выдержать двухнедельную битву за Торжок... По пути монгольские отряды перешли к тактике облавы, рассеяв свои отряды по обширной территории. Возникает вопрос – а сколько же монголов могло участвовать в походе на Новгород? Ведь когда одни из них брали Торжок, другие продолжали действовать во Владимирском княжестве – сражение на Сити произошло накануне сражения за Торжок, а ставка хана, вероятнее всего, находилась до середины марта под Переяславлем-Залесским. Армия Бату была вынуждена делиться на отряды, чтобы прокормить себя и, главное, лошадей. Напомним, что у монголов «война кормила себя сама». Более того, не может быть, чтобы во всех этих сражениях численность войска не уменьшилась. Даже учитывая то, что русские были подготовлены хуже и для каждой отдельной битвы не могли создать численного превосходства, они не могли не «проредить» ряды противника. Какое число воинов в отряде, дошедшем до Игнач-креста, мы получаем? Пятнадцать или пять тысяч воинов? Возможно, этот отряд лишь преследовал некоторых бежавших защитников Торжка. В Ермолинской летописи есть важное уточнение на этот счет – «все люди изсекоша, а за прочими людьми погнашеся от Торжка».

Теперь вспомним, что новгородская армия, в основной своей массе, вообще не участвовала ни в одной из крупных битв в соседнем Владимирском княжестве. Даже в обороне Торжка она не принимала участия. Очень возможно, что не обороняли свой город и переяславские полки Ярослава Всеволодовича. Дружины Ярослава и Александра не были потрепаны в боях и, вероятно, сохраняли полную боеготовность. Добавим к этому ополчение, которое мог выставить многолюдный Новгород. Напомним, что через четыре года это ополчение сыграло важнейшую роль в победе над профессиональной, одной из лучших армий того времени – рыцарями Ливонского ордена – на Чудском озере. Новгород был прекрасно укреплен. Его оборонительные сооружения не пострадали от каких-либо штурмов в ходе предыдущих, богатых событиями лет. Ведь фактически ни один князь не взял город в ходе военной операции. Они сменяли друг друга в связи с приглашениями самих новгородцев благодаря поддержке, которую находили среди местного боярства. И вот на этот-то мощный центр надо было идти уставшей и малочисленной монгольской армии.

Нам представляется вполне вероятным, что монголы понимали: поход на Новгород может стать далеко не столь успешным и закончиться гибелью отряда. Никакая самая распрекрасная армия не может бесконечно сражаться за укрепленные города с крупными и свежими соединениями противника. Не настолько велико было военное превосходство искусных монгольских кавалеристов, чтобы вступить ранней весной 1238 года в противоборство с новгородскими вооруженными силами. Даже победа могла стать пирровой. Мог Бату опасаться и удара с тыла. Ведь монголы просто не имели возможности посетить по пути к Новгороду княжества и города, лежащие южнее. Евпатий Коловрат из разграбленной Рязани с отрядом из тысячи семьсот человек наделал немало шума. А что мог сделать какой-нибудь полоцкий князь со всем местным ополчением своего региона?

Политика и ратное дело – это искусство возможного. Прагматичный Бату верно оценил ситуацию. Игра не стоила свеч и была слишком рискованной. Гораздо выгоднее было побряцать оружием на границах Новгородской земли, показать силу и в дальнейшем включить город в орбиту своего влияния, собирая регулярную дань и подчинив себе местных правителей. Не стоило давать новгородцам опыт успешного сражения с «непобедимыми и ужасными» монголами. Как говорится, во всем надо знать меру. Точно так же полтора

столетия спустя поступил знаменитый полководец Тамерлан, отказавшийся от похода на Владимир.

Отметим еще один момент. Могущество Новгорода основывалось прежде всего на его внешней торговле. Таким образом, разгром города по примеру Рязани мог привести к тому, что монголы лишились бы на будущее источника денежных и других материальных поступлений из Новгорода. А ханы не были расположены убивать курицу, которая несет золотые яйца. После походов в Среднюю Азию значительное влияние на их политику начали оказывать мусульманские купцы. В скором времени они получили возможность контролировать всю торговлю русской земли, право собирать налоги. Возможно, мнение этих купцов сыграло не последнюю роль в том, как развивались отношения ханов с новгородцами.

Еще одна гипотеза отсылает нас все к тем же событиям 1223 года и монгольской мести за убийство послов. Новгородцы не имели ни малейшего отношения к битве на Калке. Есть мнение, что по этой же причине не был взят и Смоленск – татары обошли его стороной. Впрочем, некоторые источники утверждают, что смоленские полки встретили монголов на подступах к городу и отбросили их. Если это так – наше мнение подтверждается: завоеватели уже не обладали достаточной силой, чтобы сражаться за большие города. Да и если не так, и смоляне вообще не встретились в бою с монголами, это не разрушает версии о низкой боеспособности кочевников, а лишь показывает, что они и сами осознавали ее недостаточность. Следует обратить внимание и на то, что Смоленск, как и Новгород, был крупным торговым центром, не пострадал в эпоху феодальных усобиц и мог выставить для обороны большую дружину.

Монгольские отряды повернули на юг и постепенно сосредоточились у небольшого городка Козельска, принадлежавшего черниговским князьям. Город был осажден в начале апреля. Показательно то, что жителям маленького Козельска удалось продержаться два месяца (!). Не это ли лучшее подтверждение того, что монгольская кампания к весне 1238 года исчерпала себя, что им требовалась передышка и обновление? Сама идея непременно взять Козельск, возможно, действительно возникла в результате желания отомстить черниговской династии за участие в битве на Калке. Имело место и определенное упрямство. Приступить к осаде небольшого городка и не взять его было бы позором для прославленных монгольских военачальников. Когда город все же пал, Бату, назвавший Козельск «Злым городом», в ярости приказал сровнять его с землей, что и было исполнено.

Козельск стал последним эпизодом зимне-весенней экспедиции монголов. Они отошли на восток. В следующем году монголы разгромили Муром и Гороховец, разбили войска мордвы и вновь ушли в степи. Но осенью они с новыми силами ринулись в глубь русских земель. На этот раз – южных. Нашествие монголов носило теперь более систематический характер, чем в Северо-Восточной Руси. Первой жертвой их нападения стал Переяславль-Южный, который до этого взять никому не удавалось. Следующий удар татаро-монголов был направлен на Чернигов. 18 октября 1239 года пал и этот древний город. Затем кочевники опустошили земли по рекам Десна и Сейм; разрушили Путивль, Глухов и другие города.

Осенью 1240 года, форсировав Днепр, татаро-монголы преодолели сопротивление загадочного народа «черные клобуки», защищавшего укрепленную линию по реке Рось. В конце ноября завоеватели подошли к Киеву. Бату послал на разведку передовой отряд во главе с Мункэ. Вот как описывает эти события Ипатьевская летопись: «Пришел Батый и остановился у городка Песочного, и, увидев Киев, был поражен его красотой и величиной; отправил он послов к князю Михаилу Всеволодовичу Черниговскому, желая его обмануть. Но князь Михаил послов убил, а сам убежал из Киева вслед за сыном в Венгерскую землю; а в Киеве взошел на престол Ростислав Михайлович, внук Давыда Смоленского. Но Даниил Романович, внук Мстислава Изяславича, выступил против Ростислава и взял его в плен; а Киев поручил оборонять против безбожных татар своему посаднику Дмитрию».

Таким образом, к концу 1240 года Киевом официально владел сильнейший русский князь Даниил Романович Галицкий. Фактически же «матерью городов русских» управлял его воевода – Дмитрий Ейкович. Героическая оборона Киева началась 11 декабря (по другим данным – чуть раньше). Со стороны, где лес примыкал к городским воротам, татары начали обстрел из стенобитных орудий. В результате стены рухнули, и татаро-монголы ворвались в город после девятидневной осады.

За ночь киевляне построили новую стену вокруг Десятинной церкви. Противник прорвал и эту оборону. Многие жители укрылись в самой церкви. Монголы не стали штурмовать храм, а просто разрушили его таранами. Обвалившиеся стены погребли под собой всех, кто искал в церкви убежища. В городе шел грабёж и разрушение. В живых оставлялись только те, кого имело смысл увести в плен, в том числе ремесленники с их семьями. Через некоторое время западные путешественники, проезжавшие в ставку хана через Киев, были поражены картиной запустения в некогда цветущем городе.

После взятия Киева татаро-монголы двинулись дальше на запад. Они вторглись в Галицко-Волинские земли. Армия царевичей-чингизидов двумя потоками устремилась в Польшу (двое из них – Гюк и Бури – вскоре рассорились с ханом и уехали в Монголию, где, кстати, получили строгий выговор от отцов за неповиновение командующему западным походом), а сам Батый направился в Венгрию. Через Венгрию, Тис и Дунай монгольские войска дошли до Адриатического моря. Дальше на запад монголы не пошли. Возможно, причиной тому было сопротивление, которое оказали им немецкие и чешские рыцари. Но был и другой, непосредственный повод для того, чтобы Бату закончил поход. Он получил известие о смерти великого хана Угэдэя. Предстоял курултай, на котором должен был определиться будущий правитель огромной империей. Среди претендентов были и личные соперники Батыя. Полководец поспешил на восток. На курултае все равно был избран нелюбивший его Гюк. В 1243 году Бату обосновался в основанном им городе Сарай на Нижней Волге. Сарай стал столицей его улуса – государства, которое у нас принято называть

Золотой Ордой. Это название не совсем корректно, впервые оно упоминается в русских летописях лишь в XVI веке, когда с зависимостью от монголов было давно покончено. Вероятно, правильнее было бы называть державу Бату и его преемников Белой Ордой. Из Сарая Батый приступил к управлению обширными территориями, которые покорили его войска. Значительную часть ее составляли северные и южные русские княжества. На Руси началась эпоха татаро-монгольского ига.

*** * ***

Возвратившись от изложения гипотез, касающихся избежавшего нападения Новгорода, к рассказу о монгольских завоеваниях, мы намеренно оставили в стороне еще один блок версий. Дело в том, что их анализ требует особо тщательного рассмотрения и подробного описания событий, последовавших за установлением монгольской власти на Руси.

В своих работах историки не перестают обсуждать возможность того, что новгородцы избежали нападения не только и не столько из-за трезвой оценки монголами всех за и против атаки город. Предприимчивые жители города могли по собственной инициативе вступить в переговоры с Бату. История знает множество примеров того, как богатые города откупались от завоевателей, избегая таким образом разгрома. Новгороду было чем откупиться. Бояре и купцы могли предложить монголам немало золота, серебра, мехов. Собственно, достоверно известно, что именно подарки помогли договориться с захватчиками жителям другого купеческого города, контролировавшего волжский торговый путь – Углича. Возможно, успешные действия монголов во Владимирском княжестве и разгром ими Торжка заставили новгородских бояр срочно выступить с предложением выслать неистовым

восточным воинам кое-что из сокровищ Новгорода. Никакие воинственные князья не могли помешать аристократам исполнить свой план, ведь новгородцы привыкли в экстренных случаях решать свои проблемы, не обращая внимания на мнение князей. Но были ли против сами князья? Вот что волнует умы исследователей. Судя по дальнейшим действиям Ярослава Всеволодовича и Александра Ярославича, они не только не возражали, но и могли возглавить процесс переговоров с монголами.

В 1243 году Батый, вернувшись из западного похода на Волгу, вызвал к себе князя Ярослава Всеволодовича. Тот еще в 1238 году, когда монголы покинули территорию Северо-Восточной Руси, поспешил взять власть в «осиротевших» местных княжествах в свои руки, принять меры к укреплению органов государственного управления, возрождению разоренного хозяйства и восстановлению военных сил. По приходу во Владимир он «поча ряды рядити» и «судити люд ем». Стоит отметить, что когда во время второго нашествия монголов в 1239–1240 годах князь черниговской династии Михаил Всеволодович покинул Киев и бежал в Венгрию, оставив семью в Каменце, его княгиню со всем имевшимся тут богатством захватили вовсе не монголы, а пришедшие с севера войска Ярослава Всеволодовича, на тот момент князя владимирского.

В 1243 году именно Ярослав принял из рук хана «ярлык» на великое княжение. Говорит ли это о том, что Бату был знаком с Ярославом и благоволил ему еще до окончания западного похода? Возможно. Хотя не исключено, что Батый просто отдал великое княжение старшему из рода владимирских князей. Это было тем более логично, что больших претензий к Ярославу он не имел – они не встречались на поле боя. Ярлык был формальным признанием зависимости Руси от улуса Джучи – Белой или, как принято говорить у нас, Золотой Орды. Но одновременно он подтверждал притязания на власть Ярослава Всеволодовича. Таким образом, приход монголов на Русь дал Ярославу возможность стать верховным правителем, его карьера самым непосредственным образом была связана с политикой Сарая. Влияние великого князя владимирского еще более усилилось после того, как вызванный в ставку хана в 1245 году черниговский князь Михаил Всеволодович был умерщвлен, а Даниил вынужденно отказался от Киевского княжества, признал право монголов брать с него дань, и купил такой ценой мир для своего княжества. Такого ярлыка, как Ярослав, он не получил.

Некоторые историки, не обращая внимания на моральный аспект «дружбы» Ярослава с убийцей своего брата Юрия, называют его поездку в Сарай «серьезным дипломатическим успехом». Действительно, для Северо-Восточной Руси установление вместо прямого правления монголов власти князя из рода Рюриковичей было положительным моментом. Следует отметить, что несколько последующих лет на этой территории не было никаких монгольских чиновников, не создавалась и система сбора дани. Историки отмечают удивительную скорость, с которой был отстроен ряд городов Северо-Восточной Руси, пострадавших от монгольского нашествия.

Пока Ярослав Всеволодович общался с Батыем, его сын Константин отправился в столицу Монгольской империи Каракорум. Он возвратился к отцу «с честью» в 1245 году. Однако, по всей видимости, Константин привез Ярославу жесткий приказ прибыть в Каракорум лично. В то время там происходила серьезная борьба за великоханский престол. В этой борьбе победителем оказался сын Угэдэя Гуюк – личный враг Батыя. Это делало положение последнего довольно шатким. Возможно, поэтому он и стремился установить нормальные отношения с русскими князьями. Но в этом случае союзники правителя улуса Джучи становились противниками Каракорума. Это, вероятно, определило участь Ярослава Всеволодовича. Подчинившись приказу центрального правительства монгольской державы, он прибыл в Каракорум в 1246 году, где присутствовал при пышной церемонии коронации Гуюка. Уже собравшись в обратный путь, Ярослав Всеволодович умер при загадочных обстоятельствах. Есть версия, что он был отравлен матерью Гуюка – коварной Туракиной. По

крайней мере, это подтверждают записки папского посла Плано Карпини, который утверждал, что перед смертью Ярослав странно посинел. Так Бату потерял своего союзника. Историк А. Свечин в своем исследовании биографии Ярослава намекает на то, что вероятным его отравителем мог стать и сам Плано Кариини. Причина – возможные переговоры монголов с великим князем об организации совместного похода на запад.

Летописи дают сведения о том, что причиной смерти Ярослава Всеволодовича была «крамола» его соотечественников, а именно некоего Федора Яруновича, который оклеветал великого князя. Но трудно предположить, чтоб Ярунович действовал здесь по личной инициативе; гораздо вероятнее, что он выполнял заказ родственников князя. Как тут не вспомнить принцип римского права «Ищи, кому выгодно». Выгодно было тому, кто занял великокняжеский престол после смерти Ярослава, или тому, кто на него претендовал...

По русской традиции стол Ярослава занял его брат Святослав Всеволодович. Но Святославу нужно было подтвердить свои притязания монгольским ярлыком, что ему, впрочем, удалось сделать в Сарае. Между тем на этот ярлык мог рассчитывать и сын Ярослава Александр, продолжавший править Новгородом. В среде простого народа и русской аристократии этот князь давно пользовался большим авторитетом. В первую очередь, благодаря своим военным успехам на поприще обороны Новгорода от шведской и немецкой экспансии. На этих событиях стоит остановиться подробнее.

Идея крестовых походов, направленных вроде бы против мусульман, захвативших Гроб Господень, прекрасно подошла для практически любых завоеваний, которые вели западноевропейские феодалы, любых мероприятий, в которых видела свою выгоду папская курия. Так крестовые походы начались и в Европе. Они были направлены как против еретиков, вроде альбигойцев, так и против язычников Восточной Европы. Немцев интересовали восточно-прибалтийские земли. В христианизации этих территорий был заинтересован и Рим. Немецко-рыцарская агрессия в Прибалтике началась еще в конце XII века. В 1200 году в устье Двины высадился с немецкими крестоносцами каноник Альберт. Разбив отряды ливов, немцы построили здесь свою крепость – Ригу. По опыту азиатских крестовых походов в 1202 году в Прибалтике Альбертом был учрежден орден меченосцев, содержавший постоянное рыцарское войско. В 1208 году меченосцы полностью покорили ливов, а через двадцать лет – эстов.

Эти захваты создавали более чем реальную угрозу землям и торговле Новгорода. В 1224 году рыцари захватили Юрьев (современный Тарту). Это выводило их на подступы к Пскову и Новгороду. Через десять лет русским удалось освободить захваченный немцами пригород Пскова Изборск и разбить рыцарей под Юрьевым. В 30-е годы меченосцы вынуждены были объединиться с Тевтонским орденом и стали его филиалом – Ливонским орденом. Это усилило военную мощь рыцарства.

Тевтонский орден был основан германскими крестоносцами в Палестине в 1128 году. По призыву папы в 30-х годах XIII столетия тевтонцы начали наступление против пруссов. В 1234 году Тевтонский орден получил от римского папы права на владение всей Прусской и Кульмской землей за обязательство платить дань лично папе, который таким образом стал сюзереном ордена. Орден исправно платил дань, но власть папы над ним оставалась номинальной. Понтифик объявил крестовый поход против пруссов (они были полностью покорены в 1283 году). Орден обладал хорошей военной организацией, в которой преодолевалась феодальная анархия. Во главе ордена стоял магистр, которому подчинялись комтуры, управлявшие областями и городами. Комтуру подчинялись рыцари. Вся эта организация была спаяна военной дисциплиной на религиозной основе.

К началу 40-х годов XIII века тевтонцы прочно укрепились в землях Помезании, Погезании, Вармии и по побережью Западной Пруссии. Они также владели землями и замками в Словении, Германии, Чехии, Австрии, Румынии и Греции. В руках немцев были

устья рек Висла, Двина и Неман, а следовательно – значительная часть всей балтийской торговли находилась под их контролем.

Однако рыцари встречали ожесточенное сопротивление со стороны русских и литовцев. Последние объединились и укрепили свое государство под руководством князя Миндовга. 22 сентября 1236 года в битве при Сауле (Шауляе) литовцы наголову разбили меченосцев. Успеху боя способствовал своевременный переход на литовскую сторону земгальских войск. При Сауле погиб магистр меченосцев Фолквин Винтерштаттен и вообще орден понес значительные потери. Немцы были отброшены западнее Двины, потеряв почти все, что приобрели за последние 30 лет. Это поражение послужило поводом к объединению двух организаций. К папе в Рим с соответствующей просьбой отправилась делегация меченосцев. В результате длительных переговоров при деятельном участии папской курии в 1237 году и было достигнуто соглашение об унии ордена меченосцев и Тевтонского ордена.

Рыцари имели тяжелое вооружение – копья и мечи – и, как правило, сражались в глубоком строю, по форме напоминавшим трапецию, верхнее основание которой было обращено к противнику. Такой боевой порядок назывался «клином», или «свиньей». Клин врезался в центр боевого порядка противника, прорывал фронт и разобщал его силы. В голове его располагались наиболее сильные воины. Пехота строилась в центре боевого порядка и прикрывалась спереди и сзади конными рыцарями.

Папская курия участвовала в подготовке наступления на Русь не только с запада, но и с севера, поддерживая экспансионистские устремления шведских феодалов. Шведский король Эрик Картавый решил выступить против Новгородской Руси. Целью похода был захват Невы и Ладоги, а в случае полной удачи – Новгорода и всей его земли. Захватом Невы и Ладоги можно было решить сразу две задачи: отрезать финские земли от Руси (за эти территории шла давняя напряженная борьба) и, отобрав у Новгорода единственный выход к Балтийскому морю, поставить под шведский контроль всю внешнюю торговлю Новгородской республики. Надо заметить, что и немцы, и шведы в отношении русских земель были куда более претенциозны, чем монголы. Если последние могли ограничиться сбором дани, нерегулярными набегами, утверждениями и смещениями русских князей, то западные феодалы рассчитывали присоединить захваченные территории к своим землям и установить полный административный контроль над новыми регионами. И немцы, и шведы, и Рим вынашивали планы католизации приобретенных территорий. Монголы же вели сравнительно мягкую религиозную политику. Во время их нашествия и впоследствии церковные сановники и их владения не подвергались нападениям, их права соблюдались, в том числе и в отношении налоговых льгот. Обращать русских в новую веру монголы тоже не собирались. Для новгородцев оборона региона от западноевропейского воинства была вопросом жизни и смерти. Для бояр и вече критерием «полезности» того или иного князя были его действия по борьбе со шведами и немцами, укреплению крепостей на границах с владениями шведского короля и рыцарских орденов. Сами традиции новгородской политики, вечные экономические интересы этого торгового города подталкивали князей к тому, чтобы обращать особое внимание вовсе не на восточные дела.

Вряд ли стоит сомневаться в том, что выступление шведских феодалов было согласовано с действиями ливонских рыцарей, которые в 1240 году предприняли наступление на Изборск и Псков, причем, вопреки традиции, не зимой, а летом. В то же время готовились и шведы. Для похода на Русь король выделил значительное войско под предводительством ярла (князя) Ульфа Фаси и своего зятя Биргера.

Новгородские бояре не раз призывали для организации военного отпора врагам князя Ярослава Всеволодовича, а затем и его сына Александра. Так, в 1239 году Александр предпринимал меры по охране Финского залива и Невы, стратегически важных для новгородцев. Поэтому он оказался готов к произошедшему годом позже вторжению шведов. По распоряжению Александра новгородцы соорудили укрепления на реке Шелони, вдоль

которой проходил путь в Новгород с запада. Кстати, в том же 1239 году силами дружин Ярослава из Смоленска был изгнан обосновавшийся там литовский князь – представитель еще одной набиравшей силу нации, геополитические устремления которой угрожали русским с запада. Брак, заключенный в том же году Александром Ярославичем с полоцкой княжной, имел большое политическое значение, поскольку подчеркивал готовность западнорусских земель оказывать совместное противодействие литовцам.

Одним июльским днем 1240 года дозорный отряд Александра, державший стражу по обоим берегам Финского залива, заметил приближающуюся шведскую флотилию. Князь был срочно поставлен об этом в известность. Шведы прошли по Неве до устья Ижоры и здесь решили сделать остановку. Часть судов вошла в устье Ижоры, а основной флот причалил к берегу Невы.

Ярл Биргер был уверен в конечном успехе. Северо-Восточная Русь переживала последствия монгольского удара, ждать помощи Александру было неоткуда (тем более что он, как и его отец, ничем не помогли восточным соседям, когда те столкнулись с армией Бату). Биргер послал Александру Ярославичу вызывающее письмо, в котором сообщал, что он уже здесь и идет воевать Новгородскую землю. Еще до получения этого послания новгородский князь начал спешные приготовления к военным действиям. Только внезапность и изобретательность могли помочь ему в решении возникшей проблемы. Возглавив собственную дружину и часть новгородского ополчения, не дожидаясь полного сбора войска, князь выступил по направлению к Ижоре. К утру 15 июля новгородцы были уже на берегу реки.

Александр разработал свой план, учитывающий, что значительная часть шведского войска находится на судах. Конная дружина князя должна была ударить вдоль Ижоры в центр расположения шведских войск. Одновременно пешие воины под руководством некоего новгородца Миши должны были наступать вдоль Невы и по мере продвижения уничтожать мостки, соединявшие корабли с сушей, отрезая рыцарям, опрокинутым неожиданным ударом русской конницы, путь к отступлению и лишая возможности получить помощь с кораблей. В случае успеха численное преимущество должно было оказаться на стороне русских, главная часть неприятельской армии была бы зажата в угол, образуемый реками, а соединившиеся пехота и конница Александра сбросили бы врага в воду. Сражение состоялось точно по описанному плану. Шведы были полностью разбиты. После событий 1240 года князь Александр и получил свое знаменитое прозвище Невский.

Теперь новгородцам следовало обратиться против немецких рыцарей. Пронемецкая группировка, одержавшая верх в Пскове, открыла перед рыцарями ворота города, который до этого выдержал 26 осад. Положение для Новгорода складывалось опасное. Александр возложил на боярство крупные расходы по подготовке к войне и постарался после победы на Неве упрочить свою власть в Новгородской республике. Боярство оказалось сильнее и зимой 1240 года отстранило его от власти. А немецкая экспансия тем временем продолжалась. В 1241 году была обложена данью Новгородская земля води^[24], затем взято Копорье. Крестоносцы хотели захватить побережье Невы и Карелию. В это время в Новгороде вспыхнуло народное движение за союз с Владимиро-Суздальским княжеством и организацию отпора немцам, которые были уже в 40 верстах от Новгорода. Бояре были вынуждены просить Александра Невского вернуться. На сей раз он получил чрезвычайные полномочия.

С войском, состоявшем из новгородцев, ладожан, ижорян и карел, князь выбил неприятеля из Копорья, затем освободил землю води. Ярослав Всеволодович направил на помощь сыну заново сформированные после татарского нашествия владимирские полки. Александр взял Псков, после чего двинулся в земли эстов.

Немецкая армия сосредоточилась в районе Юрьева. Орден собрал значительные силы – здесь были немецкие рыцари, местное население, войско шведского короля. Когда русское войско находилось на западном берегу Чудского озера, здесь, в районе селения Мосте,

дозорный отряд во главе с Домашем Твердиславичем разведал расположение основной массы немецких войск, завязал с ними бой, но был разбит. Разведка выяснила, что противник послал незначительные силы на Изборск, а основная часть вражеской армии двинулась к Псковскому озеру.

Стремясь предупредить это движение вражеской армии, Александр приказал отступить на лед Чудского озера. Ливонцы, поняв, что русские не дадут им совершить обходной маневр, пошли прямо на их войско и также ступили на лед озера. Русский князь расположил свою рать под крутым восточным берегом, севернее урочища Узмень у острова Вороний камень, против устья реки Желча.

Две армии встретились в субботу, 5 апреля 1242 года. В распоряжении князя было 15 тысяч воинов, у ливонцев – 12 тысяч. Александр Невский, зная о тактике немцев, ослабил «чело» и укрепил «крыла» своего боевого порядка. Его личная дружина укрылась за одним из флангов. Значительную часть войска Невского составляло пешее народное ополчение.

Немцы традиционно наступали клином. На первом этапе боя они расправились с передовым полком русских, а затем прорвали и «чело» боевого новгородского порядка. Когда через некоторое время они рассеяли «чело» и уперлись в крутой обрывистый берег озера, им надо было развернуться, что глубокому строю на льду было сделать не просто. В это время с флангов ударили сильные крылья Александра, а окружение крестоносцев завершила его личная дружина.

Бой был удивительно упорным, вся окрестность была оглашена криками, треском и лязгом оружия. Но судьба рыцарей была предreshена. Новгородцы стаскивали их с лошадей копьями со специальными крюками, вспарывали животы их коней ножами-«засапожниками». Скучившись на узком пространстве, искусные воины ливонцы ничего не могли предпринять. Пользуясь широкой популярностью рассказы о том, как под тяжелыми рыцарями треснул лед, но, надо сказать, что полностью вооруженный русский витязь весил не меньше. Другое дело, что немцы были лишены возможности свободно передвигаться и теснились на небольшой площади. Вообще сложность и опасность ведения боя с помощью конницы на льду в начале апреля приводит некоторых историков к выводу, что общий ход битвы был в летописях искажен. Они полагают, что ни один здравомыслящий военачальник не вывел бы драться на лед бряцающую железом и сидящую на лошадях армию. Возможно, бой начался на суше, и в ходе него русские сбросили противника на лед Чудского озера.

Тех крестоносцев, которым удалось вырваться, русские яростно преследовали до Суболичского берега. В ходе Ледового побоища было убито около 400 крестоносцев, немало пало и эстов, привлеченных ими в свою армию.

Знаменитое побоище и победа в нем войск Александра имели исключительно важное значение для всей русской истории. Продвижение Ливонского ордена на русские земли было остановлено, местное население не было обращено в католичество, сохранился выход к Балтийскому морю.

Удар, нанесенный ордену на Чудском озере, отозвался по всей Прибалтике. Тридцатитысячное литовское войско развернуло против немцев широкомасштабные военные действия. В том же 1242 году вспыхнуло мощное прусское восстание. Ливонские рыцари прислали в Новгород послов, которые сообщили, что орден отказывается от претензий на землю воеводу, Псков, Лугу и просит произвести обмен пленными, что и было сделано. Слова, сказанные послам Александром: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет», стали девизом многих поколений полководцев.

Таким образом, Александром Невским была решена главная задача, которую ставили перед ним жители Новгорода – защита города и его территорий от притязаний западных рыцарей. В этом деле князь проявлял решительность, неукротимую энергию, а новгородцы, не задумываясь, жертвовали жизнями, чтобы сохранить независимость своего города.

Восточная же политика Александра Ярославича отличалась кардинальным образом. Он признал власть монголов, пошел с ними на сотрудничество и вообще стал одним из наиболее надежных союзников татар и желанных гостей в ставке хана в Сарае.

В течение четырех с лишним лет (с 1243 по 1247 год) прославленному русскому полководцу удавалось воздерживаться от поездок в Орду, что делали многие русские князья, включая его собственного отца. Но когда Ярослав был убит, а стол во Владимире занял дядя Александра Святослав, он все же отправился в Сарай. В то же время, еще до этой поездки, послы Александра появлялись в ставке хана с большими дарами и просьбой отпустить пленных русских на родину.

Прибыв в Сарай, Александр был радушно принят Бату. Причина этого до конца не понятна. То ли хан был восхищен военными успехами и умом князя, то ли это благоволение Александр получил по наследству от отца. Наконец, не стоит исключать того, что князь был давно знаком с ханом и установил с ним хорошие отношения задолго до 1247 года. Впрочем, получить в Сарае ярлык на великое княжение Александр Ярославич не мог. Каракорум, где правил недруг Батыя Гуюк, не собирался отдавать хану Белой Орды право на утверждение русских князей. Поэтому новгородский князь получил строгий приказ прибыть в столицу монгольской державы. Не ждала ли его та же судьба, что и его отца? Об этом мы никогда не узнаем. Александр осмотнительно находился в Сарае до осени 1248 года, а когда он отправился дальше на восток, Гуюк был уже мертв. Он скоропостижно скончался летом в окрестностях Самарканда. А власть в Каракоруме захватила семья младшего сына Чингисхана Толуя. Регентшей стала вдова Толуя Огул-Каймиш, а в 1251 году великим ханом стал Мункэ – и та и другой поддерживали самые дружеские отношения с Батыем. Поэтому и его верные русские союзники не подверглись гонениям.

Руководствуясь, вероятно, своим пониманием иерархии русских князей, правительство в Каракоруме отдало Александру Невскому ярлык на великое киевское княжение и «владение всей Русской землей». А его младший брат Андрей получил ярлык на великое княжение Владимирское, а следовательно, и право на правление Северо-Восточной Русью. На самом деле, стол в Киеве в то время уже давно не представлял особой ценности для князя. В ходе кровопролитных событий первой половины XIII века и, в частности, опустошительного нашествия монголов древняя столица превратилась в небольшой, захудалый городок. Центр политической жизни окончательно переместился на северо-восток. Тем более, что здесь и монгольское присутствие ощущалось в меньшей степени. Глава Русской православной церкви митрополит Кирилл, протее Даниила Романовича Галицкого, после посещения патриаршего двора в Никее подался не в Киев, а во Владимир, и в дальнейшем тесно сотрудничал с Александром Ярославичем. Покидая приходившие в запустение и испытывавшие постоянные набеги то половцев, то татар южные земли, русские переселялись на север.

Все преимущества Северо-Восточной Руси прекрасно понимал и Александр Невский. Как старший брат он был недоволен получением номинального владычества, в то время как Андрей получал фактическое. Александр отправился не в Киев, а в Новгород. Историк Татищев сообщает, что впоследствии новгородцы просто не отпустили князя в Киев, поскольку боялись потерять надежного защитника от притязаний татар.

Андрей же столкнулся с неповиновением дяди Святослава, который был возмущен тем, что при раздаче ярлыков он был обойден монгольскими правителями из Каракорума. В 1250 году Святослав вместе с сыном поехал в Сарай для восстановления попранных прав. Бату уже получил от Каракорума право на будущее выдавать ярлыки самостоятельно, без утверждения центральным правительством. Но претензии Святослава он не поддержал. В фаворе у него были дети Ярослава Всеволодовича – особенно его старший сын.

В 1252 году Александр Невский одним из первых русских князей ступил на путь осуществления новой политики в отношениях с монголами и в отношении русских земель. В этой политике главную роль играла дипломатия, использование монголов для получения

власти над Русью, для победы над соперниками внутри своей страны. В этой борьбе родственные связи играли второстепенную роль. В дальнейшем, сочетая интриги, искусство переговоров с ханами, использование их военных сил и собственных дружин, представители династии Александра сумели стать во главе процесса объединения русских земель, создать централизованное государство. Перебравшиеся в Москву потомки Александра Невского сделали этот город общерусским государственным центром, а в конечном итоге и сбросили татаро-монгольское иго.

По всей видимости, события в 1252 году развивались следующим образом. Зимой или ранней весной Александр Ярославич выехал в Сарай с жалобой на брата, которая содержала два основных пункта: 1) будучи младшим, Андрей несправедливо получил ярлык на управление отцовским владимирским доменом; 2) он не полностью платит хану «выходы». Несправедливость монголов, вероятно, волновала слабо. А вот непорядок с выплатами их не устраивал. Были у Бату и другие причины наказать Андрея Ярославича. Дело в том, что тот начал переговоры с поляками, шведами, ливонцами, братом Ярославом, князем тверским и переяславским, могущественным галицко-волынским князем Даниилом Романовичем. Речь шла об образовании союза, который мог быть направлен в первую очередь против татаро-монгол. Даниил Романович был одним из выдающихся государственных деятелей своего времени. Объединив под своей властью обширные территории на юго-западе Руси, он сделал свое княжество наследником государственных и культурных традиций Киевской Руси. Даниил Галицкий участвовал в битве на Калке, вмешивался в дела соседних западных государств, давал отпор литовцам. Он вынужден был подчиниться монголам, ездил в Сарай, но по возвращении развил бурную деятельность по подготовке военного сопротивления захватчикам. В этом он искал поддержки Папы Римского, вынашивал планы образования всевропейской христианской коалиции, которая выступила бы против монголов. От понтифика Даниил получил корону. Дело, впрочем, закончилось тем, что монгольский военачальник Бурундай вторгся на территорию Галицко-Волынского княжества, заставил Даниила отказаться от своих планов и скрыть крепостные укрепления всех крупнейших городов.

Андрей Ярославич, ведший переговоры с Даниилом, также был наказан. В 1252 году на его княжество обрушилась монгольская рать под предводительством царевича Неврюя. Его действия не ограничились разгромом Переяславля, где находился Андрей, а охватили обширную территорию, откуда в Орду было уведено множество пленных и скота. Летописец передает слова, якобы сказанные младшим братом Александра, когда он узнал о приближении Неврюевой рати: «Что это, Господи! Покуда нам между собою ссориться и наводить друг на друга татар; лучше мне бежать в чужую землю, чем дружить с татарами и служить им!» Впрочем, он все же собрал войска и попытался сразиться с татарами, но был разбит и бежал в Новгород, где был принят довольно холодно. Вскоре Андрей покинул и этот город и направился в Швецию, где его приняли гораздо более радушно. Вероятно, скандинавские политики рассчитывали использовать младшего Ярославича в качестве своего ставленника на русском престоле. Но этим надеждам не суждено было сбыться.

Великокняжеский стол во Владимире был предоставлен Александру, который, само собой, никак не поддержал брата с военной точки зрения, поскольку сам, похоже, был инициатором экспедиции Неврюевой рати. Кстати, эта экспедиция нанесла Руси ущерб, возможно, не меньший, чем поход Батыя в конце 30-х годов XIII века.

В результате разгрома несостоявшихся заговорщиков пришлось бежать из своего княжества и Ярославу Ярославичу (брату Александра). В дальнейшем он сделал попытку поднять против великокняжеской власти Новгородскую и Псковскую республики. Есть сведения, что уже в 1252 году Новгород был враждебен великому князю Александру, который покинул его не по своей воле, а бежал. В 1253 году Ярослав был принят на княжеский стол в Псков, в 1255 году его пригласило к себе в качестве князя и новгородское

боярство. Сын Александра при этом был изгнан из города. Самому Александру пришлось с оружием в руках принуждать новгородских и псковских бояр следовать новому политическому курсу. Он занял Торжок и двинулся на Новгород с полками из владимирского княжества и новоторжским ополчением. Бояре провладимирской группировки взяли власть в свои руки и впустили князя в город. На княжеский стол возвратился сын Александра Василий. В руках Александра Невского опять оказалась вся Северо-Восточная и Северо-Западная Русь – то есть влияние князя было не меньшим, а то и большим, чем у его деда – Всеволода Большое Гнездо.

В 1256 году Бату умер. Ханом Белой Орды стал его сын Сартак. Известно, что он симпатизировал христианам и даже, возможно, сам был крещен. В свое время Батый сообщил русским князьям, что все русские дела своего улуса он передает в руки сына. Не исключено, что именно Сартак больше, чем его отец, общался с Александром Ярославичем, именно он посылал на Русь Неврюеву рать. Некоторые источники сообщают, что в 1252 году Александр не только подружился с царевичем, но и побратался с ним. Впрочем, долго править Сартаку не пришлось. Он умер в том же 1256 году, по всей видимости, был отравлен родным дядей Берке, ставшим правителем улуса Джучи. Берке был мусульманином и стремился исламизировать своих соплеменников. На русских, впрочем, это не распространялось. Здесь продолжала соблюдаться та же политика веротерпимости.

После получения ярлыка на великое княжение во Владимире и до 1257 года Александр Невский практически не общался с монголами, спокойно занимаясь своими делами. Но затем монголы решили предпринять перепись населения русских земель с целью установления правильной системы налогообложения. До этого она, по всей видимости, носила достаточно беспорядочный характер. Плано Карпини говорит, что во время пребывания его в России ханы прислали сюда баскаком^[25] одного сарацина, который у каждого отца семейства, имевшего трех сыновей, брал одного, захватил всех неженатых мужчин и женщин, не имевших законных мужей, также всех нищих, остальных же перечислил, по обычаю татарскому, и обложил данью: каждый человек мужского пола, какого бы возраста и состояния ни был, обязан был платить по меху медвежью, бобровому, соболиному, хорьковому и лисьему; кто не мог заплатить, того отводили в рабство. Такой «беспредел» вряд ли устраивал и князей, и, конечно, жителей.

Великий князь не противился, а всячески содействовал новому плану монголов. Перепись входила в условия договора, заключенного им в 1257 году в ставке хана. Встречным условием была, вероятно, помощь монголов в борьбе против литовцев и немцев. Там же в ставке Александр сам добился прощения для Андрея Ярославича, который вернулся из Швеции и полностью подчинился старшему брату.

Иначе относились к переписи подданные Александра. Когда в Новгород прибыли монгольские «численники», вспыхнуло восстание, помогавший князю посадник был убит. Во главе бунта находился сын великого князя Василий Александрович. Александру пришлось срочно вывести монголов из Новгорода, прикрывая их собственной дружиной. С вожаками смуты Александр Ярославич поступил жестоко: им «вынимали очи», объясняя это тем, что глаза человеку все равно не нужны, если он не видит, что вокруг делается. Действительно, попытка убийства татарских послов могла закончиться для Новгорода трагически и была примером политической близорукости. Меры же, принятые князем, сгладили ситуацию. Своего сына с новгородского стола Александр Невский сместил.

В 1259 году в Новгород прибыло посольство «с Низу» (то есть из Владимирско-Суздальских земель) во главе с неким Михайлой Пинециничем – очень вероятно, человеком князя Александра. «Если не согласитесь на перепись, – говорил он новгородцам, – то уже полки татарские в Низовой земле». Городским купцам этот довод показался убедительным. «Численники» опять попытались приступить к своей работе, но снова началось восстание. Александр использовал для его подавления военную силу, но результатом стало то, что

новгородцы получили право самостоятельно определять размер дани, который следует платить Орде. Вероятнее всего, назначенные монголами в Новгородской земле для сбора налогов десятники и тысяцкие не были предводителями военных отрядов, да и вообще были русскими по национальности. Монгольский баскак находился только в столичном Владимире. Но даже после этого татары не прислали на Русь карательных войск. Скорее всего, это было результатом дипломатической деятельности Александра. Хан придерживался прагматичной политики, сформулированной еще советником первых монгольских великих ханов Елюй-Чуцаем, который убедил правительство, что поголовное истребление местного населения покоренных земель менее выгодно государству, чем сбор дани.

В 1261 году Александр смог договориться с Берке об учреждении в Сарае подворья православного епископа. Это был большой дипломатический успех, который открывал путь к дальнейшему сотрудничеству монголов с русскими, слиянию в одно государство. К тому же он давал русским, находившимся в столице улуса, возможность поддерживать связь с родиной.

Для понимания характера отношений великого князя с Ордой историки тщательно анализируют события 1262 года на Руси. В этом году здесь состоялось массовое антимонгольское выступление, роль Александра в котором не выяснена. К тому моменту большое влияние на экономику и социальное положение населения Руси оказывали откупщики, которым монгольское правительство предоставило право собирать некоторые налоги. Многие из них были мусульманскими купцами. Они последовательно подчиняли себе всю торговлю русских городов. Собираателям налогов монголы позволяли забирать неплательщиков и заставлять их работать в счет неуплаченных налогов или даже продавать их в рабство. В Ярославле главным сборщиком налогов был некто Изосима, русский, обращенный в ислам. Давление на налогоплательщиков возросло с прибытием от «татарского царя» главного сборщика, которого Суздальская летопись характеризует как «мерзкого мусульманина».

В 1262 году творимое откупщиками насилие привело к взрыву возмущения населения сразу в нескольких русских городах: Ростове, Владимире, Суздале, Переяславле, Ярославле. В каждом из главных городов Суздальской земли созвали вече, и решение восстать против монголов было принято единогласно. Многих доверенных лиц монголов и сборщиков налогов, включая и Изосиму, убили во время последовавших за этим бунтов. Текст Устюжского летописного свода содержит прямое указание на некую грамоту, исходившую от самого князя и призывавшую жителей к восстанию: «И приде на Устюг грамота от великаго князя Александра Ярославича, что татар бити». Это позволяет некоторым исследователям утверждать, что Александр Невский лично возглавил антимонгольскую борьбу русского народа. Другие же утверждают, что он инициировал или, по крайней мере, не противился восстанию, поскольку сборщики налогов были посланы великим ханом Хубилаем из Каракорума, а не Берке из Сарая. Последний же мог быть даже доволен тем, как круто обошлись русские с людьми Хубилая, с которым у Берке были непростые отношения. Хозяин улуса Джучи имел все основания не желать присутствия на Руси представителей центрального правительства, рассчитывая на относительно самостоятельное управление своей территорией.

Впрочем, ряд фактов опровергают гипотезу о том, что Александр пошел на такой рискованный шаг, как антитатарский мятеж под своим личным руководством. Там, где власть была непосредственно в его руках, никаких серьезных беспорядков не произошло. Главный баскак оставался во Владимире по крайней мере до 1269 года, волнения имели место во владениях ростовских князей и были направлены исключительно против мусульманских купцов, бравших сбор дани на откуп и жестоко притеснявших православное население. Ни о каких столкновениях собственно с татарами летописи не упоминают. Вызывает сомнение и

тот факт, что главный сборщик налогов прибыл из Каракорума. Более вероятно, что большинство сборщиков были выходцами из Хорезма, а следовательно, подданными Берке.

Вскоре после бунта Александр поспешил в Сарай, чтобы «умолить хана простить народ» Суздальской земли. Была у этой поездки еще одна цель – убедить Берке не брать в свою армию русских воинов. Дело в том, что хан Белой

Орды вступил в противостояние с находившимся в Иране ханом Хулагу. Берке начал обширную мобилизацию и при этом потребовал от великого князя владимирского прислать в действующую армию русские полки. Александр стал готовиться к поездке в Орду, «дабы отмолить люди от бед». Одновременно он послал своего брата Ярослава с сыном Дмитрием и «все полки своя с ними» на осаду города Юрьева. Такой ход позволял формально оправдаться перед ханом занятостью войск. Вероятно, поездка была достаточно успешной, но по дороге домой князь заболел и умер в Городце на Волге 14 ноября 1263 года. Митрополит Кирилл был во Владимире, когда узнал о смерти Александра. Народу он объявил об этом так: «Дети мои милые! Знайте, что зашло солнце земли Русской!», и все люди, как говорит летописец, завопили в ответ: «Уже погибаем!»

Итак, всю свою жизнь Александр Невский посвятил трем главным целям: нормализации отношений с монголами, борьбе с экспансией западных феодалов и объединению земель Северо-Восточной Руси под своей властью. Во всех этих начинаниях ему сопутствовал успех. Монголы подтверждали его права на управление Русью, реже, чем могли бы, вмешивались в дела русских княжеств, шли навстречу в отношении налогообложения, не устраивали гонений на православную церковь. Однако не следует полагать, что монголы попросту оставили Русь в покое. За вторую половину XIII века они не менее пятнадцати раз вторгались в Северо-Восточную Русь; четыре раза разрушали Переяславль–Залесский; Муром, Суздаль и Рязань, и так лежавшую в руинах, опустошали три раза; Владимир-на-Клязьме – дважды. Правда, многие из этих набегов состоялись уже после смерти Александра Ярославича. Отсутствие на владимирском столе равной ему фигуры сказалось и на единстве русских земель. Если Александру удалось дать пример объединения этих территорий, то после его смерти Северная Русь, не без участия монголов, начала быстро дробиться на сравнительно мелкие княжества и уделы.

С запада шведам и немцам был дан отпор. В 1240 и 1242 годах Александр одержал блестящие победы над их войсками, укрепив положение Новгорода и сохранив статус-кво. В 1253 году, после набега немцев на Псков, князь заключил с ними мир, подтверждавший соглашение 1242 года, а в 1254 году он заключил мирный договор с Норвегией. Далее, в 1262 году были подписаны договор с Литвой и договор о мире и торговле с Ливонским орденом, Любеком и Готландом. Когда в 1248 году папа направил Александру письмо, обещая за признание власти Рима помощь ливонцев против татар, князь ответил достаточно резко, что с христианскими принципами знаком и без папы, а в помощи не нуждается. Его подчинение монголам стало между тем одним из препятствий для крестоносцев. Вступать в борьбу с могущественными ханами они опасались. Показательный случай произошел в 1268 году. Через шесть лет после смерти Александра новгородцы пошли на принадлежавшую датчанам крепость Раковор (современный город Раквере недалеко от Таллинна). По дороге на новгородские полки напали немцы, и произошла Раковорская битва. Новгородцы одолели союзные войска немцев и датчан. Те призвали большое количество воинов и рыцарей из Западной Европы, для того, чтобы, перейдя реку Нарову, захватить Новгород. Но тут в город, согласно договору с Ордой, явился татарский отряд в 500 всадников. Немцы, даже не зная точно размеров этого отряда, тотчас же «замиришася по всей воле новгородской, зело бо бояхуся имени татарского». Новгород и Псков уцелели.

Немудрено, что в Новгородских летописях выпады против монгольских ханов фактически отсутствуют. Город не испытал всех ужасов татарского нашествия и признал

власть Орды. Ханы в летописях именуются цесарями. Новгород выплачивал львиную долю всей дани, которую собирали татары с русских земель.

Остается открытым вопрос, когда именно Ярослав Всеволодович и Александр Ярославич вступили в тесные отношения с монголами. Тогда, когда князь Ярослав впервые отправился в Сарай. Или раньше? Не проводили ли они переговоров с татарами во время их нашествия 1238 года, не отвели ли тогда угрозу от Новгорода? Вся дальнейшая история показывает, что такие действия были бы вполне в русле их политики. Даже если они и не вели соответствующих переговоров, а рать Батыея отступилась от Новгорода по другим объективным причинам, пассивность переяславского и новгородского князей сослужила им хорошую службу. И не только им, но и Новгороду, и, возможно, всей Северо-Восточной Руси, у которой в тяжелые времена нашлись правители, верно определившие стратегические цели своей политики, реально смотревшие на вещи. Учитывая это, канонизация Александра Невского собором русской церкви в 1547 году представляется оправданной. Что же касается Новгорода, то его бурное развитие в XIII–XIV веках во многом было обусловлено той политикой, которую вел св. Александр, его военными и дипломатическими успехами.

Не стоит забывать, что политический курс, которого придерживался Александр Невский, привел к еще одному результату, значение которого сам князь вряд ли мог умалить. Речь идет о возвышении его рода. Дальнейшая история показывает, что династия, основателем которой был Александр Ярославич, получила все возможные преимущества. Так, после смерти Александра ярлыки на великое княжение Владимирское доставались его братьям. С 1263 по 1272 год ярлыком владел Ярослав Ярославич, с 1272 по 1276 год – Василий Ярославич. После, с 1276 по 1294 год, великим князем владимирским считался Дмитрий Александрович Переяславский, а с 1294 года по 1304 год – Андрей Александрович Городецкий. Братья не ладили между собой, часто отправляли жалобы в Орду друг на друга, что имело порой трагические последствия. Страшная «Дюденева рать» в 1293 году, по размерам превзошедшая Батыеву, имела поводом для вторжения на Русь как раз свару недостойных сыновей Александра Невского – Дмитрия и Андрея. Сумевший завоевать большее расположение Орды Андрей Александрович (цена этого расположения – очередные «кровопускания» Руси и увеличение дани) на десятилетие закрепил за собой ханский ярлык на великое княжение. По его смерти в 1304 году великим князем владимирским по воле хана стал племянник Александра Невского тверской князь Михаил Ярославич. «Великий стол» достался князю Михаилу далеко не просто. Ему пришлось выдержать нелегкую борьбу с московским князем Юрием Даниловичем (внуком Александра), также искавшим в Орде великого княжения. Это была первая попытка московского князя достичь первенствующего положения среди русских князей. В дальнейшем на московском престоле утвердились потомки Александра Невского.

*** * ***

Целое направление в отечественной историографии посвящено тому, чтобы объяснить, что влияние монгольского погрома на исторические судьбы русского народа не следует преувеличивать. Почти половина территории Руси, включая Новгородскую землю, Полоцкое, Турово-Пинское и отчасти Смоленское княжества, избежала татарщины. Поход Батыея многими чертами напоминал позднейшие татарские набеги. Монголы прошли Суздальскую землю за три месяца. Некоторые небольшие города и сельские поселения были сметены с лица земли. Но подавляющая часть суздальского населения обитала в крохотных деревнях, затерявшихся среди лесов и болот. Зимние облавы монголов не затронули и не могли затронуть основную массу сельского населения. Деревне татары причинили ущерб, сопоставимый с ущербом от внутренних войн и усобиц, продолжавшихся десятилетиями.

Контроль за установлением государственной власти со стороны монголов привел к усилению власти великого князя, впоследствии же необходимость борьбы с монголами сделала его фигурой еще более значимой. Приведем цитату из книги одного российского тюрколога: «Кочевая цивилизация представляла собой отработанную веками наиболее рациональную для того уровня производительных сил форму освоения человеком внутренних регионов Азии. Это была жизнеспособная, отнюдь не примитивная система общественной организации, способная гибко реагировать как на изменение природных условий, так и на внешнюю опасность». Это лишь один положительный отзыв об Орде, который подводит нас к проблеме, обсуждавшейся весь XX век. Нынешние споры

воскрешают, казалось бы, забытые дискуссии еще 1920-х годов, эпохи рождения теории «евразийства», пережившей в России уже 1990-х годов свое второе рождение. Евразийцы настаивают на том, что для России соединение западного и восточного элементов в культуре, политике, психологии – не только явление реально существующее, но и полезное для ее развития, сохранения самобытности, особого места на геополитической карте мира. Среди тех, кто занимался проблемами евразийства, и ученые, бежавшие из Советской России, и Лев Гумилев с его полухудожественной книгой «Русь и Великая степь», и публицист В. Кожин. Учитывая сказанное евразийцами о кочевниках, можно сказать, что их приход на Русь был едва ли не благом для местного населения и истории страны. Вспомним строки Блока: «Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы, – с раскосыми и жадными глазами», и Владимира Соловьева: «Пан-монголизм! Хоть имя дико, / Но мне ласкает слух оно».

По мнению американского историка Ч. Гальперина, евразийство выпало из «теологии Владимира Соловьева, успехов ориенталистики, поэзии символистов с ее метафорой “русский-азиатский”, православной экзальтацией». Также Гальперин увидел в евразийстве отзвуки «европейского отчаяния», вызванного ужасами войны, влияние «Заката Европы» О. Шпенглера. Евразийство играло и свою идеологическую роль, ведь оно говорило разноименным народам Российской империи, а потом и СССР: главное не то, что вы – русские, татары, малороссы, казахи, армяне; главное то, что все вы – дети Евразии, это единое геополитическое и этнокультурное пространство замкнуто в государственных пределах, охватывающих шестую часть земли, это величайшее ваше достояние и долг народов Евразии перед своей тысячелетней историей – это державное наследие сохранить. Можно согласиться, что само изучение в советских или нынешних российских школах монгольского нашествия только с точки зрения его трагедии для русского народа выглядело бы (или выглядит) несколько странно, поскольку ту же историю учат и нынешние потомки тех самых «жестоких воинов Чингисхана».

Впрочем, невозможно отрицать все бедствия, которые пали на голову русского народа с приходом монголов. Массовое разграбление и уничтожение собственности и людей на Руси во время монгольского нашествия 1237–1240 годов было ошеломляющим ударом, который оглушил народ и нарушил нормальное течение экономической и политической жизни. Трудно точно оценить потери русских, но, вне всяких сомнений, они были колоссальны, и, если мы включим в это число огромные толпы мужчин и женщин, уведенных монголами в рабство, они вряд ли составят меньше 10 процентов от общей численности населения. Война изменила лицо старого боярства. Княжеские дружины понесли катастрофические потери. Знать варяжского происхождения исчезла почти целиком. Последующие набеги тоже не приносили Руси ничего, кроме горя и разрушений. Конечно, была унижена и национальная гордость русского народа.

Больше всего в катастрофе пострадали города. Такие старые центры русской цивилизации, как Киев, Чернигов, Переяславль, Рязань, Суздаль, и несколько более молодой Владимир, а также некоторые другие города были полностью разрушены, а первые три из перечисленных потеряли свое бывшее значение на несколько столетий. Только немногие важные города в Западной и Северной Руси, такие как Смоленск, Новгород, Псков и Галич,

избежали разорения в это время. Монгольская политика забирать искусных мастеров и квалифицированных ремесленников на службу к хану накладывала новое бремя даже на те города, которые не постигло физическое разрушение в первый период завоевания.

Рассредоточение русских мастеров-ремесленников в монгольском мире не могло не прервать развития производственных традиций. Так, с закрытием в Киеве в 1240 году мастерских по изготовлению эмалей и убийством или пленением их мастеров исчезло и русское искусство перегородчатой эмали, достигшее в Киевской Руси очень высокого уровня. Техника чернения тоже вышла из употребления после монгольского нашествия и снова стала популярной только в XVI веке. Также нет свидетельств о производстве в конце XIII–XIV веках на Руси глазурованной полихромной керамики. Производство стеклянных браслетов, как и стеклянных, сердоликовых и бронзовых бус, а также некоторых других украшений тоже было полностью прекращено. Казалось бы, перечисленные потери выглядят незначительно – перестали делать бусы... Однако они являются свидетельствами того, что культурная жизнь Руси пошла на спад. Еще более показательным фактом является то, что в первое столетие монгольского владычества каменных зданий было возведено значительно меньше, чем за предыдущий век, а качество работ заметно ухудшилось. Даже в Новгороде около полувека продолжалась промышленная депрессия.

Исчезновение городских ремесел в первый век монгольского господства проделало на время серьезную брешь в удовлетворении потребительского спроса. Сельские жители вынуждены были зависеть от того, что они могли изготовить дома. Князья, бояре и монастыри не имели альтернативы развитию ремесел в собственных имениях. Основой национальной экономики на многие века стало сельское хозяйство, которое меньше пострадало от монгольского нашествия и развитие которого бравшие дань завоеватели всячески поощряли. Естественно, в связи с упадком ремесленного производства пришла в упадок и внутренняя торговля. Города были неспособны удовлетворить потребности деревень. Внешнюю же торговлю монополизировала корпорация мусульманских купцов.

Таким образом, монгольское нашествие, на наш взгляд, все же не было большой удачей для Руси и ее жителей. Но не стоит спешить и объявлять сотрудничество с завоевателями «бессовестным коллаборационизмом». Ярослав и Александр, преследуя и свои личные, амбициозные цели, благодаря прагматизму и взвешенной политике смогли уменьшить вред, нанесенный монголами, защитить территорию от не менее опасных врагов с запада, заложить основы для будущей централизации власти, объединения русских земель, спасли от уничтожения многие тысячи своих подданных. В том числе горожан крупнейшего экономического и политического русского центра – Великого Новгорода.

Открытие Америки норманнами

Загадка открытия Америки имеет отношение не только к периоду Средних веков. До сих пор имеется множество версий и в отношении того, когда именно на Американском континенте появились люди, и в отношении возможности жителей Древнего Востока попасть в эту часть света. Немало вопросов связано с личностью Христофора Колумба. Что же касается Средних веков, то здесь наибольший интерес вызывают плаванья норманнов. Добирались ли они, на самом деле, до Северо-американского континента? Если да, то насколько постоянными были их контакты с жителями этих земель, насколько хорошо им удалось освоить новые территории? Наконец, если викингам удалось высадиться, то где именно? Любые ответы на эти вопросы не снижают ценности достижения великого генуэзского мореплавателя. Да и другие первопроходцы, достигшие берегов Северной Америки в XVI–XVII веках, так или иначе, остаются первопроходцами. Но тщательное исследование норманнских путешествий в Северной Атлантике может добавить к нашему знанию истории человечества немало новых, интересных страниц.

* * *

Загадки, касающиеся открытия Америки, начинаются с доисторических времен. Ученые до сих пор не пришли к единому мнению о том, когда она была заселена. Больше единодушие исследователи проявляют в отношении маршрута первых переселенцев. Основная их часть пришла в Америку из Азии по сухопутному перешейку, которым время от времени соединялись эти части света. Науке хорошо известны процессы поднимания и опускания уровня Мирового океана. В частности, во время одного из похолоданий на севере Евразии и Америки образовывались мощные ледники, которые концентрировали большое количество воды, что приводило к понижению уровня океана. В эти периоды обнажались большие участки морского дна. Британские острова соединялись с Европой, Индонезия и Филиппины – с Юго-Восточной Азией, Австралия, Тасмания и Новая Гвинея образовывали один большой материк. Кроме того, обнажался и большой участок континентального шельфа между Чукоткой и Аляской – Берингов пролив становился перешейком, ширина которого с севера на юг достигала двух тысяч метров.

Изучение древних отложений на дне моря и по обе стороны Берингова пролива показало, что за последние три миллиона лет эта территория поднималась и вновь уходила под воду, по крайней мере, шесть раз. Каждый раз, когда два материка соединялись, из Старого Света в Новый и обратно мигрировали животные. Из Сибири в Америку переселились мамонты, овцебыки, бизоны, лошади, северные олени, медведи и многие другие представители фауны. А вот верблюды, чьей родиной была Америка, около миллиона лет назад, наоборот, переселились в Азию.

Вслед за животными из Азии в Америку перешли люди. Американский ученый Г. Мюллербек предполагает, что первая миграция произошла 25–28 тысяч лет назад. Это было начало последнего периода существования суши на месте Берингова пролива. В более позднее время путь из Аляски на юг был перекрыт ледником. Новозеландский исследователь С. Фишер полагает, что люди пришли в Америку 30–60 тысяч лет назад. Американские же археологи называют другое время заселения Америки: многочисленные раскопки показывают, что люди пришли в Америку из Азии 11,5–12 тысяч лет назад.

Последний ледниковый период закончился 20 тысяч лет назад. После этого на протяжении примерно ста веков средняя температура Земли постепенно повышалась, и с тех пор остается приблизительно на современном уровне. 12 тысяч лет назад климат северной Сибири и Аляски был уже достаточно теплым, но мощные ледники на севере Европы и Америки еще не успели растаять и воды океана не перекрыли перешеек между Чукоткой и Аляской. Между двумя ледниковыми щитами Америки образовался коридор вдоль Скалистых гор, по которому люди вслед за стадами животных прошли на юг. В течение одной тысячи лет они расселились по обоим Американским континентам. Археологические находки, относящиеся к той эпохе, называют культурой Кловис по названию места в штате Нью-Мексико, где впервые еще в 30-х годах XX века нашли каменные орудия и наконечники копий, возраст которых – около 11,5 тысяч лет.

Собственно, тот факт, что заселение Америки произошло 10–12 тысяч лет назад, не вызывает сомнений. Однако до сих пор не решен вопрос, было ли это первым заселением. Археологи нашли в Южной Америке две значительно более старые стоянки древних охотников, но эти данные еще проверяются.

На помощь археологам приходят генетика и лингвистика. Специалисты в этих областях также включились в спор о том, когда в Америке появились люди. В частности, лингвистические исследования привели многих ученых к следующему выводу. Первые люди пришли в Америку 40–50 тысяч лет назад по сухопутному мосту между Аляской и Чукоткой. Этим людям было, по-видимому, немного, и они не оставили значительного следа на

этнической карте Америки. Приблизительно 12 тысяч лет назад снова возникли благоприятные условия для перехода из Азии в Америку. В это время в Новый Свет перешли племена, от которых ведут свое происхождение большинство аборигенов Америки. Между X и V тысячелетиями до н. э. Америки достигла новая волна переселенцев, которые заселили юг Аляски и запад Канады. Пришли они, по-видимому, морским путем. Еще позже арктическое побережье Канады, Гренландию и Алеутские острова заселили эскимосы и алеуты.

Таким было «открытие Америки». Само понятие «открытие», конечно же, условно. Когда мы говорим об удивительном путешествии Марко Поло, мы имеем в виду открытие Китая для Европы. Но ведь происходило и открытие Европы для Китая (цивилизованной страны с древней историей), и связано оно не только со знаменитым венецианским купцом. То же самое относится и к Америке. За тысячи лет до Колумба и норманнов здесь жили миллионы людей, постепенно развивалась цивилизация. Утверждая, что европейские мореплаватели совершили подвиг, действовали на благо человечества, мы забываем о том, что это «благо» разные народы понимали и понимают по-разному, и те народы, которым удалось установить свою гегемонию, монополией на «правильное» понимание не обладают. Пожалуй, менее условным понятие «открытие» является в смысле своевременного оповещения о нем большого количества людей. И с этой точки зрения никакие доказательства плаваний европейцев, африканцев, азиатов в Америку до Колумба – в древневосточную, античную или средневековую эпоху – не позволяют с уверенностью назвать их открытиями Нового Света.

То, что эти плаванья время от времени происходили, вполне возможно. Люди довольно давно научились совершать дальние морские путешествия, а ветры и течения могли относить их далеко на запад (а в случае с китайцами, японцами или полинезийцами – на восток). Однако случаи эти были единичны, а большинство кораблей, которые в древности оказывались у американского побережья, вероятнее всего, не возвращались назад. Поэтому такие путешествия следует воспринимать скорее как любопытные курьезы. Вряд ли они оказали серьезное влияние на развитие американских цивилизаций. Хотя некоторые ученые считают иначе и прилагают все усилия, чтобы доказать возможность трансокеанских путешествий еще в древности. Наиболее известным из таких исследователей являлся ярый сторонник так называемой «диффузионной теории» (то есть теории о достаточно тесных и сознательных контактах представителей разных культур) норвежец Тур Хейердал.

Проводя сравнительные исследования культур разных народов мира и, в частности, коренных американцев, полинезийцев и древних египтян, Хейердал пришел к выводу, что их общие черты связаны с трансокеанскими путешествиями. Его не смущала кажущаяся хрупкость существовавших в то время транспортных средств. В 1947 году на бальсовом плоту «Кон-Тики» с группой земляков Тур Хейердал доплыл из Южной Америки до островов Полинезии, обосновав таким образом возможность переселения американцев на эти острова. А в 1969 и 1970 годах он совершил еще два героических плавания, на сей раз на папирусных лодках «Ра» и «Ра II» из Африки к островам Карибского бассейна. Так Хейердал подтвердил возможность трансатлантических путешествий древних египтян. Не этими ли экспедициями объясняется предание южноамериканских индейцев о прибытии в их страну светлых бородатых людей, пирамиды в Мексике и найденные в Южной Америке фигурки священных жуков скарабеев?

Египтянами перечень «первооткрывателей Америки» не исчерпывается. Историки вспоминают о финикийцах – лучших моряхах Древнего мира, корабли которых выходили за Гибралтарский пролив и, возможно, огибали Африку. Иные указывают на загадочно исчезнувший в 20-х годах IV в. до н. э. флот Неарха, полководца Александра Македонского. Американский ученый Гарольд Гледуин полагал, что Неарх, следуя замыслу Александра, направился в Индию, однако, не располагая силами, достаточными для завоевания страны, пустился в дальнейшее плавание – сначала в Индонезию, а оттуда к тихоокеанскому побережью Южной Америки, где греки положили начало цивилизации инков. Согласно

другой версии, Нearch задумал обогнуть Африку, следуя путем, уже проложенным финикийцами во времена фараона Нехо II, и захватить богатые земли на западном побережье континента, незадолго до того открытые карфагенянином Ганноном. Замыслу этому не суждено было осуществиться, поскольку близ мыса Доброй Надежды флот погиб, рассеянный внезапным и жестоким штормом, какие нередки в тех широтах. Однако и эта гипотеза не исключает возможности того, что из сотен кораблей несколько уцелели и достигли Южной Америки (в этом случае – с востока).

Нельзя исключать и возможность плаваний в Америку китайцев. Известно, что в 499 году из дальних странствий на родину возвратился нищенствующий буддийский монах Хуэйшань. Рассказы его в такой мере поразили соотечественников, что правитель одной из китайских провинций повелел записать их. Так в составе книги «Лян сы гун цзи» («Заметки четырех правителей династии Лян») оказалось повествование Хуэйшаня о путешествии в Страну Фу сан, Государство Женщин и Землю Юйцзе. В конце XVIII столетия этот рассказ нашел и перевел французский китаист Жозеф де Гинь. По сей день остается неизвестным, каким образом добрался Хуэйшань до этих стран, лежащих в 40 000 ли (около 10 000 километрах) от Китая, и как вернулся обратно. Но что только ни увидел там монах-путешественник! И «море из черного лака»; и «молочное море»; и странные бобы, растущие большими гроздьями; и деревья фусан, чьи ростки напоминают бамбук, съедобные плоды похожи на груши, а из коры местные жители делают ткань для одежды и бумагу для письма... В 1761 году французский исследователь де Гинь опубликовал работу «Исследование о плаваниях китайцев к американскому берегу». А в 1865 году Густав д'Эшитайль выпустил труд, красноречиво озаглавленный «Исследование о буддийских истоках американской цивилизации», где доказывал, что многое в культурах майя и ацтеков уходит корнями в буддийскую традицию, возможно, завезенную сюда китайцами. Некоторые исследователи пришли к выводу, что Хуэйшань действительно побывал в Америке – в странах, лежащих к югу от Калифорнии и к северу от Гватемалы. По их мнению, фусан – это шелковичные деревья, из которых и впрямь можно изготавливать и ткань, и бумагу; странные бобы – это кукуруза; «море лака» – это калифорнийское озеро Лабрэ Тарпиц.

Во времена раннего Средневековья к берегам Северной Америки могли плавать ирландцы. Те самые, которые первыми достигли Исландии – еще в VIII–IX столетиях. В V–VI веках Зеленый Эрин, как тогда называли Ирландию, стал всеевропейским прибежищем всех гонимых. Сюда бежали спасавшиеся от «очистительных» костров друиды, многие ученые, не желавшие иметь дело с жестокими правителями полуварварских королевств Европы. На некоторое время именно эта отдаленная область стала центром европейской науки, в том числе и в первую очередь – религиозной. Монахи, в большом количестве проживавшие в этой стране, поддерживали традицию летописания, им были хорошо известны труды римских ученых. Ирландцы были умелыми моряками, их деревянные корабли, обтянутые шкурами, добирались до различных пунктов на британском побережье, а оттуда направлялись к Оркнейским и Шетлендским островам. Мода на аскетизм, существовавшая среди христианского монашества разных стран, в Ирландии должна была выразиться в поисках уединенных мест за морем на западе и севере. Желание найти земной рай, о котором говорилось в Библии, для ирландских монахов переплелось с любопытством, которое возбуждали древнеирландские эпические саги. В них рассказывалось о диковинных заморских землях. Ирландцы были наслышаны о далекой западной стране Вечной молодости, о мифической земле Туле, описанной еще античными авторами.

Саги о путешествиях ирландских священников сохранили описания северных земель в Атлантическом океане. Показательна история святого Брандана Мореплавателя, совершившего несколько морских путешествий в VI веке. На карре – лодке, сшитой из бычьих шкур, Брандан и его семнадцать спутников достигли обетованного острова, опознав его по «веренице поднимающихся с него ангелов». После возвращения в Ирландию Брандан

снарядил новую экспедицию численностью уже в шестьдесят человек – на этот раз для поисков Блаженного острова, известного из сочинений античных авторов. Он отыскал его через семь лет плавания, увидав по дороге множество чудес. Некоторые из них отражают реальные события и явления, другие – скорее всего, вымысел. В том, что Брандан историческое лицо, сомнений нет. Он родился в 70—80-х годах

V века и умер почти через сто лет. Но говорить о его путешествии как о непреложном факте все же нельзя, хотя в Средние века с открытыми им землями и отождествляли ряд островов в Атлантике. Споры о реальности круиза ирландского святого не утихают и по сей день. Чтобы подтвердить возможность плавания, известный путешественник Тим Северин в 1976–1977 годах предпринял путешествие через Атлантический океан на карре «Святой Брандан».

Ирландские саги повествуют не только о приключениях Брандана, но и об иных океанских одиссеях, совершенных Баринтом и Кондлом, Кормаком и Майль-Дуйном, Макхутом и Мак-Рингайлом и др. Исследователи саг и археологи утверждают, что к 670 году ирландские отшельники открыли Фарерские острова. Чаще всего это открытие приписывается Кормаку, но постепенно знакомство с «Овечьими островами» (так нередко называют этот архипелаг) нашло свое место в рассказе о Брандане – как самом популярном. Еще столетие спустя ирландцы, вероятно, по воле ветров и волн, открыли Исландию и прожили там почти семьдесят лет, пока туда не явились норманнские разбойники.

Довольно точные сведения можно найти в «Книге о пределах Земли» ирландского монаха Дикуила, придворного летописца короля франков Людовика Благочестивого (814–843), которую он написал в 825 году. Дикуил сообщает информацию, которую он получил от путешествовавших священников, об островах, лежащих к северу от Британии. В частности, ученый монах рассказывает об островах, полных овец, что наводит на мысль о Фарерских островах. А его описание острова Туле, на котором ирландцы поселились в конце VIII века, очень похоже на описание Исландии.

Если ирландцы действительно проживали на Фарерских островах и в Исландии в VIII–IX веках, они неизбежно должны были столкнуться с норманнами. Так в 820 году, вероятнее всего, норманны вытеснили ирландцев с Фарер. В любом случае, плававшая в Северной Атлантике и проникавшая в Ирландию, норманны могли получить от соотечественников Дикуила сведения о лежащих к северу землях.

Отдельного упоминания достойна экспедиция, организованная в XII веке султаном африканского государства Мали. Если она достигла цели, этим можно объяснить появление огромных каменных голов с негроидными чертами в джунглях Веракруса. В 1966 году в Эквадоре нашли японскую посуду периода йомон^[26].

Любители романтики «отправили» в Америку и знаменитых тамплиеров. Они утверждают, что одной из важнейших целей храмовников было отыскание пути в сказочную страну Офир, которая в свое время пополняла казну библейского царя Соломона. В руинах его храма, на месте которого в начале XII века и находилась первая резиденция ордена, были якобы найдены древние карты. Пользуясь ими, флот тамплиеров, базировавшийся позже в Ла-Рошели, совершал регулярные плавания в Бразилию и в конце концов с началом гонений во Франции отбыл в Южную Америку навсегда. Напомним, что тамплиерские корабли действительно скрылись из Ла-Рошели в неизвестном направлении.

Авторитетный британский историк Гэйвин Мэнзис заявил, что он обнаружил в архивах канцелярии китайских императоров XV–XVI веков целый ряд материалов, согласно которым экспедиция китайских мореплавателей в 1420 году нашей эры пересекла Тихий океан и открыла Америку, после чего благополучно вернулась обратно и отапортовала об этом правителю Поднебесной.

Однако, вероятно, самой известной теорией о доколумбовых плаваниях в Америку является норманнская. Она же наиболее убедительно доказана в исторической литературе, находит подтверждение в письменных источниках и археологии. В то время, как большую часть Западной Европы раздирали феодальные усобицы, когда до крестовых походов оставалось еще 100 лет, а до путешествия Христофора Колумба – полтысячелетия, бесстрашные викинги, вероятнее всего, ступили на Американский континент. Кто знает, как сложилась бы история Америки и всего человечества, если бы норманны прочно обосновались на территории современных США и Канады и сообщили бы об этом всей Европе... Возможно, что кардинальных изменений и не произошло бы, но это «возможно» и заставляет сотни ученых вновь и вновь обращаться к данной теме, искать доказательства присутствия викингов в Северной Америке и причины их отступления из открытых земель.

* * *

Норманны, что значит в переводе «северные люди», – это обитатели Скандинавского полуострова, предки современных норвежцев, шведов и датчан. В этническом отношении они являются ветвью германской народности.

Имеются данные, подтверждающие, что первобытные охотники жили в некоторых местностях на северном и северо-западном побережье Норвегии вскоре после отступления края ледникового покрова. Однако натуралистические рисунки на стенах пещер по всему западному побережью были созданы гораздо позже. Во времена Римской империи обитатели Норвегии имели контакты с галлами, появилось руническое письмо (использовавшееся с III по XIII век н. э. германскими племенами, особенно скандинавами и англо-саксами для надписей на надгробьях, а также для волшебных заклинаний), процесс заселения территории Норвегии происходил быстрыми темпами. С 400 года н. э. население пополнилось за счет мигрантов с юга, прокладывавших «путь на север». В ту пору, чтобы организовать местную самооборону, были созданы первые крохотные королевства. В частности, Инглинги, ветвь первого шведского королевского рода, основали одно из самых древних феодальных государств к западу от Осло-фьорда. Однако в целом разложение родового строя в странах суровой Скандинавии шло медленнее, чем в остальной Западной Европе.

Следует добавить, что норманны были выносливы, инициативны и отважны.

В Скандинавии основную массу населения составляли свободные крестьяне. Наиболее зажиточные землевладельцы становились бондами, которые облагали данью население своей территории. Главой страны являлся конунг, однако власть его не была безгранична. Совет бондов (тинг) имел достаточно серьезные полномочия. Почти все жители полуострова были боеспособны и включались в состав армии. Это сделало норманнов грозной силой и роднило их с другими завоевателями – монголами, где также в условиях еще не преодоленного родового строя в вооруженных силах оказались практически все мужчины соответствующего возраста.

Другим преимуществом норманнов было их прекрасное знакомство с морским делом. Норманны вступили на морскую арену как наследники громкой славы фризов – безраздельных властителей североевропейских морей еще в римские времена. Фризы заселяли территорию Нидерландов, где и по сей день существует провинция Фрисландия. Им принадлежали также побережье в районе не существовавших тогда Фризских островов, остров Гельголанд и германские земли между Нидерландами и полуостровом Ютландия. В IX веке фризам, да и не только им, пришлось впервые столкнуться с новой грозной силой в северных морях – норманнами.

Последние стали лучшими моряками своего времени. Торговые корабли – кнорры, и военные – драккары, выходили далеко в море, достигали отдаленных стран, в морских

сражениях норманнские корабли и их экипажи не знали себе равных. На драккаре могли располагаться 80– 100 человек, хотя средний экипаж состоял из 40–60. В длину боевые корабли достигали 50 метров. Они развивали удивительную для тех времен скорость (при хорошей погоде за сутки корабли проходили 120 и более миль) и были очень устойчивы, совершая плавания в несколько тысяч километров. Норманны ориентировались по широте, по солнцу и звездам, по полету птиц и скоплениям морских животных, цвету воды, по течениям, сплавному лесу и траве, по ветру. Для исследования морского дна использовался лот.

Основной ударной силой норманнов были викинги. Происхождение их наименования точно неизвестно. Возможно, оно происходит от видоизмененного «*vik*» — залив. Викингами называли прослойку населения, основным занятием которых был морской грабеж. Среди них были и знать, и простолюдины. Изначально они действовали в прибрежных водах, прячась в укромных бухтах и заливах, но затем стали организовывать дальние экспедиции. Со временем у викингов выработался свой стиль жизни, война определяла особенности воспитания, психологию этих людей. Викинги были великолепными моряками, отлично подготовленными воинами, вооруженными прекрасными стальными мечами, топорами и доспехами^[27]. В грабеже и насилии они видели смысл своей жизни, а успех меряли количеством убитых людей и захваченного добра. С другой стороны, они редко останавливались на достигнутом, были упрямы и отличались большой личной храбростью. Это сделало норманнов хозяевами всей Северной Атлантики. В морских походах они проводили целые годы.

В VIII–IX веках перенаселенность приморских территорий полуострова при нехватке пригодной для обработки земли, давление на традиционную родовую знать со стороны набравших силу конунгов, наконец, фактор пассионарности – выхода этноса на пик своих возможностей, заставил многих молодых аристократов приступить к широкой экспансии за пределами своей страны. Датские, шведские и норвежские дружины обрушили свои удары на ослабленную внутренними неурядицами Западную Европу.

Одним из первых проявлений экспансии викингов стало зафиксированное в англо-саксонских хрониках нападение морских разбойников на Портленд^[28] в 787 году. Затем, 8 июня 793 года, последовал рейд на англо-саксонский монастырь Св. Катберта на острове Линдисфарн в Нортумбрии. Впрочем, малонаселенные острова Шотландии, вероятно, были освоены выходцами из Норвегии задолго до первого документально зафиксированного похода викингов в Британию. В дальнейшем норманны все чаще стали появляться в Шотландии, Англии и Ирландии, а также дальше к югу – во Франции, Испании и Италии. На востоке шведские викинги (варяги) в IX веке вторглись в земли славянских и финно-угорских народов. Поначалу речь шла о разрозненных набегах отдельных отрядов, но в начале IX века у скандинавов сформировалась государственность и эти отряды стали объединяться в более значительные боевые дружины. Они не только грабили чужие земли, но и захватывали их.

В конце VIII века датский конунг Гудфрид (или Гаттрик) попытался объединить Данию, Норвегию и Швецию в единое Норманнское королевство для защиты от нападений Карла Великого. В это время внутренние дела не позволяли скандинавам совершать слишком частые набеги на Европу. Однако если континентальная Европа могла пока что не обращать внимание на северных соседей, то этого нельзя сказать о Британии. Как уже было сказано, они нападали на Портленд и остров Линдисфарн. В 795 году вошедшие во вкус пираты разграбили Британию и вышли в Ирландское море. Они «удостоили» своим вниманием остров Мэн, затем поднялись к северу до острова Айона во Внешних Гебридах и попытались завладеть тамошним монастырем, считавшимся главным религиозным центром христианизированных кельтов. В первый раз монахи сумели отразить нападение, но позже (в 802 и 806 годах) норманны сумели-таки захватить монастырь.

В 808 году Гудфрид разграбил славянский город Рерик уже на севере континента, в 810-м захватил часть Фрисландии. К этому времени относится и появление норманнов в Нарбоннской Галлии под видом иудеев, сарацин, британских купцов.

Смерть Гудфрида в 810 году помешала датчанам довести до конца формирование собственного государства. А разбой вспыхнул с новой силой. Именно с этого времени слово «викинг» входит в лексикон народов Северной Европы. Возможно, взлету могущества норманнов способствовало заимствование увиденных на средиземноморских кораблях треугольных парусов, которые они называли «латинскими». Эти паруса значительно улучшали маневренность кораблей.

В 814 году северяне ввели свои корабли в устье Эльбы. В 825-м викинги вновь прошлись по побережьям Фрисландии и Британии, в 836 году впервые разграбили Лондон, через два года прочно закрепились во Фрисландии, в 839-м основали собственное государство в Ирландии, а в мае 841 года захватили Руан. Борьба за власть в империи франков способствовала продвижению норманнов. В 843 году их корабли бросили якоря в Нанте, викинги опустошили город, а затем, спустившись к югу, заняли и надолго превратили в свою крепость довольно обширный остров Нуармутье у берега Вандеи напротив устья Луары – удобный трамплин для нападения на Францию и Испанию. В следующем году норманны сражались у Бордо, пересекли Бискайский залив, захватили Ла-Корунью, Лиссабон и добрались до Африки. Разграбив и предав огню город Нокур около Танжера, они на обратном пути высадились в Андалузии и овладели сарацинской Севильей. Среди вождей в последней операции был и Рюрик – будущий основатель русского государства.

В 845 году викинги снова появились на Эльбе и стерли с лица земли только что появившийся на карте Европы Гамбург. Тогда же они поднялись по Сене до Парижа, по Мозелю до Трира и по Рейну до Кельна, повсюду сея смерть и разрушения. Начиная с 836 года они совершали постоянные набеги на Британию, где в 827 году уэссекский король Эгберт объединил семь английских и саксонских королевств в единую державу. Викинги повторили набег на Лондон в 851–852 годах, явившись в Британию на трехстах пятидесяти кораблях. Заодно они разорили и Кентерберии. В 854 году был вновь разрушен Гамбург.

В январе 857 года шестьдесят два корабля датчан, разграбив вторично Париж, прошли Гибралтар, опустошительным смерчем пронесли вдоль обоих берегов Средиземного моря, разграбили Флоренцию, Лукку и Пизу, появились у Константинополя и также стремительно исчезли^[29].

Серьезным успехом датских викингов стали завоевание англо-саксонских королевств и оккупация западной и северной части Англии. Во второй половине IX века король Уэссекса Альфред Великий был вынужден заключить с датчанами мир и узаконить их владения в Британии. Английской столицей викингов стал город Йорк. Правда, в 880 и 893 годах Альфреду удалось разбить датчан и сломить их могущество в Англии.

Значительные территории датчане и норвежцы захватили также в Ирландии. Франкские короли заключали союзы с предводителями норманнских дружин. Так, один из родственников датского конунга стал правителем земли Фризии, другой – графом Шартским. Внимание хронистов привлекла очередная осада Парижа, совершенная в 885 году сорокатысячным норманнским воинством. В 863–911 годах викинг Хрольф Пешеход завоевал земли франкской провинции Нейстрия, получил от франкского короля Карла Простоватого обширные территории на северо-западе Франции и стал первым герцогом Нормандии, приняв имя Ролл он. В то же время в Германии норманнам закрепиться не удалось. В 891 году они были разбиты при Левене восточно-франкским королем Арнульфом и изгнаны из страны. В 902 году ирландский правитель Линстера отобрал у норманнов Дублин, чем дал стране двадцатилетнюю передышку от владычества гостей с севера на двадцать лет. Норманнский ярл Торстейн Рыжий был убит в Шотландии около 900 года. Примерно в то же время вынужден был покинуть Гебридские острова Онунд Трифут, норманны понесли тяжелые

потери и в Уэльсе. Временное отступление северян в Британии, Ирландии и на островах Северной Атлантики стало одной из причин покорения ими более отдаленной Исландии. Другой причиной были события в самой Норвегии.

На рубеже IX–X веков началось политическое объединение скандинавских государств. Так, в Норвегии около 900 года конунг Харальд Хорфагер (Прекрасноволосый) подчинил своей власти правителей отдельных областей (фюльков), одержав победу вместе с ярлом Хладира из Трённелага над другими мелкими феодалами в битве при Хавсфьорде. Потерпев поражение и утратив самостоятельность, недовольные феодалы приняли участие в походах викингов. Королевство Харальда сохраняло многие черты племенного союза, но при его преемниках стало превращаться в государственное образование. С конца X века началась христианизация Норвегии.

Военные экспедиции в населенные части Западной Европы норманны совмещали с освоением малоизвестных или вовсе неизвестных регионов Северной Атлантики. Так они поселились на Оркнейских, Фарерских, Гебридских и Шетлендских островах, а несколько позже достигли Исландии. Как уже было сказано, этот остров был, вероятно, известен ирландцам еще в VII веке, но первые ирландцы поселились на его юго-восточном побережье лишь в конце VIII столетия.

Норманны появились в Исландии около 860 года. Главным источником информации об этих событиях для нас является изложенное позже в письменном виде норманнское предание «Ланднамабок» («Книга поселений»). Согласно одной из ее редакций, первым побережья Исландии достиг викинг Наддод, согласно другой, более правдоподобной, – швед Гардар Сваварссон. Достигнув острова в районе Восточного Хорна, он поплыл дальше – мимо ледяных гор и бурных рек Ватнайёкюдля (юго-восток Исландии). Затем – вдоль безжизненного южного побережья, лишенного каких бы то ни было гаваней. Постепенно огибая остров, экспедиция достигла обширного водного пространства – Брейда-фьорда с его многочисленными островами, шхерами и рифами. Покинув и его, Гардар медленно продвигался вдоль северного берега Исландии, минуя поражающие воображения фьорды и ледяные реки. Рискую не успеть подготовиться к зиме, он доплыл до Скьяльфанди (уже довольно близко к восточному берегу Исландии), где выстроил себе дом в месте под названием Хусавик (сейчас здесь находится одноименный город). Весной он продолжил путешествие, вновь достигнув Папеи (восток Исландии), где и проживали, вероятно, ирландские отшельники. Некоторые историки считают, что само название этой местности напоминает о присутствии тут католиков. Гардар с ними не встретился, хотя «Ланднамабок» и говорит о том, что «были найдены оставленные ими книги, колокола и епископские посохи». Этот факт стал хрестоматийным для того времени, его с теми или иными вариациями можно отыскать едва ли не в любом сочинении, связанном с географическими экскурсами. Историк рубежа XI и XII веков Ари Торгильсон Фроде пишет в «Книге исландцев»: «В те времена Исландия от гор до берега была покрыта лесами и жили там христиане, которых норвежцы называли папарами. Но позднее эти люди, не желая общаться с язычниками, ушли оттуда, оставив после себя ирландские книги, колокольчики и посохи: из этого видно, что они были ирландцами». Это произошло примерно в 864 году.

Высказываются предположения, что ирландцы могли первыми узнать и о существовании Гренландии, в ясную погоду видной с гор северо-западной Исландии, и что к ним восходят самые древние сведения об Американском континенте. «Ланднамабок» как уже об известном факте сообщает о путешествии примерно в 983 году некоего Ари Марссона к «Земле белых людей» (или Великой Ирландии), расположенной в шести днях плавания на запад, по соседству с уже открытым тогда Винландом, землей, речь о которой пойдет позже.

Вернемся к Гардару. В какой-то момент шведский мореплаватель понял, что он обошел весь остров Исландия. Назвав его в свою честь Гардарсхольмом, он отплыл на родину, где

поведал о своем открытии. Вторым норманном, который побывал у берегов Исландии, стал упоминавшийся выше Наддод. Он переименовал остров в Снэланд – Снежную страну.

Более основательно подошел к делу некий Флоки Вильгердарсон, который, видимо, плыл сюда уже с четкой целью – устроить новое поселение. Он выстроил себе жилище на побережье Брейда-фьорда. Это была достаточно богатая земля – пастбища, море, изобилующее рыбой и тюленями, мириады морских птиц. Вот только зимой ударил сильный мороз и начались снежные бури – похлеще, чем даже в северной Норвегии. Пастбища опустели, животные погибли. Весна тоже оказалась холодной. Фьорд был забит дрейфующими льдами. Именно тогда Флоки назвал землю Исландией – Ледяной страной. На родине путешественники отзывались о ней, как о мало пригодной для жизни.

Впрочем, это не остановило последователей Флоки. Уже вскоре в Исландию прибыли братья Ингольф и Хьорлейф. Первый из них основал поселение на месте нынешней столицы страны – Рейкьявика (в переводе – «Дымящаяся бухта»). Процесс заселения острова, начатый Ингольфом на юго-западе Исландии, завершился спустя шестьдесят лет. Уже к 930 году вся пригодная для жизни земля (около одной шестой части острова) была распределена между прибывшими сюда норманнами, которым не было места у себя на родине. В основном это были выходцы с юго-запада Норвегии: Согна, Хордаланда и Рогаланда. Оттуда же Исландия восприняла, естественно, и законы, и язык. Стоит отметить, что именно эти юго-западные регионы активнее всего сопротивлялись попыткам Харальда Хорфагера объединить всю Норвегию. И именно отсюда викинги отправлялись еще до Исландии в Шотландию, Оркнейским и Фарерским островам.

В Исландии уже в первые десятилетия X века сложилась особая форма республиканского государственного устройства. Реальная власть (и светская, и религиозная) принадлежала нескольким десяткам выходцев из знати, выполнявшими функции священнослужителей – годар (это слово множественного числа, единственное – годи). Эти годар учредили едва ли не первый средневековый парламент – альтинг, в деятельности которого могли принимать участие все свободные мужчины. Так формировалась новая свободолюбивая исландская нация.

От берегов Исландии норманнские корабли отправились еще дальше на запад. Норманны открыли и заселили самый большой остров Земли – Гренландию. Величина этого острова между Северным Ледовитым и Атлантическим океанами у северо-восточного побережья Северной Америки отнюдь не свидетельствует о его «ценности» для человека. Тем более, человека средневековой эпохи. Почти 79 % его площади занимает Гренландский ледниковый щит. Свободные ото льда участки побережья шириной до 250 километров (в основном на юго-западе и севере) сложены кристаллическими породами и представляют собой плоскогорья высотой до 400–600 метров и горные массивы высотой до 2 тысяч метров. Берега острова сильно изрезаны фьордами. По узким долинам сползают крупные ледники, в своих конечных участках они иногда движутся со скоростью 5–7 км в год. Многие ледяные потоки достигают моря и образуют айсберги (13–15 тысяч ежегодно). Средняя температура в Гренландии в январе – от -7 °C на юге до -47 °C на севере и в центральной части ледникового щита, июля – соответственно от 10 до -12 °C.

Норманнские корабли, направлявшиеся в Исландию, часто сбивались с курса и уносились штормами в неизвестные просторы океана. Собственно, Гренландия была открыта именно так. Первым увидел этот остров человек по имени Гуннбьёрн, плывший из Норвегии в Исландию. Произошло это либо в 876–877 годах, либо уже в начале X века. Землю он назвал Гуннбьярнарскер. Прошло немало времени, прежде чем эту территорию смогли идентифицировать. Гуннбьёрн не сходил на берег и не исследовал новую землю, но сообщил о своем открытии в Исландии. Настоящим первооткрывателем стал другой человек – Эрик Торвальдсон (Рыжий). Этот рыжеволосый человек (свое прозвище он получил именно за это) родился на ферме в Йерене, неподалеку от Ставангера в Норвегии, но, будучи еще

подростком, был вынужден покинуть страну вместе с отцом Торвальдом – из-за кровной вражды с одним воинственным соседом. В это время так называемая эпоха поселений в Исландии уже закончилась, земли разобрали, и Торвальд с сыном поселились на скалистом берегу острова, к югу от мыса Хорн (юго-восток Исландии). После смерти отца Эрик Рыжий переселился на юг, где расчистил себе новый участок. Вскоре он оказался вовлечен в какую-то кровавую распрю и был изгнан из своего имения. На островах Брейда-фьорда он опять поссорился с кем-то из поселенцев, убил человека и в конце концов был изгнан из страны – на сей раз сроком на три года. Произошло это в 982 году.

Эрик Рыжий решил отправиться на поиски земли, найденной когда-то Гуннбьёрном. Из Брейда-фьорда ему нужно было проплыть около 450 миль. Продвигаясь вдоль 65-й параллели и используя попутный восточный ветер, дующий ранним летом, через четыре дня (учитывая кратковременные остановки по ночам) Эрик оказался у восточного побережья Гренландии. Затем он двинулся на юго-запад вдоль береговой линии острова, продолжая наблюдать безжизненный горный ландшафт и сияющие ледяные пустыни, пока наконец не приблизился к южным фьордам, откуда через пролив Принс-Кристианс направился к западному побережью, а затем, следуя береговому изгибу, на северо-запад.

Продвигаясь все дальше к северу и миновав Хварв, Эрик Рыжий достиг наиболее плодородного района Гренландии. Здесь исчезал ледяной покров внутренней территории острова, и норманнский мореплаватель обнаружил архипелаг, изобилующий птицей, а по правому борту – побережье, изрезанное глубокими фьордами и кишачее разнообразной живностью. Берег выглядел привлекательнее, чем многие места в Исландии. Там, где фьорды заканчивались, Эрик обнаружил траву, карликовые ивы, склоны холмов, поросшие мхом, можжевельником и цветами. Вероятно, именно поэтому он назвал землю Гренландией – Зеленой страной.

Вернувшись в Исландию, Эрик Рыжий красочно описывал достоинства Гренландии, ее пастбища, моржей, рыбу и пр. Эти рассказы нашли благодарных слушателей. За десять лет до этого Исландию поразил страшный голод, некоторые убивали стариков и детей, чтобы не кормить их, бедные землевладельцы вытеснялись богатыми... Но даже сам Торвальдсон был, вероятно, поражен тем энтузиазмом, с которым земляки восприняли его призыв колонизировать Гренландию. Когда он вновь отправился туда в 986 году, за ним следовала армада из трех десятков кораблей, четырнадцать из которых благополучно добрались до острова. На них находилось около 400 человек. Они заняли территорию в районе фьордов, протянувшуюся на 120 миль от Херьольвсна (современный Икигэт) до Исафьорда. Образовались два больших поселения: Восточное (Эстербюгд) – в современном округе Юлианехоб на юго-западе страны и, несколько севернее – Западное (Вестербюгд) – в том округе, где сейчас находится административный центр Гренландии Готхоб.

На земле, где поселились норманны, хотя она и примыкала к материковым ледникам, были прекрасные пастбища, а местами – густые заросли березы, ивы и ольхи. На суше в изобилии водились крупные гренландские олени, а в море и фьордах – треска, моржи, тюлени, киты и белые медведи. Люди заселили лишь узкую полосу вдоль моря, внутрь острова двигаться было бессмысленно. Однако там, где нельзя было жить, можно было охотиться и ловить рыбу, чем и занимались поселенцы.

Важно отметить, что в сказаниях о путешествиях норманнов к Гренландии и затем к Винланду, о котором речь пойдет ниже, очень мало упоминаний о каких-либо льдах в море. Между тем в нынешнее время встреча со льдами в этих широтах неизбежна. Это позволяет ряду исследователей утверждать, что период с IX по XII век в Северной Атлантике был относительно теплым временем. Поэтому-то норманнам и удалось достичь отдаленных северных территорий и продержаться там несколько столетий. Область постоянных льдов лежала к северу от 80-й широты. Но после 1200 года климат в Северном полушарии

ухудшался и одновременно клонились к упадку норманнские поселения в Гренландии. Дрейфующие льды закрывали фьорды на юге острова.

Гренландские норманны организовывали, в основном безуспешные, экспедиции на север острова, а жизнь их сильно зависела от коммуникаций с востоком – ведь у норманнов в Гренландии не было ни строительного леса, ни достаточного количества зерна. Для постройки кораблей они использовали сибирский плавник, занесенный к берегам Гренландии океаном. Из-за мест, к которым прибывало эти бревна, между гренландцами разгорались порой нешуточные конфликты. Со временем запасы плавника иссякли. Вероятно, исчерпались за двести-триста лет и запасы болотного торфа, который был необходим для производства железа. Так появилась еще одна статья импорта – изделия из железа.

Для обмена на зерно, железо и лес у гренландских норманнов были свои товары. Это моржовые клыки и шкуры морского зверя, кость нарвала и сливочное масло, овечий сыр и вадмель – грубое серое домотканое полотно из овечьей шерсти, из которого изготавливалась одежда гренландских норманнов, не очень практичная в холодных и сырых условиях ледового острова.

По всей видимости, главой государства был Эрик, затем его сын Лейф, а впоследствии – внук Торкель. Вероятно, потомки Эрика правили Гренландией и еще сто лет. Государства в обычном смысле в Гренландии создано так и не было. Постепенно проходила христианизация Гренландии. Еще Лейф Эриксон накануне своего плавания в Америку в самом конце X века выстроил на острове первую церковь. Хотя надо сказать, что гренландцы не очень торопились отказываться от языческих верований. Отец Лейфа Эрик, судя по всему, так и не принял христианской веры. В 1124 году норвежский король Сигурд Йорсалфар разрешил гренландским норманнам иметь собственного епископа. Вероятно, в это время усилились связи острова с Европой благодаря, например, контактам местного епископа с Папой Римским. В Гренландии появилось несколько церквей, большая епископская усадьба, два монастыря. В 1152 году гренландская церковь попала в подчинение норвежскому епископу в Нидаросе (Тронхейм). А в 1261 году после долгих домогательств норвежского короля Хокона Хоконссона и сама Гренландия официально стала заморским владением Норвегии. (Почти одновременно соответствующий акт был оформлен и в отношении Исландии.)

В XII–XIII веках хозяйство гренландских норманнов достигло наибольшего расцвета. К 1300 году на острове уже насчитывалось 280 дворов, из них 190 – в Эстербюгде и 90 – в Вестербюгде. Общее число жителей, по разным оценкам, составляло от 3 до 5 тысяч человек. Улучшение благосостояния местных норманнов отчасти можно объяснить тем, что в Северной Европе после эпохи викингов с их грабительскими набегами наступило время бурного развития торговли. Норманны из воинов превращались в коммерсантов. Масштаб их участия в торговле был настолько велик, что в самой Норвегии стало не хватать рабочей силы в сельском хозяйстве. Король Сверре в 1186 году даже обратился к заморским купцам с призывом не принимать в свои предприятия норвежцев. Вероятно, свой «сектор на рынке» занимали и гренландцы.

Удивительно, что, имея довольно высокоразвитое хозяйство, церковные и торговые контакты со Старым Светом, гренландцы так и не смогли толком познакомить европейцев со своей землей. Сведения географического характера о Гренландии оставались крайне скудными и противоречивыми.

География и история Гренландии лишь сравнительно недавно стали более ясны исследователям. Долгое время европейцы расходились во мнениях, что из себя представляет этот остров, остров ли он вообще, кто и когда там поселился. Само название Гренландия вызывает горячие споры. Часто его объясняют так: Эрик Рыжий дал его открытой им земле, чтобы привлечь к ней перспективных колонистов. Источником этой версии послужила работа Ари Мудрого, исландского хрониста XI века. Однако самая ранняя известная нам копия его труда была сделана лишь в XIII веке, и предполагают, что ее дополняли другие авторы,

которые могли внести в нее свое толкование. По мнению английского историка географической науки Р. Рамсея, это объяснение названия «Гренландия» очень похоже на выдумку и к нему нужно относиться с большой осторожностью.

Чтобы найти истоки такого наименования, Рамсей обращается к временам античного Рима. Знаменитый историк I века н.э. Плутарх в книге «Лицо на Луне» приводит высказывание некоего Деметриуса, римского служащего, прожившего несколько лет в Британии. Деметриус якобы рассказал ему, что британцам известен остров, лежащий на западе, который они на своем языке называли «Кронос». Это представление об острове хорошо сочеталось с античным преданием о том, что Крон, развенчанный отец Зевса, лежит, скованный вечным сном, где-то на одном из западных островов. Вероятно, авторитета Плутарха, процитировавшего Деметриуса, было достаточно, чтобы обогатить римскую географию островом «Cronia» в Атлантике. Возможно, ученые раннего Средневековья изменили начальную букву, подставив вместо «с» более свойственную германским или кельтским языкам букву «g»; получилось «Cronia – Cronland – Gronland». То, что эта новая форма слова означала на их языке Green Land (Зеленая земля), было чистым совпадением, и постепенно представление о том, что где-то в Атлантике есть остров, называемый Гренландией, вошло в традицию. Когда же Эрик Рыжий открыл новую землю, он просто предположил, что это и есть Гренландия, о которой он уже слышал.

Более столетия после плавания Эрика сведения о Гренландии передавались из уст в уста, найдя свое отражение в исландских сагах. Первое письменное свидетельство об этом острове, которое распространилось в кругах европейских географов, относится приблизительно к 1070 году. В это время немецкий священник Адам из Бремена закончил свой труд «История Гамбургской епархии». В те времена в Гамбургскую епархию включалась вся Скандинавия и все заморские страны, колонизированные скандинавами. Адам имел беседы с королем Дании Свейном II по поводу этих районов, и его упоминания о Гренландии, а также и о Винландии – первые достоверные сведения об Америке во всей европейской литературе. В частности, о Гренландии он писал: «...на севере океан течет мимо Оркнейских островов, потом бесконечно далеко по земному кругу, оставляя слева Иберию [теперь называемую Ирландией. – *Прим. авт.*], родину скоттов, справа норвежские шхеры, а дальше острова Исландию и Гренландию». И ниже, в другом абзаце: «...кроме того, есть много других островов в далеком океане, из которых Гренландия не самый маленький; он расположен дальше, напротив Шведских, или Рифейских, гор. Расстояние до него таково, что путь на корабле от Норвегии до этого острова продолжается, как говорят, от пяти до семи дней, столько же, сколько и до Исландии. Люди, живущие там, синевато-зеленые от соленой воды, и потому эти места получили название «Гренландия». Уклад их жизни тот же, что у исландцев, но они дикари и совершают пиратские набеги на мореплавателей. Сообщают, что недавно до них дошло христианство».

Как видим, мы имеем дело сразу с двумя Гренландиями в одном и том же труде. Это не могло не привести в растерянность картографов прошлого. В первой из приведенных цитат Гренландии отводится место где-то далеко в океане, тогда как во второй ее связывают со Шведскими горами. Однако в средневековой географии положение «напротив» чего-либо означало «на той же широте», а значит, Адам Бременский правильно пересказал то, что тогда было известно о Гренландии. Но такая свободная терминология была серьезным источником недоразумений, и, очевидно, именно эти два утверждения Адама Бременского привели в период позднего Средневековья к мысли, что Гренландия – это полуостров Европы или район, связанный с Европой длинным мостом суши. Кроме того, рядом с ней то и время помещали другой остров – вовсе не существующий.

Впрочем, с норманнами в Гренландии Европа, несомненно, поддерживала связь. Это видно, в частности, по упоминаниям этих земель в папских документах. Еще в XV веке два папы, Николай V в 1448 году и Александр VI в 1492 году, выражали свою озабоченность по

поводу этого самого дальнего форпоста христианского мира. Историки пока не могут точно выяснить, состоялись ли датские и норвежские экспедиции в Гренландию и, главное, – чуть дальше на запад, за несколько лет до плавания Колумба. Например, в 1472 или 1476 году. Многие современные исследователи этого вопроса считают, что руководителями одной из таких экспедиций были Дидрик Пининг и Ханс Потхорст, два известных норвежских капитана, а руководителем другой – некий Иоанн Скольвус, который, по мнению датского географа Корнелиса Витфлита, был поляком на датской службе. В этих экспедициях могли участвовать и португальцы. Одним из них мог быть Жуан Ваш Кортириал, позже занявший пост губернатора Азорских островов. Там он познакомился с одаренным географом Мартином Бежаймом. Зная это, не можем ли мы ответить на вопрос, откуда на глобусе этого Бежайма в 1492 году к западу от Гренландии появилось несколько островов, поразительно похожих на острова, обрамляющие устье залива Святого Лаврентия? Видел ли эти острова сам Кортириал, плавая со Скольвусом, или о них ему поведали все еще проживавшие в Гренландии норманны?

* * *

Так мы вплотную приблизились к собственно тайне, волнующей ученых, – видели ли норманны Америку, ступили ли на ее берег? Большинство современных историков с уверенностью отвечает: да – видели, да – высаживались на берег.

В конце лета 986 года, спустя примерно месяц после того, как Эрик Рыжий проплыл со своими кораблями мимо Снэффельсона, из Исландии к Гренландии отправилась небольшая флотилия Бьярни Герьольфсона. Именно ему, вероятно, посчастливилось первым из своих соотечественников увидеть Новый Свет.

Зиму 985/86 года Бьярни провел в Норвегии. Летом с нагруженными до отказа кораблями он отплыл в Исландию, собираясь провести следующую зиму со своим отцом, который жил на этом острове. Там Бьярни узнал, что отец – Герьольф продал имение и отправился в Гренландию. Сын решил последовать за ним – к юго-западным фьордам крупнейшего острова на планете. Путь Герьольфсон знал плохо, карт и компаса у него не было. Спустя три дня после того, как он покинул Исландию, Бьярни и его товарищи оказались во власти северных ветров и густого тумана. В течение нескольких дней они плыли наугад. А когда туман рассеялся, викинги увидели холмы и леса невиданной дотоле земли. Бьярни был уверен, что это не пустынная Гренландия, о которой он знал от соплеменников. Он решил не высаживаться на берег, его корабли повернули на север и плыли вдоль побережья еще два дня. Местность постепенно становилась равнинной, хотя по-прежнему была покрыта лесами. С юго-западным ветром Бьярни плыл еще три дня, пока они не увидели новую землю – высокую, гористую и покрытую ледниками. И здесь норманны не вышли на берег, направившись в открытое море. Через четыре дня они добрались до Хельольвсна в Гренландии. Таким образом, «Гренландское сказание» сохранило для нас рассказ о «первооткрывателе» Америки, который был настолько осторожен, что не ступил на берег найденной им земли.

В Гренландии подозревали о наличии земли на западе. В ясные дни с высоких гор на юго-западном побережье острова можно было разглядеть смутные очертания какой-то суши. Многие порицали Герьольфсона за то, что он не проявил должного любопытства и не исследовал новые территории. Так или иначе, Герьольфсон оставался невозмутим и отдал честь стать первым из первых Лейфу Эриксону – сыну Эрика Рыжего. Известный среди норманнов моряк, первым совершивший прямое плавание между Гренландией и Шотландией, мечтал повторить подвиги отца.

Саги рассказывают, что в 999 году молодой Лейф отправился из Гренландии в Норвегию, где его принял король Олаф Трайгвассон. Там Лейф принял христианство. Следующей весной, в 1000 году, взяв с собой английского священника, он вернулся в Гренландию, где построил первую церковь. Вероятно, руины этой самой церкви были обнаружены почти тысячу лет спустя при раскопках 1961 года. Некоторые, в первую очередь церковные историки, пишут, что дальнейшее путешествие Лейфа к берегам Северной Америки носило именно миссионерский характер и было совершено по соответствующему прямому указанию глубоко верующего норвежского короля. Однако убедительных подтверждений этому не существует.

Эриксон купил у Бьярни его корабль и снарядил экспедицию на запад. Первоначально предполагалось, что участие в походе примет и сам Эрик Рыжий – Лейфу удалось уговорить его. Но когда участники будущего плавания направились к своим кораблям, лошадь Эрика упала, а он повредил себе при этом ногу. «Видно, такова судьба», – сказал пожилой викинг и благословил своего сына. Лейф Эриксон подробно расспросил Бьярни о его плавании и взял с собой кого-то из его команды. Он намеревался пройти тем же путем, каким прибыл в Гренландию Герьольфсон, но в обратном направлении, и это ему, по всей видимости, удалось.

Экспедиция началась, судя по всему, в 1000 году. Вначале Лейф достиг той земли, которую Бьярни видел последней. Вот как рассказывает об этом «Сага о гренландцах»: «Они открыли первой ту страну, которую Бьярни открыл последней. Они подошли к берегу и бросили якорь. Затем они спустили лодку и высадились на берег. Травы нигде не было. Вдали виднелись большие ледники, а между ледниками и морем все сплошь было, как каменная плита. Они решили, что в этой стране нет ничего хорошего. Лейф сказал: «Мы хоть побывали в этой стране, не то что Бьярни, который даже не сошел на берег. Я дам стране название, пусть она зовется Страной каменных плит (Хеллуланд)». Они вернулись на корабль, и вышли в море, и открыли вторую страну. Они подходят к берегу и бросают якорь, затем спускают лодку и высаживаются. Эта страна была плоская и покрыта лесом. Всюду по берегу был белый песок, и берег отлого спускался к воде. Лейв сказал: “Надо назвать эту страну по тому, что в ней есть хорошего. Пусть она зовется Лесная страна (Маркланд)”».

Проплыв еще два дня при северо-восточном ветре, норманны обнаружили еще одну землю, названную ими Винландом. Лейф перезимовал на территории Винланда, выстроив здесь большой дом – это поселение было названо Лейфсбуди́ром. Следующей весной он опять вышел в море и при попутном ветре добрался со своими людьми до Гренландии. С тех пор Лейф носил прозвище «Счастливчик».

Его соотечественники загорелись идеей исследовать новые земли более детально. Новую экспедицию возглавил брат Лейфа Торвальд. Без всяких приключений, уже известным маршрутом он добрался до Лейфсбуди́ра, где и перезимовал. Весной Торвальд отправил одну лодку со своего корабля для изучения западного побережья Винланда. В течение всего лета его люди исследовали эту прекрасную страну, поросшую густыми лесами, не обнаружив при этом никаких следов человеческого пребывания – за исключением заброшенного деревянного зернохранилища. На следующее лето Торвальд повел свой корабль на восток, а затем на север – в направлении Маркланда. Там он дал название Кьяранес одному из мысов, починил свой корабль и вскоре приплыл в доселе неизвестный, но красивый фьорд, берега которого были покрыты лесом. Здесь норманны впервые столкнулись с некими скрэлингами и убили тех из них, кто не успел спастись бегством. Историки отождествляют скрэлингов из норманнских саг с эскимосами либо индейцами, чаще – с первыми, хотя такое название северяне могли давать всем аборигенам, вне зависимости от этнической принадлежности.

Около 1000 года эскимосы жили гораздо дальше к югу по сравнению с сегодняшними границами их обитания. Они занимали южную прибрежную часть Лабрадора от залива Гамильтон до пролива Белл-Айл, а также территорию Ньюфаундленда к северу от линии,

протянувшейся от порта Сондерс на западе к устью Белого залива на востоке. К югу от них на территории Ньюфаундленда, а также к югу и западу от их поселений на территории Лабрадора жили индейцы-алгонкины.

Вскоре после первой стычки Торвальда с туземцами последовало ответное нападение скрэлингов, в схватке с которыми Торвальд погиб – стрела попала в щель между его щитом и планширом. В качестве возможного места убийства Торвальда Эриксона называют озеро Мелвилл на полуострове Лабрадор, поскольку и «Гренландская сага», и «Сказание об Эрике Рыжем» описывают его маршрут из Лефсбудира на север очень похоже на возможный маршрут от Ньюфаундленда именно к этому озеру. Эскимосы в те времена не пользовались луком и стрелами, так что Торвальд, скорее всего, погиб от индейской стрелы. С другой стороны, легенды говорят, что он был убит одноногим скрэлингом. Это может указывать на особенности длинного одеяния эскимосской женщины. Убегавший от норманнов «Робин Гуд в юбке» вполне мог сойти за одноногого.

Команда Торвальда после его гибели благополучно вернулась в Лейфсбудир. Следующей весной первопроходцы вернулись в Эриксфьорд в Гренландии. Затем последовала неудачная экспедиция на запад еще одного Эриксона – Торстейна, который хотел перевезти на родину останки своего несчастного брата. Он провел тяжелое лето, пытаясь вырваться из-под власти шторма в океанском треугольнике между Исландией, Ирландией и мысом Фарвель на юге Гренландии. Следующий поход организовал Торфинн Карлсефни, который попытался основать в Винланде постоянную колонию.

В экспедиции Карлсефни принимали участие три корабля со ста шестьюдесятью мужчинами на борту, причем некоторых из них сопровождали жены. Они взяли с собой «разных домашних животных», вероятно коров, лошадей, овец, коз и свиней. Вначале норманны Торфинна плыли на север вдоль побережья Гренландии вместе с теплым течением, пока не поднялись до Западного поселения. Возможно, они поступили так, потому что у жены самого Карлсефни там оставалось какое-то имущество, но, скорее всего, просто потому что этот маршрут был более удобным. От Западного поселения корабли направились дальше на север, до Бьярнейяра, Медвежьего острова, идентифицировать который историки точно не могут. Вероятно, он лежит по соседству с современным Хольстейнборгом, возможно – это остров Диско. В пользу региона Хольстейнборга говорит то обстоятельство, что здесь прибрежное течение поворачивает на запад, к берегам Северной Америки. А отплывая от Диско, Карлсефни мог воспользоваться попутными северными ветрами, столь частыми в проливе Дэвиса, отделяющем Гренландию от Баффиновой Земли.

Подгоняемый ветром с севера Торфинн достиг Хеллуланда. Через два дня он был в лесистом Маркланде. Затем он еще какое-то время двигался вдоль побережья, пока не оказался в довольно подробно описанной сагами области – все еще в Маркланде. Там был мыс, на котором люди Торфинна нашли корабельный киль, благодаря которому мыс и получил свое название – Кьяларнес (мыс Киль). Этот киль, вероятнее всего, оставил Торвальд, который ремонтировал здесь свой корабль. Пески и пляжи в этом месте достигали такой длины, что норманны дали им название Фудрустрандир – Чудесное побережье. О пляжах в Маркланде, «отлого спускающихся к морю», сообщал еще раньше Лейф Эриксон. Эти пески действительно можно найти к югу от залива Гамильтон, на юго-восточном побережье Лабрадора, что является лишним подтверждением самой популярной теории о месте пребывания норманнов в Северной Америке (речь о ней пойдет ниже). А от песчаного побережья далеко в море протянулся мыс Поркьюпайн, знаменитый своим килеобразным профилем и до сих пор являющийся ориентиром для всех местных рыбаков.

Проплыв еще два дня в южном направлении, члены экспедиции Карлсефни увидели Винланд. Закрепиться здесь Торфинну сотоварищи так и не удалось. Вначале он попытался вступить в торговые отношения с «местными скрэлингами», потом начал с ними войну. Вооруженные гарпунами эскимосы (вероятно, это были именно они, а не индейцы) смогли

дать отпор норманнам. Торфинн провел в Винланде три зимы. Наконец взбунтовались женщины, не желавшие больше находиться в этих негостеприимных местах. Весной Карлсефни и его люди покинули Америку. В Гренландию с ними плыл, возможно, первый человек европеоидной расы, родившийся в Новом Свете, – сын Торфинна Снорри.

Были и другие путешествия в Хеллуланд, Маркланд и Винланд. На следующее лето после возвращения Карлсефни (вероятно, в 1010 году) экспедицию на запад возглавила решительная дочь Эрика Рыжего Фрейдис. Она командовала одним кораблем, а на другом были исландцы – братья Хельги и Финнбоги. По прибытии в Лейфсбудир Фрейдис тут же показала, кто является хозяином положения, заставив братьев подчиниться, а через некоторое время организовав кровавую расправу над Хельги, Финнбоги и их семьями. Наладить отношения с туземцами Фрейдис не удалось, и она вынуждена была отплыть на родину.

Вероятно, норманны плавали в Винланд и позже. Так, в 1121 году состоялось путешествие, описанное в исландских хрониках. На поиски Винланда, согласно этому источнику, отправился некий Эрик, епископ Гренландии. Однако, по другим данным, епископа у гренландцев не было до посвящения в этот сан в 1124 году Арнальда. Возможно, Эрик был простым миссионером, посланным для обращения скрэлингов. Последнее упоминание о западных экспедициях датируется 1347 годом. Исландские хронисты сообщили, что к их острову прибило корабль, на борту которого находилось 17 человек, до этого плававших в Маркланд за строевым лесом. Гренландцам действительно был необходим лес, и нерегулярных поставок из Норвегии и прибывших течением бревен из Сибири им, конечно, не хватало. Но наладили ли они постоянное сообщение с Североамериканским континентом? Этого не знает никто. Следует только обратить внимание на тот факт, что корабль, оказавшийся в 1347 году у берегов Исландии, был очень мал. Кажется, гренландцам в то время уже просто не было из чего строить более крупные суда.

Помимо «Саги о гренландцах» о путешествиях в Винланд рассказывает и «Сказание об Эрике Рыжем». В некоторых местах – куда более подробно. Так, например, первая сага «заставляет» Лейфа, Торвальда, Карлсефни и Фрейдис прибывать в одно и то же место – Лейфсбудир. Это поселение и Винланд в саге фактически синонимичны. В «Сказании» же детально описываются два поселения – Страумфьорд и Хоп, второй из которых очень напоминает Лейфсбудир.

*** * ***

Так где же находился благодатный Винланд? Что такое Хеллуланд и Маркланд? По этому поводу существует несчетное количество гипотез и теорий.

Мы уже говорили о песках и мысе Киль. Существуют и другие рельефные и ландшафтные соответствия. В каменистой местности Хеллуланд нетрудно признать побережье Гудзонова пролива, дискутируется лишь вопрос о том, был ли это берег полуострова Камберленд на южной оконечности Баффиновой Земли. Канадский ученый Питер Шледерман считает, что в середине XIII века викинги не только достигли Лабрадора, но и дошли до Земли Гранта – крайней северо-восточной области континента, где он почти соприкасается с Гренландией. Кто знает, не бывали ли они там и раньше. Если же им был знаком весь этот огромный район, могут появиться и новые претенденты на роль Хеллуланда.

Содержащееся в «Сказании об Эрике Рыжем» топографическое описание Маркланда и Винланда более всего соответствует юго-восточной части Лабрадора и северной части Ньюфаундленда. Так, к югу от Фурдустрандира, говорится в саге, все побережье изрезано заливами, что в полной мере подходит к побережью Лабрадора (пример – залив Сэндвич). По свидетельству той же саги, берег изрезан фьордами. Речь, очевидно, идет о проходах,

ведущих с севера от гавани к проливу Белл-Айл (отделяющему Ньюфаундленд от Лабрадора). Если же имеется в виду один фьорд (как в другой редакции саги), то это, вероятно, и есть сам проход в пролив Белл-Айл. С этой точки зрения, Страумфьорд Карлсефни – не что иное, как северный вход в этот пролив – Торфинн не мог знать, что открыл не фьорд, проникающий в глубь суши, а проход на юг. Страумей (Речной остров) – это, скорее всего, остров Белл-Айл или Великий Священный остров, лежащий в рукаве моря между мысом Болд, крайней северной точкой Винланда, и мысом Онион. Нет ничего удивительного, что норманны были восхищены видом Ньюфаундленда – Винланда после долгого плавания вдоль скалистых и лесных берегов.

Английский историк Г. Джонс считает, что в первую очередь нужно рассмотреть пояс широт, в котором и происходило норманнское продвижение на запад. Северная граница этого пояса совпадает с Тронхеймом в Норвегии, южная – с Йереном или Линдеснесом в той же стране. Внутри этого пояса расположены Фарерские, Оркнейские, Гебридские острова, первые поселения в Исландии и Гренландии, а также наиболее близкие территории Северной Америки. Это дает основания искать Хеллуланд и Маркланд прежде всего в районе между 64-й и 58-й северными широтами с возможным отклонением к югу до 52-й широты (когда речь идет о сбившихся с курса моряках). Джонс дает следующую идентификацию всех трех основных земель, найденных норманнами: Хеллуланд – это южная оконечность Баффиновой Земли, Маркланд – Лабрадор, Винланд – северная часть острова Ньюфаундленд, район, ограниченный с востока мысом Болд, с запада – заливом Пистолет, а с севера – Белыми горами. По мнению многих ученых, «Сага о гренландцах», рассказывающая о путешествиях Бьярни и последующем – Лейфа, дает достаточно четкое определение этим местам. Эту теорию о местоположении Винланда подтверждают и карты, которые были изготовлены в 1590 году Сигурдуром Стефансоном и в 1605 году – Хансом Поульсоном Резеном. На них «Винландский мыс» находится на севере Ньюфаундленда.

Впрочем, с такой идентификацией соглашались далеко не все. Винланд ищут в различных частях Северной Америки – от залива Гудзон до полуострова Флорида. Внимание историков привлекает само название Винланд. Согласно норманнским преданиям, это название было дано после путешествия в глубь страны соратника Лейфа, его воспитателя немца Торира. Вернувшись «на базу», Торир с восторгом поведал о том, что он видел виноградные лозы. «Конечно, я уверен, что это виноград, – якобы сказал немец, – ведь на моей родине я видел его немало». Впрочем, впервые название Винланд в письменном источнике встречается в «Описании островных земель Севера» – четвертой книге уже упоминавшегося Адама Бременского. Адам сообщает, что всю информацию о Винланде он получил от датского короля Свейна Эстридсена, который умер в 1076 году. «Он рассказал мне еще об одном острове, который видели в том океане многие мореходы. Называется он Виноградной страной, так как там растет много дикого винограда, из которого получается превосходное вино. И то, что там растет не сеяное зерно, мы узнали не из легенд и преданий, но из достоверных сообщений датчан». Возникает вопрос – насколько идентичны Винланд Адама и Винланд норманнов? Не списывали ли название хронисты друг у друга, ведь та же «Сага о гренландцах» хоть и считается достаточно достоверной, но была записана лишь в 1387 году, когда сочинению Адама Бременского уже исполнилось триста лет.

Почему же исследователей так волнует вопрос о названии? Потому что виноград сейчас не растет на севере сурового острова Ньюфаундленд. Рос ли раньше? Неизвестно. Если не рос, тогда принимая, что Винланд – это Виноградная страна, нам приходится признать, что норманны проникли дальше на юг. Как тут не вспомнить, что приблизительно в то же время – в 1000 году, по представлениям тольтеков и ацтеков, белый бог Кецалькоатль спустился в Ацтлан и побудил ацтеков двинуться в Мексику?

В 1888 году шведский филолог Свен Сёдерберг высказал мысль, что этимология Винланда иная. Все дело в букве i, которая в Скандинавии могла быть длинной или краткой.

Если она была изначально краткой, то получается Vinland – Травяная страна. Как тут не вспомнить, что, высадившись, воины Лейфа Эриксона, по преданию, опустили в руки в траву и наслаждались вкусом чудесной росы! Гипотезу шведа приняли многие его коллеги. Если Винланд – Травяная страна, не нужно искать ее южнее северной оконечности Ньюфаундленда, не нужно приравнивать виноград к клюкве, бруснике или черной смородине.

Впрочем, другие историки продолжают настаивать на своем. Постоянное повторение историй о виноградных гроздьях в самых различных сагах не позволяет усомниться в достоверности этих сведений. Слово «*vin*» — «травя», ко времени путешествия Эриксона практически вышло из употребления, он не мог назвать еще одну землю Травяной, поскольку существовала уже открытая его отцом Зеленая страна – Гренландия. Да, сегодня северная граница роста виноградных лоз в Америке проходит в районе 45-го градуса северной широты, однако в 1530 году Жак Картье, открывший реку Святого Лаврентия, обнаружил по обоим ее берегам обилие винограда, а в заливе Шалёр и на островах Шамплэн – большое количество диких злаков, похожих на овес и рожь. Вероятно, в те и предшествовавшие времена более благоприятные климатические условия позволяли расти в северных землях теплолюбивым растениям.

Кроме подобных «ботанических» подробностей интерес представляет сообщение саг о том, что в найденной земле не было столь существенного различия в продолжительности – сти дня и ночи, как в Гренландии и Норвегии. Норманны Исландии и Гренландии определяли время по положению Солнца относительно неких фиксированных точек на горизонте. Предания северян рассказывают о наблюдаемом поселенцами в Винланде движении Солнца относительно этих точек в самый короткий день года. Однако точно перевести слова, которыми пользуются авторы этих легенд, все равно не могут ни историки, ни помогающие им астрономы. Исследователи, опиравшиеся на поддержку Военно-морской обсерватории США, указали такие координаты: приблизительно 49 градусов 55 минут северной широты. Другой исследователь, А. Нэсс, полагал, что Винланд, скорее всего, расположен к югу от залива Чесапик (36 градусов 54 минуты северной широты). В то же время Нэсс указывает на то, что широта, с которой производились наблюдения, результаты которых можно услышать в сагах, вовсе не обязательно соответствует той, на которой находился Лейфсбудир. Вполне вероятно, что норманны добивались до более южных широт, но в рамках отдельных, эпизодических вылазок. По мнению Нэсса, наблюдения производились из Хопа, находившегося в центре земли Винланд, и добирался до него не Лейф Счастливый, а Торфинн. Заметим, что 36 градусов – это значительно южнее Вашингтона. Даже последователи Нэсса в конце концов отказались от такой отдаленной точки, назвав 41 градус северной широты – то есть Массачусетс, Новая Англия.

Главным доказательством пребывания норманнов в Северной Америке вообще и на острове Ньюфаундленд в частности стали археологические открытия. В 1956 году историк Мельдгаард, ориентируясь на сведения, содержащиеся в норманнских сказаниях, совершил плавание вдоль побережья Лабрадора – от залива Гамильтон до пролива Белл-Айл и мыса Болд, исследуя побережье. Благодаря глубоким познаниям в области археологии и этнологии Мельдгаард смог значительно подкрепить и развить «нью-фаундлендско-лабдорскую версию». На Лабрадоре Мельдгаард обнаружил наконечник стрелы из кварцита, совершенно аналогичный стреле, найденной в Гренландии в поселении норманнов. Это подтверждало наличие контактов между индейцами и гренландскими норманнами. Ученый пришел к выводу, что остатки норманнских жилищ и стоянки в Лейфсбудире и Страумфьорде следует искать неподалеку от залива Пистолет (северная оконечность Ньюфаундленда).

Дело Мельдгаарда продолжил норвежский исследователь Хельге Ингстад. Книга Ингстада «По следам Лейфа Счастливого» явилась подробным описанием норманнской Гренландии, а значит, и всего того, что так или иначе касалось путешествий гренландцев в

Винланд. Он сделал вывод, что существовало две главные области, ставшие объектом исследований норманнов, каждую из которых можно назвать Винландом: Винланд I располагался в северной части Ньюфаундленда, а Винланд II – гораздо южнее, в Массачусетсе и на Род-Айленде. В 1960 и 1961 годах Ингстад много путешествовал вдоль побережья Квебека, Ньюфаундленда и Лабрадора в поисках мест, где когда-то находились, возможно, норманнские поселения. Совместно с женой Энн Стайн Ингстад ему удалось обнаружить то, что они сочли остатками древних норманнских поселений в заливе Эпав, менее чем в миле к югу от рыбацкого поселка Ланс-о-Мидоуз на севере Ньюфаундленда. Остатки древнего поселения показал археологам местный рыбак Джордж Декер. Там, по мнению норвежца, и находился Лейфсбудир. Летом 1962 года он начал в этом месте интенсивные раскопки, которые продолжались до 1968 года.

Результаты оказались весьма впечатляющими. Ингстад обнаружил множество древних развалин по обеим сторонам ручья Блэк-Дак. Часть этих развалин он датировал каменным веком. Жилища принадлежали, скорее всего, эскимосам так называемой дорсетской культуры. Они оставили после себя обломки оружия, предметов быта и т. п., а также места для приготовления пищи. Помимо этого, Ингстад обнаружил фрагменты строений, которые, возможно, были сооружены европейцами, яму для огня и горн для выплавки железа из руды. Здесь же, возле горна, были найдены остатки древесного угля, куски шлака, глина, обломки железа, один кусок бронзы, наковальня и очаг. Все это позволило ему утверждать, что некогда в окрестностях ручья Блэк-Дак жили люди, обладавшие навыками работы с железом. Оставалось лишь доказать, что это были норманны, приплывшие в Америку в начале XI века. Исследования найденных железных материалов показали, что все они могут быть датированы 1000 годом. При этом все указывало на то, что поселение просуществовало не более пары десятков лет.

Первый отчет об экспедиции Ингстада был напечатан в виде двух статей осенью 1962 года. Сейчас на месте раскопок у Ланс-о-Мидоуза реконструирован традиционный скандинавский «длинный дом» и местность служит туристическим центром.

Находки Ингстада стали сенсацией в археологии и истории. Наконец-то появилось доказательство норманнского присутствия в Северной Америке до Колумба! Однако с другими археологическими неопровержимыми подтверждениями возникли проблемы. Одна серебряная норвежская монета, датируемая второй половиной XI века и найденная в индейском поселении в штате Мэн, еще не могла подтвердить, что норманны побывали южнее северного Ньюфаундленда.

Отсутствие находок южнее свидетельствовало или о неправильной идентификации поселений на Ньюфаундленде, или о том, что норманны не смогли сделать что-либо большее, чем некоторое время пробыть на этом острове. Впрочем, одна серьезная находка все же была. Только до сих пор непонятно, не является ли она подделкой. Речь идет о знаменитом Кенсингтонском камне и надписи на нем...

«[Нас] 8 готов [то есть шведов] и 22 норвежца [участников] разведывательного плавания из Винланда на запад. Мы остановились у двух шхер в одном дне пути к северу от этого камня. Мы [ушли] на один день и ловили рыбу. Потом мы вернулись, нашли 10 [наших] людей окровавленными и мертвыми. Ave virgo Maria [Благоденствуй, Дева Мария], избавь нас от зла!

Десять человек из нашего отряда остались у моря [или у озера], чтобы присматривать за нашими кораблями [или за нашим кораблем], в 14 днях пути от этого острова. Год 1362».

Вот что гласит надпись на камне. Нашел его некий швед Олаф Оман, который купил ферму неподалеку от Кенсингтона, штат Миннесота. В 1898 году он решил выкорчевать старые деревья и под одной осиной обнаружил огромный серый камень. Его с трудом выкопали, весил он 91 килограмм. Когда же камень очистили от земли, сын Олафа заметил,

что он покрыт странными царапинами. Обнаружилось, что царапины – это руническое письмо, распространенное среди скандинавов с древних времен. В университете штата Миннесота профессор О. Бреда подтвердил, что письмена рунические и опубликовал о них статью с первой расшифровкой надписи. Для дальнейшего изучения камень отправили в Чикаго, в Северо-Западный университет. Там его осмотрели довольно небрежно, с самого начала решив, что надпись – явная подделка. С тем и вернулась находка Омана к нему на ферму и еще девять лет пролежала у амбара.

Только в 1907 году о Кенсингтонском камне узнал другой ученый-скандинавист – Холанд. Всю свою дальнейшую жизнь он посвятил раскрытию его тайны. Начал он с того, что сообщил данные о камне множеству ученых, не только специалистам в области изучения рун, но также химикам и геологам. Его интересовало мнение последних о том, насколько выветрилась поверхность камня, то есть, другими словами, каков может быть подлинный возраст надписи. Позднее, в 1932 году, Холанд опубликовал обширный труд о своей работе, продолжавшейся четверть века. В нем, в частности, собраны не только свидетельские показания об обстоятельствах, при которых камень был найден, но и заключения экспертов о возрасте надписи. Так, два крупнейших геолога, Уинчел и Уфам, определили возраст надписи примерно в полтысячелетия. Эксперты из университета в Чикаго называли близкую цифру: 600 лет.

Несмотря на весь титанический труд Холанда, противников подлинности надписи хватало всегда. Их оппоненты же указывали на то, что на территориях штатов Висконсин, Миннесота и Дакота не раз находили средневековую утварь и оружие, которым вполне могли пользоваться викинги.

Существенным аргументом против подлинности камня служило то, что пять слов из надписи выглядели заимствованными из английского языка. Но последователи Холанда утверждают, что надпись мог сделать один из восьми шведов, который говорил на ётском диалекте, где такие слова были в употреблении. Вообще смешанный состав экспедиции архивные документы объясняют весьма удовлетворительно. Король Магнус Эриксон (1319–1371) писал своим мореходам в 1354 году: «Магнус, Божией милостью король Норвегии, Швеции и Схонии, желает всем, кто увидит это письмо или услышит об этом, доброго здоровья и счастья. Мы хотим сообщить вам, что вы поведете мужей, которым надлежит плыть на «Трещотке», как названных по имени, так и не названных, из нашей личной стражи или из вассалов и других лиц, которых вы захотите взять с собою в плавание, и что Пауль Кнутсен будет командиром «Трещотки». Он наделяется полномочиями отбирать людей, которых сочтет самыми подходящими для совместного плавания, как офицеров, так и матросов. Мы требуем, чтобы вы приняли этот наш приказ, проявив истинно добрую волю к выполнению этого дела, ибо мы совершаем его во славу Божию, во спасение наших душ и в память наших предшественников, которые ввели христианство в Гренландии и сохранили его до наших дней; а мы не хотим, чтобы оно погибло в наше время. Дано в Бергене в понедельник после Симона и Иуды в 366-й год нашего правления. Заверено нашим канцлером Ормом Эйнштейнсоном».

Поясним, о чем, собственно, идет речь в этом письме. Король Магнус происходил из рода, обитавшего в Западной Ётландии, где жили «готы», то есть шведы, и в пору его правления они занимали важные посты при норвежском дворе. Двое даже были канцлерами. Пауль Кнутсен, следуя королевскому указу, набирал спутников из числа наиболее опытных людей, из «нашей личной стражи». Естественно, среди них оказались шведы. Их было меньшинство в составе экспедиции, но это были люди самые знатные и грамотные.

Следует рассмотреть и общий смысл этого в высшей степени примечательного письма. Примечательного, в первую очередь по мнению сторонников подлинности рунической надписи на Кенсингтонском камне. Итак, с тех пор, как люди Эрика Рыжего заселили Гренландию, между ней и Норвегией существовали тесные связи. Политически она была

объединена с норвежской метрополией, хотя отдаленность и позволяла местным жителям осуществлять широкую автономию. Лишь в 1294 году норвежский король Эрик VI объявил торговлю с Гренландией королевской монополией. (До этого она принадлежала купцам из Бергена. Отметим, что данные о введении государственной монополии могут быть и ошибочными.)

Расчет был на увеличение доходов казны, но произошло обратное. Торговля и вообще связи с Гренландией стали быстро ослабевать. Сначала ежегодно в Гренландию должно было отправляться королевское судно. Его традиционно именовали «Трещоткой». Но снаряжение его стоило дорого, и постепенно перерывы между рейсами стали увеличиваться. Гренландские колонисты оказались отрезанными от мира и вынуждены были переходить к образу жизни эскимосов. Это привело к столкновениям с самими эскимосами из-за мест охоты и рыбной ловли. Как уже говорилось выше, климат начал ухудшаться, и эскимосы стали продвигаться на юг Гренландии. Вероятно, они захватили и разрушили Западное поселение. Это и обеспокоило короля Магнуса, посылавшего «Трещотку», дабы «христианство в Гренландии» не «погибло в наше время».

Известно, что Западное поселение в Гренландии люди Пауля Кнутсена нашли пустым и разрушенным: «ни язычника, ни христианина – только одичавший скот и овцы...» Экспедиция вернулась в Норвегию не раньше зимы 1363—64 года. Именно в это время в Норвегии появился Ивар Бордссон, гренландский священник, некоторое время живший в Эстербюгде, а иначе как на «Трещотке» он попасть туда не мог. Так где же находилось судно с 1355 по 1364 год? Многие исследователи логично предполагают: отправилось дальше на запад в поисках, возможно, уплывших туда гренландских христиан, «дабы не оставлять их во власти дьявола». То, что люди Кнутсена и норманны, побывавшие в Миннесоте, принадлежали к одной экспедиции – тем более вероятно, что она была единственной за все время, в которой совместно участвовали норвежцы и шведы.

Исследователи обращают внимание и еще на одно обстоятельство, которое могло бы подтвердить присутствие во внутренних районах Северной Америки норманнов. Некогда на территории, поделенной сейчас между Висконсином, Миннесотой и Южной Дакотой, проживало племя манданов, которых принято называть «белыми индейцами». Известно о них мало, поскольку их регион стал ареной активных действий «бледнолицых» пионеров только в середине XIX столетия, когда сами манданы уже практически исчезли. Это племя отличалось от других индейцев цветом кожи и религиозными воззрениями. По свидетельству Макинтоша, посетившего манданов в 1773 году, они жили в девяти хорошо укрепленных городах, занимались земледелием. В их внешности он нашел признаки смешения с какой-то северной расой. Часто встречались люди с белокурыми волосами и голубыми глазами. Жилища манданов были схожи с североевропейскими постройками. Предания этих туземцев изображали их прародителя белым человеком, прибывшим на каноэ. Еще до прихода христианских миссионеров у манданов были в ходу рассказы о добром Спасителе, непорочном зачатии, его муках и смерти от рук врагов. Знали они о грехе прародительницы человеческого рода, о потопе, ковчеге и посланном из него голубе. Об этих поразительных фактах рассказывал еще в 1738 году повстречавшийся с манданами француз Ла Верандри. Его наблюдения были подкреплены более поздними путешественниками, в частности англичанином Данбаром в 1780 году. К сожалению, в 1837 году эпидемия черной оспы сократила численность племени с 1600 до 37 человек. Оставшиеся в живых смешались с соседними индейскими племенами, утратив всякие признаки «белого» происхождения.

Руны на поверхности Кенсингтонского камня были не единственными, найденными на территории Америки. Известны также камень с письменами из Тонтон-уивер, рунические камни из Портсмута, с острова Март-Ваньярд из Суонси, Маттапойсетт-Нека в Индиане, Маунт-Хопа, Сачнест-Пойнта, Тивертон, Спокана... В некоторых источниках находят подтверждение и описанной экспедиции Генри Синклера, графа Оркни, которую он совершил

в 1398 году: в штате Массачусетс обнаружено наскальное изображение европейского рыцаря с гербом Синклеров на щите.

Впрочем, практически все эти сенсационные находки были убедительно разоблачены как фальшивки. И только лишь Кенсингтонский камень все еще «держится» под ударами скептиков.

Геологи установили, что место находки камня, удаленное в наше время на запад от Великих озер, раньше должно было находиться на берегу озера. Это – факт в защиту его подлинности. (Ведь там написано, что десять человек остались у моря или озера охранять корабль – откуда мог знать о такой геологической тонкости мистификатор XIX века?) В надписи говорится, что участники отряда находились на острове, а исследователи установили, что уровень воды в близлежащем озере Корморант был в XIV веке на метр выше, чем сейчас...

Еще одна немаловажная деталь. Холанд нашел в Миннесоте около десятка причальных камней, подобных тем, которыми пользовались норвежцы в течение тысячелетий. Чтобы суда не сносило течением, они обтесывали тяжелые камни на берегу, придавая им определенную, весьма характерную форму, а затем закрепляли на них тросы. Камни обтесывали железом, которого индейцы не знали. Кто же тут плавал? Если точки, где были найдены камни, соединить на карте, не увидим мы ли мы дорогу, которой двигались скандинавы через Миннесоту – через цепь мелких протоков и озер, некоторых из которых сейчас не существует?

Итак, если принять во внимание исследования Холанда, можно прийти к выводу, поражающему воображение. В 50—60-е годы XIV века норманны проникли в глубь Североамериканского континента на расстояние 1500 километров от атлантического побережья. Их маршрут прослеживается до реки Миссисипи, где обрывается. Вернулись ли они назад или растворились в стране манданов? Ответ на этот вопрос вряд ли будет найден. Историки, которые следуют этой версии, считают вполне вероятным, что были это не гренландцы, а члены экипажа Пауля Кнутсена, норвежского мореплавателя, посланного своим королем для помощи поселенцам Гренландии и искавшего их в Америке. Его экспедиция отправилась домой лишь тогда, когда пропала надежда на возвращение поисковой группы, направленной в глубь континента.

Кенсингтонский камень, хранившийся в Торговой палате Александрии, штат Миннесота, 11 марта 1948 года торжественно перенесли в Вашингтонский национальный музей. А его 20-тонная каменная копия возвышается неподалеку от прежнего его пристанища в Александрии, в так называемом Руна-парке – Парке рунических надписей.

Холанда заинтересовал не только Кенсингтонский камень, но другая тайна – Ньюпортская башня – круглое каменное строение на острове Род-Айленд, в одноименном штате на востоке США. Башня стоит на восьми каменных столбах с арками между ними, точно ориентированным на восемь точек горизонта. До сих пор не вполне ясно, когда именно она была построена, причем называемые даты отстоят друг от друга на столетия.

Первые английские колонисты прибыли в залив Кейп-Код, штат Массачусетс, в 30-х годах XVII века. Здесь, на атлантическом побережье, они выстроили первое поселение – Плимут. На эскизе карты 1634 года показан только один поселок – Олд-Плимут, и историки считают достаточно показательным тот факт, что в названии присутствует слово «олд» – старый. Возможно, поселенцы обнаружили здесь следы древнего, доанглийского поселения. Не была ли это та самая Ньюпортская башня?

Скептики утверждали, что башня, на самом деле, построена по указанию губернатора Род-Айленда Бенедикта Арнольда в 70-х годах XVII столетия. В 1850 году было найдено завещание Арнольда, где он пишет о башне как о якобы построенной им мельнице. Но уже упоминавшийся Р. Рамсей пишет, что «независимо от того, скандинавского происхождения

эта башня или нет, есть основания полагать, что она предшествует времени Арнольда». В 1632 году некий Эдмунд Плоуден представил план создания английской колонии на Лонг-Айленде и упомянул в качестве одного из достоинств этого места «круглую каменную башню», которая могла бы служить хорошим укреплением для гарнизона как защита от нападения индейцев с северной стороны. Этот документ был написан не только за сорок лет до губернаторства Арнольда, но и за семь лет до того, как был основан Ньюпорт.

Еще датчанин Рафн высказал в 1837 году мысль, что эта башня была выстроена норманнами. Ее связывали с обнаружением неподалеку в 1811 году погребения якобы норманнского рыцаря. Находка эта не документирована, зато послужила темой для баллады знаменитого американского писателя Генри Лонгфелло «Скелет в доспехах», где упоминается и Ньюпортская башня. Высказывались, впрочем, и мнения о донорманнском, языческом, происхождении башни.

В 1910 году француз Анлар показал, что характер архитектуры башни – двояко скошенные окна в ее верхней части – присущ скандинавским строениям. В Англии после вторжения норманнов «такие окна уже не прорубались». Холанд же был убежден, что башню построили еще в XIII веке. Ее ориентация по сторонам света характерна для культовых, а не для хозяйственных построек. К тому же можно указать место, где явно мог находиться алтарь. Очень похожее на Ньюпортскую башню сооружение есть и на Скандинавском полуострове. Это шведская церковь Св. Олафа в Тёнеберге (1300), и вообще таких церквей-крепостей в Швеции насчитывается два десятка. На каменном валу рядом с Ньюпортской башней сделана руническая надпись, в которой упоминается скандинавское имя Инки.

Итак, Холанд полагал, что именно здесь, у залива Наррангасет, и находилась главная база экспедиции Кнутсена. Отсюда в Миннесоту и направился поисковый отряд. А духовники экспедиции, вероятно, занимались миссионерской деятельностью среди местного населения. Любопытно, что когда в 1676 году Бенедикт Арнольд подавлял мятеж индейцев-наррангасетов, европейские колонисты с удивлением обнаружили, что предводительницу индейцев звали Магнус – очень распространенным среди скандинавов именем.

Еще один картографический курьез связывают с норманно-американской теорией. Речь идет о появлении в XVI–XVII веках на картах Северной Америки некоей территории Норумбега. Впервые это название на карте относилось к реке, но затем распространилось на значительную часть северо-востока континента. Этимологию этого слова объясняли по-разному. Вероятнее всего, оно все же индейского происхождения, но на картах XVI века его часто писали как *Noruega* или *Nova Noruega*, что способствовало укоренению мнения о том, что, по крайней мере, часть американских индейцев – выходцы из Скандинавии^[30]. Позднее наиболее распространенным объяснением названия «Норумбега» стали слова *Nordhman Bygdh* (Норманнское поселение). Их отождествляли с «открытием», сделанным в 20-х годах XVI века путешественником Джованни Веррацано. Он утверждал, что открыл норманнское поселение (*Norman Villa*). Географ Маджолло на своей карте поместил это поселение в Новую Англию. Впоследствии *Norman Villa* стали связывать с той самой Ньюпортской башней, о которой шла речь выше.

Наш рассказ о доказательствах достоверности норманнских саг о путешествиях в Америку был бы неполным, если бы мы не упомянули об еще одной нашумевшей находке. А именно о знаменитой «Карте Винланда». Эта карта была обнаружена в 1957 году американским антикваром из Нью-Хейвена Лоуренсом Уиттеном в одной из частных библиотек в Европе, а сведения о ней стали широко известны после публикации статьи в «Нью-Йорк Таймс» в 1965 году. Публикация, между прочим, была сделана за два дня до 12 октября – Дня открытия Америки Колумбом, что, несомненно, было не случайно. Это хорошо поняли американцы итальянского происхождения, которые после появления статьи вышли на многочисленные демонстрации в знак протеста против того, чтобы у их земляка отбирали славу первооткрывателя Америки.

Было ясно, что карта – составная часть латинской рукописи, вместе с которой она и была приобретена. Вероятно, решил Уиттен, это рукопись XIII века – «Сообщение о татарах» лионского монаха Джованни дель Плано Карпини, ездившего по поручению папы Иннокентия IV с миссией в ставку монгольского хана в 1245–1247 годах. Однако в 1958 году антиквары обнаружили еще один фрагмент рукописи – на этот раз датируемый XV веком (примерно 1440 годом). Автор этого фрагмента был установлен довольно легко: доминиканский монах Винсент де Бове, известный как автор «Зеркала истории». Теперь стало ясно, что фрагмент Карпини не подлинник, а более поздний список, включенный Бове в свою книгу. Когда две части рукописи соединили, стали очевидными и идентичный почерк, и одинаковые водяные знаки на бумаге, и множество других мелких признаков. Сомнения у многих историков исчезли, когда совпали дырки от книжных червей, «работавших» над рукописью в течение веков.

Хотя карта сильно пострадала от времени, она весьма правдоподобно изображает очертания берегов Северной Америки, включая остров Ньюфаундленд и часть атлантического побережья Канады. На ней также показано, что Гренландия – остров, а между тем это убедительно доказал лишь Роберт Пири в 1901 году. Надпись в верхнем левом углу сообщает, что «с Божьей помощью спутники Бьярни и Лейф Эриксон после долгого путешествия, предпринятого ими с острова Гренландия в южном направлении, в самые отдаленные части Западного океана, прошли под парусами через льды и открыли новую очень плодородную страну, где растет даже виноградная лоза, и потому назвали ее Винланд» и что после них там побывал гренландский епископ Эрик Гнупсон.

Уникальный документ отправили в Йельский университет и оценили в 20 миллионов долларов. С тех пор карта вызвала горячие споры специалистов. Многие относили ее даже к первой трети XV века, то есть полагали, что она составлена задолго до плавания Колумба. Более того, великий мореплаватель мог воспользоваться ею при составлении плана своего путешествия. Американские исследователи – физик Д. Донахью, химик Ж. Олин и физико-химик Г. Харботтл – определили, что пергамент, на котором изображена карта, действительно изготовлен между 1423 и 1445 годами. О том же свидетельствовали и некоторые характерные особенности, имеющиеся как у этой карты, так и, например, у протоколов Базельского собора католической церкви (1431–1449).

Однако ученые из Лондонского университетского колледжа К. Браун и Р. Кларк пришли к выводу, что «Карта Винланда» – все же фальшивка. Они провели химическое и оптическое исследование чернил, которыми она была выполнена. Черные линии, подходя к краю листа, выцветают, приобретая желтоватый оттенок. Это казалось вполне правдоподобным, но, изучив характер лазерного луча, отражаемого линиями, исследователи обнаружили, что желтые участки содержат анатазу (одна из форм диоксида титана) – вещество, очень редко встречающееся в природной среде, но широко применявшееся в производстве чернил и красок начиная с 1920-х годов. Таким образом, выцветание и пожелтение сознательно подделаны. Это заявление ученых было опубликовано в начале XXI века, хотя первые химические исследования чернил состоялись еще в 1974 году в Чикаго.

Был назван и возможный автор этой подделки: церковный историк из Югославии, хорват Лука Елич, умерший в 1922 году. Он отстаивал теорию, по которой викинги, селившиеся в Северной Америке, были христианами. Значит, еще в доколумбову эпоху Северная Америка пребывала под властью Римско-католической церкви. Об этом же говорит и надпись, нанесенная на карте. Приведем отрывок из нее: «Эрик [епископ Гнупсон], легат апостольского престола и епископ Гренландии и соседних областей, во имя Всемогущего Господа прибыл в эту неимоверно далекую и изобильную страну в последний год правления нашего святого отца Пасхалия и во имя Господа оставался здесь долгое время, лето и зиму, а затем возвратился на северо-восток, в Гренландию, ибо действовал он, смиренно покоряясь своим властям».

Однако сторонники подлинности карты не собираются сдаваться. Жаклин Олин провела еще одно исследование, найдя лишь следовые количества титана, что могло быть результатом загрязнения или изменения химического состава уже нанесенных на пергамент чернил в течение веков.

* * *

Экспедиции норманнов в Северную Америку в XI–XII веках, собственно, не умаляют славы Христофора Колумба. Сведения о походах в Гренландию и в страну Винланд распространялись, по всей видимости, в довольно узком, преимущественно скандинавском ареале и не оказывали серьезного влияния на развитие географических представлений средневекового мира. Известный историк А. Гуревич пишет, что, «даже посетив Америку, норманны не открыли ее в том смысле, в каком открыл Америку Колумб: реальных последствий ни для американских индейцев, ни для эскимосов, ни для европейцев этот эпизод не имел».

Все это верно. Верно и то, что Колумб вряд ли мог воспользоваться картами XI века, хотя бы по той причине, что викинги не чертили карт. Но вот вопрос – не мог ли путешественник воспользоваться информацией, полученной от современных ему норманнов? Что если северяне продолжали совершать плавания в Гренландию и к Винланду и в XIV–XV веках? Возможно, что плавания Лейфа Эриксона, Пауля Кнутсена (60-е годы XIV века) и Иоанна Скольвуса (70-е годы XV века) представляют собой непрерывную цепочку событий? Тогда связь между норманнскими знаниями об Америке и знаниями Колумба о земле по ту сторону Атлантического океана может быть непосредственной.

Напомним основные моменты, связанные с экспедицией Колумба, совершенной им в 1492 году. Христофор Колумб (или Кристобаль Колон) родился, предположительно, в 1451 году в Генуе в семье ткача. Он стал моряком и участвовал в торговых поездках по Восточному Средиземноморью. В 1476 году Христофор переехал в Португалию, плавал на английском корабле. Позже он служил на португальских кораблях, вероятно, несколько раз бывал в Гвинее.

С ранних лет Колумб думал о возможности достичь Азии, плывя в западном направлении. В то время образованные люди прекрасно знали, что Земля имеет форму шара. Об этом, собственно, говорили уже древние греки. В свое время Колумб вошел в переписку с известным географом Тосканелли, он внимательно изучал труд кардинала Пьера д'Айи «Трактат об образе мира», в котором говорилось, что Китай удален от Канарских островов к западу приблизительно на 5 тысяч километров. Тщательно ознакомился будущий первооткрыватель и с книгой Марко Поло. Проведя свои вычисления, он сделал вывод, что азиатского берега можно достичь приблизительно в том месте, в котором он потом достиг Америки. Эта ошибка и позволила ему открыть новый континент.

Но не так-то просто было убедить в правильности своих расчетов европейских правителей. Долго Колумб пытался уговаривать португальского короля Жуана II. Король отверг предложение Колумба. Его капитаны уже были близки к тому, чтобы достичь Индии в обход Африки. Кроме того, Колумб требовал себе слишком больших привилегий в новых землях. Пришлось ему обратиться к испанским властям. Но и здесь дело продвигалось ненамного лучше. После многолетнего рассмотрения записки Колумба специальная комиссия в 1490 году постановила отказать просителю. Однако убежденность и настойчивость Колумба, а также вмешательство финансовых и купеческих кругов все же сделали свое дело. Королева Изабелла согласилась предоставить ему корабли и необходимое снаряжение, а также приняла условия Колумба. В случае удачи он получал титулы адмирала, вице-короля и губернатора и десятую долю всех доходов.

В экспедицию отправились три корабля: каравелла «Санта-Мария» (на котором плыл сам Колумб), «Нинья» и «Пинта». На кораблях было около 90 человек. Флотилия вышла из Пал-о-са 3 августа 1492 года, добралась до Канарских островов и двинулась на запад. Плавание могло закончиться трагически, поскольку, плывя третий месяц в незнакомых водах и не видя земли, экипаж едва не поднял бунт. Наконец 12 октября 1492 года матрос «Пинты» Родриго Триан увидел землю. Это был один из Багамских островов Гуаныхани, которому испанцы дали имя Сан-Сальвадор. Затем были открыты некоторые другие острова архипелага, Куба, Гаити (его называли Эспаньолой), Тортуга. До материка Колумб в этот раз не добрался. Великий мореплаватель был уверен, что он достиг каких-то островов у берегов Азии. Бедность местных жителей и отсутствие городов его не смутили. В марте 1493 года он вернулся в Испанию, везя с собой немного золота, нескольких туземцев, невиданные растения. На острове Эспаньола осталось 39 человек.

Золото впечатлило испанцев, и в следующую экспедицию, уже в сентябре, вместе с «главным адмиралом океана» отправилось 17 кораблей. Был открыт еще ряд островов Карибского бассейна. На Эспаньоле оказалось, что все колонисты перебиты туземцами. Материка все еще было не видно. Не было видно и больших запасов золота, которые обещал Колумб. Фердинанд и Изабелла назначили нового губернатора. Третью экспедицию Колумб снарядил уже с большим трудом. Она отправилась 30 мая 1498 года. На сей раз корабли подплыли к матерiku в месте впадения в океан реки Ориноко. На Эспаньоле же адмирал был арестован новым губернатором и отправлен в кандалах в Испанию. Колумба обвиняли в «жестокосердии». Король и королева приказали освободить его, но в правах не восстановили.

Последнее, четвертое путешествие началось 3 апреля 1502 года. Колумб обследовал часть материкового побережья, но пролива, ведущего, по его мнению, в Индийский океан, не нашел. Обратное плавание выдалось крайне тяжелым. Колумб заболел. Отстаивать свои права у него уже не было сил. Мореплаватель умер 20 мая 1506 года в Вальядолиде, так и не получив больших доходов и, по всей видимости, пребывая в уверенности, что достиг Азии. В это же время другой путешественник – итальянец Америго Веспуччи, участвовавший в нескольких испанских и португальских экспедициях (1499–1504) к берегам Южной Америки, уже, вероятно, не сомневался в том, что Колумб открыл новый континент. Веспуччи называл его Новым Светом. В 1507 году лотарингский картограф Вальдземюллер назвал Новый Свет по имени Америго Веспуччи Америкой. На долю же Колумба выпала всего одна страна в Южной Америке, получившая его имя, но также и слава величайшего путешественника в истории.

Итак, генуэзец ошибся в расчетах и достиг Америки случайно. Так ли это, на самом деле? Было ли это лишь ошибкой? Этот вопрос волнует умы историков уже около ста лет. И некоторые из них утверждают, что Колумб имел более точные сведения о землях по ту сторону Атлантического океана. Получить их он мог либо от португальцев, либо от скандинавов, что по некоторым причинам может означать одно и то же.

Плавания великих путешественников Колумба, Васко да Гама и Магеллана были подготовлены настойчивой деятельностью португальского принца Энрике. Он вошел в историю как Генрих Мореплаватель, хотя сам не участвовал ни в одном из плаваний. С 1416 года и до самой смерти португальского инфанта (1460) португальские мореплаватели плавали вдоль побережья Африки в поисках морского пути в Индию. Через двадцать восемь лет после его смерти Бартоломеу Диаш обогнул южную оконечность Африки, а в 1498 году Васко да Гама достиг Индии.

Но португальцы не теряли интереса и к северным путям. Генрих Мореплаватель проводил политику развития добрых отношений с датчанами для того, чтобы воспользоваться их большим опытом плавания в северных морях, и возможно, что возглавлявшаяся Скольвусом датская экспедиция на север Атлантики в 70-х годах XV

столетия (мы уже говорили о ней выше) в значительной мере была стимулирована португальцами. Немало датчан участвовало в португальских исследованиях африканских берегов, а в арктическом плавании 1470-х годов принимали участие два португальца: Жуан Ваш Кортириал и Альвару Мартинш Омен.

Куда именно направлялась эта экспедиция, осталось неясным. Нет сомнений в том, что она посетила Гренландию; весьма вероятно, что она прошла дальше, останавливаясь в других районах арктической Америки. Фризий на своем глобусе 1537 года к северу от залива Святого Лаврентия помещает землю народа «кви» и приписывает ее открытие Иоанну Скольвусу. Предполагают, что это название является одним из вариантов названия индейского племени кри, которое в те времена, по-видимому, обитало в тех местах.

Если португальцы побывали в Гренландии и даже прошли чуть дальше на запад, мог ли Колумб узнать об этом? Да, конечно. Хотя... «Почему от португальцев?» – спрашивают некоторые биографы мореплавателя. Он мог общаться с самими датчанами и исландцами! Известно, что в начале января 1477 года Колумб в составе некой экспедиции отправился в Англию. Впрочем, сам адмирал только вскользь упоминал о том, что ему довелось побывать в Англии и Ирландии. Запутал дело Фернандо Колон, внебрачный сын Христофора Колумба, который в свою «Жизнь адмирала» вставил выдержку из недошедшей до нас отцовской «Мемории» – критического обзора античных и средневековых теорий земных поясов («климатов»). Что писал в «Мемории» ее автор, нам узнать не дано, но фрагмент из этой рукописи в изложении Фернандо звучит так: «В феврале 1477 года я проплыл за Тиле, остров, сто лиг, южная часть которого отстоит от экватора не на 63 градуса, как кое-кто считает, а на 73 градуса... а на этот остров, который столь же велик, как Англия, приходят англичане с товарами, особенно люди из Бристая [Бристоля]...»

Далее следовало разъяснение Фернандо Колона: «Истинно то, что речь идет о Тиле [Туле], о котором говорит Птолемей, а лежит Тиле в том месте, где, как говорят, находится Фрисландия». Фрисландией в XVI веке называли Исландию. Таким образом, выходит, что в Исландии Колумб лично мог встретиться с Иоанном Скольвусом, якобы побывавшем в Гренландии и, возможно, в Северной Америке. А то и лично принять участие в загадочной датско-португальской экспедиции 70-х годов XV века.

Действительно, Колумб был в Бристоле в феврале 1477 года, но, по мнению историка Я. Света, отсюда не следует, что бристольтцы взяли его с собой на «Тиле-остров». «Вряд ли они, – пишет он, – нуждались в генуэзских «туристах», а в ином качестве подвизаться на бристольтском корабле Колумб не мог. Никто не доверил бы кормило южанину, который не имел ни малейшего представления о капризах суровых околополярных морей». Ни Колумб, ни его современники-северяне никогда не упоминали о взаимных контактах. Но сторонники версии о его взаимоотношениях со скандинавами, среди которых выделяется верный своим диффузионистским принципам Тур Хейердал, продолжали и продолжают искать доказательства того, что Колумб видел норманнские карты, бывал в Северной Атлантике, знал о земле к западу от Гренландии и чуть ли не лично прокладывал маршрут экспедиции Иоанна Скольвуса.

Сейчас мы понимаем, что лучшей дороги, чем выбрал Колумб, из Испании в тропические области Нового Света не существует. От берегов Пиренейского полуострова к Канарским островам следует сильное Канарское течение. Сразу же к югу от этих островов течение круто поворачивает и вливается в струю Северного пассатного течения. Оно пересекает Атлантический океан в полосе восточных пассатов и доходит до берегов Кубы и Флориды. Впрочем, на этом пути возможно только одностороннее движение – от Европы к Америке. В обратном направлении следует держать путь в зоне Гольфстрима, который пересекает Северную Атлантику с юго-запада на северо-восток и выносит корабли к Азорским островам. И именно так шел Колумб обратно в 1493 году, вторично избрав единственно правильную

трассу. Адмирал, таким образом, predetermined на много веков вперед всю систему трансокеанской навигации.

Интуиция? Данные, полученные от португальцев, пытавшихся исследовать Атлантический океан на разных широтах, а не только плававших вдоль Африки? Необыкновенная удача? Кто знает... Однако возникает вопрос. При чем же тут викинги с их Северной Атлантикой и Северной же Америкой, если Колумб плыл к островам Карибского бассейна? Он и Южную-то Америку увидел лишь во время третьей экспедиции, а уж к Северной и вовсе не приближался. Если бы Колумб захотел пройти до Северной Америки якобы знакомым ему маршрутом через Исландию и Гренландию, его путь удлинился бы на 2625 километров.

Первым европейцем, точно ступившим на берег Северной Америки в эпоху Великих географических открытий, был Джон Кабот. 24 июня 1497 года он высадился на мысе Болд в хорошо нам уже известном Ньюфаундленде, открыв таким образом новый континент. Кстати, итальянцы могут гордиться и Каботом, поскольку звали его, на самом деле, Джованни Кабото и был он итальянцем, состоящим на английской службе.

Следует сказать, что после этого к Северной Америке действительно направились и португальцы. Трое сыновей упоминавшегося уже Кортириала истратили все состояние, чтобы найти земли, которые якобы посетил их отец, плававший с датчанами. В 1500 году младший сын, Гашпар, возглавил путешествие, которое оказалось неудачным; затем в 1501 году еще одно, стоившее ему жизни. Но на этот раз два корабля возвратились с известием о повторном открытии Гренландии и о «Земле Лабрадор». Вот почему этот северный район Америки носит португальское название. Старший брат Гашпара, Мигель, в 1502 году отправился в плавание, для того чтобы войти в фактическое владение этими землями, но пропал без вести.

Открытие Кортириала привело к тому, что с карт была устранена прежняя предполагаемая Гренландия к северу от Норвегии и она заняла более правильное положение в западной Атлантике. На карте Кантино 1502 года она помещена на восточной (португальской – согласно Тордесильясскому договору между Испанией и Португалией) стороне демаркационной линии и показана очень маленькой.

Португальцы не смогли освоить Гренландию, и она на некоторое время осталась без хозяина. Король Дании Кристиан II планировал путешествие в Гренландию в 1513 году, но обстоятельства помешали ему осуществить этот план. Также задумывал подобное путешествие и король Фредерик I в 1522 году. Наконец в 1578 году Фредерик II послал экспедицию под командованием некоего Магнуса Хеннингсена, который видел берег Гренландии, но не сошел на него. Это было приблизительно в то же время, когда Мартин Фробишер высадился в южной Гренландии, принял ее за Фрисландию и завладел ею, назвав Западной Англией.

В начале XVII столетия датчане несколько раз выходили в плавание; четыре из этих путешествий вел Джемс Холл, англичанин, штурманом у которого в 1612 году был выдающийся путешественник Вильям Баффин. Холл был убит в незначительной стычке с гренландскими эскимосами. Различные английские экспедиции в поисках Северо-Западного прохода изучили гренландские берега до 75° северной широты.

На протяжении XVII и XVIII столетий Гренландия была популярным среди китобоев всех национальностей местом охоты на моржей и тюленей. Только в 1721 году в результате плавания миссионера Ханса Эгеде права Дании в Гренландии были восстановлены. Эгеде отправился в путешествие с надеждой отыскать остатки потерянной легендарной скандинавской колонии, чтобы проповедовать там христианство протестантского толка, но, не обнаружив ее, он остался среди эскимосов. За этим в 1832 году последовало путешествие Вильгельма Граа, представителя датского флота; во время этого плавания были обнаружены

следы древних скандинавских поселений и подтверждено право Дании на владение островом. Право это с тех пор продолжает оставаться в силе – Гренландия и сегодня находится под управлением датской короны.

Своим ходом шло и освоение Северной Америки. Здесь столкнулись интересы англичан, французов, голландцев, испанцев. Около 1504 года, через три года после последней экспедиции Гашпара Кортириала, французские моряки проникли в залив Святого Лаврентия. Восточный берег Северной Америки между 34° и 46° с. ш. изучил в 1524 году итальянец на французской службе Джованни Веррацано.

В поисках Северо-Западного прохода француз Жак Картье в 1534–1535 годах обогнул остров Ньюфаундленд с севера, открыл юго-восточный берег полуострова Лабрадор, остров Принс-Эдуард, полуостров Гаспе, остров Антикости и реку Святого Лаврентия. Английские экспедиции в 1576–1631 годах (М. Фробишер, Дж. Дейвис, Г. Гудзон, Т. Баттон, Р. Байлот, У. Баффин, Л. Фоке и Т. Джеймс) обошли берега моря Баффина и залива Гудзон, проникли в бассейн Фоке.

В 1609 году француз Самюэль Шамплен открыл Северные Аппалачи, а в 1615–1648 годах он и его агенты, а также иезуиты исследовали Великие озера. В 1678–1681 годах другой француз – Ла Саль, обследовал водные пути от реки Святого Лаврентия через Великие озера к Миссисипи и спустился по ней от реки Иллинойс до моря. В 1690–1691 годах англичанин Г. Келси, следуя на юго-запад от Гудзонова залива, пересек Лаврентийскую возвышенность и открыл реку Саскачеван. В 1734–1749 годах француз П. Варенн и его сыновья открыли в Центральной Канаде озера Виннипег, Манитоба и другие, плато Миссури.

В 1770–1787 годах англичане С. Херн, Дж. Фробишер и другие открыли в Северной Канаде цепи озер, в том числе Большое Невольничье и Атабаска, и текущую через них великую реку (Макензи), по которой А. Макензи в 1789 году спустился до Северного Ледовитого океана; в 1792 году было открыто Большое Медвежье озеро; в 1792–1793 годах А. Макензи пересек всю Северную Америку с востока на запад.

Лишь в XIX веке европейцы всерьез принялись за некоторые территории, которые были, судя по всему, известны средневековым норманнам. Связано это было, в частности, с поиском все того же Северо-Западного прохода в Тихий океан. В 1818 году Дж. Росс исследовал восточные берега острова Девон и Баффиновой Земли; в 1819–1825 годах У. Парри открыл близ 74° северной широты три пролива, прилегающие к ним острова, полуостров Мелвилл и доказал, что Баффинова Земля – легендарный Холлуланд – это остров. Путешественники достигали все более северных широт – тех земель, до которых вряд ли доходили и гренландские викинги.

«Скрэлинги» – эскимосы и индейцы – встретили в лице англичан и французов противников гораздо более опасных, чем норманны. С тех пор как в Массачусетсе в 1620 году высадился экипаж знаменитого «Мэйфлауэра», борьба колонистов с местным населением фактически не прекращалась. Постепенно аборигены были вытеснены из своих земель на запад, затем очутились в резервациях, многие племена просто исчезли.

Судьба жителей норманнских поселений в Гренландии до конца не выяснена. Решающее значение в их истории могли сыграть либо эскимосы, либо ухудшение природных условий. О похолодании мы уже говорили – на поселения наступали ледники, пастбища оскудели, льды в море блокировали побережье, мешая судоходству. О похолодании говорит достаточное количество источников из разных стран. По свидетельству хронистов, когда в 1438 году французский король Карл VII вошел в Париж, волки в поисках тепла забегали на улицы города. В Исландии в XIV–XV веках было несколько тяжелейших неурожайных лет, связанных с похолоданием, что нередко приводило к падежу скота. Так, в 1483 году в Исландии было 233 тысячи овец, а год спустя, после очень холодной зимы и весны, их осталось только 42

тысячи. Конечно, ухудшение климата должно было в первую очередь и самым тяжелым образом отразиться на расположенной далеко на севере Гренландии.

Оригинальную версию высказал датский геоботаник Ю. Иверсен. По его мнению, катастрофического похолодания не было, но климат все же изменился – лето стало сухим, а это способствовало небывалому нашествию травяной моли, которая уничтожила растительный покров, погубив корм для скота и, тем самым, сам скот. Иверсен пишет, что норманны вынуждены были перейти из внутренних частей фьордов к морскому побережью, заняться ловлей морского зверя и были перебиты спускавшимися с севера эскимосами. Другой датчанин – Х. Вебэк, соглашаясь с Иверсеном в том, что климат летом стал сухим, отводит главную роль в уничтожении норманнских хозяйств высыханию пастбищ из-за недостатка влаги и постоянному наступлению песков.

Знаменитый путешественник Фритьоф Нансен, не отрицая ухудшения климата, все же отказывался признать его причиной гибели гренландских норманнов. Он полагал, что летняя температура была достаточной для существования людей и животных. В очень суровые годы и даже десятилетия гренландские норманны могли выселиться к берегу и от традиционного животноводства перейти к морским промыслам, освоить эскимосский инвентарь. Со временем, по мнению Нансена, они вообще могли влиться в эскимосский народ и через несколько поколений забыть о своем происхождении.

Во второй половине XIII века норманны столкнулись со скрэлингами к северу от своего Западного поселения.

Это были эскимосы – представители культуры Туле, прошедшие из Аляски через Канаду и достигшие Гренландии в ее северной части около 1200 года. Затем они стали расселяться по всем пригодным для жизни районам острова. Некоторые племена двинулись на юг вдоль западного побережья. Самого Вестербюгда эскимосы культуры Туле достигли в начале XIV столетия, а возле морских границ Восточного поселения оказались, возможно, в 1350–1400 годах.

Основные исследования этих передвижений были проведены Т. Матиассеном, Э. Хольтведом и Л. Кохом в разные годы начиная с 1927-го. Кох полагал, что эскимосы проникли на территорию, близкую к Восточному поселению, в середине XV века. Затем они двинулись дальше на юг, оставив в стороне это поселение с его норманнскими обитателями. Другие племена, отправившиеся на север из района Туле, спустя несколько поколений достигли территорий, ныне известных как Земля Нансена и Земля Пири, откуда затем двинулись на юг в направлении залива Скорсби. Кох полагает, что пути эскимосов и норманнов в Гренландии так и не пересеклись.

Его коллеги считают, что это не так и представители двух цивилизаций все же вошли в контакт. Продвижению эскимосов на юг, вероятно, способствовало похолодание, наступившее после 1200 года. Они двигались вслед за тюленями, поскольку соответствующий промысел был основой всего их хозяйственного уклада. Норманны же, напротив, должны были двигаться на север в поисках плавучего леса и новых охотничьих угодий. Встреча была неизбежна. Ухудшение климата сулило победу тому народу, который сумел бы лучше приспособиться к холодам. У выросших на севере эскимосов в этом смысле было несомненное преимущество. Норманны же продолжали придерживаться европейских традиций в одежде и способе ведения хозяйства. Их появление в Гренландии вообще могло бы не состояться, если бы не временное потепление в X–XI веках. Они были привязаны к своим стадам и пастбищам. Долгая зима предвещала конец их мира. Осознали это норманны не сразу. К малорослым, темнолицым скрэлингам они относились с пренебрежением. (Само слово «скрэлинг» переводится как «простак» или «заморыш».) А между тем им следовало перенять образ жизни этих людей. Впрочем, возможно, они так и поступили. Если успели...

Западное поселение, по-видимому, прекратило свое существование в 40-х годах XIV века. Хроники епископа Гисле Оддсона, записанные в Исландии в 1637 году, содержат сообщение о том, что «жители Гренландии по своей собственной воле отвергли истинную веру и христианскую религию, отказались также от всех истинных добродетелей и присоединились к обитателям Америки. Говорят также, что Гренландия слишком близко примыкает к западным регионам мира и потому христиане перестали плавать на этот остров». Под обитателями Америки епископ наверняка подразумевал эскимосов. Вероятно, именно чтобы оценить степень этого вероотступничества, в 1341 году бергенский епископ Хакон отправил в Гренландию священника Ивара Бордссона – того самого, который вернулся в Норвегию с экспедицией Пауля Кнутсена в 60-е годы XIV века.

Отчет Ивара о его посещении Вестербюгда сохранился лишь в позднейших рукописях. Вот что гласят дошедшие до нас документы: «Западное поселение от Восточного отделяют двенадцать морских лиг, совершенно необитаемых. В Западном поселении находится большая церковь, называемая церковью Стенснеса. В течение какого-то времени эта церковь была собором и епископским престолом. В настоящее время все Западное поселение перешло под власть скрэлингов. И хотя там остались лошади, козы, коровы и овцы, но все они одичали, а людей и вовсе не осталось – ни христиан, ни язычников». Здесь мы видим некоторое противоречие – непонятно, все же «перешло под власть скрэлингов» или «людей и вовсе не осталось». Высказывались предположения, что жители Западного поселения решились уйти на рыбный промысел или охоту далеко от поселка, а горе-спасатели из Эстербюгда тем временем увели оттуда скот, обрекая соплеменников на голодную смерть. Другая гипотеза говорит о том, что норманны смешались с эскимосами, забросили животноводство и мигрировали на Баффинову Землю или Лабрадор. Этой точки зрения придерживался и упомянутый выше исследователь Хельге Ингстад.

Уход в Америку гренландских норманнов – один из примеров исторической романтики. Ее привлекательность обуславливается и тем, что время от времени романтические гипотезы находят подтверждение. Но только не в случае с викингами в Америке, которые привязаны к ней тонкой цепочкой из двух звеньев – поселения у Ланс-о-Мидоуза (еще не свидетельствующего о пребывании тут норманнов после Лейфа Эриксона и его ближайших последователей) и Кенсингтонского камня. Скорее, жители Западного поселения перебрались в Восточное. После 1350 года все упоминания о норманнских колонистах в Гренландии относятся только к району Восточного поселения.

Исторические и археологические исследования свидетельствуют, что Эстербюгд отчаянно сражался за свою жизнь. И все же потеря Западного поселения оказалась для норманнов невозможной, поскольку она означала потерю Нордсеты – лучших охотничьих угодий в Гренландии. К тому же, эскимосы вряд ли остановились бы на достигнутом. В исландских анналах есть запись, относящаяся к 1379 году: «Скрэлинги атаковали гренландцев, убили восемнадцать человек и увели с собой двух мальчиков, которых сделали своими рабами». Мы не знаем, где именно произошло это столкновение. Может быть, на окраине Восточного поселения, а может быть, в Нордсете, куда забрели норманнские охотники. Упоминают о каких-то стычках и эскимосские истории. Впрочем, некоторые историки уверены, что у эскимосов не было особых причин для войны с норманнами, которые иначе вели хозяйство, используя другие ресурсы. Ф. Нансен утверждал, что эскимосы не могли вступить в противостояние с норманнами, поскольку являются очень миролюбивым народом. Впрочем, как верно замечают его оппоненты, скандинавы сегодня тоже отнюдь не воинственны, а когда-то наводили ужас на всю Европу.

Говоря о возможных причинах упадка норманнских поселений в Гренландии, не забудем и еще один фактор. В начале XIV века наблюдалось увеличение экспорта мехов и кож из Руси, что, вероятно, нанесло серьезный ущерб торговле Гренландии. Английские и датские тканые изделия также начали вытеснять с рынка шерстяные вещи гренландцев. Изделия же

из моржовой и нарвалей кости оказались неспособны конкурировать с теми, что поставляли французские ремесленники, использовавшие слоновую кость из Африки и Азии. Усилились купцы немецкой Ганзы. К концу XIV столетия ганзейские купцы завладели торговлей Бергена, а вскоре и всей Норвегии. Они не были расположены торговать с далекой Гренландией, не видя в этом достаточной для себя выгоды.

Участие церкви в делах острова прекратилось после того, как около 1376 года умер некий епископ Альф. Письма римских понтификов в XV веке о плачевном положении в Гренландии остались только письмами. Об экспедиции Пауля Кнутсена в середине XIV века мы уже говорили. Даже если она достигла Гренландии, она ничем не помогла местным норманнам. Норвежская метрополия, права которой в отношении Исландии были признаны в 1261 году, постепенно теряла интерес к отдаленным землям.

Пошатнулась и мощь самого Норвежского королевства, и влияние норманнов на жизнь в Европе. В прошлом осталось владычество датских норманнов в Англии, которое было установлено там в начале XI века, и была утеряна власть северян в Сицилийском королевстве. Давно прекратились опустошительные набеги северных полчищ на берега Франции, Испании и Италии. Английские короли забыли о своем норманнском происхождении^[31]. Кнорры и драккары были вытеснены с морских просторов германскими кораблями. В 1349 году чума, завезенная из Англии, унесла жизни трети населения Норвегии, а затем перекинулась на Фарерские, Гебридские, Шетлендские, Оркнейские острова.

Исследователи полагают, что после 1382 года норвежские правители ввели налог на все товары, ввозимые в Гренландию или вывозимые из нее. Эти деньги уплачивались вперед, так что без королевского разрешения никто не мог отправиться на остров покупать или продавать. Королевский двор, возможно, имел в Гренландии своего представителя, который строго следил за соблюдением этих правил. Даже несчастные моряки, которых однажды выбросило на берег Гренландии, навлекли на себя монарший гнев лишь тем, что приобрели себе на острове все необходимое. Естественно, подобные порядки не способствовали восстановлению нормальных коммуникаций метрополии и колонии.

В 1397 году Дания, Норвегия (с Исландией и другими колониями) и Швеция объединились в одно государство в рамках Кальмарской унии. Уния была направлена на борьбу с Ганзой, а первенство в объединенном королевстве принадлежало Дании. К отдаленной Гренландии датские короли, которым традиционно принадлежала монополия на внешнюю торговлю, вообще не проявляли никакого интереса. По всей видимости, корабли не отправлялись ни в Гренландию, ни даже в Исландию, куда англичане приплыли лишь в 1408–1409 годах.

Итак, гренландцы все реже видели людей с «большой земли». В основном, сюда попадали жертвы шторма и кораблекрушения. Такие, как, например, исландская команда, попавшая в Гренландию против своей воли в 1406 году. На острове они задержались на четыре года. Очень возможно, что отплыть раньше им помешали те самые полярные льды, которых со временем становилось все больше и больше. Рассказ об их путешествии подтверждает, что на острове все еще жили норманны. Исландцы стали свидетелями сожжения некоего Колгрима за колдовство и бракосочетания в Эстербюгде по христианскому обряду. После того, как в 1410 году моряки все же покинули Гренландию, больше жителей Восточного поселения, кажется, никто не видел. Разумеется, кроме скрэлингов. Правда, в 1921 году в норманнском погребении в гренландском Херьольвснесе (юг Эстербюгда) датский археолог П. Нёрлунн обнаружил останки гренландцев в одежде европейского образца начала XV века. Более того, были в могилах и некоторые предметы второй половины XV века. Г. Джонс пишет, что было бы неправильно строить на этом факте теорию о регулярных визитах европейцев в Гренландию. Одеть всех будущих обитателей могил в Херьольвснесе мог один единственный корабль, случайно причаливший к гренландскому берегу.

Вскоре после 1470 года уже упоминавшиеся норвежцы Пининг и Потхорст совершили свое плавание к берегам Гренландии, а возможно, и дальше на запад – вплоть до Лабрадора. Дидрик Пининг был весьма примечательной фигурой. Норвежский адмирал датского военно-морского флота, «непревзойденный флибустьер», выступавший против англичан и Ганзы, совершавший морские набеги на испанцев, португальцев и голландцев. Какое-то время он даже был правителем Исландии.

В 1909 году в Копенгагене было найдено письмо бургомистра датской столицы от 1551 года, в котором он упомянул Пининга и Потхорста, которые были якобы в свое время отправлены датским королем по просьбе португальцев на север для исследования новых земель. Капитаны, согласно этому письму, установили в море возле Гренландии знак, который должен был предупредить других европейцев о возможном нападении неких «гренландских пиратов», которые «на своих маленьких кораблях без кия часто нападают на другие корабли». Вероятно, под пиратами имелись в виду гренландские эскимосы.

Английские моряки, скорее всего, в течение всего XV столетия заплывали в гренландские воды для ловли рыбы и охоты на морских животных. Кишели английскими судами и воды Исландии. Чаще всего они прибывали из Бристоля. Но на побережье Гренландии выходцы с Туманного Альбиона, вероятнее всего, не выходили.

Итак, тайна остается нераскрытой. Предположим, что жители Западного побережья ушли на Баффинову Землю или еще дальше в Америку. Предположим, что их перебили эскимосы или они укрылись в Восточном поселении. Но что произошло в этом последнем поселении после того, как там в начале XV века побывали исландские моряки?

Кладбище в Херьольвснесе открыло археологам ужасную картину. Для всех скелетов характерны искривление позвоночника, признаки рахита, ревматических и подагрических отклонений в костях. Большинство женщин имело уродливый и узкий таз, так что многие из них не могли рожать живых детей. Средняя продолжительность жизни мужчин и женщин была крайне низка, самым старым едва ли было больше 30 лет. Эти люди были поразительно малы ростом, особенно женщины, у которых он в среднем составлял 140 см. Зубы у всех были почти совершенно изношены. Удивительно маленьким оказался объем черепа. Проанализировав все эти факты, датский антрополог Ф. Хансен сделал после раскопок 1921 года вывод, что гренландская нация выродилась в биологическом смысле. Правда, далеко не все с ним соглашались. Маленькие черепные коробки коллеги Хансена считают вполне сопоставимыми с черепами обитателей норвежских Сона и Йерена, откуда произошла большая часть колонистов.

Скорее всего, Восточное поселение исчезло около 1500 года, хотя известный исследователь Р. Хенниг утверждает, что колония продолжала существовать еще в 1520–1540 годах. Очень возможно, что последнее поколение гренландских норманнов погибло в краткие сроки в результате какой-то эпидемии. Не исключено, что поселение сокращалось в размерах под натиском эскимосов, становившихся полноправными хозяевами острова. Возможно, часть гренландцев смогла уплыть в направлении Исландии или Норвегии. Версия же о том, что жители Восточного поселения последовали за своими собратьями из Западного поселка в Америку, не подтверждается никакими источниками.

В 1950 году датчане раскопали в Ватнахверви ферму, в проходе дома были найдены человеческие кости. Антропологические исследования показали, что кости принадлежали норманну. Вероятно, он был последним обитателем фермы и поэтому остался непогребенным. Возможно также, что именно он был последним живым человеком во всем Восточном поселении.

Интересную и завораживающую историю рассказывал некий Йон по прозвищу Гренландец. В 1540 году он плыл из Гамбурга в Исландию, но сбился с курса и заплыл на своем корабле в глубокий фьорд неподалеку от гренландского южного мыса Фарвель. На

островах во фьорде он якобы видел многочисленные хозяйственные постройки и жилища. На одном из островков его товарищи обнаружили «мертвого человека, лежащего на земле лицом вниз. На голове у него был капюшон, а одежда была изготовлена из грубой шерстяной ткани и тюленьих шкур. Возле него лежал нож – сильно погнутый и изношенный». Нож был сделан из железа... Неужели Йон видел последнего норманнского поселенца в Гренландии?

Согласно гамбургской хронике, какой-то корабль побывал на месте Эстербюгда в 1542 году и никаких жителей там не обнаружил. Впрочем, к этому времени сам путь туда был забыт моряками и торговцами, и остатки Восточного поселения могли по распространенной ошибке искать где-то на восточном берегу Гренландии. По крайней мере, именно там разыскивали норманнских поселенцев люди с другого корабля в 1559 году. Естественно, они не нашли никаких следов людей или построек – ведь норманны тут никогда не жили.

В 1586 году англичанин Джон Дэвис благополучно миновал безжизненную пустошь юго-восточного побережья Гренландии и с облегчением добрался до «равнинной местности, с землей и травой» в районе западных фьордов, он не нашел там ни самих европейцев, ни каких бы то ни было следов их пребывания в этих краях. Когда-то здесь находился Вестербюгд. Единственными людьми в Гренландии были эскимосы. Никаких европеоидных черт ни у одного представителя этого народа найдено не было.

* * *

29 октября 1887 года бостонцы открыли в своем городе памятник Лейфу Счастливику, сыну Эрика Рыжего, «первому истинному предшественнику Колумба». Жители главного города Массачусетса были уверены, что Лейф высадился именно здесь и именно здесь находился легендарный Винланд. При президенте Джонсоне помимо 12 октября – Дня открытия Америки – в стране стал отмечаться и другая памятная дата – День Лейфа Эриксона. Праздник был назначен на 9 октября. Многие полагают, что сделано это было в пику почитателям Колумба – мол, не только на полтысячелетия, но и на три дня раньше. Впрочем, на самом деле этот день был выбран по другой причине. Дело в том, что 9 октября 1825 года в Америку в нью-йоркскую бухту прибыл первый корабль норвежских эмигрантов «Ресторейшн». Именно эти люди наряду со шведскими и датскими переселенцами пополнили многонациональную американскую семью и стали новыми «скандинавскими открывателями» континента. Сейчас в США насчитывается около 10 миллионов жителей скандинавского происхождения. В 2000 году в Америке широко отмечался тысячелетний юбилей прибытия в страну их соплеменников из Гренландии.

Американский певец и драматург, посвятивший свою жизнь прославлению экспедиции Лейфа Эриксона, Рольф Кристиансен говорит: «Мы, скандинавские американцы, не считаем, что Лейф Эриксон открыл Америку. Он был первым европейцем, нога которого ступила на Американский континент. Мы не хотим споров и сравнений. Мы просто хотим, чтобы эта небольшая часть истории скандинавов была изложена более честно и полно». Он также указывает на то, что в любом случае скандинавам есть чем гордиться в смысле вклада в развитие человеческой и, в частности, европейской и англо-саксонской цивилизации. Например, значительным этот вклад был в развитие судебной системы, принципов республиканского управления.

Сами исландские, а затем гренландские норманны не придавали слишком большого значения своим открытиям, вероятно, полагая, что все найденные земли все равно являются продолжением Старого Света. Но этот Старый Свет постепенно забыл о своем авангарде, предоставив его своей собственной печальной участи. Жители суровой Гренландии так и остались чужаками, зависнув между Европой и Америкой, вцепившись в узкую полосу освобожденной ото льда суши на огромном северном острове. Они не могли вернуться на

восток и, видимо, не нашли сил пойти дальше на запад. Родители рассказывали детям о давно минувших временах – о скалистом Хеллуланде, богатых лесах Маркланда и винограде Винланда, о ставших сказочными странах, от которых их отделяли всего 370 километров. Шагнуть за Дэвисов пролив и устоять на новом континенте предстояло не им, а людям Нового времени, отважным путешественникам, идущим вслед за Колумбом. Гренландские норманны так и не узнали об этом, тихо угаснув в своих поселениях.

Жанна д'Арк

Народная героиня Франции – не первый человек, чья биография окружена мистическим ореолом, обросла многочисленными легендами и небылицами; она не первая, кому приписывается чудесное влияние на умы и сердца людей. Отличие в том, что Жанна, судя по всему, на самом деле, играла именно такую волшебную роль и сыграла она ее блестяще. Это не святая Женеви́ева, якобы отвернувшая от Парижа войска жестокого Атиллы, – это реальная историческая фигура. Кем бы она ни была – принцессой крови или бедной пастушкой, сколько бы ей не было на самом деле лет, когда она повела за собой французов, Жанна была незаурядной личностью.

Возглавить отчаявшуюся французскую армию, подчинить своей воле опытных, родовитых и циничных военачальников, обратить в бегство гарнизоны, казалось бы, неприступных крепостей, лично принимать участие в штурме, не обращая внимания на тяжелые ранения, одним своим видом вдохновлять на борьбу измученных солдат, для которых, скажем откровенно, цель всей кампании была совсем не столь ясна, как ясна она современным историкам... Это сейчас мы говорим, что в тот момент решалась судьба французской нации и, дескать, патриоты изгнали из Франции иностранных захватчиков. Тогда же претензии на местный престол английского короля (кровь которого была едва ли менее «французской», чем кровь Карла VII) казались, вероятно, не такими уж и нелепыми. На стороне противников Жанны выступали бургундские войска (чем не французы?). Графы и герцоги, лояльные к Карлу, грабили и убивали своих же сограждан не менее регулярно, чем их противники... Для того чтобы все уяснили, что такое «Франция» и чем она отличается от «Англии», нужна была убежденность Орлеанской девы. Жанна – типичный харизматический лидер, она – воплощенная харизма, гений войны – войны священной, народной, яростной...

*** * ***

К моменту появления на свет Жанны д'Арк (фамилия, которой при жизни она себя никогда не называла) во Франции уже почти не осталось людей, которые лично застали начало войны с Англией. Для французов эта война стала неотъемлемой частью всей жизни, неизбежным и нескончаемым злом. Вся страна была поделена даже не на два, а много враждующих лагерей. Крупные феодалы давно вышли из подчинения французского короля. Одно за другим следовали сражения (впрочем, крупные битвы происходили все же с большим перерывом, чем в войнах XX века), набеги соседей, кровавые междоусобные стычки. Владельцы земель все увеличивали поборы и с собственных, и с захваченных территорий, не прекращались наборы в армии обеих сторон. Вкратце опишем причины и ход так называемой Столетней войны.

Основной причиной стали династические противоречия английских королев и семьи Валуа в их претензиях на французский престол. В 1314 году умер французский король Филипп Красивый, который, казалось, смог укрепить власть монарха. У него осталось три сына. Но случилось так, что в течение каких-нибудь четырнадцати лет сыновья Филиппа – Людовик X Сварливый, Филипп V Длинный и Карл IV Красивый – сменили друг друга на отцовском троне и умерли, не оставив прямых наследников. Вдова младшего из них

разрешилась от бремени через три месяца после смерти мужа: родилась девочка. Династия прямых Капетингов, правившая Францией три с лишним столетия, пресеклась.

На французский престол предъявил свои претензии юный английский монарх Эдуард III – Филиппу Красивому он приходился внуком, поскольку его мать была дочерью Филиппа. С другой стороны на трон претендовал Филипп Валуа (племянник Филиппа Красивого). Именно он и был посажен на престол в 1328 году, став основателем династии Валуа. Англичанам остались некоторые, довольно обширные, владения на континенте – Гиень на юго-западе Франции, Понтье – на северо-востоке. Через девять лет, в 1337 году, Эдуард начал войну за «возвращение» ему престола предков. Война продлилась с перерывами до 1453 года.

Долгое время инициатива принадлежала англичанам, успех сопутствовал им в серии крупных сражений – при Кресси в 1346-м, Пуатье – в 1356 году и др. Французы потеряли в этих битвах цвет своего рыцарства, англичане же в результате укрепились на севере Франции, а затем на юго-западе страны. В 60—70-х годах французам удалось отвоевать большую часть оккупированных территорий. Война с новой силой продолжилась в 1415 году, когда во Франции высадилась армия во главе с Генрихом V Ланкастером – королем решительным и умным. Какое-то время положение англичан казалось плачевным, они были вынуждены принять битву в невыгодной позиции и при явном недостатке ресурсов. Однако сражение при Азенкуре было ими выиграно, что определило ход войны на ближайшие два десятка лет. Определило в пользу англичан, естественно. Уже через четыре года они заняли всю Нормандию.

В то же время саму Францию раздирает междоусобная война бургундцев и арманьяков. Во главе обеих партий находились принцы из рода Валуа: герцоги Бургундский и Орлеанский (руководителем этой группировки фактически был тесть герцога, граф д'Арманьяк). Оба герцога в 90-х годах претендовали на регентство при короле Карле VI Безумном. В 1407 году герцог Людовик Орлеанский, брат короля, пал жертвой покушения (этого человека нам еще придется вспомнить – в истории Жанны он играет, возможно, очень большую роль). Бургундцам, которыми руководил герцог Жан (Иоанн) Бесстрашный, также удалось привлечь на свою сторону королеву Изабеллу (Изабо) Баварскую. Вернее, ей удалось привлечь их к себе на помощь. В свое время легкомысленная и ненавидимая мужем Изабелла Баварская, уличенная в одной из своих измен, была заключена соратниками Карла Безумного в темницу, откуда ее вызволили солдаты Жана Бургундского. Париж с 1413 года практически принадлежал арманьякам, но в 1418 году столица перешла в руки Жана Бесстрашного, который жестоко расправился со своими противниками. Некоторым арманьякам, правда, удалось бежать из города, прихватив с собой дофина Карла. У него были старшие братья, один за другим умершие при разных обстоятельствах, так Карл и стал наследником. Надо сказать, Изабо не любила этого своего сына, что и стало причиной их дальнейшей вражды.

За два года до взятия Парижа герцог Бургундский заключил договор с англичанами, зафиксировав свои права на восточные провинции Франции и Фландрию. Таким образом, определились два главных противоборствующих лагеря – приверженцы дофина Карла с одной стороны и бургундцы с англичанами – с другой. В руках Жана Бесстрашного оказался и Карл Безумный, которым герцог вместе с Изабо уже управляли, как куклой. Герцог Бургундский стал править Францией в качестве регента Карла VI. Впрочем, долго наслаждаться этими преимуществами он не сумел. Дело в том, что вскоре после захвата столицы он решил начать переговоры с дофином, опасаясь усиления позиций англичан. Переговоры могли привести к образованию антианглийской коалиции еще тогда, но будущий король Карл VII, по сути, собственными руками лишил сограждан такой возможности. Во время переговоров его люди коварно убили бургундского герцога. Так дофин отомстил человеку, которого ненавидел с детства, человеку, который убил герцога Орлеанского (бывшего, возможно, истинным отцом Карла).

Война между бургундцами и сторонниками дофина разгорелась с новой силой. Регентом королевства стал сын покойного Жана Филипп Добрый, поддерживавший англичан уже вполне открыто. В 1420 году в Труа Филипп и Изабелла заставили слабоумного короля Карла подписать мирный договор с Англией. По договору дофин Карл лишался прав на престол. Наследником Карла Безумного становился Генрих V, а за ним его сын, рожденный от брака с принцессой Екатериной Валуа, Генрих VI. Целая команда юристов и теологов начала разработку идеологии нового объединенного англо-французского королевства. Сейчас некоторые исследователи видят в этих проектах начало процессов евроинтеграции, которая, мол, была трагически прервана всей деятельностью Жанны Девственницы. Впрочем, вряд ли стоит серьезно относиться к подобным заявлениям по отношению к событиям XV века.

Итак, в руках англичан были Нормандия, Иль-де-Франс, земли на юго-западе – между побережьем Бискайского залива и Гаронной. Тем временем бургундцы заняли Шампань и Пикардию. Дофин Карл со всех сторон был окружен врагами, ситуация для него складывалась очень сложная. Генрих V занял Париж, английские вельможи начали получать земли во Франции, конечно, на оккупированных территориях тут же выросли налоги и расцвел произвол владельцев. Новые хозяева пытались выжать из приобретенных земель все, что можно и как можно быстрее. Кто-то подозревал, что такое положение может продлиться недолго, война ведь не закончилась. Кто-то просто не видел французов своими согражданами, а потому особенно с ними не церемонился, кто-то мстил за долгие годы борьбы. Симпатии местного населения естественным образом обратились в сторону дофина, росло недовольство «чужаками», появились люди, призывающие «не становиться англичанами».

Карл укрепился за Луарой в небольшом городе Бурже, в его руках оставались владения на запад от Луары (Пуату, Турень, Берри, Марш и Лимузен) и некоторые «островки» посреди оккупированных противниками территорий. Кроме того, определенную, вовсе не регулярную поддержку законному наследнику оказывал ряд феодалов, чувствовавших себя достаточно независимо. Полную самостоятельность в действиях проявляли Бретань, Савойя, Лотарингия и Прованс. Противники презрительно называли дофина «буржским корольком». Он, действительно, обладал небольшим влиянием.

В 1422 году в возрасте 36 лет умер Генрих V, а через два месяца ушел в мир иной и Карл VI. Таким образом, согласно договору в Труа, королем «объединенной монархии» должен был стать Генрих VI. Но ему еще не исполнилось и года! Обряд коронования был возможен только через девять лет. Регентом Франции стал брат покойного Генриха герцог Бедфорд. Ближайшим его помощником – кардинал Винчестерский (Генрих Бофор). Оба были людьми достаточно деятельными и ловкими, но им приходилось проявлять особую активность, чтобы не дать возможности Карлу усилить свои позиции на фоне определенного замешательства в наследовании престола его покойного отца. Бедфорд составил стратегический план, по которому англичанам следовало перейти Луару, занять западные провинции и соединиться с той частью сил, которая находилась в Гиени. Главным городом, преграждавшим путь на юг Франции, был Орлеан, стоящий на правом берегу Луары в центре излучины, обращенной в сторону Парижа. Его контролировали войска дофина. От судьбы города зависела судьба всей Франции.

В августе и сентябре 1428 года англичане захватили крепости и замки, прикрывавшие Орлеан по обоим берегам реки. Первоначальное нападение англичане предприняли с южной стороны, против крепости Турель, прикрывавшей мост и ворота Дю Понт. После трех дней непрерывной бомбардировки французы были вынуждены оставить крепость. Англичане восстановили ее и укрепили монастырь Св. Августина вблизи от Турели. Город был практически лишен связи с неоккупированной территорией. Вокруг него выросла цепь осадных сооружений. Впрочем, и французы не сидели сложа руки. В город заранее завезли большое количество продовольствия, было организовано производство оружия. В конце

октября в Орлеан вошли отряды гасконцев и итальянских арбалетчиков. Осажденных возглавили опытные военачальники: храбрый Этьен Виньоль (также называемый Ла Ир), маршал Буссак, капитан де Ксентрай. Общее командование с некоторого момента осуществлял Бастард Орлеанский граф Дюнуа (внебрачный сын Людовика Орлеанского). Осада затянулась. Обе стороны сражались с исключительным упорством.

В связи с плохой погодой командующий англичанами Суффолк поздней осенью отвел основные силы на зимние квартиры, оставив в Турели капитана Гласдейла с отрядом. (Это и позволило войти в город французскому отряду под командованием Дюнуа.) 1 декабря к Орлеану подошли крупные силы под командованием лорда Скейлза и Джона Тальбота, который принял командование осадой. Он вернул войска на позиции к городу и построил на северном берегу, к западу от города вокруг церкви Сен-Лоран, укрепление, которое сделал своим штабом. Также были возведены фортификационные сооружения на острове Шарлеман и вокруг церкви Сен-Приве. Гласдейл, получив пополнение, остался командовать Турелью и фортом Августинцев. В течение зимы на помощь к англичанам пришло еще и около полутора тысяч бургундцев. Осаждающие начали строить группу фортов и связанные между собой траншеями сооружения «Лондон», «Руан», «Париж». На востоке от Орлеана (северный берег Луары) Суффолк построил укрепления вокруг церквей Сен-Лу и Сен-Жан-Ле-Блан. Таким образом, блокадная линия англичан, общим протяжением 7 км, состояла из 11 укреплений (пять бастилий и шесть бульваров^[321]). Они находились в полукilометре от городской стены. Наиболее мощно были оборудованы западный и южный участки блокадной линии, северо-восточный участок укреплений не имел. Весной 1429 года блокадный отряд англичан насчитывал не более пяти тысяч человек. Боевые действия носили пассивный характер, лишь время от времени между противниками происходили стычки.

В начале февраля в Орлеан вошло сильное подкрепление из тысячи шотландских стрелков и еще одной роты гасконцев. На подходе был и отряд графа Клермонского. Все говорило в пользу того, что французам вскоре удастся снять осаду. Однако вышло иначе. Сделав вылазку навстречу приближающемуся из Парижа английскому отряду, французские капитаны завязали с ним сражение, но из-за несогласованности их действий с графом Клермонским потерпели неожиданное поражение, потеряв множество людей. Это сражение при Рувре получило в истории название «битва селедок», поскольку англичане везли с собой обоз с соленой рыбой. Ряды защитников Орлеана поредели. Среди горожан начались волнения – ополченцы не могли простить дворянам, что те бездарно упустили победу. Клермон покинул город, вслед за ним ушел и Да Ир, и Ксентрай, и Буссак. Во главе теперь уже немногочисленной обороняющейся армии остался лишь Дюнуа. Над городом нависла угроза голода. Орлеанцы попросили герцога Бургундского взять их под свою опеку, но Бедфорд не допустил этого. Тем временем в городе уже поползли слухи о «Лотарингской деде», которая придет на помощь Орлеану. Извещение об этом подписал лично Дюнуа 12 февраля до того, как Жанна прибыла в Шинон.

Легенды эти ходили в народе уже давно. Знаменитый волшебник Мерлин якобы в свое время предсказал, что Францию погубит одна женщина (ее образ теперь связывали с Изабеллой Баварской), а спасет дева, пришедшая из Лотарингии (восточных окраин королевства), из мест, где растет дубовый лес. Легенду в том или ином виде знали жители разных местностей, в том числе и на востоке страны. Время от времени в разных городах появлялись пророки, проповедники, передававшие эту и другие легенды, да и появление людей, которые сами считали себя спасителями, не было редкостью. Существование чудесных прорицателей, возможность общения со святыми, откровения религиозно настроенные люди эпохи Средневековья под сомнение не ставили. Другое дело, что большинство «полусвятых», ясновидящих и юродивых ограничивались проповедями в селах, на рынках или, в крайнем случае, имели некоторое влияние при дворе того или иного

феодала. С Жанной вышло иначе. Она была принята на самом высоком уровне и стала всенародной любимицей.

Мы уже говорили о некоторых территориях, которые, несмотря на враждебное окружение, сохраняли верность дофину Карлу. Среди них была и крепость Вокулёр на левом берегу Мааса, то есть на востоке Франции, в глубоком бургундском тылу. Вокруг крепости находилось несколько сел, естественно, тяготевших к ней и к Карлу. В селе Домреми и родилась Жанна. Согласно официальной историографии произошло это в 1412 году. Вот как позднее описывал это событие Персеваль де Буленвилье, советник и камергер короля в письме Миланскому герцогу, которое может быть названо первой биографией Жанны: «В ночь на Рождество, когда народы имеют обыкновение в великом блаженстве чтить труды Христовы, вошла она в мир смертный. И петухи, словно провозвестники новой радости, кричали тогда необыкновенным, до сих пор не слыханным криком. Видели, как они на протяжении более чем двух часов хлопали крыльями, предсказывая то, что суждено было этой малютке».

Жанна была дочерью Жака д'Арка и его жены Изабеллы Роме. О социальном статусе семьи нет единого мнения. Судя по всему, Жак вовсе не был бедным пастухом, а считался довольно зажиточным поселянином. Более того, многие историки утверждают, что он принадлежал к дворянскому роду д'Арков. По мнению этих историков, Жак д'Арк родился в 1375 году в Сеффоне, в графстве Шампань, в старинном рыцарском семействе, которому благодаря нескольким бракам удалось сблизиться с окружением различных государей, правивших в этих краях. Ветвь, к которой принадлежал Жак д'Арк, разорилась в результате Столетней войны и эпидемии чумы 1348 года и временно утратила дворянское звание. Еще до 1400 года Жак женился и стал жить в Домреми, где за счет доходов от прежних маленьких ленов брал в аренду обрабатываемые земельные участки. Женился он на Изабелле Вутон по прозвищу Роме (Римлянка). Это прозвище было связано с паломничеством Изабеллы в Пуи, которое считалось равноценным паломничеству в Рим. Во многих документах ее фамилия пишется как де Вутон – что также свидетельствует о дворянском происхождении.

В 1419 году Жак д'Арк был дуайеном (то есть – старостой) Домреми, генеральным откупщиком в этих местах и командовал лучниками местного ополчения. В то время он управлял сеньорией Домреми, взяв ее, таким образом, в аренду в административном отношении, взимал феодальные подати, командовал небольшой крепостью на острове. Он руководил операциями полиции, в суде выступал в качестве обвинителя от имени Робера де Бодрикура, наместника и владельца замка в городе Вокулёр. Ежегодный доход «бедного землепашца» Жака д'Арка составлял, по всей видимости, пять тысяч золотых франков.

Среди придворных исследователи находят немало представителей семейства д'Арков, занимавших якобы вполне почетные должности. Так, Гийом д'Арк был советником короля Карла VI и гувернером при дофине Луи, скончавшемся в 1415 году. (Впрочем, в данном случае, по мнению историка Е. Черняка, мы имеем дело с неправильным прочтением фамилии этого придворного.) Ивон д'Арк, балъи, был советником того же дофина Луи. Оба получили лены в области Дофине и представляли собой прямых вассалов наследника французского престола. Рауль д'Арк в свое время служил камергером короля Карла VI, а затем стал сенешалем области вокруг Ретеля в Арденнах. Жан, брат Жака д'Арка, был «королевским землемером лесов Французского края» (то есть лесных массивов Валуа, вокруг Санлиса). Братья Жанны, Жан и Пьер, впоследствии также будут награждены титулами и деньгами. Кроме них у Жанны были еще две сестры – Жакмен и Катрин.

Детство Жанетты (так ее называли односельчане) прошло весьма заурядно. Она рано научилась выполнять домашнюю работу, помогала загонять стадо, когда на Домреми совершали набеги агрессивные соседи – бургундцы или лотарингцы (позже она отрицала, что пасла стадо вместе с другими родственниками). Набеги эти были очень частым явлением, так что Жанна выросла в обстановке постоянного страха и все возраставшей ненависти к

англичанам и их союзникам – бургундцам. Временами семья подолгу скрывалась в соседних замках, пока их поля сжигали, а дома грабили. Уже в 13—14-летнем возрасте у Жанетты начались видения. Внезапно перед ней якобы возникло сияющее облако, из которого раздался голос: «Жанна, тебе пристало другим путем идти и чудесные деяния совершать, ибо ты – та, которую избрал Царь Небесный для защиты короля Карла...» Дева утверждала, что с тех пор она регулярно общалась со святыми, которых могла даже «обнять». В первую очередь – с архангелом Михаилом, святыми Екатериной Александрийской и Маргаритой Антиохийской. Любопытно, что если первый никогда не вызывал никаких претензий у Святой Церкви, то две другие уже в XX веке были вычеркнуты из святцев по приказу папы Иоанна XXIII как никогда не существовавшие. Чешский врач и историк И. Лесны утверждает, что галлюцинации Жанны – следствие легкой темпоральной (височной) очаговой эпилепсии, которая возникла либо из-за травмы головы, либо в результате перенесенного инфекционного заболевания мозга. Припадки такой эпилепсии проявляются в появлении так называемой ауры. При ней сознание сохраняется, но оно затуманено, а больной может слышать какие-то звуки. Кстати, после этого эпилептик может вести себя беспокойно и даже агрессивно.

Впервые «голоса» Орлеанская дева услышала возле теперь уже знаменитого «Дерева фей» (оно же «Дерево дам») неподалеку от Домреми. Дерево это, вероятно, почитали по традиции, заведенной еще в друидские времена. Здесь якобы, можно было увидеть танцующих фей, или «белых дам», которых так почитали жители дохристианской Европы. Во времена Жанны девушки собирались возле дерева, чтобы попеть, потанцевать, сплести гирлянды и украсить ими ветви – в общем, для ритуалов, безусловно языческих, но безобидных (по крайней мере, так думали все до Руанского процесса.) Святые всю оставшуюся жизнь являлись уроженке Домреми на протяжении всей ее жизни, давали самые подробные и детальные советы по разным поводам. Жанна не раз объясняла велением Бога самые мелкие свои поступки и решения, о многих из этих наставлений точно известно, как и от кого девушка получала их на самом деле. В конце концов голоса предложили Жанетте удивительно четкую программу действий ясной политической окраски. Она должна была освободить Францию от англичан (что в конце 20-х годов стало непосредственно связываться с судьбой осажденного Орлеана), короновать Карла VII в Реймсе (где издревле проходили коронацию французские монархи), освободить из плена Карла Орлеанского^[33].

В 17-летнем возрасте Жанна покинула отчий дом и отправилась в Вокулёр к наместнику Роберу де Бодрикуру, который, по ее мнению, обязан был отправить ее к дофину. К Бодрикуру Жанну сопровождал ее дядя Дюран Лаксар. Конечно, интересно было бы узнать, что подвигло этого немолодого человека помогать своей малолетней племяннице в такой сумасбродной затее. Особое благочестие, которым Жанна отличалась от своих сверстниц и других односельчан? Впрочем, это не единственный человек, попавший под влияние поразительного обаяния Жанны, основанного на глубокой убежденности в своем высоком назначении. Бодрикур никак поначалу не отреагировал на требования умалишенной. Вернее, отреагировал предсказуемо: пригрозил отдать пастушку на потеху солдатам, а Лаксару посоветовал дать племяннице хорошего шлепка. Однако вскоре в дом, где остановилась Жанна, потянулись жители Вокулёра. Вот как рассказывал о своей первой встрече с Жанной ее будущий преданный соратник, один из офицеров Бодрикура, Жан де Новелонпон по прозвищу Жан из Меца: «Когда я впервые увидел в Вокулёре Жанну, на ней было поношенное красное платье. Я спросил у нее: “Что вы здесь делаете, милочка? Не следует ли нам изгнать короля, а самим превратиться в англичан?” Она мне ответила: “Я пришла сюда, чтобы попросить сира да Бодрикура проводить меня к королю или дать мне провожатых, но он не обратил внимания ни на меня, ни на мои слова. И все же нужно, чтобы в урочный час я была у короля – даже если бы мне пришлось ради этого стереть ноги до колен. Потому что никто на свете – ни короли, ни герцоги, ни шотландская принцесса (нареченная пятилетнего

сына дофина, будущего короля Людовика XI) – не смогут спасти Французское королевство. Никто, кроме меня. Я предпочла бы прясть возле моей матери. Но это от меня не зависит. Нужно, чтобы я шла”».

Вскоре поползли слухи о прорицательских способностях Жанны. Однажды ее даже отвезли поговорить с Карлом Лотарингским. Тот считал, что общается со способной знахаркой, и попросил Жанну излечить его от подагры. Каково же было его удивление, когда та посоветовала ему прекратить связь с молодой любовницей...

Вообще-то и с этой поездкой ясно не все. В Нанси, столицу Лотарингии, Жанну отправил вроде бы лично Бодрикур, при себе Девственница имела охранную грамоту лотарингского герцога, вместе с Карлом девушку принимал герцог Анжуйский Рене – крупный феодал, сын тещи Карла VII. Существует версия, что Рене д’Анжу являлся магистром тайного ордена «Сионского приората» и помогал Жанне выполнять ее миссию, следуя при этом и указаниям своей влиятельной матери.

Занимательным представляется то, что одна из Лотарингских хроник утверждает, что Жанна тут же приняла участие в рыцарском турнире, на котором проявила прекрасное владение копьем и умение ездить верхом. За это Карл Лотарингский подарил ей вороного скакуна. И это все о бедной Жанетте из Домреми? Запишем это в загадки биографии народной героини Франции. Сколько их еще будет!

Итак, Робер де Бодрикур изменил свое отношение. Жанну начали снаряжать для поездки в замок Шинон, где в тот момент находился двор Карла VII. Горожане сделали для нее новый костюм и меч. К Деве была приставлена небольшая свита: Жан из Меца (он стал командиром отряда); другой офицер Бодрикура Бертран де Пуланжи; Жан де Дьёлуар, оруженосец Рене Анжуйского; Жюльен, оруженосец де Дьёлуара; Пьер д’Арк, брат Жанны; Колле де Вьенн, королевский гонец, который на удивление вовремя оказался у Бодрикура; Ричард, шотландский лучник. Отряду предстоял нелегкий путь через территории, занятые бургундцами, ехать нужно было ночью, перейдя при этом несколько рек. Дева подбадривала спутников: «Не беспокойтесь! Вот увидите, как ласково нас примет дофин в Шиноне!» Жанна и ее свита выехали из Вокулёра 13 февраля 1429 года. Оглядев ее в последний раз у городских ворот, Робер де Бодрикур вздохнул и сказал: «Будь, что будет». По некоторым данным, он сопровождал ее в отдалении на всем протяжении этого опасного путешествия.

Отряд благополучно добрался до Шинона. Там уже знали о прибытии «Лотарингской девы», но, кажется, не были уверены в том, как следует с ней поступить. Жанна вынуждена была некоторое время жить не то на постоялом дворе, не то еще где-то вне замка. До монарха она была принята его тещей и женой – королевой Марией Анжуйской. Наконец ее пригласили ко двору. Здесь в замковом зале произошел легендарный эпизод с узнаванием короля. Карл якобы решил проверить, насколько сильна пророчица. На трон посадили переодетого пажа (графа де Клермона), сам же король стал в толпе придворных. Но Жанна, войдя, немедленно обратилась именно к Карлу. На некоторое время монарх и Дева уединились в нише, когда же Карл вышел к придворным, он был очень доволен, вроде бы даже прослезился от радости. Что именно сообщила Жанна обожаемому ею королю, до сих пор неизвестно. Орлеанская дева наотрез отказалась говорить об этом на процессе в Руане, да и Карл предпочитал не распространяться о теме беседы. Сторонники теории «бастардизма», о которой будет впоследствии рассказано подробнее, полагают, что Жанна убедила Карла в его законнорожденности. Изабелла Баварская, как уже было сказано выше, имела нескольких любовников, поэтому немногие ее дети могли быть уверены, что в их жилах течет кровь Карла Безумного. Это, возможно, мешало спать Карлу VII, человеку, между прочим, малодушному. Более смелые исследователи проблемы считают, что Жанна доказала «буржскому корольку», что тот, по крайней мере, сын Людовика Орлеанского, а значит, все же принц крови, а не сын какого-нибудь безвестного рыцаря, случайно побывавшего в покоех распутной Изабо.

Кстати, помимо «узнавания короля», источники описывают еще более удивительную сцену, имевшую место в Шиноне. На второй день по прибытии в этот город Жанна потребовала от Карла VII, чтобы он принес ей в дар свое королевство. Не посмев ей противиться (!), Карл повелел королевскому нотариусу составить акт о таком даре. Тогда Жанна торжественно вручила королевство Франция «царю небесному», от имени которого затем передала его Карлу VII. Некоторые историки полагают, что таким образом она узаконила положение дофина, поскольку в его законнорожденности были большие сомнения.

Дальнейшие события развивались стремительно. При дворе явно существовала партия Жанны, которая во что бы то ни стало решила привести Орлеанскую деву к английским позициям. Во главе этой партии стояла теща короля – Иоланта Арагонская. Ее соперников возглавлял влиятельный временщик Ла Тремуй. Победила Иоланта. Именно она возглавила комиссию из знатных женщин, обследовавшая Жанну на предмет ее девственности. В легенде речь шла именно о Деве, ее чистота дополнительно освящала все предпринятое мероприятие, англичан должна была изгонять Святая. Обследование показало, что Жанна действительно невинна. Вообще-то, не исключено, что у нее была редкая деформация половых органов, которая не позволяла ей вести половую жизнь. Не поэтому ли она обидела одного своего земляка, которому обещала выйти замуж, но в последний момент отказала, за что даже была привлечена к суду? В ходе процесса по оправданию Жанны врач Делашамбр, осматривавший ее в Руане, показал, что у Девы действительно была такая патология.

Этот диагноз недавно уточнил российский ученый Эфроимсон. Сведя воедино множество признаков и симптомов, ученый пришел к выводу, что знаменитая крестьянка страдала редким гинекологическим заболеванием. На обнаженном теле молодой француженки совсем не было волос. Более того, как выяснилось во время ее заключения в Руане, Жанна понятия не имела о менструальном цикле. Современной науке подобное заболевание хорошо известно. Оно имеет генетическую природу и называется синдромом Морриса. Женщина с таким диагнозом обладает необыкновенной физической силой. Причем внешне она может оставаться очень привлекательной. Кроме полного отсутствия волосяного покрова на теле одним из симптомов заболевания считается склонность больных к переодеванию в мужскую одежду. В экстремальных ситуациях женщины с синдромом Морриса проявляют фантастический героизм.

В личной жизни женщины, больные синдромом Морриса, практически ничем не отличаются от нормальных женщин. Они испытывают сильное половое влечение к мужчинам, но ни при каких обстоятельствах не могут забеременеть. Матка при синдроме Морриса вообще отсутствует, а на месте женских яичников расположены мужские яички. Таким образом, женщины, страдающие синдромом Морриса, отчасти являются мужчинами. В среднем таким заболеванием страдают лишь пять из ста тысяч женщин.

Но вернемся в 1429 год. Итак, комиссия признала Жанну девственницей. Вслед за этим последовала экспертиза в Пуатье, где ряд ученых богословов (естественно, находящихся в прямой зависимости от Карла) долго расспрашивали Жанну о ее биографии, голосах и т. п. и пришли к выводу, что в действиях Девы нет ничего предосудительного, а король может с чистым сердцем использовать ее для святого дела – изгнания из Франции своих врагов. Материалы, собранные комиссией, вошли в так называемую «Книгу Пуатье», к сожалению, затерявшуюся где-то в архивах. Она могла бы, вероятно, дать ответы на многие вопросы, интересующие историков.

После Пуатье Жанну ждал Тур. Здесь Орлеанская дева была полностью снаряжена на войну. Ей вручили знамя и меч. На белом знамени Жанны были рассыпаны золотые лилии, а в центре вышит герб Франции: на лазурном фоне три золотых цветка лилии. Жанна утверждала, что предпочитала ходить на врага именно со знаменем, а не с мечом, чтобы не убивать людей. Впрочем, это маловероятно. С мечом же произошла отдельная история. Девушка заявила, что меч для нее можно взять в часовне Сент-Катрин-Фьербуа,

расположенной неподалеку от Тура. И действительно, там было найдено грозное оружие, принадлежавшее, по преданию, Карлу Мартеллу, разгромившему сарацинов при Пуатье в 732 году.

«Этот меч лежал в земле, весь проржавевший. На нем было выгравировано пять крестов; то, что меч находится там, она узнала от своих голосов, но никогда не видела человека, который пошел за вышеупомянутым мечом, и она написала священнослужителям этой церкви, чтобы они были так любезны и отдали ей этот меч, и они его ей послали...Этот меч был неглубоко зарыт в землю, и священнослужители тут же выкопали его и очистили от ржавчины...На поиски меча отправился оружейных дел мастер из Тура... а священнослужители церкви Сент – Катрин – де – Фьербуа подарили ей ножны, равно как и жители Тура; таким образом, у нее было двое ножен: одни из ярко-красного бархата, другие из золототканого полотна, а сама она заказала ножны из крепкой кожи, очень массивные...Когда ее схватили, при ней был не этот меч, а меч, который она взяла у одного бургундца».

На самом деле Мартелл вряд ли когда-нибудь держал в руках меч из Сент-Катрин-де-Фьербуа. Считают, что оружие принадлежало бравому вояке коннетаблю дю Геклену, а после его смерти перешло во владение Людовика Орлеанского. После смерти последнего меч достался одному из приближенных герцога, возле могилы которого в указанной часовне и был захоронен. Не исключено, что меч просто подложили в нужный момент в нужное место. Жанна же, надо сказать, уже успела поразить всех и искусством владения мечом. Так, она приняла участие в организованном Карлом в ее честь турнире в Шиноне, на котором, в частности, нужно было метать дротик в столб и ловить мечом кольца. Откуда такие способности? Еще одна загадка Жанны д'Арк. Кстати, этот легендарный меч Орлеанская дева якобы сломала о спины девиц легкого поведения, которых изгоняла из своего лагеря.

Меч, «взятый у одного бургундца», – это третий меч Жанны. Известно, что у нее был и четвертый меч, захваченный у бургундцев вместе с другим оружием. Его она принесла в дар аббатству Сен-Дени. Часто упоминают и меч, находящийся в Дижоне, на котором выгравированы имя Карла VII, название города Вокулёра, а также гербы Франции и Орлеана. Тщательное исследование позволило сделать вывод, что этот меч был изготовлен позже – в XVI веке членами лиги, в которой царил настоящий культ Жанны.

В боях Орлеанская дева пользовалась и другим оружием – боевым топором. Он был специально изготовлен для нее, судя по тому, что на нем была выгравирована первая буква ее имени – J, увенчанная короной. Современные биографы Жанны указывают на эту корону как на еще одну деталь, подтверждающую высокородное происхождение Орлеанской девы.

Позже Жанна получила и собственный герб: «Щит с лазурным полем, в котором две золотые лилии и серебряный меч с золотым эфесом острием вверх, увенчанный золотой короной». Историки по-разному расшифровывают значение этого герба. Корона может свидетельствовать в пользу теории о том, что Жанна была принцессой крови, а может лишь указывать на одну из ее задач – коронацию Карла. Сам меч может говорить лишь о военном призвании, а может быть стилизованной темной полосой, которая, как правило, свидетельствовала о незаконнорожденности владельца герба.

Мечом, знаменем и гербом список почестей, оказанных Жанне, не исчерпывается. Ей определили личный штат и военную свиту. В штате состояли: фрейлина, паж, капеллан, дворецкий (с отрядом из 12 шотландцев), два герольда, три секретаря. Впоследствии к ним добавился еще один секретарь – некий монах по имени Ришар, который оказался шпионом бургундской партии. Верным оруженосцем Орлеанской девы стал Жан д'Олон, член Королевского совета и бывший капитан гвардейцев короля Карла VI. Для Жанны устроили конюшню из 12 боевых лошадей. Дева получила золотые рыцарские шпоры, дорогие доспехи и пышный гардероб. В него входила мужская и женская одежда из тканей цветов Орлеанского дома. (Источники свидетельствуют, что указание на то, чтобы одежда была

именно такого цвета, поступило из Лондона от Карла Орлеанского, который и оплатил эти одеяния.) Жанна, конечно, пользовалась исключительно мужской одеждой. Свои черные волосы она также постригла на мужской манер – «в кружок над ушами». Обычным головным убором Жанны был капюшон – голубого или багряного цвета. Одевшись, сев на коня и взяв в руки знамя, Орлеанская дева перестала даже отдаленно напоминать деревенскую простушку. «За гордого принца сошла бы, а не за простую пастушку!» – писал современник. Мы уже упоминали, что эта необычная девушка хорошо владела боевым оружием и прекрасно держалась в седле. Кроме того, она проявила неожиданно неплохие познания в географии, короля Карла в Шиноне приветствовала по всем правилам придворного этикета. Умела ли она читать и писать – неизвестно. Похоже, что нет. Сама она утверждала, что «не знает ни а, ни б». Впрочем, неграмотными в то время были не только крестьяне, но и многие представители знати. Подписываться Жанна умела. Часто вместо подписи она ставила крест или круг. (Не исключено, что первый означал, что она пишет неправду, а круг – наоборот.) Известны несколько писем за подписью Жанны д'Арк. В том числе, и к очень влиятельным людям, которые обращались к ней весьма почтительно. Так, графу Арманьяку Жанна по его просьбе давала советы – какому из трех римских пап нужно подчиняться. Одно из писем Девственницы ушло в адрес чешских гуситов. В нем воительница, считавшая, что получает наставления непосредственно от Царя Небесного, грозила повстанцам адскими муками и призывала отказаться от борьбы. Впрочем, никто не может сказать определенно составлено ли письмо самой Жанной.

Еще одним любопытным правом король наделил будущую спасительницу Франции – правом помиловать. Такая привилегия давалась только очень знатым вельможам. Известно, что Жанна воспользовалась как-то этим правом. Для себя же она попросила что-либо у короля лишь один раз – да и то, просьба касалась ее земляков, которые получили налоговые льготы. Впрочем, мы покривим душой, если будем настаивать на том, что Орлеанская девственница никогда не забывала о своем низком происхождении. Родителям Жанна не написала ни одного письма, они не участвовали в церемонии коронации в Реймсе, на которой их дочь играла довольно важную роль. Есть свидетельства того, что Девственница любила проводить время в обществе знати, с которой общалась порою весьма фамильярно – как будто перед ней стояли не графы, бароны и герцоги, а люди более низкого, чем она сама, происхождения. Бастарду Орлеанскому Дюнуа она грозилась размоzzить голову, ее соратники иногда не знали куда деться от гнева Девы.

Интересный эпизод, косвенно подтверждающий аристократическое происхождение народной героини Франции, приключился в Шиноне. На следующий день после прибытия туда Жанна, сидя рядом с королем, принимала придворных. Ей представили молодого герцога Алансонского Жана – одного из наиболее родовитых дворян Франции, кузена Карла VII. «А это кто?» – просто спросила Дева. Король ответил. «Тем лучше, королевская кровь собирается вместе», – продолжила Жанна. Есть и другая версия того, что сказала девушка: «Добро вам пожаловать! Чем больше будет нас, в ком течет кровь Франции, тем лучше». Герцог д'Алансон быстро проникся симпатией к девушке и впоследствии стал одним из тех, кто по возможности поддерживал ее в походе и при дворе.

*** * ***

Из Тура юная военачальница направилась в Блуа, где уже собиралась новая армия. Набирались наемники, сюда, в Блуа, были стянуты отряды почти всех капитанов. Всего вышло около 7 тысяч человек. К Жанне присоединились люди, ставшие самыми близкими ее друзьями, доблестные воины Франции, каждый сам по себе легендарная фигура. В «военном доме» Жанны д'Арк оказались: Жан Потон де Ксентрай; Ла Ир; Жиль де Рэ, маршал Франции;

Жан герцог Алансонский; Жак де Шабанн Ла Паллис; Антуан де Шабанн-Даммартен; Артур де Ришмон, герцог Бретонский. Не забудем и об оруженосце д'Олоне, о рыцарях де Пуланжи и Жане из Меца. Интересно отметить, что из всех перечисленных людей лишь Ла Ир и де Ришмон уже подбирались к рубежу в 40 лет. Остальным не было и тридцати (Дюнуа – 26 лет, Жилью де Рэ – 25, д'Алансону – 22 года). Многие из них прониклись искренней любовью к своей боевой спутнице, хотя для этого, конечно, понадобилась пара блестящих побед, в которых Жанна вдохновила армию, нужно было убедиться в ее поразительной интуиции, заменявшей ей, возможно, отсутствие опыта и образования. Вот как говорил об отношении к боевой подруге Жан Дюнуа: «Ни я, ни другие, будучи рядом с ней, не могли и помыслить о ней дурно. По моему мнению, в этом было что-то божественное». Герцог Алансонский свидетельствовал, что Жанна управляла войском так, как будто «это был капитан с 20– или 30-летним опытом». Особо он отмечал ее поразительно умелое использование артиллерии.

Отдельно следует остановиться на фигуре Жилья де Рэ. Это тот самый маршал Франции, который стал прототипом знаменитого злодея «Синей бороды». В свое время он будет осужден за многочисленные преступления – убийства и насилия над юношами, магия и другие мерзости. Уверенности в том, что он действительно превратил свой замок Тиффож в ад на земле, нет. Но все это будет потом. А пока он молод, отчаянно храбр и предан Жанне, которую просто боготворит. Когда она была взята в плен, Жиль де Рэ за собственные деньги поставил спектакль «Орлеанская мистерия» и несколько раз показывал его при дворе. Это чуть не разорило бравого маршала. Судя по всему, он несколько раз готовил планы освобождения подруги из английского плена. Когда во Франции объявилась самозванка (или нет?) Жанна де Армуаз, Жиль де Рэ немедленно объединился с ней в одном из военных походов. Он не хотел верить в то, что Жанна мертва.

Но в свое время ему, как и другим грубым и привыкшим ко всему офицерам французской армии, здорово досталось от Орлеанской девы. Жанна приказала удалить из лагеря проституток, запретила грабежи и разбой, потребовала обязательного посещения богослужений и прекращения сквернословий. Вот как вспоминал о ней Жиль де Рэ: «Она дитя. Она ни разу не причинила зла врагу, никто не видел, чтобы она когда-нибудь кого-нибудь поразила мечом. После каждой битвы она оплакивает павших, перед каждой битвой она причащается Телом Господним – большинство воинов делает это вместе с ней, – и при этом она ничего не говорит. Из ее уст не исходит ни одного необдуманного слова – в этом она столь же зрелая, как и многие мужчины. Вокруг нее никто никогда не ругается, и людям это нравится, хотя все их жены остались дома. Нужно ли говорить о том, что она никогда не снимает доспехов, если спит рядом с нами, и тогда, несмотря на всю ее миловидность, ни один мужчина не испытывает к ней плотского желания». Впоследствии появились и совершенно фантастические подробности похода Жанны, которые свидетельствуют о том, что ее считали святой еще при жизни. «Ее голос какой-то странный. Поверьте, я кое-что понимаю в голосах, но такого еще не слышал. Он нежный и тихий, как у ребенка, несмотря на то, в бою он заглушает весь грохот и вой»; «Это очень странно, и мы все можем об этом свидетельствовать: когда она едет с нами, птицы из леса слетаются и садятся к ней на плечи. В бою случается, голуби начинают порхать возле нее».

Под влиянием обаяния Жанны начался небывалый патриотический подъем. 27 апреля войско вышло из Блуа. Во главе колонны шел отряд духовенства, которое пело гимн «Даруй, Бог, победу». Отряд направился к Орлеану левым (южным) берегом. Выбор направления движения стал первым камнем преткновения во французском лагере. Жанна высказала намерение двинуть отряд по правому берегу Луары. Но военачальник Гокур повел войска левым берегом. Деве пообещали, что ее таким образом выведут непосредственно на английские позиции. Утром 29 апреля французы прошли мимо южных английских укреплений, причем их гарнизон не решился атаковать противника. Однако переправа через реку всего отряда оказалась невозможной из-за неблагоприятного ветра и отсутствия

должного количества судов. Жанна, увидев, что ее не привели к англичанам, вышла из себя. «Вы думали меня обмануть, а обманули сами себя», – кричала она на военачальников. С переправившимся же к ней Дюнуа у Жанны произошел следующий диалог: «Это вы Орлеанский бастард? – спросила Жанна Дюнуа, когда он приблизился к ней. – Да, и я рад вашему приходу. – Так это вы, – продолжала она, не обращая внимания на приветствие, – вы посоветовали, чтобы меня провели этим берегом реки, а не прямо туда, где находятся англичане?» С двумястами всадниками она переправилась на другой берег, в то время как остальные войска вернулись в Блуа, чтобы оттуда направиться к Орлеану правым берегом.

29 апреля, вечером, Жанна д'Арк со своим отрядом, в составе которого были опытные бесстрашные капитаны Ла Ир и Ксентрай, торжественно вошла в Орлеан через Бургундские ворота и была восторженно встречена горожанами. Англичане даже не пытались воспрепятствовать этому. Жанна в сопровождении почетной городской стражи и факельщиков ехала на белом коне бок о бок с Дюнуа. Ликующая толпа прорвала цепь караула, оттеснила Жанну от ее спутников, плотно окружила девушку. Все перемешалось. Люди тянулись через головы стоящих впереди, чтобы дотронуться до Жанны или хотя бы до ее коня. Жанна тоже что-то кричала им в ответ, но ее голоса не было слышно.

Следующие несколько дней Жанна пыталась добиться деблокады города путем переговоров. Она передала захватчикам письмо с требованием убраться из Франции. В ответ англичане задержали герольдов, передавших письмо, и пригрозили сжечь ее, как ведьму. Тогда Жанна подошла по мосту к французской баррикаде напротив Турели и потребовала вернуть герольдов и уходить, пока не поздно. Ответом были проклятия и ругательства.

1 мая Дюнуа выехал навстречу основным силам. 2 и 3 мая Жанна в сопровождении толпы горожан выехала за стены для осмотра английских укреплений. Наконец 4 мая основные силы прибыли и беспрепятственно вошли в город. Англичане опять не сделали никакой попытки атаковать противника. В этот же день случилась и первая серьезная стычка, в которой приняла участие Жанна д'Арк. Утром, после входа основных сил в город, Дюнуа без ведома «Девушки» (пока она спала) предпринял вылазку против бастилии Сен-Лу. Начавшись как простая перестрелка, эта стычка переросла к полудню в достаточно упорное сражение. Англичане защищались храбро, и французы уже начинали отступать, когда отдыхающая Жанна внезапно проснулась и бросилась к Бургундским воротам с собравшимися ополченцами. «Остановитесь! Не показывайте противнику спину!» – кричала она в гневе. Воодушевленные ее появлением солдаты с новой силой начали штурм. Жанна бесстрашно бросалась в самые опасные места, бой становился все упорнее. Тем временем с западной стороны Джон Тальбот с отрядом поспешил на выручку соотечественникам. Однако, правильно оценив обстановку, Дюнуа с частью солдат атаковал укрепление Париж, и Тальбот вынужден был оставить силы для защиты этой бастилии. Впрочем, и это могло не сработать. В разгар битвы к Сен-Лу бросился на подмогу отряд англичан из западного укрепления, собираясь ударить в тыл французам. Жанна сориентировалась мгновенно. Она приказала находящемуся в резерве отряду городского ополчения из 600 человек развернуться, выставив вперед пики. Англичане не решились атаковать колющую сплошную стену и вернулись на первоначальные позиции. Вскоре Сен-Лу был захвачен и уничтожен. Этот успех положил начало снятию осады. К востоку от Орлеана больше не было английских укреплений, и французы могли подготовиться к штурму Турели, требовавшей переправы через Луару (Сен-Лу не давал этого сделать). Залитую кровью Деву Орлеан встречал восторженнее, чем какого-либо короля.

5 мая англичане переместили большинство солдат, находящихся на южном берегу Луары, в Турель и укрепления перед ней (в частности, форт Св. Августина). Вечером того же дня начался военный совет в Орлеане. В нем принимали участие Дюнуа, маршалы Буссак и Жиль де Рэ, начальник гарнизона Гокур, Ла Ир и другие. Жанну же они попытались не пустить на совещание, полагая, что если на поле боя она может сработать живым стягом, то

уж в вопросах стратегии и тактики точно ничего не смыслит. Ее пригласили, уже придя к определенному решению. Деве сообщили, что назавтра французы собираются атаковать укрепление Сен-Лорен, находящееся против западной стены города. На самом деле французские полководцы задумывали нападение на Сен-Лорен только как отвлекающий маневр. Штурмовать это укрепление должно было ополчение, а когда англичане переправятся для защиты своего лагеря, лучшие силы рыцарей перейдут Луару в обратном направлении и атакуют ослабленную Турель. Жанна взволнованно ходила по комнате. Наконец она произнесла: «Скажите мне по совести, что вы задумали и решили? Я умею надежно хранить и более важные секреты». Дюнуа решил приоткрыть истину. Он несколько небрежно сообщил, что, если уж англичане переправятся для защиты Сен-Лорена, французы нападут на Турель. Жанна сказала, что удовлетворена ответом. А утром следующего дня ополченцы во главе с ней уже бежали... к Бургундским воротам, которые давали выход к переправе через Луару. Для королевских военачальников это было полной неожиданностью. Толпе попытался преградить путь Гокур, но Жанне достаточно было прокричать несколько гневных слов, чтобы тот сдался. У реки ополченцы присоединились к уже стоявшим там солдатам и бросились через реку. Первым захваченным ими пунктом стала бастилия Сен-Жан-Ле-Блан (бастилия Св. Иоанна Белого). На лодках солдаты переправлялись на остров Иль-о-Туаль. Гарнизон английской бастилии, увидев, что силы противника очень велики, уничтожил это укрепление и отошел к форту Святого Августина. Французы тем временем навели понтонный мост и начали медленно высаживаться на южный берег. Не дождавшись окончания переправы, Жанна с небольшим отрядом немедленно атаковала укрепление и укрепила знамя у подножия. Но силы их еще были невелики, и гарнизон, насчитывающий более 500 солдат, совершил вылазку, отбросив нападавших. Жанна сумела остановить отступление, а подоспевший отряд Ла Ира пришел на выручку. Английский гарнизон был вынужден с потерями отступить. Когда основные силы французов переправились, штурм возобновился. Борьба шла весь день, и только к вечеру французы наконец овладели укреплением. Тальбот же опять не смог оказать помощи защитникам Св. Августина, поскольку Дюнуа все-таки сковал его силы атакой на бастилию Сен-Лорен.

В ночь с 6 на 7 мая англичане забрали гарнизоны бастилий Сен-Приве и Шарлеман на северный берег, концентрируя там силы. Возможно, они ожидали, что французы не решатся атаковать Турель, а нападут на правом, северном берегу, но утром 7 мая Жанна с армией переправилась на южный берег, и около восьми утра войска начали атаку против барбакана^[34] перед Турелью. Это было мощное четырехугольное укрепление, обнесенное стеной и рвом с водой. Мост соединял укрепление с Турелью. Прежде всего нужно было закидать ров вязанками. Эта задача была решена приблизительно к часу дня, и знаменитая воительница лично принимала участие в этой черной работе. Начался штурм с помощью приставных лестниц; Жанна первая начала восхождение с криком «Все, кто любит меня, за мной!» Поднимаясь по лестнице, она была ранена арбалетным болтом в ключицу, и ее пришлось унести с передовой. Орлеанская дева оставалась в сознании, она собственноручно вынула из тела стрелу, а вскоре опять была на ногах. Однако натиск штурмующих значительно ослаб, Дюнуа уже собирался отложить штурм до следующего дня. Но Жанна убедила его подождать немного и дать ей помолиться. Затем она обратилась к выстроившимся солдатам. «Идите смело, – сказала она, – у англичан нет больше сил обороняться. Мы возьмем укрепление и башни!» Французы, возглавляемые воительницей, бросились на последний штурм. Оруженосец Жанны Жан д'Олон доставил к стенам форта знамя своей патронши, это было добрым знаком. Жанна закричала: «Входите! Эта крепость ваша!» В тот же момент по форту ударила городская артиллерия. Жанна и ее солдаты уже сошлись в рукопашной на гребне баррикады. В то же время французы пустили горящую баржу между Турелью и фортом, загорелся мост, много английских солдат погибло. Когда по

настилу проходила последняя группа англичан с Гласдейлом во главе, мост рухнул, и все находившиеся на нем оказались на дне Луары.

Без передышки начался штурм Турели. С северной стороны, с тыла, перекинув бревна через разрушенные пролеты моста, ударили отряды городской милиции (ополчения). Штурм увенчался полным успехом, Турель пала около шести часов вечера, французские войска вернулись в Орлеан по мосту с южной стороны. Жанну встречали еще более восторженно, чем раньше. Следующим утром, 8 мая, англичане вышли из фортов на северо-востоке и, заняв выгодную позицию, построились для битвы. Некоторым французским военачальникам не терпелось атаковать, но на этот раз Жанна сумела убедить командование отказаться от боя. Она опять вышла вперед и прокричала англичанам, чтобы те убирались по-хорошему, и на этот раз враги не посмели дразнить Орлеанскую деву. Так и не дождавшись атаки со стороны французов, они начали отступление к Менгу, осада была снята.

* * *

Франция быстро узнала о том, что произошло под Орлеаном. Невиданное воодушевление охватило всю страну. «Чудо» обрастало все новыми легендами, а тем временем армия Жанны не разошлась, как это часто бывало в то время, а пополнялась все новыми добровольцами. К концу мая в этой войске было уже около 12 тысяч человек. Дева Жанна стремительно освобождала от англичан долину Луары. Последовало несколько блестящих побед. 11 июня Орлеанская дева (теперь ее уже с полным основанием называли именно так) вышла из Орлеана и направилась к крепости Жаржо. Город был взят уже на следующий день. В плен попал граф Суффолк. Еще через несколько дней пала крепость Божанси, а 18 июня войска сошлись у деревни Патэ. Им предстояло сразиться теперь уже в чистом поле. Такое сражение требовало уже несколько иных методов ведения боя, но Жанна была уверена в победе и убеждала в этом своих сподвижников, в частности герцога Алансонского, считавшегося формально командующим французской армией. Опять ключевую роль сыграла решительность Девы. Она вообще редко долго готовилась к бою, предпочитала действовать неожиданно, ошеломляла противников решительностью натиска. Так и здесь, пока прославленные английские лучники, принесшие победу своей армии в нескольких крупнейших сражениях первого этапа Столетней войны, готовились к сражению, авангард французов уже бросился на них и смял их ряды. В это же время основные французские силы уже двигались в обход строя английских рыцарей. Те запаниковали, ринулись бежать, оставив беззащитной свою пехоту. Французы захватили в плен двести человек, среди которых был и сэр Тальбот. Число же убитых англичан во много раз превышало количество пленных. Как не раз говорила Жанна: «Я верю в то, что Францию не покинет лишь тот англичанин, который останется в могиле».

Так вся долина Луары была очищена от оккупантов и была выполнена одна из задач Жанны д'Арк. Ей было суждено осуществить еще одну – коронацию Карла в Реймсе. Такая церемония могла склонить чашу весов в пользу дофина в его борьбе за престол. Генрих-то все еще не был коронован. Коронация Карла, по сути, должна была стать своеобразной декларацией независимости Франции.

По пути к Реймсу предстояло пройти сильные города и крепости Шампани: Труа, Шалон и др. Все они были заняты англичанами или бургундцами. Многие придворные противились плану похода. Вероятно, при дворе не все так уж хотели усиления дофина, а сам Карл, как всегда, был не уверен, что предприятие будет достаточно безопасным. Однако военачальники, которые уже целиком доверяли Жанне, настаивали на том, что их славная армия способна справиться с поставленной задачей. Кроме того, были очевидны и

политические выгоды от задуманного проекта. Французы, заняв упомянутые города, могли отрезать Бургундию от оккупированных англичанами областей.

29 июня 1429 года, спустя одиннадцать дней после битвы при Патэ, армия выступила из Жьена на северо-восток. Поход на Реймс вылился в триумфальный марш. Жители городов Шампани с радостью открывали ворота перед Орлеанской девой. Вот она – настоящая военная гениальность. Расположить к себе миллионы французов, одним своим именем брать неприступные города, вести за собой тысячи грубых солдат! Без тактики, без стратегии, без мудреных планов... Не всегда такое возможно, но тогда Франции, наверное, была нужна именно она – Орлеанская дева, народная героиня, спасительница страны.

1 июля капитулировал Труа, 13-го – Шалон, а 16 июля армия вошла в Реймс. Весь путь около 300 километров занял две с половиной недели. В воскресенье, 17 июля Карл был торжественно коронован в Реймском соборе. Жанна во время церемонии стояла неподалеку от новоявленного короля, опираясь на свое боевое знамя. Потом на суде у нее спросят: «Почему ваше знамя внесли в собор во время коронации в предпочтение перед знаменами других капитанов?» И она ответит: «Оно было в труде и по праву должно было находиться в почести». Ее любимый дофин, тоже символ независимой Франции, получил то, чего требовал Царь Небесный через своих глашатаев. Довольна была и Иоланта Арагонская со своими сторонниками. Теперь в борьбе с англичанами, а главное – в переговорах с их французскими союзниками и неопределившимися крупными феодалами страны, Карл VII получил несомненные козыри. А вот миссия Жанны подходила к концу. Об этом не знала сама Дева, но догадывались придворные. Ее союзникам суждено было стать ее врагами.

Жанна же стремилась к продолжению войны до победного конца. Следующей целью кампании ей виделся Париж. И совершенно резонно. К началу августа 1429 года дорога к французской столице была открыта. Но в это же время герцог Филипп Добрый уже вовсю искал соглашения с Карлом. Теперь главную роль при дворе последнего играл Ла Тремуи и реймский архиепископ Реньо де Шартр. Они всячески интриговали против Орлеанской девы, объясняя королю, что нельзя находиться в зависимости от столь непредсказуемой и своевольной особы, имеющей к тому же слишком большой авторитет в народе. Карл поддался на их уговоры и отказал Жанне в войске для штурма Парижа. Тогда Дева решила действовать на свой страх и риск. 8 сентября с небольшим отрядом она попыталась самостоятельно взять столицу, но была отбита бургундским гарнизоном, получив ранение в бедро. Король запретил повторять атаку, ведь еще до этого он заключил с герцогом бургундским перемирие на четыре месяца. Французская армия отошла на берега Луары и была в основном распущена. Жанну же удерживали под своеобразным домашним арестом при дворе, окружив ее почестями, но не пуская на войну. В Королевском же совете она участвовала лишь раз. Наконец в марте 1430 года Орлеанская дева бежала от своих же «покровителей».

Через несколько дней она объявилась под Компьеном – ключевой позиции к северо-востоку от Парижа. С ней был отряд, сформированный на ее личные деньги: 95 шотландских арбалетчиков и 200 пьемонтских наемников под командованием капитана Бартелемео Баретты. Бургундцы никак не могли взять Комиен, обороняемый французским гарнизоном, и здесь суждено было закончиться военной биографии Жанны д'Арк. 23 мая 1430 года около 6 часов вечера за стенами города на Жанну и ее товарищей напал отряд бургундцев. Французы попытались отойти в Компьен, но мост оказался поднят, а ворота закрыты. Жанна была захвачена в плен. Комендант Гильом де Флеви стал одним из «отрицательных героев» всей истории Франции. Почему он не впустил отряд Орлеанской девственницы? Никаких явных свидетельств того, что он был в сговоре с англичанами, бургундцами или французским королем, нет, но даже если речь идет о простой трусости, это не делает ему чести.

Жанну пленили люди вассала Жана Люксембургского, который, в свою очередь, был вассалом Филиппа Бургундского. Парижский университет, самое авторитетное богословское

учреждение, в тот момент полностью зависимый от англичан, потребовал от бургундцев немедленной выдачи «Лотарингской колдуньи» церковным властям для суда инквизиции. Дело Жанны имело большую политическую важность. Англичане с помощью церкви очень хотели доказать, что корону Карлу VII вручила еретичка, да и сами ее победы были результатом колдовства и связи с дьяволом.

Деву перевезли в принадлежащий Жану Люксембургскому замок Болье, где пленница пробыла до конца августа, затем Жан отвез ее дальше на север в другой замок – Бореуар. Тем временем продолжались переговоры, касающиеся дальнейшей судьбы Жанны. Ее нынешний хозяин хотел выиграть и в материальном, и в политическом смысле как можно больше, выгодно передав ее англичанам, церкви, а может, и французам. Вот только Карл и пальцем не пошевелил для того, чтобы выкупить ту, которая сделала его королем Франции. Между тем Филипп Бургундский вовсе не спешил потребовать у своего вассала Деву и отдать ее англичанам. Историки выяснили: герцог писал Карлу, прозрачно намекая, в том числе, и на то, что тот может за определенные уступки вернуть Жанну себе. Карл же, отвечая, никак не отреагировал именно на эти места в письмах Филиппа. Не будем забывать и о том, что в руках французов находились виднейшие английские полководцы Суффолк и Тальбот, но и обмен французы англичанам не предложили. Более того, упомянутый уже Реньо де Шартр распространил в своей епархии послание, в котором упрекал Жанну в том, что она «не следовала никогда ничьим советам».

До того как Орлеанская дева попала в руки своих самых ненавистных врагов, в замке Бореуар с ней обращались вполне сносно. К ней прониклись особой симпатией жена и теща Жана Люксембургского. Они даже выпросили у главы семьи отсрочки для его пленницы, когда он уже готов был отдать ее англичанам. Есть даже сведения, что позже по настоянию этих женщин Жан пытался сам выкупить Жанну при условии, что она «поклонится никогда больше не воевать против англичан и бургундцев». Дева гневно отказалась. В конце концов англичане заплатили Филиппу Бургундскому и его вассалу Жану Люксембургскому сумму в 10 тысяч ливров, и Жанну перевезли в Руан, где готовился знаменитый обвинительный процесс. По военным обычаям того времени такой выкуп платился за принца крови, коннетабля (главнокомандующего сухопутными силами Франции), адмирала, маршала или генерального наместника маршала. Согласившись внести столь крупную сумму за дочь крестьянина, английское правительство официально приравнивало Жанну к одной из этих высоких особ. Для сбора денег штаты Нормандии объявили чрезвычайный побор, часть которого предназначалась для выкупа «Жанны-Девы, отъявленной колдуньи и предводительницы войск дофина».

Узнав о том, что ее все же отдадут в руки врагов, девушка выбросилась из окна высокой башни Бореуара, но чудом уцелела. В дальнейшем церковные прокуроры «зачтут» ей попытку самоубийства, хотя сама Жанна утверждала, что лишь пыталась прийти на помощь бедным жителям Компьена и воспользовалась «правом, которое есть у каждого пленника – правом на побег». Кстати, нужно отметить, что

Орлеанская дева зря переживала по поводу Компьена. Этот город не сдался войскам Жана Люксембургского. Выдержав многомесячную осаду, гарнизон крепости на Уазе перешел в контрнаступление. В конце октября французы, которыми руководили боевые товарищи Жанны, нанесли противнику сокрушительное поражение.

Процесс в Руане – один из самых знаменитых процессов во всей истории человечества. До нас дошло множество письменных источников об этом удивительном действе. Конечно, многие из них недостаточно объективны и правдивы. Судьи тщательно пытались обрисовать дело в выгодном для себя свете, но многое всплыло через двадцать лет, когда состоялся процесс реабилитации Орлеанской девы.

Итак, цели обвинителей, а были ими исключительно церковники, вполне ясны – доказать, что Дева является еретичкой и колдуньей и дискредитировать таким образом все дело французской освободительной войны.

3 января 1431 года англичане передали Жанну церковному трибуналу. Для участия в процессе было приглашено беспрецедентное число священников и монахов – епископов, университетских теологов, представителей орденов, в том числе нищенствующих. Естественно, большинство из них были лишь статистами. Возглавил процесс опытный прелат Пьер Кошон – фигура исключительно любопытная. Этого человека редкого ума и хитрости мы так и не можем оценить стандартным образом – хороший-плохой. Слишком противоречива его деятельность на посту главного судьи. Вроде бы, все должно быть понятно. Искусный карьерист, бывший ректор Парижского университета, епископ Бове, явно претендующий на архиепископство в самом Руане, уже давно верой и правдой служил бургундцам и англичанам. Он активно участвовал в переговорах в Труа в 1420 году, был членом Королевского совета по делам Франции при Генрихе VI, а точнее – при герцоге Бедфорде, советником Изабеллы Баварской. Он лично вел переговоры с Филиппом о продаже англичанам Жанны, которую имел основания не любить еще и потому, что дважды снимался с насиженного места, когда города сдавались войскам Карла VII. Нет ничего удивительного в том, что именно он стал главным судьей главного врага англичан и бургундцев. Но его действия в ходе самого процесса не столь однозначны. Мы вернемся к ним чуть ниже. В середине марта к епископу Бове присоединился второй судья – инквизитор Нормандии Жан Леметр. Идеологами и «продвигателями» обвинения были не лишенные таланта представители Парижского университета: Жан Бопер, Никола Миди и Тома де Курсель; лично преданный Кошону бовеский клирик Жан д'Эстиве; приближенный Бедфорда, теруанский епископ Людовик Люксембургский – брат Жана Люксембургского. Людовик был одним из доверенных лиц регента, а с 1425 года – канцлером Франции, выполнявшим самые сложные поручения англичан. Многие считают, что этот молчаливый человек, на самом деле, руководил всеми действиями трибунала. Адвокатов у обвиняемой не было.

Весь процесс проходил под пристальным наблюдением английских властей, чего они, собственно, и не скрывали. Здесь, в столице Нормандии, находились и комендант города граф Ричард Уорвик, и кардинал Винчестерский (Генри Бофор), постоянно наезжал и сам герцог Бедфорд. Теперь Деву держали в Буврейском замке в настоящей камере, в кандалах. Ее охраняли пять английских солдат, позволявших себе самые оскорбительные ругательства в адрес арестантки. Кстати, это было прямым нарушением процессуальных норм. Жанну должны были поместить в женское отделение архиепископской тюрьмы, где за арестантами наблюдали специальные монахини. Это было далеко не единственное нарушение традиций и конкретных законодательных норм на процессе в Руане.

По указанию Кошона, вероятно, было проведено предварительное следствие. С этой целью специальная комиссия посетила родину Орлеанской девы, где расспросила ее земляков. Однако фактически ничего предосудительного следователям найти не удалось. Жители Домреми и окрестностей характеризовали Жанну как добрую католичку, а не колдунью и еретичку. Как показал один из свидетелей на оправдательном процессе двадцать лет спустя, Кошон был крайне недоволен результатами работы комиссии. «Человеку, который собирал сведения о Жанне, не выплатили денег, потому что собранную им информацию епископ счел негодной. И в самом деле, он заявил мне, что хотел бы слышать о своей собственной сестре то, что говорили о Жанне», – так говорил свидетель.

Слушания начались 21 февраля 1431 года. Жанну попросили поклясться на Евангелии в том, что она будет говорить правду. В ответ Девственница заявила, что не знает, о чем ее будут спрашивать. Несмотря на долгие уговоры, подсудимая поклялась говорить правду лишь в отношении матери, отца и о том, что делала с тех пор, как отправилась во Францию^[35]. Об откровениях же, получаемых от Бога, Жанна не собиралась рассказывать подробно, ссылаясь

на какие-то ранее данные клятвы. Время от времени она переставала отвечать на такие вопросы, однажды посоветовала обратиться непосредственно к Карлу.

Обвиняемую допрашивали очень интенсивно – раз, а то и два в день, в том числе в ее камере. Эти допросы продолжались по три-четыре часа. На процессе Жанна вела себя смело, если не сказать дерзко. Не раз она грозила судьям, что те еще не знают, с кем имеют дело. В другой раз она грозила «надрать уши» судьям, пытавшимся исказить ее слова. Постоянно Жанна указывала, что уже отвечала на тот или иной вопрос и предлагала справиться у секретарей. Оказалось, что девушка обладает хорошей памятью и ясностью мышления, что очень помогло ей при путаной манере членов трибунала вести процесс, перекрестных допросах и постоянных перескакиваниях с одной темы на другую.

По общему признанию, ей удалось обойти практически все скользкие моменты, все ловушки, расставленные ей искушенными богословами. Нередко заданные ей вопросы не подразумевали ни положительного, ни отрицательного ответа. Например, Жан Бопен как-то спросил у обвиняемой, считает ли она, что находится в благодати. Ответ «да» свидетельствовал бы о гордыне, ответ «нет» – об отречении от Господа. Жанна ответила: «Если я не в благодати, пусть Господь пошлет ее мне, если в благодати, пусть Бог хранит меня в ней». В другой раз ее спросили, может ли она еще впасть в смертный грех. Ситуация та же, нельзя отвечать ни «да», ни «нет». Жанна говорит: «Мне об этом ничего ни известно, я во всем полагаюсь на Господа». (Впрочем, этот ее ответ был все же истолкован в нужном суду духе, как и многие другие ее ответы и слова, на то существовала специальная редакционная комиссия, исправлявшая протоколы заседаний.) Такие ответы позволили историкам говорить или о поразительной интуиции и природном уме Орлеанской девы, или о полученном в свое время неплохом образовании. Один из ходов Жанны был особенно силен. Когда ей предложили прочитать молитву, она попросила Кошона исповедовать ее (нормальная просьба перед молитвой). Руководитель процесса сделать этого не мог, поскольку после исповеди не имел бы права быть судьей.

Вероятно, в связи с неожиданной «прыткостью» ответчицы, судьи приняли решение превратить процесс из открытого в закрытый, хотя, надо сказать, особых волнений в Руане в поддержку Девы Жанны и не было. Поэтому-то процесс и состоялся не в Париже, как того изначально требовали богословы университета, а здесь – в центре оккупированной англичанами территории.

Жанне было предъявлено несколько основных обвинений. Первое касалось дьявола, с которым Дева якобы вступила в связь как раз под «деревом фей» в Домреми. Однако сформированная комиссия, на этот раз во главе с герцогиней Бедфордской, еще раз убедилась в девственности Жанны. По средневековым же поверьям, ведьма должна была отдаться сатане при первой же встрече. Впрочем, оставались еще голоса неизвестной природы. Они особенно интересовали судей. Какие это были голоса, исходил ли от них свет, на каком языке они говорили, почему они давали такие советы, а не этикие... Жанна или уклонялась от ответов, или с обезоруживающей непосредственностью отвечала на вопрос, были ли одеты святые: «А вы думаете, Богу не во что одеть своих ангелов?» и т. д. в том же духе. Несмотря на то что никакой конкретной информации из Орлеанской девы выжать не удалось, парижские эксперты дали нужное трибуналу заключение: предмет, характер и цель «откровений», а также отвратительные личные качества обвиняемой указывали на то, что «голоса» и видения Жанны представляют собой «ложные, обольстительные и опасные наваждения».

Другой «важной уликой» был мужской костюм Жанны. Вообще-то, это и в самом деле не согласовывалось с церковными правилами. Но для обвинения в ереси – тем более на показательном процессе, целью которого было убедить в виновности Жанны как можно больше ее соотечественников, – этого было явно недостаточно. Вот что писал по этому поводу один теолог после победы французов под Орлеаном: «Бранить Деву за то, что она

носит мужской костюм, значит рабски следовать текстам Ветхого и Нового Заветов, не понимая их духа. Целью запрета была защита целомудрия, а Жанна, подобно амазонкам, переделалась в мужчину именно для того, чтобы надежнее сохранить свою добродетель и лучше сражаться с врагами отечества». На процессе Жанна утверждала, что надела мужское платье по велению голосов, но согласилась надеть женское платье для мессы. Так что, последовавшие обвинения в том, что она упорствует в своем нежелании носить женскую одежду, не соответствовали действительности.

Кроме того, Орлеанскую деву обвиняли в кровожадности, но она твердила, что всегда пыталась сначала воздействовать на врагов путем переговоров – и это была чистая правда. Жанне вменяли в вину нападение на Париж в Богородицын день, нарушение христовой заповеди прощения (Дева отдала под суд одного из пленных бургундцев), непослушание родителям (она, видите ли, ушла из дома, не спросив разрешения у супругов д'Арков), ношение корня мандрагоры, очень интересовались «волшебными свойствами» ее меча и знамени (как же еще ей удавалось брать неприступные крепости, лишь прикоснувшись к их стенам древком флага?). В отношении последних двух предметов, которые пытались представить талисманами, врученными Жанне дьяволом, трибунал ждала неудача. На знамени был начертан девиз «Иисус-Мария», а меч был найден, как вы помните, в церкви, а также был украшен пятью крестами – какая уж тут нечистая сила!

Судей интересовали мельчайшие подробности биографии подсудимой. Не все удалось узнать им от Жанны, не все знаем в результате и мы. Слишком часто Дева отвечала уклончиво. Крестил ее, насколько она знает, священник из Домреми, крестными были такие-то люди, но, как ей говорили, были у нее и другие крестные матери (?). Даже фамилию свою Жанна отказалась называть, в детстве, мол, ее называли Жанеттой, сейчас зовут Девой Жанной. А вот фамилию родителей, пожалуйста – д'Арк. Произнесено это было, кстати, с лотарингским акцентом – «Тарк». Кстати, в то время частицу «д» вообще не выделяли апострофом – писали «Дарк», «Тарк» и даже «Дэй». В привычном нам виде эту фамилию впервые записал один орлеанский поэт лишь в конце XVI века.

Надо сказать, что акцент, с которым говорила Жанна, историки удостоили отдельного анализа. Эти исследования могли бы пролить свет на происхождение героини. Итак, на вопрос Сегена, одного из судей на первом процессе в Пуатье: «На каком языке говорит ваш голос?» – она ответила: «На языке, который лучше, чем ваш». Сеген в протоколе уточнил, что сам он говорил на диалекте Лимузена с сильным акцентом.

Об особенностях языка Девы мы узнаем из показаний свидетелей на оправдательном процессе, который был устроен через много лет после руанского. Жан Паскерель, духовник Жанны, приводит ее обращение к Гласдейлу: «Glasidas, rends-ti, rends-ti au roi du ciel» (Гласидас, сдавайся! Сдавайся Небесному королю!). Здесь, как видим, стоит «И» вместо «toi». Из письма от 16 марта 1430 года к жителям Реймса явствует, что Жанна произносила «ch» (ш) вместо «j» (ж). Так, клерк, не расслышав «joyeux» (веселый) написал «choyeux» (изнеженный); затем, памятуя об акценте Жанны, он зачеркнул слово и написал его правильно. Что касается часто употребляемых Жанной слов «en nom De» (au pot de Dieux – во имя Бога), то это выражение типично для жителей Лотарингии.

Следовательно, Жанна говорила на французском языке, но с лотарингским акцентом (этот акцент сохранился и ныне). В Лотарингии к концу слова прибавляли «i» (и), а звук «э» произносили как «е». Домреми – «пограничная марка» в долине верхнего Мёза. Независимо от того, входила ли она в состав Французского королевства или Священной Римской империи, эта область оставалась французской – и по нравам, и по языку, а говор ее жителей, ее культура и искусство испытывали сильное влияние провинции Шампань.

Начиная с XIV века разговорная речь жителей Парижа и Иль-де-Франса (центральной французской области) получила наибольшее распространение среди знати. Именно этот язык вскоре стал языком официальных королевских документов. На севере же говорили на языке

ойль, а на юге – на языке ок. Некоторые районы сохранили свои собственные фразеологизмы. Это касается, например, Бретани и Гаскони, а также Страны Басков. Во Фландрии, в Булонэ и в Калези говорили на фламандском языке. На юге в противовес классической латыни получил распространение романский язык, или так называемая вульгарная латынь (разговорная речь). В Лимузене говорили на «лемози», а в Провансе – на «пруенсаль».

Кстати, надо сказать, что противники французов в Столетней войне отлично их понимали. В Англии унификация языка на основе лондонского диалекта происходила только с XIV века. Начиная же с нормандского завоевания здесь триста лет говорили на искаженном французском, на англо-нормандском, но в XIV веке ситуация изменилась. Перелом произошел при Ланкастерах, которые отныне говорили только по-английски. Еще Эдуард III требовал, чтобы судебные процессы велись на английском языке, а затем протоколы составляли на латыни: в 1363 году впервые (!) парламент в Вестминстере вел заседания на английском языке. Следующий король Ричард II говорил по-английски, но еще прекрасно понимал французский язык. Позже всех начали употреблять английский язык в своих сделках пивовары Лондона – лишь с 1422 года.

В военных документах формулировки менялись в зависимости от того, были ли они написаны в Англии английским писарем или же во Франции, где французский писарь писал то, что слышал. Употребление национального языка не четко определено в договоре, заключенном в Труа, но подразумевается, что оно облегчит «отношения завоевателей с побежденным населением и поощрит его самолюбие, позволит легко найти на месте чиновников и писарей, а не приглашать их из Англии». Таким образом, в английских армиях иногда встречались и французские писари. Во Франции в военных документах англичане употребляли французский язык и офранцуживали свои имена.

Широко распространена гипотеза, согласно которой, не вмешайся Жанна, «французский язык имел бы больше шансов задуть только что зарождающийся английский язык». То есть Орлеанская дева со своими национальными идеями вызвала такое раздражение у англичан, что те инициировали в противовес масштабную культурную кампанию, направленную против всего французского. Но историки Режи́н Перну и Мари-Вероник Клэн полагают, что эта гипотеза не имеет под собой оснований. Они утверждают, что широкое использование французского языка в английских документах было не более, чем следствием того, что французский становился языком дипломатии. Он не мог поглотить английский – так же, как не поглотил гораздо позже русский, хотя вся российская аристократия и пользовалась им более чем широко.

Но вернемся к процессу. Несколько раз в Руане Жанна просила время на обдумывание ответов. В связи с этим существует версия, что она продолжала поддерживать тесную связь с внешним миром, представителями которого могли быть очень влиятельные персоны или их агенты. Среди людей, которые пытались помочь, называют и Иоланту, и короля Карла, и Уорвика, и даже самого герцога Бедфорда. Более того, есть предположение, и оно заслуживает внимания, что и сам Пьер Кошон делал все от него зависящее для того, чтобы поддержать «еретичку». Он и затягивал всеми способами сам процесс, и требовал от обвиняемой отречения от грехов, чтобы избежать казни, и не подверг Жанну пыткам – традиционному и законному в то время способу судебного дознания, и вообще – все его процессуальные ошибки якобы лишь готовили почву для аннулирования возможного приговора через несколько лет. Исследователи обращают внимание и на тот примечательный факт, что от участия в процессе уклонился генеральный инквизитор Франции Жан Граверен. Вместо себя, как мы уже писали выше, он направил на процесс руанского инквизитора Жана Леметра, да и тот появился на суде лишь 13 марта, через три недели после его начала. Один из сторонников альтернативных версий о судьбе Жанны М. Давид-Дарнак в книге «Досье Жанны» считает такую безучастность инквизиции следствием тайного сговора Кошона и

Граверена. Предполагают, что Кошон мог действовать в интересах влиятельных заступников Жанны, которых хватало и с английской, и с французской стороны. Откуда столько? Об этом в свое время.

Не получив явных доказательств того, что Жанна впала в ересь, суд решил добыть их искусственно. К ней временно был посажен провокатор, разговор которого с доверившейся ему Девой подслушивали Кошон и секретари в соседней комнате. В один не очень прекрасный день к Жанне в камеру явилось несколько священников, срочно потребовавших ответа на вопрос, подчиняется ли она «воинствующей церкви». Руанская пленница была в недоумении: что такое воинствующая церковь, она не знала. Наконец через несколько дней она осторожно заявила: «Я пришла к королю Франции от Бога, Девы Марии, святых рая и всепобеждающей небесной церкви. Я действовала по их повелению. И на суд этой церкви я передаю все свои добрые дела – прошлые и будущие. Что до подчинения церкви воинствующей, то я ничего не могу сказать». В делах «святой войны» Жанна вообще была очень щепетильна и уже не раз подчеркивала, что воюет под непосредственным контролем небес, без посредников. В общем, это «отречение» и хотели получить святоши. Под «воинствующей церковью» подразумевалась церковь земная во главе с папой и кардиналами.

Суд приступил к подготовке обвинительного документа. Его авторами стали д'Эстиве и де Курсель. Документ состоял из 70 статей и был оглашен в два приема – 27 и 28 марта. Жанна-Дева обвинялась в том, что она была «колдуньей, чародейкой, идолопоклонницей, лжепророчицей, заклинательницей злых духов, осквернительницей святынь, смутьянкой, раскольницей и еретичкой». Она «предавалась черной магии, злоумышляла против единства церкви, богохульствовала, проливала потоки крови, обольщала государей и народы, требовала, чтобы ей воздавали божественные почести». В документе указывалось огромное количество прегрешений Жанны – опять всплыла, вроде бы уже отброшенная судом мандрагора, вымышленная дружба в детстве с проститутками и ведьмами, попытка соблазнить того самого юношу, которому юная Жанна отказала, скупка предметов роскоши, подлог меча в церкви и прочая, и прочая... Оказалось, что мэтры перехитрили сами себя. Обвиняемая стойко защищалась, и на второй день Кошону уже было ясно, что безмерно раздутый документ д'Эстиве никуда не годится. Слишком много бессмысленных и ненужных обвинений попытались использовать в своей работе авторы. Епископ Бове дал указание подготовить новое заключение, в котором сосредоточиться на основных пунктах: отказ от подчинения воинствующей церкви, дьявольские голоса, ношение мужской одежды. Кроме того, необходимо было избавиться от слишком очевидных политических пунктов, в которых Жанна обвинялась, собственно, в деятельности против англичан. Новое заключение готовил Никола Миди.

Документ Миди содержал уже лишь 12 статей. Здесь остались «голоса» и «видения», злосчастное «дерево фей», мужской костюм, непослушание родителям, попытка самоубийства, уверенность в спасении своей души, отказ подчиняться «воинствующей церкви». Через много лет, во время процесса реабилитации Жанны, богословы и законники вынесут документу, составленному Никола Миди, уничтожающий приговор. «Что касается "Двенадцати статей", – скажет теолог Гильом Буйе, – то лживость их очевидна. Составленные бесчестно и с намерением ввести в заблуждение, они искажают ответы Девы и умалчивают об обстоятельствах, которые ее оправдывают». Римский канонист Паоло Понтано заявит, что этот документ составлен неполно, лживо и клеветнически. Даже Великий инквизитор Франции Жан Брегалль отзовется о «Двенадцати статьях» как о плоде злого умысла и коварства.

Сей документ судьи разослали экспертам с просьбой дать заключение – можно ли на основании подобных обвинений вынести приговор по делу веры. Конечно, подавляющее большинство «экспертов» в этом нисколько не сомневались, а некоторые даже удивлялись,

зачем собирали столько свидетельств, если одно желание навредить англичанам – уже прямо указывает на дьявольские козни.

Суд вступил в следующую стадию. Жанну начали уговаривать отречься от своих грехов. В это время она тяжело заболела. Естественная смерть Лотарингской ведьмы в планы англичан никак не входила. Поэтому комендант Руана граф Уорвик приставил к ней лучших врачей. Они выходили Орлеанскую деву, продлив ей жизнь на месяц. В зале суда от нее опять потребовали отречения от грехов. «Мне нечего вам сказать. Когда я увижу костер, то и тогда повторю лишь то, что уже говорила» – таков был ответ Девы Жанны. То же она повторила 9 мая, когда ей показали орудия пыток. 23 мая в распоряжении трибунала было определение Парижского университета, совпадавшее с мнением большинства экспертов. Жанна опять отказалась отречься. Председатель трибунала объявил слушание дела оконченным. Вынесение приговора было назначено на следующий день.

Утром был разыгран очередной спектакль. Жанну вывезли на кладбище аббатства Сент-Уэн, где в присутствии массы горожан поставили на помост. Перед ней стояла тележка палача, проповедь жутким голосом начал читать пламенный оратор, специально приглашенный Кошоном странствующий священник Эрар. Глава руанского суда счел, что Жанна скорее послушает незнакомого священника, чем кого-либо из присутствовавших на заседаниях. Темой проповеди мэтр Эрар взял текст из Евангелия от Иоанна: «Лоза не может приносить плоды, если она отделена от виноградника». По его словам, Жанна своими действиями поставила себя вне церкви. Трижды Эрар просил Деву отречься от грехов, и трижды она отказывалась это сделать. Кошон начал зачитывать приговор. Согласно ему, церковь передавала осужденную в руки светской власти, что было равносильно смертному приговору, хотя священники и просили земных владык «обойтись без повреждения членов». Сожжение члены не повреждало, а уничтожало... Наконец Жанна прервала эту трагическую речь и закричала, что примет все, что постановили судьи и церковь. Тут же ее заставили произнести вслед за протоколом слова покаяния. Кошон поменял смертный, по сути, приговор на пожизненное заключение, церковное отлучение с «еретички» сняли. До сих пор не ясно, в чем именно покаялась народная героиня. Очевидцы на реабилитационном процессе вспоминали, что она произнесла не более шести строк, в то время как официальный документ с перечнем всяческих мерзостей и грехов, от которых отреклась Жанна, содержит полсотни строчек убористого шрифта. Снова уловка мэтра Кошона? Совершенно ясно только то, что девушка отреклась от голосов и обещала не носить больше мужской костюм.

Судилище, однако, на этом не закончилось. Англичане не собирались оставлять в живых символ всей борьбы французов. «Не тревожьтесь, сэр. Мы ее снова поймем», – сказал Пьер Кошон Уорвику, и он знал, о чем говорил. Дело в том, что, если Жанна нарушила бы свои обещания, ее следовало практически немедленно казнить уже без проволочек. Сразу же после представления на кладбище Сент-Уэн началась следующая серия. Жанне обещали поместить ее в женскую тюрьму, но не выполнили обещание – отвезли на старое место в замок Бувре, опять заковали в кандалы, обрили голову, одели в женское платье. 28 мая Кошон уже обнаружил пленницу в мужском костюме. Этот эпизод по-разному толкуется историками. Одни считают, что епископ специально нарушил свое обещание, понимая, что гордая девушка обязательно выкинет что-нибудь в таком роде. Очень распространена версия, что Жанну вынудили переодеться охранники по наущению своих начальников. Они отобрали у нее женское платье, и ей для того, чтобы выйти и справить естественную нужду, пришлось одеть то, что солдаты подкинули. Принимая эту гипотезу, не все исследователи едины во мнении – был ли в курсе сам Кошон, не стало ли для него это неприятным сюрпризом. Кстати, сама Жанна вроде бы сказала епископу, что надела мужской костюм, потому что ее обманули. Более того, Дева усугубила свою вину, рассказав, что опять общалась со святыми, которые скорбят о ее предательстве, и добавив, что проклиная себя

за отречение. Это был последний допрос Жанны д'Арк. Этим же вечером трибунал принял решение о передаче подсудимой светским властям. Кошон распорядился доставить Деву на площадь Старого рынка утром следующего дня.

На рассвете 30 мая 1431 года, в среду, за Жанной пришли. Она исповедалась и причастилась. По улицам ее везли в повозке, закрыв лицо специальным колпаком. На площади был сложен костер. Несколько сотен солдат городского гарнизона стояло между местом казни и толпой, английские власти приказали забить ставнями все окна, выходящие на площадь. Никола Миди прочел проповедь, а Кошон опять торжественно передал Жанну в руки светской власти: «...мы решаем и объявляем, что ты, Жанна, должна быть отторжена от единства церкви и отсечена от ее тела, как вредный член, могущий заразить другие члены, и что ты должна быть передана светской власти...» Рассказывали, что, прочтя приговор, Кошон прослезился. Возможно, так оно и было. Затем он опять официально попросил англичан избавить «преступницу» от смерти и повреждения членов и сошел с помоста. Жанну подвели теперь уже к королевскому судье. Тот должен был зачитать смертный приговор, но вместо этого, видя нетерпение англичан, махнул рукой палачу: «Исполняйте свой долг». Грубейшее нарушение процедуры! Жанна д'Арк так и не была приговорена к смерти никакой судебной инстанцией, но ее все же сожгли. Дощечка на столбе, к которому привязали девушку, гласила: «Жанна, называющая себя Девой, вероотступница, ведьма, окаянная богохульница, кровопийца, прислужница Сатаны, раскольница и еретичка». Костер догорел около 16 часов. Палач по велению властей разгреб дрова и показал далеко стоящей толпе обугленные останки.

Вскоре англичане, Кошон и Парижский университет разослали во все концы сообщение о том, что та, кого французы называли Дева, мертва. Такие официальные извещения получил и Папа Римский, и император Священной Римской империи, и духовенство, дворянство и горожане оккупированных районов Франции. Как показывают некоторые источники, ни для кого не было секретом, почему на самом деле сожгли воительницу – англичане мстили ей за успехи на ратном поприще и хотели дискредитировать коронованного в Реймсе Карла VII.

Пепел и кости Жанны бросили в Сену. Рассказывали, что сердце Орлеанской девы не сгорело. Некий преданный сторонник Жанны якобы смог собрать на месте казни обугленные фрагменты ее тела и одежды, теперь хранящиеся в музее Жанны д'Арк в Шинонском замке. Ученые утверждают, что Деву сжигали трижды. На первом костре она умерла, задохнувшись от дыма. Позже было обнаружено, что ее внутренние органы остались целы, и для них был зажжен второй костер. Палачи хотели добиться, чтобы от Орлеанской девственницы не осталось ничего, кроме пепла, поэтому затем была проведена и третья кремация.

В начале 2006 года врачи больницы Раймона Пуанкаре во французском городе Гарш объявили о своем намерении исследовать предполагаемые останки Жанны. Исследование ДНК костных останков (считается, что это ребро) должно было занять около полугода, сообщил генетик Филипп Шарлье. «Мы не сможем сказать: "Да, это Жанна", – пояснил он, – но сумеем понять, принадлежали ли эти фрагменты девятнадцатилетней женщине, сожженной в 1431 году». В декабре 2006 года от Шарлье поступило новое сообщение.

Полученные данные, по словам доктора, не дают возможности дать четкий ответ, но «вероятность того, что речь идет о французской героине, уменьшается». «Эти останки не подвергались воздействию огня, и вещество черного цвета на фрагментах костей не является обугленными органическими веществами, оно имеет растительное или минеральное происхождение», – рассказал судмедэксперт газете La Repubblica. Кроме того, экспертиза подтвердила факт, установленный при исследовании останков Орлеанской девы в 1979 году: что часть костей принадлежит... коту! Но как раз это не удивляет исследователей. «По мнению некоторых историков, нахождение в кострищах котов или других животных, ассоциируемых с дьяволом, вполне возможно», – сказал Шарлье.

* * *

Это далеко не вся история «Жанны, называемой д'Арк». Дело в том, что Жанна продолжает жить тысячью различных жизней. В одних она погибает, в других спасается. В одних рождается в семье старосты, в других – в королевском дворце. Наш рассказ был бы неполным, если бы мы не коснулись хотя бы основных «альтернативных» гипотез о жизни и смерти Орлеанской девы.

В первую очередь речь пойдет о ее происхождении. Мы уже тем или иным образом затрагивали эту проблему. Итак, девушка в 17 лет отправляется к наместнику Вокулёра – многоопытному и сановитому Бодрикуру. Реакция того кажется естественной только вначале, когда он смеется над крестьянкой из Домреми. Но затем он снаряжает ее к королю. Причем до этого к нему прибывает гонец от самого монарха, и этот же гонец входит в первую свиту Жанны. Уже что-то не так. При дворе явно знают о новой пророчице. Еще до прибытия Жанны в Шинон Дюнуа сообщает жителям Орлеана, что им на помощь придет Лотарингская дева. Откуда такая уверенность и такая осведомленность?

Далее Жанна получает аудиенцию и за несколько минут добивается невиданного расположения короля. Она показывает совершенно неожиданные для пастушки умения – езда верхом, владение рыцарским оружием, знание этикета... Все это наводит на мысль, что никакая она не крестьянка, а принадлежит к дворянскому сословию. Об этом говорят и другие факты. Интимное обследование Жанны проводят самые родовитые дамы королевства, Жанна фамиллярничает с герцогами, она получает собственный герб и рыцарские шпоры, она демонстрирует умение командовать. Она возглавляет французскую армию! А ведь в эпоху Средних веков сословные различия куда важнее национальных интересов. Дворянин и разговаривать-то не всегда станет с тем, кто располагается ниже него по социальной лестнице. А тут объятия, коленопреклоненные просьбы, Жанну называют «моя госпожа», «могущественная дама» и т. п. Есть ряд других примечательных фактов. К примеру, уже после казни Жанны и возвращения Карла Орлеанского во Францию, он наградил Пьера дю Ли (бывшего Пьера д'Арка) орденом дикобраза, который по правилам мог быть вручен только представителю дворянского рода не менее чем в четвертом поколении.

Но на дворянстве Жанны сторонники неортодоксальной версии не останавливаются. Они разработали теорию «бастардизма» (от слова «бастард» – незаконнорожденный), согласно которой, Жанна – дочь Изабеллы Баварской и ее многолетнего любовника, брата Карла VI, Людовика Орлеанского.

Начиная с 1392 года у короля Карла VI периодически случалось помрачение рассудка. Он избивал королеву, позже просто перестал выносить один ее вид. Одновременно он терял и влияние на ход событий и нити управления государством, которые перешли к его супруге. Изабелла сделала все, чтобы изолировать короля, все больше превращавшегося в марионетку. Кроме того, она вступила в интимные отношения со своим деверем – Людовиком, герцогом Орлеанским. Эта связь продолжалась много лет. По всей видимости, королева родила от любовника не одного ребенка. Вовсе не исключено, что одним из них был и будущий король Карл VII, появившийся на свет в 1402 году.

Согласно хроникам, 10 ноября 1407 года Изабелла родила ребенка, который умер буквально на следующий день – его только успели крестить. В одних книгах он именуется Филиппом, в других – Жанной. Рождение его произошло при загадочных обстоятельствах, королева разрешалась от бремени не в традиционном месте – замке Сен-Поль, где рождались другие, официально «законные» ее дети.

Во-первых, совершенно ясно, что этот ребенок не мог быть сыном давно уже безумного Карла. Скорее всего, отцом был как раз его брат. Но останков дитяти так и не нашли, через несколько дней Людовик «весело обедает» (так сказано у хрониста) со своей любовницей.

Какое веселье, если только что умер ребенок? По мнению «бастардистов», этим ребенком и была Жанна, которая вовсе не умерла, а была отправлена к своим приемным родителям в Домреми.

Архиепископу Эмбрюонскому Жаку Желю принадлежит сочинение под названием «Орлеанская дева». Оно, судя по всему, было написано до того, как Жанна отправилась на освобождение Орлеана. Может быть, спрашивают скептически настроенные историки, в прозвище отмечена не особая роль Девы в освобождении города на Луаре, а принадлежность Жанны к Орлеанскому дому? Ведь и граф Дюнуа именовал себя Бастардом Орлеанским до того, как возглавил оборону этого города.

Французский историк Э. Шнайдер в 1952 году издал книгу «Жанна д'Арк, ее лилии, легенда и история», в которой доказывал королевское происхождение главной героини книги. Любопытно, что Шнайдер был истовым католиком, личным другом римского папы, почетным гражданином Ватикана. В письмах к своим коллегам он утверждал, что в ватиканских архивах видел документы, прямо указывающие на то, что Жанна была дочерью Изабо Баварской и Луи Орлеанского. Однако друзья-священники якобы очень просили Шнайдера не использовать в своей работе эти документы. А были это протоколы показаний, которые давали судьи из Руана перед лицом папы, когда были специально для этого вызваны в Рим. Итак, Жанна, по убеждению Шнайдера, абсолютно точно принцесса крови.

Не поэтому ли Жанна отказывалась называть себя фамилией д'Арк? Не поэтому ли не было принято называть мать Жанны Изабеллой, а предпочитали именовать ее простонародным Забийеттой? А непереносимое желание освободить находившегося в английском плену Карла Орлеанского? А цвета одежды? А меч на гербе, напоминающий традиционную геральдическую полосу незаконнорожденности? Да и особое отношение двора к предполагаемой принцессе крови становится более понятным, и фраза Жанны при первой встрече с д'Алансоном – «Королевская кровь собирается».

Хорошо также объясняется этой версией ответ Жанны при прибытии в Шинон на вопрос, сколько ей лет. «Трижды семь», – ответила Дева. Напомним, что дело было в 1429 году. Официальный год рождения Жанны, 1412-й, никак не получается. Любопытны также показания разных ее друзей и знакомых на реабилитационном процессе. Люди, которые должны были лучше всех знать все подробности биографии своей подруги и родственницы, не могли твердо ответить на простейшие вопросы: где она родилась, сколько ей было лет...

Некоторые ученые утверждают, что видения Жанны являются следствием наследственной болезни. Они указывают на то, что галлюцинациями страдали и жена короля Карла V Мудрого Жанна Бургундская, и Луи Орлеанский.

Совсем в другом свете видится нам и Руанский процесс. Выходит, что судили сестру французского короля, тетку малолетнего английского короля (напомним, что его мать Екатерина – дочь Изабо), сестру Карла Орлеанского, тетку Жана д'Алансона, свояченицу Филиппа Бургундского... Не слишком ли много влиятельных родственников, которые не должны были допустить казни Жанны Орлеанской?

Так мы переходим ко второму блоку версий, которые касаются уже смерти Жанны. Слухи о том, что она не умерла, поползли по стране сразу после вести о руанском костре. Вот лишь некоторые цитаты из трудов XVI века.

В «Бретонской хронике» (1540) сказано: «Дева была сожжена в Руане или была осуждена на это». С. Шампье в «Корбале для дам» (1503) пишет, что Дева, по мнению англичан, была сожжена в Руане, но французы это отрицают. В поэме Ж. Шатлена «Воспоминания о чудесных приключениях нашего времени» говорится: «Хотя, к великому горю французов, Дева была сожжена в Руане, она, как стало известно, потом воскресла».

Историки же находят для таких утверждений свои основания. Во-первых, не осталось никаких документов, в которых Жанне выносился бы приговор, но и никаких документов о

подготовке казни чисто хозяйственного характера – подготовка дров, оплата палачу и т. п. Сам палач Жофруа Тераж якобы не узнал Жанну, которую хорошо знал в лицо. Люди, как уже было сказано, стояли очень далеко от помоста, по показанным останкам определить личность казненной не представлялось возможным, солдаты не пускали ближе, ставни в домах забиты, тело брошено в реку... На голове у привезенной на казнь женщины колпак, закрывающий все лицо. Похоже на инсценировку? Возможно. Примечателен тот факт, что перед казнью Жанну не соборовали. А ведь от этой процедуры в XIV и XV веках были избавлены только дети и те, кто вел праведную жизнь. Судьи не считали Деву ребенком и уж точно не могли официально признать, что она вела праведную жизнь. Не следует ли отсюда вывод, что ее попросту не собирались казнить, а потому и не соборовали?

Кто мог бы спасти Жанну д'Арк? На этот вопрос можно дать разные ответы. Жиль де Рэ, Карл VII, даже сам герцог Бедфорд. Два французских историка в середине прошлого века якобы обнаружили остатки подземного хода, который вел из камеры в руанский дворец регента. Дело в том, что жена герцога Анна Бургундская симпатизировала пленнице, ратовала за облегчение ее тюремной участи, подарила ей женское платье, сшитое по мерке. Могли быть свои интересы и у графа Уорика, чей родственник Тальбот находился в плену, а Карл якобы грозил ему отомстить, если с Жанной что-то случится. Как тогда понимать слова, брошенные после последнего допроса Кошоном Уорику: «Не беспокойтесь, с ней покончено»?

Но если Жанне д'Арк удалось спастись, куда она делась после этого? И здесь имеем пеструю картину версий. Укрылась в замке Филиппа Доброго, нашла приют в Риме, «работала» францисканским агентом. Исследователи обратили внимание на замок Бувре, в котором содержалась Жанна во время процесса. Внутри главной башни этого замка, по сообщениям некоторых исследователей, открывается колодец. Он сообщался с подземным ходом, который вел в так называемую башню «К полям», развалины которой еще в конце XX века можно было увидеть в одном из домов по улице Жанны д'Арк. Во время Второй мировой войны этот самый подземный ход использовало в своих целях руанское гестапо. Возможно, по нему вывели накануне «казни» и Орлеанскую деву.

Через четыре года после того, как костер в Руане сжег женщину, называемую Жанной Девственницей, другая женщина появилась в Лотарингии. Ее некоторые хронисты также называют Жанной. В «Летописи», написанной в начале XVI века неким Филиппом де Виньёлем из Меца, написано: «В воскресенье, в 20-й день мая 1436 года, девица, именовавшая себя Клод, одетая по-женски, была явлена как Жанна Девственница, и найдена она была в некоем месте подле Меца... и были там два брата названной Жанны, каковые удостоверили, что то была она». О том же говорит относящаяся к тому же времени «Мецкая летопись настоятеля собора Святого Тибо». Признали в женщине Жанну и глава старшин Меца, и губернатор этого города. Само появление именно в это время самозванки или истинной Жанны в Лотарингии, вероятно, не случайно. То был год, когда королевские войска, возглавляемые бывшим соратником Орлеанской девы де Ксентраем, собирались воевать за лотарингские земли со ставленником бургундского герцога. Не исключено, что маршалы попытались разыграть ту же карту, которая сыграла в Орлеане – поставить во главе армии Деву-воительницу. В дальнейшем, возможно, именно эта женщина стала знаменитой Дамой де Армуаз.

Супруга Робера де Армуаза сеньора де Тишемон, Жанна де Армуаз, еще до свадьбы пыталась вмешиваться в политические интриги в Германии, где она проживала в городе Кельн. По сообщению хрониста Жана Нидера, написавшего труд «Формикариус» в 1437 году, Жанна встала на сторону одного из двух претендентов на пост архиепископа в Трире. Впрочем, ей пришлось довольно быстро покинуть Кельн и перебраться в Арлон в Люксембурге, к одной из своих покровительниц. Дело в том, что ее активное вмешательство

в политику вызвало раздражение германской инквизиции, которая готова была признать в ней Орлеанскую деву... чтобы отправить на костер как еретичку, что решил еще суд в Руане.

Из Арлона Жанна направилась в Мец, где вышла замуж за Робера де Армуаза, кстати, кузена уже знакомого нам Робера де Бодрикура, который был близко знаком с Орлеанской девой и помог ей в свое время добраться до места, где находился двор Карла VII. Некоторое время Жанна де Армуаз довольно активно вела себя на политической арене во Франции, выдавая себя за Деву Жанну. Разнообразные летописи и документы позволяют сторонникам версии о тождественности Жанны д'Арк и Жанны де Армуаз утверждать, что последняя, пользуясь заработанным в свое время авторитетом, возглавляла войска под Ла-Рошелью, Бордо, Байонной. Более чем любопытно, что она вошла в переписку и встретилась со своими «братьями», которые признали в ней сестру. Еще более любопытно, что в Орлеане, где многие прекрасно помнили свою спасительницу, в 1439 году госпожу де Армуаз встречали с соответствующими почестями. Жану дю Ли муниципалитет выплатил некоторую сумму за связь, которую он осуществлял между городом и своей сестрой уже после 1431 года, а Изабелла Роме от этого же муниципалитета получала сначала пенсию, как «мать Девы Жанны», но только с 1449 года – как мать «покойной Девы Жанны». (А именно в этом году умерла Жанна де Армуаз.)

Дама де Армуаз встречалась и с Жилем де Рэ, который даже поручил ей командовать войсками на севере от Пуату.

Так же тепло, как и в Орлеане, ее приняли в Туре. Королевский камергер Гийом Гуфье утверждал, что в одном из садов Орлеана в сентябре 1439 года даже состоялась встреча Жанны де Армуаз с королем Карлом VII, который также якобы признал в ней Жанну д'Арк. Правда, эти слова камергера Карла нам известны на основе гораздо более позднего (1516 год) свидетельства.

А вот по дороге в Париж ее арестовали, поставили в столице к позорному столбу и вынудили признать, что она лже-Жанна: в свое время участвовала в боях, переодевшись солдатом, тогда у нее якобы и появилась мысль о том, чтобы выдать себя за Орлеанскую деву. Существует легенда, что в наказание за совершенный обман Робер де Армуаз посадил жену в сумасшедший дом. Но нынешние де Армуазы утверждают, что Робер никогда бы не женился на женщине, не убедившись в том, что она та, за кого себя выдает. Они продолжают чтить Жанну как самую славную из предков. Об уверенности Робера в том, что его супруга – Дева Жанна, свидетельствуют и два герба, сохранившихся на стене главного зала замка Жолни, в Мерт-и-Мозеле. Построенный примерно в 900 году, замок Жолни перешел в 1357 году в собственность к графам Армуазским. В 1436 году, женившись на Жанне, Робер Армуазский его перестроил и значительно расширил. Тогда-то, судя по всему, и произошло объединение короны и герба графов Армуазских с короной и гербом Жанны.

Интересно, что даже полное портретное сходство не обеспечивало де Армуаз легкого обмана. У подлинной Орлеанской девы были особые приметы – красное родимое пятнышко за ухом и ряд характерных шрамов на теле, полученных в баталиях.

Обобщая все доводы, французский историк Жан Гримо, автор книги «Была ли сожжена Жанна д'Арк», пишет: «Отношение Робера Армуазского и всей его родни, хорошо известной в Лотарингии, дары, преподнесенные братьям дю Ли, посланникам графини Армуазской, высокие почести, которыми их удостоили, и невозможность массовой галлюцинации у жителей Орлеана – все эти бесспорные факты начисто опровергают точку зрения тех, кто считает Жанну Армуазскую самозванкой. Летопись настоятеля церкви Сен-Тибо, архивы Орлеанской крепости, нотариально заверенные бумаги – все это есть единое и нерушимое доказательство подлинности ее личности; все это с лихвой перевешивает любые предположения, основанные на вероятности».

Впрочем, скептически настроенные коллеги Гримо постарались сделать все, чтобы не оставить от его теории камня на камне. И надо сказать, они добились на этом поприще больших успехов. Удары наносили статьи М. Гарсона, Р. П. Донкера, Ф. Эрланже, Ш. Самарана и Р. Перну. Летопись настоятеля церкви Сен-Тибо является главным свидетельством в ее защиту. Она была найдена в 1645 году священником Жеромом Винье, он списал отдельные страницы этой рукописи и заверил их у нотариуса. Через 40 лет эта копия была опубликована его братом. Однако существует и другой вариант этой же летописи. В свое время настоятель внес в рукопись поправки, и вместо фразы: «В оном году, мая XX дня явилась Дева Жанна, которая была во Франции...» – он написал: «В оном году явилась некая девица, которая назвалась Французской девой; она так вошла в свой образ, что многих сбила с толку, и главным образом – людей весьма знатных». Остается только доказать, что это признание не является позднейшей вставкой, сделанной другим автором или переписчиком.

Одновременно с первой копией брат Жерома Винье опубликовал и брачный контракт Жанны и Робера де Армуаз, в котором новобрачная названа Жанной Девственницей. Скептики считают этот контракт фальшивкой, больше его никто и никогда не видел. Впрочем, в 1920 году профессор Альбер Байё создал группу журналистов, чтобы поведать им о сделанном незадолго до этого открытии. Оказывается, в 1907 году во Френ-ан-Буавр он держал в руках брачный контракт Робера де Армуаза и Жанны Девственницы. Подпись невесты была совершенно такой же, как та, что находится на письме Жанны жителям Реймса от 16 марта 1430 года. К несчастью, подтвердить или опровергнуть эту информацию уже не представлялось возможным, поскольку в результате артобстрелов деревня Френ-ан-Буавр в Первую мировую войну была полностью разрушена, и все нотариальные архивы исчезли. Это, по мнению сторонников традиционной версии, является лишним доказательством того, что доводы в пользу «воскрешения» Девы – фальсификация и блеф.

Что же касается признаний, то критики вспоминают, что во многих подобных случаях самозванцев встречали с распростертыми объятиями. Так было со лжеуорвиками, лжедмитриями, лжелюдовиками XVII. «Суеверный народ, – утверждает Морис Гарсон, – не желает верить в смерть своих героев и зачастую начинает слагать о них легенды прямо в день их смерти». О братьях же Жанны писал Анатоль Франс: «Они верили в это, потому что им очень хотелось, чтобы это было именно так». Отношение братьев дю Ли к неизвестной помогает понять один факт. Спустя шестнадцать лет, в 1452 году, объявилась еще одна самозванка, называвшая себя Жанной д'Арк. Ее признали двое двоюродных братьев настоящей Жанны. Кюре, призванный быть свидетелем по этому разбирательству, заявлял, что оба брата были необычайно сговорчивы, тем более что за это, когда девица гостила у них, «их кормили и поили всласть совершенно даром».

То, что во время визита графини Армуазской мать Жанны д'Арк проживала в Орлеане, можно только предполагать. Первое дошедшее до нас упоминание о жизни Изабеллы Роме в Орлеане относится к 7 мая 1440 года – то есть спустя год после визита графини Армуазской.

Объяснить ослепление жителей Орлеана тоже можно – на примере другого массового психоза, имевшего место примерно в то же самое время. В 1423 году в Генте объявилась какая-то женщина в сопровождении «целой армии поклонников», и никто так никогда и не узнал, кто же она была на самом деле: то ли расстриженная монахиня из Кельна, то ли знатная дама при австрийском дворе. Во всяком случае она называла себя Маргаритой Бургундской, сестрой Филиппа Доброго, вдовой Людовика, герцога Гийеннского, сына Карла VI. Самозванку не только никто не попытался изобличить, но в течение нескольких недель «ей вместе с ее свитой оказывались высочайшие почести, как настоящей принцессе, и при этом ее личность ни у кого не вызывала ни тени сомнения».

Доверяют скептики и признаниям, сделанным Дамой де Армуаз, когда ее арестовали в Париже. Из сообщений такого документа, как «Парижский обыватель», известно, что в августе 1440 года эта женщина в присутствии судебных властей громко и четко призналась,

что выдавала себя за Жанну д'Арк, что она не Дева, что она обманным путем вышла замуж за благородного рыцаря, родила ему двоих сыновей и что теперь глубоко раскаивается в содеянном и молит о прощении. Затем самозванка рассказала, как она убила свою мать, подняла руку на родного отца и потом отправилась в Рим вымаливать прощение у папы; для удобства она переделалась мужчиной, а по прибытии в Италию участвовала, как заправский воин, в ратных делах. Вернувшись в Париж, она не пожелала расстаться с доспехами и, поступив в какой-то гарнизон, вновь занялась ратными делами.

Историк Леруа де Ламарш обнаружил в Национальном архиве документ, который свидетельствует, что в 1457 году король Рене вручил письменное помилование некой авантюристке, задержанной в Сомюре за мошенничество. Речь идет о какой-то «женщине из Сермеза», и в упомянутом документе сказано, что «она долгое время выдавала себя за Деву Жанну, вводя в заблуждение многих из тех, кто некогда видел Деву, освободившую Орлеан от извечных врагов королевства».

Лже-Жанны появлялись и до Дамы де Армуаз, и после. Одна, как уже было сказано, в 1452 году в Анжу, признанная двумя кузенами Орлеанской девы, другая – несколькими годами позже. Это была некая Фрерон из городка поблизости от Мана. Обеих быстро разоблачили. По всей видимости, одна из самозванок выдавала себя и за Жанну де Армуаз.

Мы, наверное, никогда не узнаем, сожгли ли Девственницу на костре в Руане, или то была какая-то уж точно ни в чем не повинная женщина. Что же касается происхождения, то, конечно, не стоит думать, что сторонникам традиционной версии нечего ответить своим оппонентам. И возраст Жанна д'Арк называла на самом деле разный и, судя по всему, как и многие крестьяне того времени, просто его не знала. И сама по себе сложнейшая операция по перевозке очередного незаконнорожденного ребенка подальше от Парижа в места, граничащие с враждебными Людовику Орлеанскому бургундцами, кажется нелепой. Это все для того, чтобы Дева пришла именно «из Лотарингии»? Таких легенд много, половину из них пускают в народ сами провластные идеологи. Владение копьем и мечом? Утка хронистов плюс возможность обучиться этому искусству у местных ополченцев в беспокойном Домреми. Манеры? Еще одна утка. Узнавание Карла в Шиноне? Возможно, Жанне просто описали короля до этого. Да, не исключено, что Иоланта Арагонская ухватила за идею встряхнуть французское войско таким необычным способом. В то время религиозное воодушевление имело огромное значение, люди хотели верить и верили в чудеса. Узнав о необычайной харизме лотарингской прорицательницы, например от Робера де Бодрикура, видевшего, какое влияние оказывает «одержимая» на население Вокулёра и окрестностей, теща дофина могла решиться на такой смелый шаг, дав Жанне беспрецедентные полномочия, но все же окружив ее самыми способными военачальниками и контролируя каждый ее поступок. Почести, оказываемые Жанне? Но речь ведь шла не об обычной крестьянке, а о полусвятой, к которой благоволит королевская семья. Вспомним, как много позволяли представители самых древних родов, самых славных фамилий шутам, любовникам, парикмахерам, личным врачам самодержцев.

Существует гипотеза, что возвышению Жанны способствовал и так называемый Третий францисканский орден. Эта влиятельная организация плела интриги и установила связи со многими сильными мира сего. Во времена Жанны францисканцы во Франции стремились представить себя покровителями «простых людей». Закулискому влиянию ордена приписываются и поступки военачальников, и многие повороты английской политики.

* * *

Снятие осады Орлеана оказалось переломным моментом в ходе всей Столетней войны. Жанна д'Арк не увидела конец английского владычества своими глазами, но, несомненно, приблизила его.

Стремясь восстановить моральный паритет, кардинал Винчестерский собственноручно короновал своего племянника двойной короной Англии и Франции в Париже в декабре 1431 года. Но мало кто воспринял эту церемонию всерьез. Даже герцог Бургундский отклонил предложение присутствовать на коронации Генриха VI, ограничившись сдержанным и официальным поздравлением, переданным через послов. В самой державе Филиппа Доброго было неспокойно. Города Фландрии и Бургундии отказывались оплачивать военные мероприятия герцога. Льеж восстал. Другие города были готовы последовать его примеру. В начале 1430-х годов резко ухудшились внешнеполитические позиции герцогства: Карл VII заключил союз с германским императором Сигизмундом, который был встревожен распространением бургундского влияния на нижненемецкие земли. Все это заставило герцога Бургундского сменить лагерь. 21 сентября 1435 года Филипп Добрый подписал в Аррасе мирный договор с представителями Карла VII. Бургундия выходила из войны и обещала Франции дружественный нейтралитет. Филипп удерживал за собой Пикардию и Артуа, Карл уступал ему графства Маконэ и Оксеруа, а также несколько городов в Шампани. Мир с Бургундией развязал Франции руки для борьбы с главным противником.

13 апреля 1436 года французская армия освободила Париж. Сбылись слова Жанны, сказанные на суде: «Не пройдет и семи лет, как англичане потеряют свой самый ценный залог во Франции». Кошон бежал из столицы в Нормандию, где и умер шесть лет спустя. Еще ранее (в 1435 году) умер герцог Бедфорд. Изгнание англичан происходило медленно, но неотвратимо. Французское правительство упорядочило государственные финансы и произвело военную реформу. В конце 40-х годов был освобожден Иль-де-Франс, французы вступили в Нормандию. В 1449 году они полностью заняли эту область, наместником которой стал граф Дюнуа. Одновременно на юге страны развернулись операции по освобождению Гиени. Здесь англичане оказали особенно упорное сопротивление, так как им грозила потеря земель, которыми они владели почти три столетия. Первоначальный успех французов, занявших летом 1450 года Байонну и Бордо, оказался непрочным: в октябре 1452 года у стен Бордо высадилось семитысячное английское войско, и столица Гиени была вновь потеряна французами. Впрочем, ненадолго. 17 июля 1453 года у городка Кастийон – сюр – Дордонь произошло сражение, в котором англичане потерпели сокрушительное поражение. Это была последняя битва Столетней войны. 19 октября авангард французской армии вступил в Бордо.

Следует рассмотреть еще одни события конечной стадии Столетней войны. В 1440 году после 25-летнего пребывания в плену во Францию вернулся сын Луи Орлеанского, Карл Орлеанский, которого собиралась освободить Жанна. Хроники свидетельствуют, что в отношениях между герцогом и Карлом VII всегда была враждебность. В том же году взбунтовалась знать. Движение получило наименование «Прагерия». Его возглавлял Жан, герцог Алансонский, участвовал в Прагерии и Жан Дюнуа. Причиной бунта могло быть как раз возвращение герцога Орлеанского. Дело в том, что будь Карл VII незаконнорожденным сыном, на престол мог претендовать Карл Орлеанский – законный сын Луи Орлеанского и его жены. В 1464 году в Туре Карл Орлеанский опять восстал против короля Франции – на этот раз против Людовика XI, а в следующем году герцог Орлеанский примкнул к антикоролевской Лиге общественного блага вместе с будущим герцогом Бургундским Карлом Смелым. Претензии Карла Орлеанского могут рассматриваться как причины появления на исторической арене Жанны, одной из декларируемых целей которой было освобождение его из плена. Но с другой стороны, та же Жанна короновала человека, бывшего препятствием для герцога Орлеанского в осуществлении его целей.

Только в самом конце войны Карл VII решил воздать должное той, кто посадил его на трон. Сразу после ее казни он сделать этого не хотел. Во-первых, это было бы воспринято

как недружелюбный жест по отношению к герцогу Бургундскому, с которым как раз шли важные переговоры. Во-вторых, тогда Карлу еще нужен был Парижский университет для будущего идеологического оформления собственного прихода к власти. Гораздо позже он лишит Сорбонну влияния.

В 1450 году Карл VII дал поручение произвести предварительное расследование обстоятельств суда над Жанной. Так начался реабилитационный процесс. Им руководил профессор того самого Парижского университета, который поддержал приговор руанского суда, Гийом Буйе. Кассация решения церковного суда в Руане была возложена на римскую курию. В какой-то момент дело застопорилось из-за ухудшения отношений между Карлом и Папой Римским Николаем V. Папа был недоволен Буржской прагматической санкцией 1438 года, которая ограничивала права его представителей на территории королевства. Весной 1455 года Николай V умер, а на его место благодаря поддержке французских кардиналов стал испанец Альфонсо Борджиа под именем Каликст III. Он тут же дал указание продолжить оправдательный процесс.

Король хотел очиститься от обвинений в связях с колдуньей, из рук которой он и получил свою корону. Истицей по делу формально выступила Изабелла Роме, сам король не пожелал им стать. Кстати, именно в ее прошении Жанна едва ли не впервые названа Жанной д'Арк. Поиск свидетелей был непростым делом. Кошон умер, доминиканцы объявили, что не знают, где находится монах их ордена инквизитор Жан Леметр. Однако более десяти человек, входивших в состав руанского суда, все же нашлись. Процесс в том или ином виде продолжался шесть лет, были опрошены сотни свидетелей, в том числе непосредственные участники Руанского процесса, которые из кожи вон лезли, чтобы помочь реабилитации бывшей обвиняемой. Всплыли все нарушения процессуальных норм в Руане, вся ложь, которую вписывали в протоколы, все издевательства и ловушки, устроенные для Жанны. Больше всего шишек досталось уже покойному к тому времени Кошону. Свои заключения давали юристы и теологи. Любопытно, что Изабелла Роме в качестве свидетеля приглашена не была, что заставляет еще раз задуматься об истинном происхождении Жанны д'Арк. Зато выступали другие люди, знавшие Жанну с детства. Вероятно, тогда уже и создавалась легенда о бедной пастушке. Академик Л. Бертран говорит о «пресной поэтизации» детства народной героини. «В ходе оправдательного процесса показания свидетелей выглядели так, как будто они подчинялись общему указанию...» – пишет этот историк. Показателен и тот факт, что следователи вовсе не рассматривали период деятельности Жанны между коронацией в Реймсе и судом в Руане. Совершенно очевидно, что освещение подробностей штурма Парижа и пленения Жанны при Компьене не входили в планы короля, чья роль в этих событиях выглядела крайне неблагоприятно. Избежали ответственности и живые на тот момент руанские судьи, и парижские богословы, которые теперь были лояльны к французскому монарху.

7 июля 1456 года в том же руанском дворце, где в свое время заседал трибунал Кошона, председатель нового трибунала зачитал приговор, в котором перечислил злоупотребления суда 1431 года и отметил, что «названное дело запятнано клеветой, беззаконием, противоречиями и явными ошибками правового и фактического характера». Жанна и ее родные объявлялись очищенными от пятна бесчестия.

*** * ***

Орлеанская дева проживает еще одну историю – теперь уже на театральных подмостках и страницах книг. В значительной степени представления современников об этой фигуре строятся именно на сведениях, полученных из произведений искусства, более чем на информации из научных книг – которых тоже немало.

Только во время правления Карла VII и его преемника, то есть за пол столетия, историю Жанны д'Арк изложили 22 французских, 8 бургундских и 14 иностранных хронистов. К ним следует добавить 9 поэтов, которые в XV веке воспели подвиг Девы Франции. Книги о ней появлялись и в XVI, и в XVII веках. В частности, в Орлеане.

Впервые Жанна стала героиней театральной постановки в 1435 году в упоминавшейся уже «Мистерии об осаде Орлеана». В этом произведении насчитывается 20 529 стихов и более ста действующих лиц, в том числе, сама Жанна д'Арк, Богородица, Бог, святой Михаил, а также святые Эверт и Эн्यान – покровители города. «Мистерия» появилась еще во время реабилитационного процесса и, возможно, принадлежит перу Жака Милле. Она неоднократно ставилась в Орлеане.

В конце XVI века иезуит Фронтон де Дюк написал пьесу «Трагическая история девственницы из Домреми» и посвятил ее королеве Луизе Водемонской, супруге Генриха III, прибывшей в Лотарингию на воды Пломбьера. Эта пьеса была сыграна 7 сентября 1580 года для Карла III Великого, герцога Лотарингского.

В 1570 году Жирар дю Айан издал работу «О состоянии дел Франции», которая являлась одной из первых национальных историй страны. Дю Айан подвергал сомнению чудодейственный аспект миссии Жанны д'Арк и повторял слухи, по которым Жанна была любовницей либо Дюнуа, либо Бодрикура. Естественно, большинство соотечественников этого автора не соглашались с ним. Зато, по понятным причинам, полностью разделяли его негативное отношение англичане. В знаменитой драме гениального Шекспира «Генрих VI», написанной между 1592 и 1594 годами, Жанна – ведьма и распутница, проклятая своим родным отцом и справедливо возведенная на костер.

В разгар религиозных войн во Франции во второй половине XVI века Жанну д'Арк считали некоей покровительницей католиков в борьбе против протестантов. На исходе века она стала очень популярной героиней спектаклей.

Романтическая героиня, пример для добродетельных женщин – такова Дева в произведениях французских литераторов XVII века. Если в XVI веке было написано две пьесы о Жанне д'Арк, то в XVII – три, но ставили их гораздо чаще: «Трагедия Жанны д'Арк» Вирея де Гравье шла в Руане в 1600 году, затем в 1603 году в театре Марэ, в 1611 году в резиденции герцога Бургундского. Текст этой стихотворной драмы переиздавали в Руане и в Труа по крайней мере восемь раз. Между тем трагедия состоит из пяти актов, снабжена длинными и скучными монологами, в ней нет ни доли правды. Например, главная героиня рождается в деревне Эперне...

В 1642 году в театре Марэ играли «Орлеанскую деву», трагедию Ла Менардьера, который, надо сказать, был личным врагом брата короля Людовика XIII, т. е. Орлеанского дома. Автор соблюдает правила трех единств; действие происходит в день смерти Жанны. Сюжет – чистая выдумка. Жанна влюбляется в Уорвика. Супруга последнего становится, естественно, безжалостной соперницей девы-воительницы. Именно она при пособничестве епископа Бове, названного здесь Каншоном, старается ускорить казнь пленницы, Уорвик готовит побег, но Жанна отказывается и погибает... Пьеса не имела успеха, но вызвала скандал. Мадемуазель де Сюдери встала на защиту чести Девы, она организовала своего рода литературный турнир, на котором прославляли спасительницу Франции.

Век Просвещения дополнил историю Жанны враждебно настроенными сочинениями рационалистов, атаковавшими церковь. Вольтер в знаменитой «Орлеанской деве» изобразил Средние века как коррумпированную, варварскую, невежественную эпоху, он видел в Жанне лишь орудие политической игры. Бернарден де Сен-Пьер в «Истории человеческой природы» писал: «Смерть Жанны д'Арк произвела бы еще большее впечатление, если бы гениальный человек решился устранить всю нелепицу об этой достойной и несчастной девушке, в честь которой в Греции возвели бы храмы».

Образ Жанны д'Арк явно не вполне устраивал идеологов революции; в 1793 году праздники в ее честь были запрещены, а статуи переплавлены. Но вскоре она опять заняла почетное место в пантеоне национальных героев. В 1801 году свою трагедию «Орлеанская дева», в которой прославляется подвиг Жанны, издал Шиллер. Он хотел дать ответ Вольтеру: «О Дева... насмешка тебя втоптала в грязь... но не бойся. Есть еще прекрасные души, которых воспламеняет все великое...» Шиллер не заботится об исторической правде и заставляет Жанну влюбиться в английского солдата и покровительствовать любви Агнессы Сорель к королю (между прочим, Агнессе в 1429 году было семь лет). У немецкого романтика Жанна непосредственно от всемогущего и воинственного Бога получает власть над оружием и волшебный шлем при непереносимом условии никогда не грешить. Этот шлем потеряет свою силу, как только она влюбится. Шиллер отказался и от процесса, и от костра – Дева, захваченная в плен, чудом освобождается от цепей и возвращается, чтобы умереть в торжественной обстановке в присутствии короля и всего двора.

В это же время Наполеон Бонапарт вновь разрешил празднования в честь Жанны д'Арк в Орлеане. «Знаменитая Жанна д'Арк, – возвестил он, – доказала, что французский гений может творить чудеса, когда независимость в опасности». Тридцать четыре пьесы о Жанне д'Арк появилось в период с начала XIX века и до 1870-х годов и сорок восемь – в последнее тридцатилетие века. В одной из постановок героиню сыграла неподражаемая Сара Бернар. В XIX и XX веках Жанне посвятили свои произведения лучшие мастера: Марк Твен, Поль Гоген, Шарль Гуно, Петр Чайковский, Анатоль Франс, Бернард Шоу, Жан Ануи.

В начале XIX века Пьер Каз впервые выдвинул версию о том, что Жанна – побочная дочь Изабеллы Баварской. После оккупации антинаполеоновской коалицией Лотарингии в 1815 году одно имя Девы вызывало всплеск энтузиазма у французов. Муниципальный совет Орлеана наградил золотой медалью людей, сохранивших дом, где она родилась, Людовик XVIII выдал кредиты, необходимые для возведения памятника в Домреми. Образ Девы использовался сторонниками монархии. Мишле, опубликовавший в 1833–1844 годах шесть первых томов «Истории Франции», описал Жанну как символ национального духа французского народа: «Она так любила Францию! И Франция, растроганная, сама полюбила себя». Ее считали «своей» как республиканцы, так и их противники. В частности, духовенство, которое активно начало разрабатывать тему возможной канонизации героини. В конце XIX века между левыми и правыми во Франции разгорелась нешуточная борьба за то, чьим кумиром будет Жанна. О ней вспоминали в связи с идеями реванша после того, как восток Франции в результате войны 1870–1871 годов оказался в руках немцев.

В XX веке наряду с официальными панегириками выросло число публикаций, которые ставят все новые и новые вопросы о жизни и деятельности Жанны. Выдвигаются все новые версии, основные из которых изложены и в нашем очерке.

Читателю, вероятно, будет небезынтересно узнать, что одну из версий о происхождении и судьбе Жанны выдвинул украинский антрополог С. Горбенко. Он уверен, что настоящее имя Орлеанской девы – Маргарита де Шампдивер. Исследуя останки в саркофаге собора Нотр-Дам де Клеры Сан-Андре неподалеку от Орлеана, Горбенко обнаружил, что женский череп, хранившийся вместе с черепом короля, принадлежал не королеве Шарлотте, умершей в 38 лет, а совсем другой женщине, которой было не менее 57 лет. Ученый пришел к выводу, что перед ним – останки Жанны д'Арк, которая в действительности была незаконнорожденной принцессой дома Валуа. Ее отец – король Карл VI, а мать – его многолетняя любовница Одетта де Шампдивер.

Возможно, очень близко подошел к разгадке тайны Жанны д'Арк известный философ и историк Роже Каратини. В его сравнительно недавно изданной монографии «Жанна д'Арк: от Домреми до Орлеана» утверждается, что Жанна была душевнобольной девушкой, которую ловко использовали в собственных целях политики и высшие военные чины, стремившиеся пробудить в душах французов ненависть к Англии. Все сражения, якобы выигранные

французами под водительством Жанны, были мелкими стычками, и, кроме того, как считает Р. Каратини, сама дева не участвовала ни в одном из них и ни разу в жизни не обнажала меч. Она была лишь своеобразным живым талисманом французской армии.

Споры не прекращаются, регулярно сообщается о новых документах, «подтверждающих» вторую жизнь Жанны после казни, ее королевское происхождение и т. д. Историк М. Лами в конце XX века писал, что дебаты приобрели резкий характер и «нужно признать, что представители разных точек зрения часто осыпали друг друга оскорблениями».

Житие святой Жанны легло в основу шестнадцати кинокартин, первая из которых была снята во Франции еще в 1898 году, а самой известной является лента Люка Бессона. Она – главная национальная героиня Франции, символ ее борьбы за независимость, символ рождения французской нации. Ежегодно, 8 мая, в день победы под Орлеаном в стране отмечается День Жанны д'Арк. Центром празднования является, конечно, город на Луаре. Церковь же почти век назад канонизировала Орлеанскую деву под именем святой Иоанны. Это произошло в 1920 году по указу папы Бенедикта XV и при активном финансовом участии французского правительства.

Примечания

1

Клерикализм: – идеологическое и политическое течение, стремящееся к усилению влияния церкви.

2

Клир – в христианской церкви совокупность священнослужителей и церковнослужителей, то же, что духовенство.

3

Понтификат – власть и период правления римского папы. Один из титулов папы – понтифик.

4

Эдикт – в **Древнем Риме** предписание, приказание должностного **лица**.

5

Экзархат – военно-административная единица в Византии **VI–VII веков**.

6

Эмиссар – лицо, посылаемое какой-либо политической или государственной организацией с определенным поручением.

7

В одних книгах Иоанну называют англичанкой, в других – немкой. Некоторые германские авторы были убеждены, что немцев в течение очень долгого времени не избирали на папский престол именно из-за присутствия на нем в свое время немки из Майнца. Вероятно, недавнее избрание Йозефа Ратцингера свидетельствует о том, что курия не обращает на это внимания.

8

Интердикт – временный **запрет совершать на территории, подвергшейся** наказанию, религиозные обряды.

9

Пенитенциарий – начальник пенитенциарии, римского учреждения, раздающего именем папы отпущения грехов и диспенсации – акты, отменяющие закон для данного случая.

10

Минориты – члены нищенствующего **ордена** францисканцев.

11

Василевс (базилевс) – титул византийского императора.

12

Схизма – раскол в христианской церкви.

13

Клюнийское движение – движение за реформу монашеской жизни и церкви, центром которого было Клюнийское аббатство в Бургундии. Возникло в X в. как протест против падения нравственности монашества и духовенства, против вмешательства светских властей в церковную жизнь. В ходе Клюнийского движения сложилась клюнийская конгрегация монастырей. Она была строго централизованной и возглавлялась аббатом Клюни.

14

Никейский султан – глава государства, созданного сельджуками на бывших византийских землях в Малой Азии. Государство носило название Иконийский, Румский, или Сельджукский султанат. Столицей его в описанное время был город Никея.

15

Вельфы – немецкий княжеский род, боровшийся за власть с Гогенштауфенами.

16

Ливы – финноязычный народ, живший в древности в северных и западных частях Латвии.

17

Альбигойские войны – крестовый поход против альбигойцев – членов еретического движения в Южной Франции.

18

Гийом (Вильгельм) Тирский (1130–1193). Французский историк, дипломат, церковный и государственный деятель, современник и очевидец крестовых походов.

19

Сервы – категория феодально-зависимого крестьянства, наиболее ограниченная в своих гражданских и хозяйственных правах.

20

Ленник – лицо, находящееся в ленной зависимости, держатель лена – земельного участка, который вассал получал от феодала на условии несения военной службы.

21

Сенешаль – в южной части средневековой Франции королевский чиновник, глава судебно-административного округа (сенешальства). На севере Франции ему соответствовали бальи, а сенешальствам: – бальяжи. Прево – чиновник, обладавший судебной, фискальной и военной властью. В XIII веке прево были поставлены под контроль бальи и сенешалей.

22

Эклектизм – неорганичное, чисто внешнее соединение внутренне несоединимых взглядов.

23

Розенкрейцеры – члены тайных (преимущественно религиозно-мистических) обществ в XVII–XVIII веках в европейских странах (прежде всего в Германии, Нидерландах, России).

24

Водь – прибалтийско-финское племя, проживавшее южнее Финского залива в северо-западной части Новгородской земли.

25

Баскак – представитель хана в завоеванных землях.

26

Йомон – период, охватывающий всю историю Японии до 300 года до н. э.

27

Мы не можем пройти мимо того любопытного факта, что традиционное изображение викингов в рогатых шлемах не соответствует действительности. Такие рога носили только жрецы при совершении определенных ритуальных действий.

28

Портленд – остров в проливе Ла-Манш.

29

Впрочем, далеко не все исследователи согласны с тем, что викинги совершили этот поход в середине IX века, а не позже.

30

Научные работы, посвященные норманнам: в Америке, появились гораздо позже. Теория открытия Северной Америки скандинавами, основанная на путешествии в Винланд сына Эрика Рыжего, была впервые выдвинута в 1705 году датским ученым Т. Торфеусом в книге «История древней Винландии». Затем после долгого перерыва, в 1837 году, датский историк и антиквар К. Х. Рафн в книге «Antiquitates American» провел всестороннюю экспертизу саг и исследовал возможные места стоянок на американском: побережье, в результате чего сделал вывод, что страна Винланд, открытая викингами, действительно существовала и находилась в Новой Англии.

31

В 1066 году власть в Англии захватили нормандцы, пришедшие из Франции во главе с герцогом Нормандии Вильгельмом.

32

Бастилия – укрепление из дерева или камня. Бульвар – полевое укрепление, рассчитанное, как и Бастилия, на круговую оборону.

33

Сын покойного герцога Людовика вот уже много лет к тому моменту находился в плену в Англии.

34

Барбакан – круговое оборонительное здание.

35

Для жителей окраинных земель поездка в центр страны носила название «поехать во Францию», так же, как и сейчас жители отдаленных городских районов могут ездить «в город».